НАЦИОНАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ НА ВОСТОКЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
профессор, заслуженный деятель науки РСФСР
Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ

РУКОВОДИТЕЛЬ АВТОРСКОГО КОЛЛЕКТИВА
М. А. ПЕРСИЦ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ НА ВОСТОКЕ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1986

Н35

Сборник продолжает серию трудов, начатую книгой «Коминтерн и Восток» (1969 г.). Авторы определяют критерии социально-экономического и культурного прогресса освободившихся стран Востока и на этой основе анализируют опыт двух путей их развития; при рассмотрении социальных конфликтов в современной деревне стран Азии и Африки оценивают революционные возможности восточного крестьянства. На примере Китая, Турции, Ирака показано идейное становление компартий восточных стран. Успехи теоретической мысли, достигнутые коммунистами Азии и Африки в наши дни, показаны на основе новейших программных документов ряда компартий. На индийском примере освещается работа коммунистов в профсоюзах.

$Н \frac{0302030000-222}{013(02)-86} 5-86$

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя работа является продолжением серии, начатой в 1969 г. выходом в свет книги «Коминтерн и Восток. Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении». Авторский коллектив, объединенный Институтом международного рабочего движения АН СССР, выпустил затем еще три книги: в 1978 г. — «Коминтерн и Восток. Критика критики», посвященную опровержению буржуазной фальсификации восточной политики Коминтерна; в 1982 г. — «Революционный процесс на Востоке», где анализировались основные явления новой и новейшей истории освободительной борьбы в Азии в целом и в ряде важнейших стран этого континента в частности; в 1984 г. — «Революционная демократия и коммунисты Востока», исследующую вопрос о генезисе, развитии и современном состоянии революционно-демократических процессов на Востоке, организационном формировании революционно-демократических партий и групп, отношении к социалистической ориентации и к коммунистическому движению. Первые три книги выпущены также на английском языке издательством «Прогресс» [1], а четвертая готовится им же к изданию. Книги вызвали интерес советской научной общественности и были хорошо приняты передовыми антиимпериалистическими силами на Востоке.

Новая, пятая работа сохраняет верность теме, определенной в предыдущих книгах, продолжает и развивает ее. Это история революционного движения в некоторых основных странах Востока со времени Великой Октябрьской социалистической революции в России и до наших дней.

В центре внимания авторов книги находится деятельность коммунистических партий, условия их формирования, политического и идейного становления, выработка программных документов в компартиях довоенного и нашего времени, особенности и трудности деятельности коммунистов в колониальных и полуколониальных, а ныне развивающихся странах. В большей или меньшей связи с этой центральной темой освещаются в книге также другие вопросы, имеющие, конечно, и самостоятельное значение. Авторы рассматривают историю профсоюзного движения Индии, выясняя при этом роль коммунистов на всех стади-

[1] The Comintern and the East. M., 1979; The Comintern and the East. A Critique of the Critique. M., 1981; The Revolutionary Process in the East: Past and Present. M., 1985.

ях его сложного пути; изучают перспективы развития крестьянского движения в странах Востока, идущих по капиталистическому пути, чем оказывают немалую помощь марксистско-ленинским исследователям в разработке обоснованного курса аграрной политики в деревне; исследуют деятельность недавно возникших на Африканском континенте псевдосоциалистических партий, фактически навязывающих своим странам капиталистический путь развития взамен социалистической ориентации, за которую ведут борьбу коммунисты и революционные демократы; обсуждают разнообразные и сложные проблемы современных революционно-демократических партий, находящихся у власти в ряде освободившихся стран Азии и Африки, и выясняют перспективы их сближения и соединения с марксизмом-ленинизмом.

В книге поднято немало вопросов, важных в теоретическом отношении и злободневных в политическом; однако центральный вопрос, который объединяет большинство разделов книги,— вскрытие истоков, определение форм, анализ последствий и условий преодоления того, что обычно именуют ленинским понятием «детская болезнь „левизны"» или сектантством. Выдвижение на центральное место такой темы вполне объяснимо. Болезнь эта наносила и наносит значительный урон коммунистическому и вообще антиимпериалистическому революционному движению на Востоке.

Авторы следуют здесь прямому указанию В. И. Ленина, написавшему в 1920 г., что чем полнее и обстоятельнее будут обнаруживаться многочисленные проявления «левизны», «тем лучше, тем скорее, с тем большей пользой для организма будет излечена» [2] «детская болезнь». Характеризуя проявления «левизны» в той или иной революционной среде, в тех или иных странах Востока, авторы менее всего склонны изображать их как случайные ошибки отдельных деятелей. Напротив, ставится вопрос о характере данного явления, о его объективности в связи со спецификой социально-экономических условий Востока, особенно на этапе формирования коммунистического движения. При этом авторы далеки от разоблачительства и вслед за В. И. Лениным показывают, что сектантские ошибки совершали вполне преданные идеалам коммунизма, делу социального и национального освобождения своих народов люди [3].

В наше время «проявления сектантства», хотя и в несколько иных формах, чем во времена В. И. Ленина, также не редкость. Если на ранних этапах эту болезнь наиболее концентрированно выражало стремление повторить на докапиталистической почве Востока российский социалистический опыт Великого Октября, минуя национально-демократическую революцию,

---

[2] *Ленин В. И.* Детская болезнь «левизны» в коммунизме.— Полное собрание сочинений. Т. 41, с. 58.

[3] *Ленин В. И.* Письмо к немецким коммунистам.— Полное собрание сочинений. Т. 44, с. 97.

то теперь наряду со старыми формулами «левизны» появились новые.

Под флагом сектантства отвергается необходимость сотрудничества с революционно-демократическими силами и антиимпериалистическими патриотическими слоями национальной буржуазии, провозглашается задача непосредственного осуществления социалистической революции взамен реальной возможности демократического некапиталистического развития [4].

Порой свидетельством изживания «левизны» признается факт провозглашения необходимости этапа национально-демократической революции. Однако этого недостаточно, поскольку подобное провозглашение не всегда подкрепляется развернутой характеристикой грандиозных и многосложных задач национально-демократического этапа, без решения которых просто невозможен переход к следующему этапу социальных преобразований.

Авторы книги стремились представить более развернутую и полную систему взглядов на современную революционную демократию и осуществить таким образом дальнейшее развитие концепции революционной демократии, изложенной в предшествующей работе [5]. Объясняется это далеко не только научно-теоретическими потребностями. В современном антиимпериалистическом движении, в общественной мысли некоторых освободившихся стран можно обнаружить известную тенденцию игнорирования революционной демократии, упрощения и принижения ее характера и значения.

Примерно в духе порочной «классовой арифметики», которая в исторически давно прошедшее время выплавилась в сектантскую формулу «класс против класса», ныне иногда обнаруживается стремление свести богатейший спектр общественно-политической жизни освободившихся стран к двум идейно-политическим цветам. Это или социализм, или капитализм, и поскольку третьего не дано, то революционные демократы, согласно вышеприведенной формуле, либо замаскированные социал-соглашатели, которые по соображениям тактики не желают раскрывать свои подлинные капиталистические устремления, либо замаскированные коммунисты, которые по тем же соображениям до поры до времени скрывают свою истинную социалистическую программу. Революционная демократия, таким образом, теряет свое, соответствующее ей классовое содержание, а политика революционно-демократических режимов сводится к лавированию, к чему-то межеумочному, к неопределенности, расплывчатости. Книга полемизирует с рассуждениями такого рода, противопоставляя им тезис о широкой социально-классовой базе революционно-демократических государств, что выражает на нынешнем этапе исторического развития ряда

---

[4] См.: Жизненность ленинской революционной тактики.— Проблемы мира и социализма. 1985, № 12, с. 52.

[5] Революционная демократия и коммунисты Востока.

освободившихся стран объективно сложившееся в них соотношение классовых, а кое-где и доклассовых (родо-племенных, патриархальных, традиционно-фундаменталистских) сил.

Таким образом, речь идет не только о наличии революционно-демократических партий и групп, но и о существовании в некоторых освободившихся странах Востока революционно-демократических государств со своей общественно-политической системой, с соответствующими социальными, юридическими и политическими формами, в которых и происходит развитие данных стран. Следовательно, сама жизнь выдвинула перед учеными важную проблему изучения и определения характера общественно-политической и правовой системы, сложившейся и складывающейся в государстве революционно-демократического типа. Решение данной, безусловно, не простой проблемы — настоятельная задача марксистов, имеющих для этого все возможности, включая известные ленинские положения о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства и демократической диктатуре революционного народа.

Революционно-демократическому развитию на Востоке противостоят процессы реакционного, регрессивного, неоколониалистского свойства, идущие курсом, угодным местному капитализму и международному империализму. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии по этому вопросу сказано следующее: «Путем политического маневрирования, посулов и подкупов, военных угроз и шантажа, а нередко и прямого вмешательства во внутренние дела освободившихся стран капитализму во многом удалось спасти сложившиеся ранее отношения экономической зависимости. На этой базе империализм сумел создать и отладить самую изощренную систему неоколониалистской эксплуатации, теснее привязать к себе значительное число освободившихся государств» [6]. Это происходит там, где авангардным партиям трудящихся не удалось добиться единства всех революционно-демократических сил и защитить демократические завоевания народа. Авторы этой книги вновь обращаются к теме трагического исхода антимонархической, народной, антиимпериалистической революции в Иране. Народ этой страны, движимый стремлением к национально-демократическому развитию и последующему социальному освобождению трудящихся, ценой величайших жертв сверг монархическую тиранию и империалистическую проамериканскую опеку. Однако с течением времени на смену монархии пришла еще более кровавая, антинародная теократическая деспотия, преградившая трудящимся массам путь к социальному прогрессу. Захватившая власть и правящая народом богословская верхушка проводит откровенно капиталистическую политику, ввергает страну в еще большую, чем прежде, экономическую и финансовую зависи-

[6] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 16—17.

мость от империализма, обрушивает особенно жестокие удары против передовых отрядов трудящихся — Народной партии Ирана, федаинов, моджахединов и других революционно-демократических организаций.

Альтернативу революционно-демократическому развитию освободившихся стран выдвигает так называемый Африканский социалистический интернационал (АСИ), созданный по инициативе правящих партий Сенегала и Туниса. В книге исследуются его идейные установки, которые отражают интересы соглашательских кругов африканской буржуазии и предусматривают проведение в отношении империализма национал-реформистской политики. Расчет делается не столько на борьбу с монополиями, сколько на сотрудничество с ними, в процессе которого якобы можно оказать на монополии моральное воздействие. Выдвигая лозунги «демократического социализма» и «африканского перепрочтения Маркса», создатели АСИ, во-первых, демонстрируют свое стремление к союзу с социал-демократией в надежде, что правительства, возглавляемые ее партиями, сумеют перестроить на справедливых началах отношения держав со странами Африки, а во-вторых, невольно обнаруживают, что озабочены изысканием более гибких форм борьбы с растущим воздействием идей научного социализма на африканские народы.

Проблематика освободившихся стран Востока, развивающихся по капиталистическому пути, представлена в книге анализом современного этапа и ведущих тенденций крестьянской борьбы. Спад социально-политической активности крестьянства в 50—60-е годы сменился здесь серьезным подъемом в 70—80-е годы. Вместо скрытых, обычно стихийных и разрозненных форм проявления недовольства теперь происходят остро конфликтные, часто организованные крестьянские выступления, перерастающие в массовые политические движения. При этом в современной аграрной борьбе более четко, чем раньше, разделяются два крупных потока выступлений. Весьма приблизительно они могут быть названы «хозяйским» и «пролетарским», что выражает сложный характер и большое разнообразие крестьянских интересов.

Два обстоятельства характерны для нынешних аграрных выступлений крестьян. Во-первых, возрастание частоты, размаха и значительности конфликтов с буржуазным государством; во-вторых, смещение центра тяжести прочих волнений в плоскость внутрикрестьянской борьбы между обуржуазивающимися верхами и пауперизирующимися низами. Примечателен формулируемый в книге вывод, что важной тенденцией социально-политического развития деревни восточных стран, идущих по буржуазному или буржуазно-помещичьему пути, следует считать возрастание роли и участия сельских трудящихся и среди них громадной массы сельскохозяйственных рабочих в активной революционной борьбе.

Выясняя место и роль коммунистических партий в борьбе

народов Востока за национальное и социальное освобождение, авторы показывают, что первостепенная задача коммунистов в напряженной обстановке 80-х годов состоит в обуздании агрессивных сил мирового империализма и предотвращении термоядерной катастрофы человечества. В этом отношении типична установка турецких коммунистов, записавших в одном из своих программных документов, что «сохранение мира... выше всяческих классовых, идеологических и политических разногласий». Борьба за мир и дружбу между народами — важнейший пункт политической платформы, на которой коммунисты сплачивают все антиимпериалистические силы современного Востока. Они целиком солидаризируются с положением, провозглашенном на XXVII съезде КПСС: «В условиях полной неприемлемости ядерной войны не конфронтация, а мирное сосуществование систем должно стать законом межгосударственных отношений» [7].

Авторы пытались в этой книге поставить и предложить решение ряда важных, по их мнению, проблем коммунистического и национально-освободительного движений на Востоке как прошлых, так и нынешних времен. Они будут полностью удовлетворены, если компетентные читатели сочтут их усилия полезными для науки и для укрепления позиций революционных сил современного Востока.

Р. А. Ульяновский

---

[7] Там же, с. 13.

Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ

О РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕМОКРАТИИ, ЕЕ ГОСУДАРСТВЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

О современной революционной демократии афро-азиатских стран в последние годы много написано, особенно в связи с новым опытом некапиталистического развития или социалистической ориентации. Серьезное изучение революционного процесса в бывших колониальных и полуколониальных странах немыслимо без рассмотрения вопроса о характере складывающихся в этих странах общественно-политических систем. В условиях общего кризиса капитализма и роста влияния научного социализма в различных странах Востока появляются и созревают концепции отхода от капитализма, некапиталистического пути развития, социалистической ориентации внутренней и внешней политики, что является результатом эволюции борьбы за национальное освобождение и социальную справедливость, сближения передовых борцов за независимость и прогресс с научным социализмом. Изучение опыта движения стран Азии и Африки по некапиталистическому пути показывает их крупные социально-экономические достижения, а также значительные объективные и субъективные трудности, которые возникают перед революционно-демократическими силами, стоящими во главе этих стран.

Революционная демократия находится в непрестанном движении, возникают ее новые формы, и поэтому необходимы все новые подходы к изучению этого предмета, его различных сторон и граней. Кроме того, развитие любой науки, а особенно науки, исследующей борьбу общественных сил, не происходит равномерно. Периоды, когда открываются принципиально новые области исследования, выдвигаются гипотезы, накапливаются, систематизируются и анализируются факты, сменяются временем подведения итогов, осмысления пройденного пути, повышенного интереса к методологии. В связи с этим можно сказать, что разработка концепции революционной демократии, ведущей силы некапиталистического пути развития или социалистической ориентации афро-азиатских народов, уже имеет свою поучительную историю.

Прежде чем анализировать современную революционную демократию, надо попытаться внести терминологическую ясность. Что означает это понятие, которым мы столь широко пользуем-

ся? Когда возникла революционная демократия? Есть ли у современных революционных демократов предшественники? Каковы исторические типы революционной демократии? Как соотносится это понятие с такими смежными концепциями, как социалистическая ориентация, национальная демократия, народная демократия и т. п.?

Рассмотрение взглядов В. И. Ленина позволяет сделать вывод, что революционная демократия — это весьма широкая социально-политическая характеристика, наполняемая реальным содержанием в конкретных исторических условиях. Революционные демократы — это люди, убежденные в необходимости отстаивать интересы народных масс революционными методами, это активные участники революционного процесса. Революционная демократия многолика и неоднородна, как многолик и неоднороден революционный процесс, перед которым различные исторические эпохи ставят особые задачи. Революционная демократия растет, углубляется и видоизменяется вместе с развитием революционного процесса. При этом она порой меняет свою классовую и политическую сущность, в ней происходит постоянная борьба, от нее отходят одни — ренегаты и колеблющиеся, и к ней приходят другие, она сплачивается на новой основе.

В. И. Ленин подчеркивал, что истории известна революционная демократия капиталистов, мелкой буржуазии, пролетариата. Но отнюдь не в каждую историческую эпоху все эти классы способны на проявления революционности и демократизма. Революционность буржуазии исчерпывается буржуазными революциями. Она сводится к минимуму, если не к нулю, там, где буржуазные революции запаздывают и на противоречия феодализма накладываются противоречия, свойственные капиталистическому обществу, которые ставят в порядок дня социалистическую революцию. Мелкобуржуазная революционность при всем своем словесном радикализме, как правило, не идет дальше общедемократических преобразований. И в Африке, и в Азии есть такие страны, в которых имел место словесный радикализм (Мали периода М. Кейты, Гана периода К. Нкрумы, Алжир периода Бен Беллы и др.). Но ничего существенного в социальной структуре общества, в развитии демократии, реконструкции хозяйства в этих странах не удалось провести. В среде революционно-демократических партий подобных стран постепенно зреет мысль, что социальная революция возможна лишь в том случае, если силы, стремящиеся к ней, встанут на позиции сознательного рабочего класса. Диалектическая оценка революционной демократии требует учета ее единства и ее неоднородности, порождающей конфликты и расколы на классовой основе. Страны Востока знают своих великих демократических мыслителей (Сунь Ятсен, М. К. Ганди и др.). Но нельзя не отметить, что в области философии никто из них не может быть сравним с Н. Г. Чернышевским, вплотную подошедшим к марксизму. Современные демократы стран Востока знают и своих якобинцев

и жирондистов, национал-революционеров и национал-реформистов, последовательных антиимпериалистов и антирасистов.

Страны Востока в эпоху крушения колониальной системы империализма дают исключительное богатство национальных и революционно-демократических движений, вовлекающих в революционный процесс различные по социально-экономическому положению и культурному уровню слои населения. Это вызвано бурными темпами современного исторического развития, приводящими на бывшей колониальной периферии к так называемому наложению друг на друга различных исторических периодов, т. е. к смешению закономерностей разных эпох. Социально-экономическое отставание Востока, порожденное веками колониального господства, привело к тому, что исторические задачи, решавшиеся в условиях независимого развития европейских стран на протяжении столетий, оказались как бы спрессованными, сконцентрированными и требуют решения в кратчайшие сроки. Капитализм еще не вытеснил феодальных, полуфеодальных и даже родо-племенных и патриархально-общинных отношений, а на повестку дня логикой всемирно-исторической борьбы ставится вопрос об обходе капитализма, об искоренении эксплуатации человека человеком.

Борьба за политическую независимость, за утверждение национального суверенитета, преодоление неоколониальной эксплуатации, ограничение и вытеснение капиталистических тенденций создает почву для расцвета революционной демократии и в то же время для острых конфликтов и столкновений в ее среде, столкновений с теми, кто забывает, что революция не может топтаться на месте. Ленинская мысль, что нельзя быть революционером, нельзя быть демократом, не делая шагов к социализму, в наши дни приобретает особую актуальность для стран Востока. Те, кто не следует этому принципу, кто настроен антисоциалистически и антисоветски, в конечном счете неизбежно оказываются в лагере реакции.

Переход авангарда революционно-демократических сил на позиции научного социализма — это не преодоление, не отрицание революционной демократии, а приобщение к ее высшим, наиболее последовательным и чистым формам. Отсюда органическая связь всякой подлинной революционной демократии с международным коммунистическим движением. Конкретная история формирования коммунистического движения Азии и Африки свидетельствует, что зачинателем этого движения была именно революционно-демократическая или национально-революционная интеллигенция, составлявшая наиболее радикальное крыло освободительной борьбы народов Востока. Причем самые последовательные и боевые элементы из ее рядов переходили к научному коммунизму через антиимпериализм, антифеодализм и гуманизм. Собственно социалистическое содержание марксизма воспринималось ими попутно и лишь потом заняло свое надежное место в ценностной шкале их политического мышления.

Пролетариат пришел в коммунистическое движение позднее, когда стал превращаться в класс для себя и обретать понимание необходимости борьбы за социалистические цели.

* * *

Опыт полутора-двух десятков стран социалистической ориентации в Азии и Африке свидетельствует об исключительном разнообразии общественной жизни в условиях революционно-демократического некапиталистического развития. Проанализировать этот огромный опыт социальных преобразований, выявить общие закономерности и особенности отдельных регионов и стран — в Азии, на Арабском Востоке, в Тропической Африке, в Латинской Америке — актуальная и сложная задача исследователей-марксистов. Вклад в ее решение вносят специалисты различных отраслей знания: философы, экономисты, историки, социологи и др.

Опыт стран социалистической ориентации свидетельствует о сложности осуществления в них прогрессивных преобразований, имеющих определяющее значение для их революционного развития. В этих условиях особенно велико значение правильного политического руководства обществом, в связи с чем повышенное внимание исследователя привлекает проблема политических систем революционно-демократических стран, механизм осуществляемого в них социального управления.

В советской литературе изучение данной проблемы началось 10—15 лет назад, что свидетельствовало о расширении фронта научной работы, о влиянии социологических методов. Ныне понятие политической системы общепризнано. Им оперирует Конституция СССР 1977 г. Закономерно его применение к обществам различной социально-экономической природы и разных исторических эпох. В наши дни вполне оправдана постановка вопроса о политических системах социализма и капитализма на разных этапах развития, о своеобразии их форм, определяемых национально-историческими особенностями отдельных стран, и о политических системах развивающихся стран, имеющих очень существенные особенности. В этих странах как бы сталкиваются разные эпохи, которые в условиях нормального, не прерванного колониальным вмешательством развития были бы отделены друг от друга столетиями. Социально-экономическая неоднородность, влияние архаической среды, традиционного, религиозного сознания, пережитки феодальных и даже патриархально-племенных отношений, этнические конфликты, незавершенность процессов формирования наций в сочетании с неодолимым стремлением к прогрессу и модернизации, к современным формам экономической, общественной, политической жизни придают политическим системам этих стран неповторимое своеобразие. К чрезвычайной пестроте и неоднородности экономических укладов, этнического состава,

религий, традиций прибавляются еще принципиальные различия политической ориентации молодых государств, которые не могут не сказаться на их политической системе. Классовая природа власти в этих странах отнюдь не однородна.

Разумеется, нужно учитывать не только особенности политических систем стран социалистической ориентации, но и известную их общность с политическими системами ряда других развивающихся государств. Цели, идеология, перспективы у них разные, а социально-экономическая база одна, и она нередко навязывает не только схожие политические структуры, но и использование близких политических методов. Лишь диалектический учет общего и особенного позволяет понять природу государств социалистической ориентации как органической части бывшего колониального или полуколониального мира, стремящихся вырваться из тисков отсталости, руководствуясь идеалами социализма.

На современном этапе в политических системах стран социалистической ориентации не может не быть элементов, которые руководствуются не социалистическими принципами, а исходят из колониального прошлого, низкого уровня социально-экономического развития и культуры, подчас порождаемой той же бывшей колониальной зависимостью, и стремятся любыми средствами решить лишь особо острые проблемы для обеспечения национального суверенитета и возможностей прогрессивного развития.

Переход к новому общественному строю всегда связан с повышенной ролью политических рычагов, используемых для ускорения развития общества в том или ином направлении. Особое значение это имеет для стран социалистической ориентации, которые готовятся совершить переход от архаичных порядков к передовому, социалистическому строю, стран, где использование политической власти, т. е. субъективный фактор, оказывает зачастую решающее воздействие на само направление развития. Именно поэтому к субъективному фактору, к политическому руководству должны предъявляться особо высокие требования. Руководители этих стран должны находиться на уровне чрезвычайно сложных задач социалистической ориентации. Они должны и смотреть в будущее, четко видеть перспективы, понимать пути развития, уметь оценивать местные проблемы и возможности в контексте мировых процессов и в то же время прочно стоять на почве национальной действительности. Политический механизм как инструмент общественного преобразования, политический авангард как его стержень представляют собой связующее звено между настоящим и будущим. Чтобы быть эффективным и прочным, этот механизм должен нести в себе черты и того и другого, считаться как с тем, так и с другим.

В этой связи следует отдавать себе отчет в том, что между идеалами и практикой социалистической ориентации, ее полити-

ческой системой не может не быть существенных различий. В значительной степени это — объективное явление, порождаемое разрывом между крайней отсталостью и высокими идеалами социализма. О том, чтобы руководствоваться в этих условиях принципами социализма во всей их полноте, нечего и думать. Политическая система неизбежно должна носить переходный характер. Однако признание закономерности известных расхождений между идеалами и действительностью не следует воспринимать как призыв к попустительству, к примиренческому отношению к порокам и недостаткам. К ним должна быть проявлена полная нетерпимость. Но этика революционного авангарда, пожалуй, единственная область, где мы вправе ожидать, а сам революционный авангард — вправе требовать от своих членов полного совпадения идеалов и практики. Во всем остальном, в том числе в политической системе, возможен своего рода компромисс, необходим переходный период.

Рассмотрение политической системы, видимо, предполагает выяснение соотношения между конституционными, а также идеологическими принципами и действительностью. Думается, что без этого включение в политическую систему понятия «политический режим» оказалось бы малопродуктивным.

Выделяя политическую систему в качестве целостного объекта исследования, мы должны отдавать себе отчет в условности этого подхода. Конечно, политическая система, в которой мы выделяем ряд составных элементов, сама по себе является лишь частью или подсистемой более широкого круга общественных отношений. Именно во взаимоотношениях с этой средой, в соответствии ее уровню, в способности воздействовать и влиять на нее в нужном направлении, иными словами, в органичности политической системы — ее конечное испытание. Политическая система, ориентированная на глубокие социальные преобразования, должна быть и частью среды и в то же время стоять выше ее. Оторвавшись от действительности в плане идеологии, политики, организационных принципов и структур, любая политическая система, как бы прекрасны ни были ее идеалы, обрекает себя на гибель. «Утонувши» в действительности, она утрачивает возможности развития, воздействия на среду и перерождается. Как найти должную меру прогресса и традиционности, верности идеалам и трезвого реализма — вот решающая проблема для политических систем стран социалистической ориентации.

Связь политического авангарда с массами, его способность постепенно поднять их до своего уровня, не навязывая непонятных им выборов и решений, исходя из их интересов, представлений, привычек, отношения к традиционным общественным структурам, к общине, к религии, к этническим общностям, к привычным для народа нормам экономической деятельности — все это аспекты той же проблемы. В самой общей форме ее можно было бы сформулировать следующим образом:

как превратить народ, воспитанный веками колониального господства в безучастности и недоверии к власти, из объекта управления в сознательного и активного участника общественной жизни. Только та политическая система, которая решит этот вопрос, окажется жизнеспособной. Ошибки в методах политического руководства, волюнтаристские просчеты дорого обходятся народным массам этих стран. Не меньшие сложности в развитии вызывает неправильное использование тех или иных политических институтов (например, передача государственным органам функций и общественных организаций, слабая демократизация политического режима).

Никакое исследование не может содержать универсальных рецептов. На основе обобщения опыта различных стран социалистической ориентации можно делать лишь общетеоретические выводы, которые нуждаются в применении с учетом конкретных условий тех или иных стран.

* * *

Теоретическое осмысление опыта государственно-правового строительства различных стран в условиях революционно-демократической государственной власти с ее неоднородным социальным содержанием имеет большое познавательное значение. Разновидности и конкретные формы таких государств можно объединить общим понятием «революционно-демократическое государство», имея в виду, как правило, существующую государственность в процессе переходного революционного развития к социализму в обход или на путях сокращения развития капитализма.

Термин «революционно-демократическое государство» имеется в трудах В. И. Ленина, употребляется в программных документах некоторых коммунистических партий для характеристики определенного этапа развития страны (например, Монголия в 1921—1940 гг.), его применяют некоторые исследователи-марксисты по отношению к странам социалистической ориентации в современных условиях, а также для характеристики некоторых возможных форм переходной государственности, если таковые возникнут в капиталистически относительно развитых странах в результате победы антиимпериалистической и антимонополистической революции на пути ее развития в социалистическую. Само по себе широкое употребление этого понятия не вызывает возражений, если при этом соблюдается непреложное марксистское требование: конкретный классовый анализ конкретной ситуации. В данном случае это означает следующее: чтобы правильно рассматривать ту или иную разновидность революционно-демократического государства, необходим тщательный анализ расстановки и соотношения классовых сил, особенностей социальной природы власти своеобразия государственного механизма, структуры государственных органов,

методов работы государственного аппарата, характеристики режима и т. д. Лишь в этом случае общее понятие революционно-демократического государства перестанет быть абстракцией, будет наполнено жизненным содержанием, а анализ его отдельных форм сможет дать практические результаты, которых наука вправе ожидать от занимающихся исследованиями весьма острых и актуальных проблем использования переходной государственности на пути установления власти трудящихся. Конкретное исследование таких форм показывает неосновательность попыток отдельных авторов представить развитие стран социалистической ориентации как вариации «вьетнамского» или «кубинского» пути. Жизнь, как известно, богаче любых заранее избранных схем, тем более механического перенесения опыта революционной борьбы одной страны на другую.

Изучение революционно-демократических государств прошлого, а также анализ современной практики позволяют сделать важные теоретические выводы об отличиях революционно-демократической власти народа от эксплуататорской государственной власти (в том числе и буржуазно-демократической государственной власти в период буржуазных революций), с одной стороны, и от социалистической диктатуры пролетариата — с другой. Хотя нужны еще дальнейшие исследования, тем не менее, видимо, можно сказать, что революционно-демократическая государственная власть отличается от наиболее демократических буржуазных режимов несколькими принципиальными чертами.

Прежде всего, революционно-демократическая власть не является диктатурой эксплуататоров (хотя и не представляет собой власти, действующей исключительно в интересах трудящихся). Ее некоторые мероприятия общедемократического характера могут отвечать интересам средних слоев и нетрудового населения, например, средней национальной буржуазии, а также интересам мелкой буржуазии, представители которой являются одновременно и собственниками и тружениками. Однако по своему характеру такая государственная власть в конечном счете соответствует конкретным интересам трудящихся, составляющих большинство нации. Последние там, где имеются исторические условия, стремятся к социализму, а предпосылки для перехода к нему создает революционно-демократическая власть. Следовательно, можно сказать, что в отличие от буржуазно-демократической государственной власти это народная и общедемократическая государственная власть трудящихся. В нашей политической и социологической литературе недостаточно специальных работ, посвященных анализу такой власти, хотя методологические основы для таких работ заложены в учении В. И. Ленина о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, о демократической диктатуре революционного народа. Мы не освоили еще в полной мере теоретического богатства этого учения. Монографических исследований

по указанной проблематике мало, что в значительной мере сдерживает и теоретическое обобщение современного опыта.

В отличие от любой буржуазно-демократической государственной власти революционно-демократическая власть является выражением воли не меньшинства, а большинства населения. Это многоклассовая власть, характер которой имеет свою специфику, поскольку в блоке демократических сил, являющемся социальной основой власти, участвуют классы с неодинаковыми, а иногда и противоречивыми классовыми интересами. В то же время нельзя представлять себе такую переходную власть как бесклассовую или надклассовую. Это классовая власть в том смысле, что она служит определенным социальным целям. И при всей ее внутренней противоречивости, по мере того как национально-демократическая революция углубляется и укрепляется, расширяя свое влияние на основные массы народа, в конечном счете она служит интересам трудящихся. Поскольку эта власть выражает волю большинства населения, она содержит некоторые социалистические «зародыши», т. е. элементы, предваряющие социалистическое государство. Они особенно усиливаются, если политическое руководство развитием революции осуществляется правильно, если к руководству революцией приходит марксистско-ленинская партия.

Значит ли это, однако, что провозглашение той или иной правящей революционно-демократической партии марксистско-ленинской партией автоматически свидетельствует о перерастании революционно-демократического государства в социалистическое, революционно-демократической власти в диктатуру пролетариата? Очевидно, что такого автоматизма не существует и не может существовать. Исторический опыт Бухарской и Хорезмской народных советских республик (1920—1924) свидетельствует, что, хотя правящими были здесь коммунистические партии, они, учитывая реальную ситуацию, сознательно и добровольно ограничивали свою политику осуществлением общедемократических преобразований. Как известно, БНСР и ХНСР не были приняты в состав созданного в 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик именно потому, что не являлись еще социалистическими государствами. Следовательно, решение этого вопроса каждый раз требует конкретного анализа, и только передовые силы данной страны (в частности, там, где она есть, марксистско-ленинская партия) могут решить, произошла ли уже трансформация революционно-демократической власти в социалистическую. Эта проблема имеет важнейшее политическое значение для современности, особенно в связи с преобразованием партий-фронтов в авангардные революционно-демократические партии, заявляющие, что они руководствуются учением научного социализма, и их постепенным развитием.

В связи со сказанным встает вопрос об отношении к тем положениям конституций некоторых стран социалистической ориентации, которые провозглашают данное государство социа-

листическим. Внимательный анализ этих документов в совокупности с положениями других публичных актов (например, национальных хартий), в контексте решений съездов правящих революционно-демократических партий свидетельствует о том, что эти положения отражают не реальную действительность, а лишь коренные чаяния народных масс, их стремление к социализму. Иначе говоря, статьям конституций придан программный характер, что свидетельствует о стремлении пройти через необходимые этапы развития. Революционно-демократическое государство — это тоже государство народное, выражающее интересы большинства. Не следует искусственно превращать его в социалистическое, поскольку такой процесс не состоится, пока революционно-демократическая власть не исчерпает все заложенные в ней позитивные возможности для преобразования общества и пока объективная обстановка, уровень развития экономики, развитие классовой борьбы трудящихся, назревшая потребность в более глубоких преобразованиях не обусловят переход к более высокой стадии народной власти — социалистической, качественно отличной от власти революционно-демократической.

В отличие от буржуазной государственной власти, которая предстает перед трудящимися как власть «сверху», методы осуществления революционно-демократической государственной власти характеризуются действиями не только «сверху», со стороны государственных органов, но и «снизу», со стороны народных масс. Непосредственное участие народных масс в осуществлении власти, проведении ряда крупных преобразований явочным порядком отражает творческую активность трудового народа, его инициативу в революционном процессе.

Конечно, степень такой активности в различных революционно-демократических государствах неодинакова. Кроме того, в отличие от социалистического государства здесь речь еще не идет о решающем участии масс в управлении государством. Однако такое участие уже есть, и в этом состоит принципиальное отличие революционно-демократического государственного режима от любого, самого демократического буржуазного режима, при котором трудящиеся отгорожены от реального участия в управлении государством тысячами барьеров.

Революционно-демократическая власть, представляющая собой власть высшего качества по сравнению с любой буржуазной государственной властью, вместе с тем отличается рядом существенных, принципиальных черт от социалистической государственной власти, в том числе и такой первоначальной ступени ее развития, как диктатура пролетариата. В отличие от последней это не социалистическая, а общедемократическая государственная власть, но имеющая не буржуазно-демократический, а народный, демократический характер. Как отмечено выше, в ней есть постоянно растущие, развивающиеся антиэксплуататорские, социалистические элементы.

Многоклассовая революционно-демократическая государственная власть представляет собой власть не какого-либо одного трудового класса и не союза только трудящихся классов, а власть, опирающуюся на широкий блок классов и социальных слоев, сложившийся как соотношение классовых сил, которое не всегда оформлено организационно в виде, например, национального, отечественного, патриотического фронта. В результате этого в отличие от социалистической государственной власти, основанной на единстве классовой воли трудящихся по коренным вопросам общественной жизни, социальных преобразований, развития общества, демократическая власть революционного народа своим основанием имеет неопределенную классовую линию, свойственную переходным и компромиссным элементам общественного развития. Эта линия в какой-то мере разделяется всеми, когда речь идет об общедемократических преобразованиях и, наоборот, вызывает противодействие определенных социальных слоев, когда наступает время преобразований социалистических. Более того, те же общедемократические меры понимаются, истолковываются и используются разными участниками демократического блока неодинаково. Рабочий класс, трудящиеся, крестьянство видят в них ступень для перехода к более глубоким преобразованиям, стремятся к наиболее полному их осуществлению. Напротив, нетрудовые, буржуазные и мелкобуржуазные участники блока видят в них главным образом расчистку пути для капиталистического развития. Они стремятся всячески ограничить их, чтобы не дать революции развиться. Такая борьба идет повсеместно, не только на улицах и предприятиях, но и в правительстве, парламенте, других государственных органах, где представлены различные партии, а при беспартийном или однопартийном составе государственных органов — различные классовые силы.

Из сказанного видно, что проблемы революционно-демократического государства, по существу, неразрывно связаны с анализом самого понятия «революционная демократия». По вопросу об этом понятии идет длительная научная дискуссия. К сожалению, в ряде случаев она замыкалась на терминологических аспектах: революционная или национальная демократия? Предлагались и синтезированные определения: национальная революционная демократия. Для любого марксиста-исследователя этот вопрос ставится прежде всего в практическую плоскость: являются ли государства национальной демократии, возможность которых была впервые отмечена в Заявлении Совещания коммунистических и рабочих партий 1960 г. и которые пока существуют, революционно-демократическими государствами? Исторический опыт и современная практика ряда стран социалистической ориентации, особенно тех, развитие которых по некапиталистическому пути идет сравнительно медленно, позволяют ответить на этот вопрос. Видимо, под национально-демократическим государством следует понимать особую разновид-

ность государства революционно-демократического, его первоначальную стадию развития, тогда как его высшая стадия связана с существованием революционно-демократической власти пролетарских и непролетарских трудящихся масс.

Детальный и взвешенный анализ этих проблем показывает всю научную несостоятельность новейших концепций американских и английских политологов (К. Потхольма, Д. и М. Оттауей, Р. Стуки, Р. Джеффриса и др.) о появлении якобы в некоторых странах социалистической ориентации «неомарксистского», «неокоммунистического» государства. Ссылаясь на заявления отдельных авангардных революционно-демократических партий трудящихся о том, что их идеологической основой является марксизм-ленинизм, буржуазные авторы пытаются создать новые классификации государственности в развивающихся странах. Изобретенный ими термин «неомарксистская», означающий форму государства, используется вовсе не для действительного анализа своеобразия политических систем, государственного строя в ряде стран социалистической ориентации, а для того, чтобы лишний раз очернить прогрессивные режимы и, спекулируя на трудностях их развития, еще раз попутно бросить тень на государства реального социализма.

Мы поставили только некоторые принципиальные теоретические вопросы социально-философского и политологического характера, которые имеют в наши дни определенное практическое значение и правильное понимание которых дает возможность подойти к их решению. Думается, что многие из предлагаемых в дискуссиях решений требуют дальнейшей коллективной разработки ученых-обществоведов различных специальностей.

А. В. ПАНЦОВ

ДОКУМЕНТЫ II И IV КОНГРЕССОВ КОМИНТЕРНА ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ И КОЛОНИАЛЬНОМУ ВОПРОСАМ И ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЕ В КИТАЕ (1920—1924)

Коммунистический Интернационал, созданный по инициативе В. И. Ленина в марте 1919 г., заложил основы стратегии и тактики коммунистического движения в отсталых, зависимых странах. В важнейших коминтерновских документах, призванных определять узловые направления деятельности коммунистов на колониальной периферии империализма, получили развитие ленинские идеи по национальному и колониальному вопросам, выкристаллизовавшиеся накануне и в период первой мировой войны. Их распространение в Китае имело огромное значение для формирования идеологических предпосылок образования на китайской земле нового фактора общественной жизни — движения коммунистов, выработки его политической программы, а в конечном итоге — для успешного развития китайской народной революции.

Знакомство первых революционеров Китая с документами и материалами Коминтерна по национальному и колониальному вопросам происходило по-разному. Некоторые из них постигали существо коминтерновской стратегии и тактики в ходе личного общения с рядом ответственных работников международного коммунистического движения и РКП(б), в процессе учебы в интернациональных школах Страны Советов. Однако бóльшая часть располагала только переводами документов Коммунистического Интернационала на китайский язык. Понятно поэтому, что от характера переводов, от того, в какой мере в них передавались ленинские идеи, во многом зависело восприятие коминтерновского курса в Китае.

Анализ переводов и степени их соответствия подлинникам имеет, следовательно, большой научный и политический интерес.

Общая характеристика основных документов Коминтерна по национальному и колониальному вопросам

Идеи В. И. Ленина легли в основу разрабатывавшейся восточной политики Коминтерна уже на II конгрессе III Ин-

тернационала, состоявшемся в июле—августе 1920 г. Именно на этом конгрессе были сформулированы узловые положения ленинской концепции национально-колониальных революций в эпоху, открытую Октябрем. Их существо сводится к следующему: социальное освобождение трудящихся масс отсталых в промышленном отношении восточных стран, основную часть населения которых составляет полупатриархальное и патриархальное крестьянство, немыслимо без предварительного свержения господства в этих странах иностранного империализма. Вследствие этого революции на Востоке являются не социалистическими, а национальными, выступая тем не менее как часть мировой пролетарской революции. При этом В. И. Ленин специально предупреждал против националистического противопоставления национально-освободительного движения другим потокам мирового революционного процесса. В ходе национальных революций молодое коммунистическое движение обязано сотрудничать со всеми антиимпериалистическими, национально-революционными силами, безусловно сохраняя при этом свою самостоятельность и стараясь посредством пропаганды идеи крестьянских советов, советов эксплуатируемых, т. е. органов, по существу, революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства («непартийной организации крестьян и рабочих»), придавать революции как можно более демократический, антифеодальный характер. Только в ходе общенародной освободительной борьбы, при вдумчивом отношении коммунистических элементов Востока к националистическим устремлениям широких народных масс возможно создание в странах с известной долей промышленного пролетариата подлинно массовых, коммунистических не только по названию, революционных партий.

Вместе с тем В. И. Ленин призывал к решительной борьбе с «перекрашиванием» буржуазно-демократических освободительных течений в «цвет коммунизма» .

По мысли В. И. Ленина, победа национально-освободительных революций в странах Востока невозможна без союза революционных движений с коммунистическим пролетариатом советских республик. Союз с передовым промышленным пролетариатом является непременным условием перевода отставших в социально-экономическом отношении восточных государств на некапиталистический путь развития. Именно этот путь, а не буржуазная демократия составляет цель пролетариата в национально-революционном движении.

Данная концепция нашла выражение в первую очередь в документах и материалах по национальному и колониальному вопросам, представленных на конгресс В. И. Лениным: в «Первоначальном наброске тезисов по национальному и колониальному вопросам», речи в соответствующей комиссии и докладе от имени этой комиссии на пленарном заседании конгресса, а также в правке проекта «Дополнительных тезисов», подготовлен-

ного индийским коммунистом М. Н. Роем, и некоторых других работах [1].

В результате одновременного обсуждения на двух пленарных заседаниях конгресса (26 и 28 июля) частично отредактированного комиссией «Первоначального наброска тезисов...» и коренным образом переработанного материала Роя оба документа были официально приняты. Причем первый из них, получивший название «Тезисы по национальному и колониальному вопросам» — 28 июля (единогласно при трех воздержавшихся) [2], а второй, по данным составителей сборника документов первых четырех конгрессов Коминтерна «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал» (М., 1970, с. 204), — на день позже. Однако никакой информации о результатах голосования и дате принятия «Дополнительных тезисов» ни в одном из известных изданий стенографического отчета II конгресса не содержится [3].

Названные документы были затем, по-видимому, объединены в одну резолюцию. По крайней мере к такому выводу приводит анализ формы их официальных публикаций, осуществленных ИККИ на русском, немецком, английском и французском языках в 20-е годы: в соответствующих сборниках и журналах тех лет они публикуются как единая резолюция, состоящая из двух частей [4].

Вместе с тем из этих двух документов наиболее точно концепцию В. И. Ленина выражает первый, подготовленный комиссией на основе ленинского «Первоначального наброска тезисов...». Что же касается «Дополнительных тезисов», то в них наряду с ценнейшими положениями, внесенными Лениным, а также комиссией при редактировании и исправлении проекта (прежде всего утверждением возможности некапиталистического пути развития), все же присутствуют некоторые ошибочные установки, которые в целом отражают, хотя и не вполне четко, систему левацко-авантюристических построений М. Н. Роя.

Последний сформулировал свои взгляды накануне II конгресса и во время работы соответствующей комиссии следующим образом: в Индии, Китае и некоторых других колониальных и полуколониальных странах господствующими отношениями являются капиталистические, масса эксплуатируемого населения не заражена и не может быть заражена буржуазным национализмом, буржуазия не играет революционной роли, в силу чего необходимо отказаться от поддержки буржуазно-освободительных движений в этих странах, провозгласить курс на социалистическую революцию, которая попутно решит и общенациональные демократические задачи. При этом Рой с ярко выраженных националистических позиций выпячивал значение революционного процесса на Востоке для судеб мировой революции, утверждая, будто судьба Запада зависит исключительно от степени развития и силы революционного движения в восточных странах. Он выступал за форсированное создание в коло-

ниях и полуколониях пролетарских, коммунистических партий, от которых требовал сразу же перейти к бескомпромиссной борьбе с буржуазией за гегемонию в национально-колониальных революциях [5].

Как показал М. А. Персиц [6], проанализировавший один из русских переводов (издание 1934 г.) «Дополнительных тезисов», в оригинале написанных по-английски [7], этот документ и после ленинской правки в большой степени исходит из утверждения о господстве в отдельных колониальных и полуколониальных странах капиталистических отношений. Ничем иным нельзя объяснить содержащееся в седьмом тезисе положение о том, что «в зависимых странах существуют два различных движения, которые с каждым днем все больше отходят друг от друга. Одно из них — буржуазно-демократическое, националистическое движение с программой политической независимости в условиях буржуазного строя; другое — массовая борьба бедных и темных крестьян и рабочих за дело своего освобождения от всех видов эксплуатации. Первое движение пытается руководить вторым и часто с известным успехом» [8]. В документе сохраняются исходные элементы роевской идеи о приоритете революционного движения на Востоке над освободительной борьбой пролетариата стран Запада: во втором тезисе говорится о том, что, «не владея обширными колониальными рынками и широким полем колониальной эксплуатации, капиталистические державы Европы не могли бы поддерживать свое существование», и подчеркивается, что «без обширных колониальных владений... капиталистический строй Англии давно бы рухнул под собственной тяжестью»; в третьем тезисе декларируется, что «сверхприбыль, получаемая в колониях, является главным источником средств существования современного капитализма...» [9]. В то же время в «Дополнительных тезисах» прослеживается попытка обосновать отказ от сотрудничества с национальной буржуазией, декларировать необходимость ускоренного формирования на Востоке коммунистических партий и осуществления социалистической революции: в шестом тезисе указывается, что «помогать свержению иноземного господства в колониях не значит... поддерживать националистические стремления туземной буржуазии, а значит лишь прокладывать путь угнетенному колониальному пролетариату»; в седьмом — отмечается лишь полезность, а не обязательность сотрудничества с буржуазными национально-революционными элементами; в восьмом — утверждается, что «организованные революционные партии», которые якобы существуют в большинстве колоний, «являются авангардом рабочего класса своих стран» и что Коминтерн и коммунистические партии различных империалистических государств должны осуществлять взаимоотношения с революционным движением в колониях только «через посредство» местных пролетарских партий [10]; в девятом — говорится о необходимости установить гегемонию «коммунистического авангар-

да» с самого начала колониальной революции и выражается мысль, что не во всех, а лишь «во многих из восточных стран попытка разрешить аграрный вопрос на основе чисто коммунистических принципов была бы совершенно ошибочной»[11].

Обнаружив столь серьезные элементы «левачества» в анализировавшемся документе, М. А. Персиц затем убедительно доказал, что в случае с «Дополнительными тезисами» В. И. Ленин, фактически руководивший работой II конгресса, сознательно пошел на компромисс, поскольку считал необходимым укрепление идейного единства с молодыми коммунистами Востока, не освободившимися еще окончательно от разного рода заблуждений. Ошибочные же взгляды последних могли быть преодолены только в ходе длительной идейно-теоретической и практической революционной деятельности самими носителями этих воззрений[12]. Не случайно накануне II конгресса В. И. Ленин писал о том, что правильная тактика коммунистов «требует уступок тем элементам, тогда и постольку, какие, когда и поскольку поворачивают к пролетариату...»[13].

При изучении «Дополнительных тезисов» М. А. Персиц принимал во внимание отличие русского перевода начала 30-х годов от оригинала. Это отличие обнаружено в 1968 г. А. Б. Резниковым, сравнившим русский перевод с подлинным документом, хранящимся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС[14]. Неправильность перевода, очевидно, объясняется неточностью самого английского текста, с которого он был осуществлен и который, по всей видимости, представляет собой небрежно выполненную копию оригинала. Адекватный русский перевод подлинника «Дополнительных тезисов» был в 1970 г. опубликован в сборнике документов «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал» (М., 1970, с. 202—204).

Учитывая открытие А. Б. Резникова, М. А. Персиц не критиковал содержащееся в тексте издания 1934 г. (седьмой тезис) волюнтаристское утверждение о том, что «первейшей и необходимой задачей (Коммунистического Интернационала. — *А. П.*) является создание (на Востоке. — *А. П.*) коммунистических партий, которые организуют крестьян и рабочих и поведут их к революции и установлению советских республик»[15]. В оригинале, как установил А. Б. Резников, данная мысль отсутствует; вместо этого говорится о том, что «первейшей и необходимой задачей (Коммунистического Интернационала и соответствующих партий. — *А. П.*) является создание непартийной организации крестьян и рабочих для того, чтобы повести их к революции и установлению Советской республики»[16]. Учет этого обстоятельства позволил М. А. Персицу сформулировать вывод о наличии в тексте «Дополнительных тезисов» отдельных элементов «левизны» таким образом, что он оказался фактически применим к характеристике самого оригинала. Сопоставление русского перевода начала 30-х годов с оригиналом полностью

подтверждает это: все элементы «левачества», о которых писал М. А. Персиц, присутствуют и в данном тексте.

Более того, в оригинале можно обнаружить и некоторые дополнительные проявления «левизны». (Большинство из них присутствует и в русских публикациях 1934 г.) Так, в седьмом тезисе содержится, по существу, прямое указание Коммунистическому Интернационалу и «соответствующим партиям» поддерживать социальное движение угнетенных народных масс против национального, возглавляемого буржуазией. Как же иначе расценить установку о необходимости вести борьбу против руководства, которое «буржуазно-демократическое, националистическое движение» пытается осуществлять и «часто с известным успехом» осуществляет в отношении другого движения — «крестьян и рабочих», выступающих «за дело своего освобождения от *всех* видов эксплуатации» [17] (курсив мой. — *А. П.*)? Ведь речь в данной фразе идет не просто о противодействии идеологическому и политическому давлению буржуазии на массы трудящихся. Последняя задача недвусмысленно вменяется в обязанность коммунистам всех стран «Тезисами по национальному и колониальному вопросам» и ленинским докладом от имени соответствующей комиссии [18].

Далее, в тезисах шестом и седьмом четко обнаруживается лишь слегка закамуфлированная известная роевская позиция, согласно которой национальное освобождение вообще не является революционным событием (истинной, как было отмечено ранее, Рой считал только социалистическую революцию). В указанных местах документа подчеркивается, что свержение иностранного капитала (или господства иностранного капитализма) будет лишь первым шагом «к революции в колониях» [19].

При переводе этого предложения на русский язык в начале 30-х годов предлог «к» был опущен (в тексте оригинала он записан, судя по двум английским копиям последнего, словом «towards» [20]). Тем самым была сформулирована новая мысль, отсутствующая в тексте подлинника «Дополнительных тезисов»: избавление от гнета иностранных капиталистов — часть общего революционного процесса; однако при этом в тезисах восьмом и девятом перевода осталось без изменения утверждение, что руководить революционным процессом в колониях будет «авангард рабочего класса», «коммунистический авангард» [21]. В результате правильная мысль, заключенная в одном предложении, оказалась опять-таки искаженной: в русском тексте начала 30-х годов нашла новое выражение старая роевская идея о неоспоримой гегемонии коммунистической партии с самого начала антиимпериалистической революции.

Рассмотрим еще одно положение девятого тезиса, которое гласит: «Пролетарские партии (в колониях. — *А. П.*) должны... создавать *крестьянские и рабочие* Советы, как только это будет возможно» [22] (курсив мой. — *А. П.*). Данную формулировку можно трактовать как призыв к установлению в странах

Востока диктатуры пролетариата, органами которой как раз являются советы рабочих депутатов. Фраза содержала бы иной смысл, если бы вместо союза «и» стоял дефис: «крестьянско-рабочие» или «рабоче-крестьянские советы» можно было бы интерпретировать и как органы революционно-демократической диктатуры пролетариата и всех остальных трудящихся, т. е. как буржуазно-демократические по своему характеру. С учетом данного обстоятельства наличие союза «и» в приведенной выше фразе нельзя считать случайным, особенно если принять во внимание отмечавшееся выше стремление Роя сориентировать Коммунистический Интернационал на подготовку социалистической революции на Востоке.

В ленинском докладе и в «Тезисах по национальному и колониальному вопросам» о характере будущей народной власти в зависимых странах говорится совсем по-другому. В этих документах речь идет лишь о *крестьянских* Советах, Советах *эксплуатируемых, трудящихся,* Советах *трудового народа.* При этом подчеркивается, что коммунисты должны направлять усилия на создание советской системы только там, где позволяют условия [23]. О возможности же образования рабочих советов не упоминается вообще, ибо она, естественно, и не могла возникнуть на этапе национально-освободительной революции, которая первой стояла на повестке дня во всех колониальных и полуколониальных странах как в период работы II конгресса, так и намного позже.

Противоречивый в целом характер «Дополнительных тезисов» не свидетельствует вместе с тем об ошибочности выработанного II конгрессом курса в отношении революционного движения на Востоке. Рассмотренный документ, естественно, не имеет самостоятельного значения, что видно и по его названию. Из этого, очевидно, исходили и составители первых сборников документов II конгресса, а также редакторы тринадцатого номера журнала «Коммунистический Интернационал» за 1920 г., когда публиковали «Тезисы...» и «Дополнительные тезисы» в виде единой резолюции.

Ленинские идеи, пронизавшие основные решения II конгресса по национальному и колониальному вопросам, нашли подтверждение и были существенно развиты на IV конгрессе Коммунистического Интернационала, состоявшемся в ноябре—декабре 1922 г. IV конгресс принял «Общие тезисы по восточному вопросу», в которых на основе опыта, накопленного международным коммунистическим движением за два с половиной года, истекшие со времени проведения II конгресса Коминтерна, а также с учетом определенных экономических и общественно-политических изменений, происходивших как в метрополиях, так и в зависимых странах, были конкретизированы главные положения концепции В. И. Ленина о национально-колониальных революциях в новейшее время.

В «Общих тезисах...» декларируется: за последнее время в

движущих силах и руководящем составе освободительного движения в восточных странах, носящего по-прежнему преимущественно национально-освободительный характер, произошли определенные перемены: политическую активность начали проявлять рабочие и крестьяне, а в руководстве, которое все же в основном остается в руках национальной буржуазии и — в особо отсталых в социально-экономическом отношении странах — в руках революционно настроенных представителей феодальных верхов, появились новые, более радикальные элементы. Это стимулирует усиление антиимпериалистической революции, являющейся, по сути, революцией нового типа, объективные задачи которой выходят за рамки буржуазной демократии уже потому, что решительная победа ее несовместима с господством мирового империализма. Сдвиги в «социальном базисе» движения, однако, отнюдь не свидетельствуют о коренном изменении общественной структуры отсталых стран: капитализм в колониях возникает и развивается из феодализма «в ублюдочных, половинчатых и промежуточных формах» при преобладании прежде всего торгового капитала, промышленность же формируется слабо, фабрики и заводы разбросаны по отдельным районам и не в состоянии поглотить избыток сельского населения. Фабрично-заводской пролетариат, даже его основное ядро, находится в переходном состоянии: на полпути от мелкой цеховой мастерской к крупнокапиталистической фабрике. И хотя сами отсталые страны различаются по уровню социально-экономического развития, однако эти различия отражают лишь разные ступени перехода от феодальных и феодально-патриархальных отношений к капитализму.

В документе далее говорится о том, что в условиях длительной и затяжной борьбы с мировым империализмом, перспективы которой открываются перед освободительным движением и требуют мобилизации всех революционных элементов, коммунисты Востока должны не просто сотрудничать со всеми национально-революционными силами, в том числе с национальной буржуазией, а создавать с ними (не исключено, что под их руководством) единый антиимпериалистический фронт. В рамках этого фронта они обязаны, безусловно сохраняя самостоятельность, бороться за достижение полного национального освобождения и одновременно организовывать рабочие и крестьянские массы на выступления за их непосредственные классовые интересы, используя все противоречия в националистическом буржуазно-демократическом лагере. Наряду с этим коммунисты Востока должны готовить местный промышленный пролетариат к роли политического вождя национальной революции, полностью отдавая себе отчет в том, что гегемония последнего может быть достигнута лишь в результате борьбы с империалистической эксплуатацией и правящими классами внутри своих стран, по мере того как колониальный пролетариат будет крепнуть социально и политически и расширять свое влияние на

смежные с ним общественные слои», прежде всего крестьянство.

Окончательная победа национально-освободительных революций на колониальной периферии империализма находится в прямой зависимости от того, насколько тому или иному национальному движению удастся вовлечь в свое русло широкие трудовые массы, порвав всякую связь с реакционно-феодальными элементами и воплотив в своей программе социальные требования этих масс.

Важнейшим условием победоносного завершения революций и перехода отсталых стран на некапиталистический путь развития является тесный союз трудящихся масс Востока с победившим пролетариатом передовых государств[24].

Проект «Общих тезисов по восточному вопросу», принятый на IV конгрессе в качестве итоговой резолюции, начал разрабатываться в ИККИ еще в конце октября 1922 года[25]. В его подготовке приняли участие ряд работников Коминтерна, стоявших на ленинских принципах в национальном и колониальном вопросах, а также отдельные «леваки», в том числе М. Н. Рой. Именно последний в ходе обсуждения проекта на совещании группы делегатов конгресса 28 октября особенно активно пропагандировал левосектантские взгляды. При всей крайней противоречивости его позиций в выступлении Роя явно прослеживалось стремление обосновать собственную теорию национально-колониальных революций, в которой существенное развитие получали его прежние волюнтаристские установки[26].

Эта теория нашла отражение и в докладе Роя на заседании самого конгресса 22 ноября[27]. Отправным положением в его рассуждениях являлось утверждение о разработке II конгрессом лишь общих принципов тактики в борьбе за национальное освобождение в колониях и полуколониях[28]. В дни работы II конгресса, подчеркивал докладчик, «лишь немногие понимали, что широкое понятие „колониальные и полуколониальные страны“ охватывало различные народы и различные области, обнимавшие в своих границах все виды социального развития, все виды политической и промышленной отсталости. Мы установили, что только потому, что они политически, экономически и социально отстали, — они могут быть все связаны в одну группу, в одну общую проблему. Но это был ошибочный взгляд»[29]. Делая затем особый акцент на известном изменении общественно-политической обстановки в мире за истекшее со II конгресса время, Рой констатировал будто бы обозначившееся разделение всех восточных стран «на три категории». К первой он относил государства, якобы «приближающиеся к стадии наиболее высокоразвитого капитализма» (т. е., очевидно, империализма?); ко второй — «страны, в которых капиталистическое развитие находится еще на более низком уровне и в которых феодализм еще является основой общественного строя»; к третьей — те территории, где «общественный строй основан

на патриархальном феодализме»[30] (т. е. господствуют дофеодальные отношения).

Как видно, докладчик существенно завышал уровень развития части отсталых восточных стран, преследуя явную цель построить далеко идущие выводы о коренной перемене характера революционного процесса на Востоке и, следовательно, о необходимости изменения стратегии и тактики революционного движения. Однако последнее заключение он на IV конгрессе делать не стал, ограничившись следующей декларацией: «Поскольку социальный строй каждой из этих (восточных.— *А. П.*) стран различен, постольку разнообразен и характер их революционного движения. В зависимости от различия социального строя этих стран должны быть также различны наша программа и тактика»[31]. О том, каков же характер революционного движения в каждой из трех выделенных им «категорий» стран, Рой не сказал, очевидно, опасаясь, что детализация выявит контраст его установки с ленинской трактовкой существа вопроса. Отмеченные идеи не получили последующего развития в докладе. Более того, далее Рой, противореча себе, по существу, исходил из непреложного факта, что революционный процесс на Востоке по-прежнему носит национальный характер. При этом он продолжал, хотя и не так откровенно, как раньше, выпячивать значение этого процесса для дела мировой революции[32].

Признавая национальный характер освободительного движения, Рой, однако, допускал серьезную ошибку в оценке революционных возможностей национальной буржуазии восточных стран. Он заявлял, что «промышленное развитие буржуазии нуждается в мире и порядке, установленном в большинстве стран Востока империалистами»[33], вследствие этого буржуазия, особенно та ее часть, которая «вложила крупные капиталы в промышленность», уже переметнулась на сторону колонизаторов. Последнее вместе с тем не означает, что она не сможет выступить против иностранного империализма в будущем: по словам Роя, «временный компромисс туземной и империалистической буржуазии не может быть длительным. Он заключает в себе зародыш будущего конфликта». Однако и в этом конфликте буржуазия будет опять-таки недалека от компромисса, ибо она не ведет «классовой войны»[34].

Исходя из рассуждений такого рода, Рой сектантски подходил и к проблеме образования единого антиимпериалистического фронта, полагая, что важнейшей предпосылкой последнего может быть только установление гегемонии пролетариата в национально-демократической революции. «Этот единый фронт, — говорил докладчик, — как показывает наш опыт последних двух лет, не может быть организован под предводительством буржуазных партий. Таким образом, мы должны создать собственные партии в этих странах, чтобы принять на себя руководство в деле организации этого единого фронта»[35]. В последний же, по мысли Роя, следовало вовлекать далеко не все «революцион-

ные силы», а лишь те из них, которые с точки зрения докладчика были «пригодны» для этого, используя сам фронт не только против иностранного империализма и внутренней реакции, но и для окончательного «устранения» от руководства движением «робких и колеблющихся» буржуазных элементов и выдвижения масс на передовые позиции [36].

Большое внимание в докладе было уделено вопросам формирования на Востоке коммунистических организаций. И здесь Рой в полном соответствии со своими прежними взглядами, высказанными еще накануне и в период II конгресса, декларировал необходимость ускоренного создания Коминтерном коммунистических партий во всех без исключения странах Востока вне зависимости от уровня общественно-экономического развития последних. Более того, докладчик ошибочно полагал, что в большинстве восточных стран к концу 1922 г. уже функционировали настоящие коммунистические группы. Последние он, правда, именовал «ячейками», однако явно преувеличивал их политическую зрелость, рассматривая в отличие от буржуазно-демократических организаций как «политические партии масс» [37].

Роевская система взглядов в целом была отвергнута IV конгрессом. Однако отдельные положения его доктрины оказались восприняты многими делегатами. Ведь в начале 20-х годов М. Н. Рой являлся одним из влиятельных работников ИККИ, его считали крупным «авторитетом» в национально-колониальном вопросе. Что же касается других деятелей Коминтерна [38], то они, по словам М. А. Чешкова, в то время еще не могли противопоставить схемам Роя свою всестороннюю научную концепцию колониального мира, так как марксистское изучение отдельных укладов, слоев и сферы отношений колониального общества находилось на преимущественно аналитическом уровне [39]. На этом, собственно говоря, и играл Рой, который в докладе на IV конгрессе специально подчеркивал: «Особые трудности применения программы Интернационала в восточных странах... обусловлены тем... (к сожалению, в этом приходится сознаться), что наши товарищи по Коммунистическому Интернационалу до сих пор очень мало занимались изучением этих (связанных с трудностями осуществления программы Коминтерна на Востоке. — *А. П.*) вопросов» [40]. Из этих рассуждений напрашивается вывод, что единственным человеком в Коминтерне, кто уделял большое внимание исследованию данных проблем, был докладчик, вследствие чего лишь его точка зрения может считаться безукоризненной.

Сказанное объясняет то обстоятельство, что в окончательном тексте «Общих тезисов по восточному вопросу» при внимательном анализе можно найти элементы некоторых левацких воззрений, наличие которых придает документу отчасти противоречивый характер.

Очевидным преувеличением в роевском духе выглядят, например, неоднократно допускаемые в «Общих тезисах...» заяв-

ления о том, что «почти повсеместно», «почти во всех странах Востока» к концу 1922 г. произошло образование коммунистических, «самостоятельных пролетарско-классовых» партий [41].

Явным диссонансом с основным содержанием документа звучит и заимствованное у Роя противопоставление буржуазно-национальных организаций «революционным», под которыми недвусмысленно понимаются только коммунистические группы [42].

В «Общих тезисах...» нашло определенное отражение и представление Роя о приоритете революционного движения на Востоке над борьбой пролетариата стран Запада. Несмотря на то что на одной из страниц документа указывается: «колониальная революция может победить и отстоять свои завоевания только вместе с пролетарской революцией в передовых странах» [43], в другом абзаце прямо утверждается, что «колониальное революционное движение» имеет «*первостепенное* значение... для дела международной пролетарской революции» и что французский империализм, например, «строит *все* свои расчеты на подавлении пролетарской революционной борьбы во Франции и Европе путем использования своих колониальных рабов в качестве боевого резерва контрреволюции» [44] (курсив мой. — *А. П.*).

Не вполне правильно в «Общих тезисах...» решается и еще одна проблема: взаимосвязи между прогрессировавшим изменением социального состава движущих сил революционных движений и будущим характером освободительных революций в колониях и полуколониях. Так, указывается, что «с вовлечением пролетарских и полупролетарских крестьянских масс в эти движения... *на первый план выступают социальные интересы народных низов*» [45] (курсив мой. — *А. П.*). Как показал последующий практический опыт, в частности, китайской революции, в революционном процессе на Востоке и после того, как основу движений составили крестьяне, полупролетарии и пролетарии, общенациональные интересы продолжали оставаться на первом плане.

Наличие в «Общих тезисах...» некоторых ошибочных положений, однако, отнюдь не снижает того громадного значения, которое этот документ в целом имел для развития коммунистического движения в восточных странах. Главные идеи, сформулированные в нем, правильны и разумны. Наряду с основными решениями II конгресса по национальному и колониальному вопросам «Общие тезисы...» заложили глубоко реалистичную идейно-теоретическую платформу политики Коминтерна в колониях и полуколониях и сохраняют свою актуальность для коммунистов многих, в особенности еще не освободившихся от колониализма, отсталых в социально-экономическом отношении государств.

Переводы основных документов Коминтерна по национальному и колониальному вопросам на китайский язык

Мысль о необходимости публикации решений Коминтерна по национальному и колониальному вопросам на восточных языках, в том числе на китайском, была впервые официально высказана еще на II конгрессе в одном из выступлений представителя коммунистов Голландской Индии (Индонезии) Г. Маринга (Г. Снефлита). В речи о проекте резолюции по национальному и колониальному вопросам 26 июля 1920 г. он, в частности, заявил: «Я бы предложил, чтобы тезисы, которые мы здесь приняли, были III Интернационалом опубликованы на нескольких восточных языках и специально распространены среди китайских и индийских революционеров» [46]. Неизвестно, однако, было ли осуществлено это предложение. По крайней мере до сих пор не удалось обнаружить переводов документов II конгресса на китайский язык, выполненных в начале 20-х годов в Коминтерне. Наиболее ранним китайским изданием соответствующих тезисов II конгресса следует, по-видимому, считать то, которое было осуществлено самими китайскими сторонниками коммунизма 15 января 1922 г. в первом номере печатного органа Союза социалистической молодежи Пекина журнала «Сяньцюй» [47]. Речь идет о материале, озаглавленном «Принципы, выработанные III Интернационалом по национальному и колониальному вопросам» и подписанном G. S. (псевдоним одного из основателей КПК, Ли Да, исполнявшего в то время в составе Центрального бюро компартии обязанности ответственного за пропаганду) [48]. Вскоре после выхода в свет этой публикации, в начале апреля 1922 г., появилась новая — на этот раз в четвертом томике выпускавшейся издательством «Жэньминь чубаньшэ» [49] серии «Библиотечка коммуниста» [50]. Переводы «Тезисов по национальному и колониальному вопросам» и «Дополнительных тезисов» для этого издания наряду с другими переводами — манифеста I конгресса, а также манифеста и остальных резолюций II конгресса Коммунистического Интернационала — были сделаны Чэн Цзэжэнем (возможно, псевдоним). Книга неоднократно переиздавалась, в распоряжении автора настоящей статьи находилось ее третье издание, датированное октябрем 1926 г. [51]. Она была, вероятно, довольно широко распространена среди членов КПК; во всяком случае, именно по переводам Чэн Цзэжэня изучали документы I и II конгрессов Коминтерна многие китайские студенты, обучавшиеся в 20-е годы в Москве. Книга хранилась в библиотеке Коммунистического университета трудящихся Китая (КУТК), функционировавшего в 1928—1930 гг. и готовившего марксистски образованные кадры китайского коммунистического движения [52]. В 1928 г. 5 из 11 помещенных в ней переводов, в том числе «Резолюция по национальному и колониальному вопросам», были в рукописном ви-

де (правда, без указания имени Чэн Цзэжэня) переизданы стеклографическим способом в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) [53] в сборнике избранных резолюций II конгресса III Интернационала [54]. Составителем сборника являлся один из преподавателей КУТВ, ученый-африканист А. А. Шийк [55].

В декабре 1924 г. рассматриваемые документы были опубликованы вновь (теперь уже в четвертом номере центрального теоретического органа ЦИК КПК журнала «Синь циннянь») в переводе известного пропагандиста идей марксизма-ленинизма Цзян Гуанцы (псевдоним — Гуанчи) [56].

В том же номере «Синь циннянь», также в переводе Цзян Гуанцы, впервые в Китае был опубликован доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам, сделанный В. И. Лениным на II конгрессе Коминтерна [57].

Что же касается ленинского «Первоначального наброска тезисов...», то его первый перевод на китайский язык был, вероятно, осуществлен только в начале 1927 г. [58]. В то время китайские коммунисты готовили к печати специальный тематический сборник — «Марксизм о национальном вопросе» и, вполне возможно, планировали включить в него как доклад В. И. Ленина на II конгрессе, так и «Первоначальный набросок тезисов...». Утверждать это со всей определенностью нельзя, ибо о содержании сборника (очевидно, так и не вышедшего в свет) можно составить лишь весьма нечеткое представление на основании рекламных анонсов, помещенных в центральном печатном органе ЦИК КПК журнале «Сяндао» [59]. Однако, судя по одному из них, в данной брошюре главное место должно было быть отведено трудам В. И. Ленина по национальному и колониальному вопросам, следовательно, составители должны были включить в нее важнейшие ленинские документы, подготовленные ко II конгрессу Коминтерна. В сборник намечалось также включить соответствующие работы К. Маркса, Ф. Энгельса, И. В. Сталина, Г. И. Сафарова и М. П. Павловича [60].

Ленинские доклад и «Первоначальный набросок тезисов...» могли войти и в опубликованную китайскими коммунистами в апреле 1927 г. брошюру «Марксистская теория национальной революции. Сборник избранных статей Маркса и Ленина» (переиздана в мае 1929 г.). К сожалению, поиски этой книги пока не дали результатов, вследствие чего о ее содержании можно судить лишь гипотетически [61].

Наиболее ранняя из китайских публикаций «Первоначального наброска тезисов...», находившаяся в распоряжении автора данной статьи, датирована 1946 г. Она помещена в сборнике «Ленин о национальном и колониальном вопросах», выпущенном издательством ЦК КПК «Цзефан шэ» [62]. Перевод указанного документа наряду с другими, помещенными в брошюре, был выполнен Чжан Чжунши [63].

Таким образом, в рассматриваемый период из всех основных

документов по национальному и колониальному вопросам, как представленных на II конгресс Коминтерна, так и принятых им, на китайском языке были опубликованы важнейшие: «Тезисы...», «Дополнительные тезисы» и ленинский доклад от имени соответствующей комиссии. Причем первые два переводились и издавались неоднократно.

В тот же период на китайский язык были переведены и «Общие тезисы...», принятые IV конгрессом. Их перевод вышел в свет 15 июня 1923 г. Он был помещен в первом (специально посвященном Коминтерну) номере «Синь циннянь» и подписан псевдонимом (или именем) переводчика — Ихун [64].

В отличие от первой публикации решений II конгресса, осуществленной спустя довольно длительное время после их принятия, китайский перевод «Общих тезисов...» был издан, как можно заметить, довольно быстро — всего через полгода после IV конгресса. Данное обстоятельство, очевидно, во многом объясняется тем, что в работе IV конгресса (прежде всего комиссии, вырабатывавшей резолюцию по восточному вопросу) принимала непосредственное участие делегация китайской компартии, возглавлявшаяся председателем ЦИК КПК Чэнь Дусю [65]. Несмотря на то что сам Чэнь Дусю в то время придерживался в основном левацких взглядов, не исключено, что именно он по возвращении на родину передал текст «Общих тезисов...» для перевода и публикации.

В работе же II конгресса, проходившего за год до образования в июле—августе 1921 г. Компартии Китая, принимали участие два делегата от действовавших в Советской России организаций китайских трудящихся — Лю Цзэжун (Лау Сиу-джао) и Ань Лунхэ (Ан Ен-хак) [66]. Будучи активными руководящими работниками этих организаций, ни Лю Цзэжун, ни Ань Лунхэ, однако, не играли впоследствии существенной роли в коммунистическом движении в Китае. Возможно, что им и удалось перевести документы II конгресса на китайский язык, но эти переводы до сих пор обнаружить не удалось.

Изучение доступных китайских текстов документов II конгресса показывает, что при подготовке двух из них (первого, опубликованного в «Сяньцюй», и второго, изданного «Жэньминь чубаньшэ»), несомненно, использовались тексты, близкие к оригиналам. В то же время Чэн Цзэжэнь, очевидно, обращался и к некоторым иноязычным переводам «Тезисов...» и «Дополнительных тезисов» — возможно, немецким или французским: в его переводе содержатся отдельные лексические обороты, которые по смыслу напоминают аналогичные фразы из этих последних копий. Публикации же «Тезисов...» и «Дополнительных тезисов», осуществленные Цзян Гуанцы, были явно выполнены с русских текстов, опубликованных в журнале «Коммунистический Интернационал», а также в приложении к первому русскому изданию стенограмм II конгресса и в тематических сборниках 20-х годов. (Русский текст «Дополнительных тезисов», опубли-

кованный в этих изданиях, в определенной степени отличается от трех остальных русских же переводов, один из которых был помещен на страницах газеты «Вестник 2-го конгресса Коммунистического Интернационала» (№ 6, 7.08.1920, с. 2; № 7, 8.08. 1920, с. 2); другой — в самом стенотчете, непосредственно в речи М. Н. Роя [67]; еще один — в приложении к т. XIX первого собрания сочинений В. И. Ленина (М., 1921, с. 271—273). Последние три перевода также разнятся между собой. Для удобства анализа далее в статье варианты переводов именуются следующим образом: первый — опубликованный в «Вестнике...», второй — в речи Роя из стенотчета, третий — в «Коммунистическом Интернационале», в приложении к стенотчету и в тематических сборниках 20-х годов, четвертый — в т. XIX первого собрания сочинений В. И. Ленина.)

По некоторым выражениям, употребляемым переводчиком и нигде более, кроме публикаций «Дополнительных тезисов» на немецком языке, не встречающихся, можно предположить, что Цзян Гуанцы были известны и эти издания. Что же касается перевода ленинского доклада, то он также мог быть осуществлен либо с оригинала, опубликованного в немецких (1921 г.) изданиях стенографического отчета конгресса и в журнале «Die Kommunistische Internationale» (1920, № 13) [68], либо с русского перевода подлинника.

Перевод же «Общих тезисов...» на китайский язык был, несомненно, выполнен с официального русского текста, появившегося на страницах «Бюллетеня IV конгресса Коммунистического Интернационала».

Сравнительный анализ оригиналов «Тезисов...» и «Дополнительных тезисов» [69] и изданий, которыми могли пользоваться китайские переводчики, позволил установить, что в «Дополнительных тезисах» в русских, немецком и французском переводах, а также в отдельных местах некоторых английских копий имеются разночтения с подлинным документом, в ряде случаев усиливающие те самые элементы «левизны», которые остались в «Дополнительных тезисах» после ленинской правки и которые почти полностью перешли в русские, немецкий и французский переводы, а также целиком сохраняются в неоригинальных английских текстах.

Так, в первой фразе первого тезиса в том виде, как она записана в оригинале и других копиях на английском, говорится: «Одним из самых важных вопросов, стоящих перед II конгрессом III Интернационала, является более конкретное определение отношения Коммунистического Интернационала к революционным движениям стран, *над которыми господствует капиталистический империализм*, как, например, Китай и Индия» [70] (курсив мой. — *А. П.*). В немецком же переводе это предложение дословно звучит иначе: «Одним из важнейших вопросов, стоящих перед II конгрессом III Интернационала, является точное определение взаимоотношений между Коммунистическим

Интернационалом и революционным движением в политически *угнетенных собственной капиталистической системой* господствующих (?) странах, как, например, в Китае и Индии»[71] (курсив мой. — *А. П.*). Таким образом, в публикациях на немецком языке утверждается мысль о капиталистическом характере социально-экономического строя некоторых отсталых стран Азии, в том числе Китая.

В третьем русском переводе эта идея выражается еще более четко: «Одним из важнейших вопросов, стоящих перед II конгрессом III Интернационала, является точное определение взаимоотношений между Коммунистическим Интернационалом и революционным движением в политически угнетенных странах *с господствующим капиталистическим строем,* как-то в Китае и Индии» (курсив мой. — *А. П.)*[72].

Первая фраза второго тезиса документа на английском языке звучит следующим образом: *«Одним из главных источников,* откуда европейский капитализм черпает свою основную силу, *являются колониальные владения и зависимые страны»*[73] (курсив мой. — *А. П.*). Та же мысль, по существу, сохранена во французском переводе[74]. Однако это предложение в немецком и русских текстах 20-х годов гласит: «Европейский капитализм черпает свою силу *главным образом не из промышленных европейских стран, а из своих колониальных владений»*[75] (курсив мой. — *А. П.*). Тем самым идея Роя о приоритете революции в восточных странах в неправильных немецком и русских переводах получает дополнительное подкрепление.

Кроме того, в немецком и французском текстах, в тезисе шестом, а в русских — еще и в седьмом, дается неправильный перевод уже проанализированной выше фразы, в которой говорится о том, что свержение иностранного капитализма (или его господства) будет первым шагом «к революции в колониях». В названных текстах, как и в русском переводе начала 30-х годов, предлог «к» отсутствует, а в тезисах восьмом и девятом по-прежнему сохраняется заявление, что руководить национально-колониальной революцией будет «авангард» (в первом и во втором русских переводах — «аванпост») «рабочего класса», «коммунистический авангард»[76]. Следовательно, и в данных копиях выпячивается известное левосектантское положение Роя о безусловной гегемонии коммунистической партии с самого начала антиимпериалистического революционного процесса.

Нельзя не обратить внимание и на то, что в указанных переводах (во французском тоже) нет имеющегося в документах на английском языке[77] (в тезисе седьмом) утверждения о том, что «для свержения иностранного капитализма... полезно использовать сотрудничество буржуазных национально-революционных элементов»[78]. Наряду с этим в публикациях на русском (третий и четвертый переводы), немецком, французском и в некоторых текстах на английском языке содержится отсутствующая в оригинале мысль о первейшей обязанности Коммунисти-

ческого Интернационала создавать в отсталых странах коммунистические организации (или партии) крестьян и рабочих [79]. Вследствие этого из отмеченных переводов совершенно исчезает ленинская идея о необходимости сотрудничества коммунистов с буржуазной демократией в национально-колониальных революциях.

Принимая во внимание отмеченный левацкий характер многих положений, содержащихся, в частности, во французском переводе «Дополнительных тезисов», сделанном в Коминтерне, следует признать недостаточно обоснованной имевшую место в нашей литературе критику метода исследования «Дополнительных тезисов», которым пользовался западный автор Ж. Фреймон [80]. Последний, анализируя этот документ по публикации в сборнике материалов первых четырех конгрессов Коминтерна, выпущенном на французском языке троцкистами, указал на сходство ряда тезисов с представлениями сторонников группы Мао Цзэдуна [81]. При этом Ж. Фреймон, правда, абсолютизировал политическую значимость «Дополнительных тезисов», полагая, что в них (причем именно в положениях, отражающих систему взглядов М. Н. Роя), сформулирован основной курс Коминтерна на Востоке. В целом справедливо критикуя фреймоновские извращения восточной политики Коммунистического Интернационала, советский ученый Г. З. Соркин допустил между тем одну неточность. Не усматривая элементов «левачества» в указанном документе, он пришел к заключению, что Ж. Фреймон оперирует неофициальным изданием «Дополнительных тезисов». Тщательный анализ, однако, показывает, что в троцкистском сборнике помещен тот самый перевод документа, который впервые увидел свет на страницах французского журнала «Коммунистический Интернационал» (1920, № 13, с. 2434—2436). Следовательно, он, так же как и другие выполненные в Коминтерне переводы, является официальным. Все «левацкие» установки, имеющие в нем место, присутствуют и в изданиях на русском языке, на которые опирается Г. З. Соркин. В этом переводе, правда, есть одна «несуразная», как верно заметил Г. З. Соркин, фраза, которая отличается от соответствующего предложения, содержащегося в других изданиях «Дополнительных тезисов», в том числе в оригинале. Имеется в виду первое предложение четвертого тезиса, которое во французском варианте гласит: «Уничтожение пролетарской революцией колониального господства Европы свергнет европейский капитализм» [82]. В подлинном же тексте утверждается следующее: «Уничтожение колониального владычества вместе с пролетарской революцией в метрополиях свергнет капиталистическую систему в Европе» [83]. Неточно выполненный перевод на французский язык не имеет, однако, явного левацкого оттенка. Из самой фразы абсолютно неясно, о пролетарской революции в каких странах — метрополиях или колониях — идет речь. Последнее проясняется далее из контекста: во втором предложе-

нии четвертого тезиса говорится о революции пролетариата исключительно в применении к метрополиям. Но это уточнение отнюдь не делает рассмотренную выше фразу из французского перевода более осмысленной. Неясно, почему пролетарская революция в метрополиях должна сначала уничтожить колониальное господство Европы, а уж затем свергать европейский капитализм.

В русских и немецких текстах имеется еще одно неверно («с левацким уклоном») переведенное место. Так, в последнем предложении девятого тезиса, в том виде, как оно записано в оригинале и других английских копиях, высказывается уверенность в том, что крестьянские и рабочие советы на Востоке «будут работать в *сотрудничестве* с Советскими республиками, созданными в передовых капиталистических странах»[84]. Это глубоко интернационалистское убеждение выражено и во французском переводе[85]. В рассматриваемых же русских и немецких изданиях данная фраза изменена. Она гласит: рабочие и крестьянские советы (слово «рабочие» переводчики поставили на первое место) «будут работать *наравне* с советскими республиками прогрессивных капиталистических стран (т. е. образованными в этих странах в результате революции. — *А. П.*)»[86] (курсив мой. — *А. П.*). Таким образом, можно понять, что везде на Востоке советы будут выполнять те же функции, что и в развитых странах Запада, фактически выступая как органы диктатуры пролетариата.

В последних переводах, следовательно, роевская концепция социалистической революции в колониях и полуколониях получает дополнительное выражение.

Русские и немецкие тексты (а также на этот раз и французский) отличаются от оригинала, других копий на английском языке и в том месте девятого тезиса, где речь идет об ошибочности попыток разрешить аграрный вопрос в ходе национально-колониальной революции на чисто коммунистических принципах. В английских экземплярах «Дополнительных тезисов», как отмечалось выше, ошибочность данных попыток признается не в отношении всех стран Востока, а лишь многих из них. Это место девятого тезиса претерпело при переводе существенное изменение. Переводчики фактически — и это уникальный случай — выправили имеющее оттенок «левизны» положение, зафиксировав, что «было бы совершенно ошибочно (безотносительно к тому, о какой восточной стране идет речь. — *А. П.*) стремиться к решению аграрного вопроса (в первом и во втором русских переводах — „разрешать аграрный вопрос“. — *А. П.*) на чисто коммунистических принципах»[87].

Все недостатки и отмеченное достоинство переложений «Дополнительных тезисов» на русский (в третьем переводе) и немецкий языки полностью отразились в тщательно выполненном с них китайском переводе 1924 г. («Синь циннянь», № 4).

Что же касается китайской публикации «Тезисов по нацио-

нальному и колониальному вопросам», помещенной в том же номере «Синь циннянь», то ее текст в определенной степени отличается от тех русских и немецких аналогов (в данном случае идентичных друг другу), с которых, очевидно, был выполнен. Во-первых, в ней (в одиннадцатом тезисе) говорится о том, что «Коммунистический Интернационал в отсталых странах должен *иногда* временно заключать соглашения и союзы с буржуазной демократией» [88] (курсив мой. — *А. П.*). Лишнее наречие, использованное Цзян Гуанцы, поставило, таким образом, под сомнение непреложную необходимость блокирования пролетариата с национальной буржуазией в национально-колониальных революциях. Во-вторых, в публикации 1924 г. (также в одиннадцатом тезисе) отсутствует имеющееся в оригинале указание на то, что пролетарские партии должны быть коммунистическими не только по названию [89]. Это ленинское положение вместе с тем имеет большое значение, особенно для революционеров отсталых восточных стран, где процесс формирования партий марксистско-ленинского типа происходит в высшей степени сложных условиях.

Говоря о двух других изданиях документов II конгресса по национальному и колониальному вопросам на китайском языке, следует прежде всего отметить, что наиболее раннее из них («Сяньцюй», 1922, № 1) — неполное. Оно содержит перевод только первых пяти пунктов «Тезисов...», в полном виде включающих двенадцать пунктов. «Дополнительные тезисы» в «Сяньцюй» вообще опубликованы не были. Можно допустить, что сокращение объяснялось нехваткой места в одном журнальном номере, тем более что в конце публикации указывается на ее незавершенность. Однако тот факт, что в других номерах продолжения не последовало, заставляет предположить, что появление «усеченного» текста не являлось случайностью. К такому же заключению приводит и то обстоятельство, что в оглавлении первого номера, перепечатанном в третьем номере, уже отсутствует упоминание о незавершенности рассматриваемой публикации. В дальнейших номерах «Сяньцюй» оглавление первого номера не приводится.

Вырванные из контекста тезисы, помещенные в данном журнале, имеют вид отдельного цельного документа. В предисловии к этой публикации говорится, что тезисы выражают курс Коминтерна в национально-колониальных революциях. Однако в переведенном отрывке наряду с идеей объединения вокруг России советских движений передовых рабочих всех стран и национально-освободительных движений угнетенных народов провозглашается, во-первых, лживость буржуазно-демократических фраз о равенстве людей и наций в классовом обществе и, во-вторых, необходимость борьбы пролетариата и всех трудящихся, руководимых коммунистической партией, за свержение капитализма, за пролетарскую диктатуру. Но читателю ничего не сообщается о главной ленинской мысли — относительно необ-

ходимости сотрудничества всех антиимпериалистических сил (такая мысль, как известно, развивается в последующих, не опубликованых в «Сяньцюй» тезисах), а вместо этого достаточно четко утверждается идея борьбы с буржуазией.

Издание на китайском языке решений II конгресса по национальному и колониальному вопросам в сокращенном виде, очевидно, объясняется тем, что, как было показано В. И. Глуниным, первые коммунисты Китая легче всего из богатейшего арсенала марксизма-ленинизма уясняли идею классовой борьбы пролетариата против буржуазии, а также идею Советской власти как выражения пролетарской диктатуры [90]. Такая публикация в период, когда в партии шла острая дискуссия о возможности альянса с гоминьданом, прежде всего могла способствовать укреплению идеологической позиции «левых».

В рассматриваемом переводе, кроме того, допущены две серьезные неточности, в некоторой степени искажающие смысл отдельных положений оригинала. Первая из них, впрочем, характерна вообще для лексики китайского языка начала 20-х годов, в котором современный категориальный аппарат общественных наук оставался во многом неразработанным. В частности, кардинальные категории современной социологии только начинали обретать свои синонимы. Последние не всегда точно, а часто искаженно передавали значение соответствующих им терминов. Именно поэтому в рассматриваемой публикации содержится неправильный перевод понятия *«буржуазия»*. Оно интерпретируется как *«ючаньцзецзи»,* т. е. «класс (или слой), который обладает собственностью». Такого определения, естественно, недостаточно для того, чтобы читателю стало ясно, о ком идет речь: ведь собственностью обладают не только буржуа [91].

Вторая неточность связана с тем, что в публикации дано неверное окончание первого предложения четвертого тезиса, в котором говорится, что «во главу угла всей политики Коммунистического Интернационала по национальному и колониальному вопросам должно быть положено сближение пролетариата и трудящихся всех наций и стран для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии» [92]. В «Сяньцюй» переведено: «...для свержения капитализма» [93]. Данная формулировка, однако, не отражает чрезвычайно важного, антифеодального направления политики Коминтерна.

Переводы «Тезисов...» и «Дополнительных тезисов», сделанные Чэн Цзэжэнем, также не могут быть признаны вполне удовлетворительными. Помимо различных ошибок непринципиального характера в них можно обнаружить отдельные существенные искажения, многие из которых ни в каких других изданиях не встречаются.

Прежде всего бросается в глаза допущенная повсеместно неоправданная замена термина «национально-освободительное» (движение) ничего не значащим выражением «свободное», а

определения «национально-революционное» — более объемным по смыслу понятием «революционное». Нетрудно заметить, что если первая метаморфоза просто несуразна, то вторая открывает широкие возможности для извращенного толкования восточной политики Коминтерна. Ведь сектантски настроенные первые сторонники коммунизма в Китае подлинно революционным, как известно, считали только коммунистическое движение, следовательно, подмена, совершенная переводчиком, способствовала левацкой интерпретации документов II конгресса.

Более того, в рассматриваемых публикациях допущен неправильный перевод и нескольких конкретных фраз. Так, в немецком, русском, английском и французском текстах «Тезисов по национальному и колониальному вопросам» (тезис пятый) содержится, в частности, глубоко интернационалистская мысль об объединении всех национально-освободительных движений колоний и угнетенных народностей с советскими движениями передовых рабочих всех стран и об их органической связи с родиной Великого Октября [94]. В переводе же Чэн Цзэжэня данное положение отсутствует. Вместо этого говорится о том, что вокруг России группируются лишь «советские движения рабочих всех стран, всех колоний, всех наций, всех угнетенных наций» [95]. Тем самым допускаются сразу две левацкие ошибки. Во-первых, фактически утверждается, что в колониях и отсталых странах уже существуют движения рабочих за образование советов (ничего подобного ни В. И. Ленин, ни его сторонники на II конгрессе не говорили); во-вторых, констатируется, будто национально-освободительные движения развиваются без малейшей связи с Советской страной. Данная фраза не могла не вызвать у молодого участника коммунистического движения в Китае определенное пренебрежение и недоверие к своим естественным союзникам в антиимпериалистической борьбе — национал-революционерам.

Неправильно Чэн Цзэжэнь переводит и одно предложение из одиннадцатого тезиса, допуская ту же неточность, что и двумя с половиной годами позже Цзян Гуанцы: в тексте, опубликованном издательством «Жэньминь чубаньшэ», также отсутствует ленинская мысль о том, что партии пролетариата должны быть коммунистическими не только по названию [96].

Нельзя считать правильным и перевод ряда мест «Дополнительных тезисов». Несмотря на то что публикация Чэн Цзэжэня ближе по смыслу к оригиналу, чем все другие рассмотренные выше китайские издания, в ней тем не менее содержатся определенные лексические обороты, которые принципиально отличаются от соответствующих выражений в подлиннике.

Например, в тезисе втором говорится о том, что вопрос о взаимоотношении Коммунистического Интернационала с революционными движениями в тех странах, которые угнетаются «капиталистическим империализмом», является «*самым важным* среди тех дел, которые должен решить II конгресс III Интерна-

ционала»[97] (курсив мой. — *А. П.*). Разумеется, в оригинале, да и в других известных вариантах «Дополнительных тезисов», ничего подобного не утверждается. Восточный вопрос рассматривается в них как *«один из самых важных»*[98] (курсив мой. — *А. П.*), но отнюдь не важнейший. И это закономерно, ибо перед II конгрессом стояло также большое число других, не менее серьезных проблем, связанных с перспективами коммунистического движения в странах Запада.

В публикации издательства «Жэньминь чубаньшэ» находит, таким образом, специфическое воплощение и без того неоднократно проявляющаяся в оригинале и в рассмотренных выше иноязычных копиях «Дополнительных тезисов» концепция Роя о преимущественном значении революционного движения в колониях и полуколониях, которая давала простор националистическим извращениям.

Данная теория отражается и в переводе первой фразы второго тезиса. Допускается та же ошибка, что и в немецких и русских текстах: в отличие от подлинного документа утверждается, что «источником силы европейского капитализма *главным образом* являются колонии и зависимые страны»[99] (курсив мой. — *А. П.*).

Подобно немецким, французским и русским переводчикам, Чэн Цзэжэнь неверно переводит и известное предложение из шестого тезиса, в котором говорится о том, что свержение иностранного империализма будет первым шагом «к революции в колониях». Опуская предлог «к» в данной фразе, он, однако, сохраняет его в близком по смыслу выражении из седьмого тезиса. Тем самым одновременно декларируются две левосектантские идеи: о безусловной гегемонии компартии с самого начала антиимпериалистической революции и о том, что национальное освобождение вообще не является революционным актом.

Совершенно неожиданное проявление получает в издании «Жэньминь чубаньшэ» также левацкая идея о капиталистическом характере общественного строя некоторых отсталых стран Азии. В начале седьмого тезиса в этом переводе фактически утверждается, что два различных движения (буржуазии — с одной стороны, крестьян и рабочих — с другой), которые с каждым днем все больше отходят друг от друга, существуют не во всех зависимых странах, а лишь в тех из них, «где промышленность уже развита»[100]. Как видно, частично исправив одно заблуждение, имевшее место в оригинале и других копиях «Дополнительных тезисов», Чэн Цзэжэнь тем не менее внес другое — также в роевском духе.

Кроме того, в рассматриваемом тексте, в девятом тезисе, появляется отсутствующее в оригинале и других вариантах документа авантюристическое указание на организацию крестьянских и рабочих советов «как можно скорее»[101].

Помимо прочего, в переводе Чэн Цзэжэня содержится не-

адекватный китайский аналог термина *«буржуазия»* — *«ючань-цзецзи»*, бытовавший, как отмечалось выше, в начале 20-х годов. В отдельных местах Чэн Цзэжэнь употребляет и другое неточное выражение для перевода этого термина: *«чжунчань-цзецзи»*, т. е. «класс (слой) средних собственников».

Что же касается китайского перевода ленинского доклада от имени комиссии по национальному и колониальному вопросам, то в нем также при тщательном анализе можно обнаружить некоторые отличия от подлинного текста, носящие принципиальный характер. В одном случае переводчик (Цзян Гуанцы) несколько изменил известное положение В. И. Ленина: «Было бы утопией думать, что пролетарские партии, если они вообще могут возникнуть в таких странах, смогут, не находясь в определенных отношениях к крестьянскому движению, не поддерживая его на деле, проводить коммунистическую тактику и коммунистическую политику в этих отсталых странах» [102]. В китайской публикации выражение «если они вообще могут возникнуть в таких странах» оказалось опущенным [103]. Тем самым ленинское предупреждение против искусственного насаждения коммунистических партий во всех государствах Востока вне зависимости от внутренних общественно-экономических условий в каждом из них не было донесено до китайского читателя.

Не вполне точен перевод и данной в докладе характеристики «Дополнительных тезисов». Оценивая последние, В. И. Ленин, как известно, подчеркивал, что они «написаны главным образом с точки зрения положения Индии и других крупных азиатских народностей, угнетаемых Англией, *и в этом заключается* их важнейшее значение для нас» (курсив мой. — *А. П.*) [104]. Нетрудно заметить, что в данной цитате значение роевского документа ни в коей мере не абсолютизируется. В. И. Ленин не определяет его как более важный по сравнению с собственными тезисами по национальному и колониальному вопросам. Он лишь обращает внимание на конкретные особенности тезисов Роя, на то, чем последние знаменательны для международного коммунистического движения. Ленинская мысль, таким образом, совершенно ясна: никакое иное содержание в нее вложить нельзя. Что же касается перевода, выполненного Цзян Гуанцы, то он носит явно двусмысленный характер. «Тезисы товарища Роя, — читаем в китайской публикации, — написаны с точки зрения Индии и всех крупных наций, угнетаемых Англией, *поэтому* для нас (они) *в особенности имеют значение»* [105] (курсив мой. — *А. П.*).

Как видно, приведенная цитата может трактоваться по-разному. Читатель вправе рассматривать некоторую неточность Цзян Гуанцы в подборе выражений лишь как простую стилистическую небрежность, не меняющую смысл оригинала. Однако он также имеет все основания усмотреть в переводе стремление к абсолютизации значения «Дополнительных тезисов», тем более что китайский язык позволяет перевести отмеченную фра-

ду абсолютно точно, как было сделано, например, в изданном в 1929 г. в Москве в типографии КУТК сборнике ленинских цитат о революции на Востоке. Последний перевод был выполнен, очевидно, китаянкой, студенткой КУТК (псевдоним — Абрикосова) и отредактирован также, по-видимому, кутковцем (псевдоним — Худяков) [106]. Нельзя исключить, что Цзян Гуанцы мог попытаться обыграть фразу В. И. Ленина, с тем чтобы заставить китайских сторонников коммунизма признать именно роевский, а не ленинский документ II конгресса основополагающим для КПК.

Во всяком случае, переводчик обязан был быть осмотрительным, тем более что он имел дело с произведением В. И. Ленина. К Цзян Гуанцы же применима критика, которую относил к подобным переводчикам ленинских работ В. М. Алексеев, оценивавший в середине 30-х годов качество изданного в СССР китайского перевода «Избранных сочинений Ленина». «Дело ведь идет не об очередном эфемерном переводе литературных произведений, — писал В. М. Алексеев, обнаружив целый ряд ошибок в тексте издания, — и даже не о переводе произведений образцовых, подверженном манерам и манерностям переводчиков, зависящем от знаний, умений и особого искусства переводчика. Здесь именно переводчик должен сознавать, что он имеет своею непосредственной задачей перевести такие тексты, на которые будут ссылаться как на подлинник... В самом деле, не место в них неумению, незнанию и всем происходящим отсюда анекдотам, курьезам, несообразностям...» [107].

Данная критика применима и к тем, кто в первой половине 20-х годов переводил на китайский язык принятые II конгрессом Коминтерна «Тезисы...» и «Дополнительные тезисы», фактически интерпретировав эти документы, во многом исходя из собственных идеологических представлений.

Разумеется, не все китайские переводчики важнейших документов международного коммунистического движения допускали принципиальные ошибки. Наиболее филологически и идейно-теоретически подготовленные из них в целом удачно справлялись со своей работой. Сказанное относится, в частности, к переводчику «Общих тезисов по восточному вопросу», подписавшемуся Ихун. Как бы то ни было, но китайский текст «Общих тезисов...» кардинально отличается по манере и точности перевода от всех рассмотренных выше китайских изданий документов II конгресса. Несмотря на то что в нем содержатся определенные опечатки и противоречия, не носящие, впрочем, принципиального характера, а также допускаются некоторые неточные переводы ряда категорий (смешение понятий «рабочий класс» и «трудящиеся классы», «капиталисты» и «капиталы», «национальный» и «националистический»), тем не менее именно этот текст практически полностью доносит до китайского читателя существо выработанного Коминтерном курса относительно стратегии и тактики в отсталых восточных странах.

И хотя в нем сохраняются все те следы «левизны», которые, как подчеркивалось выше, присутствуют в тексте, опубликованном в «Бюллетене IV конгресса Коммунистического Интернационала», однако именно из этого перевода (июнь 1923 г.) рядовой член КПК мог получить наиболее адекватное представление о политике Коминтерна в национальном и колониальном вопросах. Решения же II конгресса, связанные с соответствующими проблемами, он мог воспринять в довольно большой степени сквозь призму роевских представлений.

Последнее было вполне естественным. Во-первых, весь приведенный выше сравнительный анализ китайских переводов документов II конгресса приводит к заключению о том, что переводчики зачастую сознательно стремились интерпретировать «Тезисы...» и «Дополнительные тезисы» в левосектантском духе. Данное обстоятельство можно объяснить близостью исходных идейных позиций большинства первых участников коммунистического движения в Китае и М. Н. Роя, что, в свою очередь, обусловливалось общностью той социальной, психологической и идейно-политической обстановки, в которой формировались взгляды передовой части интеллигенции стран Востока, мучительно искавшей кратчайший путь к тем идеалам добра и справедливости, которые утвердила Великая Октябрьская социалистическая революция. Жгучее желание побыстрее, любыми методами осуществить у себя на родине то, что произошло в России, неизбежно оборачивалось «детской болезнью „левизны“», отражалось и в соответствующей интерпретации документов международного коммунистического движения.

Во-вторых, не меньшее значение имело и то, что из всех рассмотренных переводов документов II конгресса сравнительно большее распространение среди коммунистов Китая имели, очевидно, «Дополнительные тезисы».

На преимущественное изучение последних ориентировали членов Компартии Китая не только некорректно выполненный перевод ленинского доклада от имени комиссии II конгресса по национальному и колониальному вопросам, но и работы И. В. Сталина, многие из которых неоднократно публиковались в китайской коммунистической прессе, издавались в различных сборниках и в виде отдельных брошюр. Речь идет, в частности, о таких произведениях, как «Об основах ленинизма. Лекции, читанные в Свердловском университете» (апрель—май 1924 г.), «К вопросам китайской революции. Ответ т. Марчулину» (май 1927 г.) и «Беседа со студентами Университета имени Сунь Ятсена» (май 1927 г.) [108]. Так, в шестой главе («Национальный вопрос») лекций «Об основах ленинизма», в частности, утверждается, что «колонии и зависимые страны, угнетаемые и эксплуатируемые финансовым капиталом, составляют *величайший резерв и серьезнейший источник сил империализма*... империализм *не может жить без эксплуатации и насильственного удержания* колоний в рамках „единого целого“» [109] (курсив мой. —

Л. П.). Данные представления, как видно, перекликаются с соответствующими взглядами Роя. Именно на базе такого рода заявлений последний доказывал исключительное значение революционного движения на Востоке для судеб мировой революции. Наличие этих положений в авторитетной работе Сталина не могло не приводить читателя, в том числе китайского, к мысли о том, что наиболее адекватно отражают действительность не «Тезисы по национальному и колониальному вопросам», а «Дополнительные тезисы».

И. В. Сталин, впрочем, и не скрывал, что считает роевский документ основным руководящим материалом II конгресса применительно к Китаю и Индии. Во второй из рассматриваемых работ он, например, писал: «Для чего понадобились „Дополнительные тезисы"? Для того, чтобы выделить особо из отсталых колониальных стран, не имеющих промышленного пролетариата, такие страны, как Китай и Индия, относительно которых нельзя утверждать, что там „нет почти промышленного пролетариата". Прочтите эти „Дополнительные тезисы" и поймете, что речь идет там, главным образом, о Китае и Индии. Поэтому нельзя смешивать речь и тезисы Ленина с „Дополнительными тезисами" Роя, так же как нельзя забывать, что, когда речь идет о таких странах, как Китай и Индия, надо иметь в виду образование *рабочих* и крестьянских Советов, а не просто крестьянских Советов» [110]. Развивая затем данные представления в беседе со студентами из Китая, И. В. Сталин прямо заявлял, что КПК следует исходить не из тезисов Ленина, а из тезисов Роя [111].

Как видим, в разъяснениях И. В. Сталина ударение делалось на тех положениях «Дополнительных тезисов», которые несли элементы «левизны». Сталин подчеркивал, в частности, содержащиеся в этом документе утверждения о бурном капиталистическом развитии Китая, быстром росте классового сознания трудящихся масс, о необходимости создания чисто рабочих советов, т. е. органов диктатуры пролетариата [112].

Определенную роль в популяризации «Дополнительных тезисов» среди коммунистов Китая сыграли также отдельные представители ИККИ при ЦИК КПК, большинство из которых, очевидно, просто не видели отличий в содержании этого материала и «Тезисов по национальному и колониальному вопросам». Так, оказывавший наибольшее влияние на лидеров китайской компартии Г. Н. Войтинский в одной из своих статей, опубликованной в журнале «Сяндао», даже приписывал В. И. Ленину авторство на «Дополнительные тезисы» (без указания, правда, названия документа). Цитируя седьмой тезис последних, он ошибочно отмечал, что данные положения содержатся в ленинском докладе на II конгрессе Коммунистического Интернационала [113]. Освятив роевские идеи именем В. И. Ленина, Г. Н. Войтинский тем самым способствовал повышению авторитета данного документа в глазах китайских сторонников коммунизма.

О сравнительно широкой популярности среди членов КПК «Дополнительных тезисов» свидетельствует, в частности, тот факт, что в 1950 г. уже в КНР роевские тезисы в переводе Чжан Чжунши и Цао Баохуа с русского текста 20-х годов (третий перевод) вошли со всеми присущими им «следами» левизны в опубликованную издательством «Цзефан шэ» в качестве учебного пособия для кадровых работников партии брошюру «Ленин, Сталин о Китае» (переиздана в 1953 г.)[114]. Подготовленные В. И. Лениным и принятые II конгрессом «Тезисы по национальному и колониальному вопросам» вообще не вошли в книгу. Наряду же с ленинским «Первоначальным наброском тезисов...» в издание был включен новый, но опять-таки неточно выполненный перевод доклада В. И. Ленина от имени комиссии по национальному и колониальному вопросам[115], а также работы И. В. Сталина «К вопросам китайской революции» и «Беседа со студентами Университета имени Сунь Ятсена».

В современной китайской историографии международного коммунистического движения и КПК «Дополнительные тезисы» получили в высшей степени положительную оценку. Китайские авторы замечают некоторые отличия данного документа от «Тезисов по национальному и колониальному вопросам», однако фактически определяют эти отличия как достижения марксистской теории. Особо подчеркивается значение двух установок: на ускоренное образование в странах Востока коммунистических партий и на безусловное установление гегемонии пролетариата с самого начала антиимпериалистической революции. Однако при этом, по-видимому, с учетом исключения Роя в конце 20-х годов из Коминтерна большая часть историков КНР приписывает указанные положения В. И. Ленину. Данный подход нашел отражение в общих курсах истории международного коммунистического движения и КПК, читаемых в вузах Китайской Народной Республики[116].

Несколько иной точки зрения придерживается, однако, Ли Шэнпин, посвятивший специальную статью деятельности М. Н. Роя в Коммунистическом Интернационале[117]. Соглашаясь с другими китайскими историками в оценке «Дополнительных тезисов», автор вместе с тем связывает этот документ целиком с именем Роя. По мысли Ли Шэнпина, именно последний своими тезисами развил ленинскую теорию национально-колониальных революций применительно к Китаю и Индии, т. е. к таким странам Востока, «где в определенной степени сформировался капитализм»[118]. К Китаю были применимы только тезисы Роя, констатирует автор статьи, ссылаясь в подтверждение своей точки зрения на беседу И. В. Сталина со студентами Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена[119].

Позитивно оценивает Ли Шэнпин и теоретическую деятельность «левого» индийского коммуниста в период IV конгресса. Цитируя роевский доклад, а также по большей части левацкие положения из «Общих тезисов...», единственным автором кото-

рых он называет Роя, Ли Шэнпин приходит к заключению, что последний «внес полезный вклад» в разработку восточной политики Коминтерна [120]. Китайский историк, таким образом, фактически настраивает читателя на мысль о том, что именно Рой, а не В. И. Ленин и его сторонники в Коминтерне, первым указал путь к соединению общих истин марксизма-ленинизма с конкретной практикой китайской революции. К такому же выводу можно прийти при чтении работ других историков КНР, которые хотя и избегают упоминать имя Роя в положительном контексте, тем не менее отмечают значение по существу левацких установок для победы революции в Китае.

Данные рассуждения представляются неубедительными. Хотя на мировоззрение значительной части лидеров КПК и оказали существенное влияние левацкие установки Роя, однако китайская революция развивалась и победила не благодаря, а вопреки этому. Именно В. И. Ленин, его единомышленники в Коминтерне определили, по сути, всю проблематику революционного процесса в Китае, выработали правильные направления решения вопросов китайской революции, связанных прежде всего с оценкой характера китайского общества, ролью различных классов и слоев в революционном процессе, определением возможностей соединения национальной и социальной революций, использования вооруженных форм борьбы и опорных баз в сельской местности, слияния революционных процессов в городе и деревне, разрешения аграрно-крестьянского вопроса, равно как с характеристикой закономерностей перерастания национально-демократической революции в социалистическую. Со своей стороны многие выдающиеся коммунисты в самом Китае вносили значительный вклад в теорию китайской революции, являющуюся составной частью общей ленинской концепции национально-колониальных революций в эпоху, открытую Октябрем.

Именно эта концепция, получившая отражение в документах и материалах II и IV конгрессов Коммунистического Интернационала, а также VII конгресса, ряда пленумов ИККИ, заседаний Восточного секретариата, Президиума и Секретариата ИККИ, в директивных письмах Коминтерна в ЦИК (с 1927 г. — ЦК) КПК, в отдельных работах некоторых руководящих деятелей международного коммунистического движения и китайских марксистов, легла в основу стратегии и тактики Коммунистической партии Китая, которая привела свой народ к национальному и социальному освобождению.

* * *

Переводы документов II и IV конгрессов Коминтерна на китайский язык, осуществленные в первой половине 20-х годов, и прежде всего наиболее совершенный из них — перевод «Общих тезисов по восточному вопросу», сыграли важную роль в развитии революционного движения в Китае.

Вместе с тем распространение в этой стране ленинской теории и ее усвоение КПК протекали все же медленно и противоречиво. Это, разумеется, не могло не сказаться на длительности освободительного процесса в Китае. Ведь путь к победе пролегал не только по полям ожесточенных сражений гражданской и антиимпериалистической войн. Успех революционного дела и особенно его закрепление зависели и от того, насколько быстро и адекватно смогут постичь существо марксистско-ленинских идей коммунисты Китая, в первую очередь руководящий состав КПК. Как видно по переводам одних из наиболее важных документов Коминтерна на китайский язык, самостоятельно решить последнюю проблему было Компартии Китая крайне сложно.

[1] См.: *Ленин В. И.* Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам (для второго съезда Коммунистического Интернационала).— Полное собрание сочинений. Т. 41, с. 161—168; *он же.* II конгресс Коммунистического Интернационала. 19 июля — 7 августа 1920 г. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля.— Т. 41, с. 241—247; *он же.* Материалы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала.— Т. 41, с. 437—438, 457, 458—461; *он же.* Полное собрание сочинений. Т. 41, с. 513; *он же.* Сочинения. Изд. 3-е. Т. XXV, с. 287, 624; Вестник 2-го конгресса Коммунистического Интернационала. № 1, 27.07.1920, с. 2; Вопросы истории КПСС. 1958, № 2, с. 16; Ленинский сборник. XXXVIII. М., 1975, с. 321. О поправках В. И. Ленина, внесенных в текст «Дополнительных тезисов», см.: *Резников А.* В. И. Ленин о национально-освободительном движении.— Коммунист. 1967, № 7, с. 91—102.

[2] См.: Der Zweite Kongress der Kommunistischen Internationale. Protokoll der Verhanlungen vom 19. Juli in Petrograd und vom 23. Juli bis 7. August 1920 in Moskau. Hamburg, 1921, с. 224—232.

[3] См.: 2-й конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. Пг., 1921; Второй конгресс Коминтерна. Июль—август 1920 г. М., 1934; II Congrès de la III Internationale. Compt rendu sténographique. Petrograd 17 Juillet (здесь и в некоторых других изданиях допущена явная опечатка: конгресс открылся в Петрограде 19 июля.— *А. П.*), Moscou 23 juillet — 7 août 1920. Pg., 1921; The Second Congress of the Communist International. Proceeding of Petrograd Session of July 17 and of Moscow Sessions of July 19 (здесь тоже опечатка: конгресс продолжил работу в Москве с 23 июля.— *А. П.*) August 7. 1920. М., 1920; Der Zweite Kongress der Kommunistischen Internationale... Hamburg, 1921; Der Zweite Kongress der Kommunistischen Internationale. Protokoll der Verhanlungen vom 19. Juli in Petrograd und vom 23. Juli bis 7. August 1920 in Moskau. Pg., 1921.

[4] См.: 2-й конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет, с. 596—606, 682; Коммунистический Интернационал. 1920, № 13, с. 2425—2434, 2671; *Кун Б.* Коминтерн в резолюциях. М., 1926, с. 89—99, 243; *Ленин Н.* (*Ульянов В.*). Собрание сочинений. Т. XIX. Национальный вопрос (1919—1920 гг.). М., 1921, с. 266—273 (Приложение. Дополнительные тезисы), 300 (Оглавление); Резолюции и устав Коммунистического Интернационала, принятые Вторым конгрессом Коммунистического Интернационала (19-го июля — 7-го августа 1920 г.) Пг., (б. г.), с. 88—102, 120; Устав и резолюции Коммунистического Интернационала, принятые на II конгрессе, состоявшемся в Москве с 17 июля по 7 августа 1920 г. Прага, 1921, с. 78—89, 103; The Communist International. 1920, № 13, с. 2408—2418; L'Internationale Communiste. 1920, № 13, с. 2424—2435; Die Kommunistische Internationale. 1920, № 13, с. 2480—2490. С начала 30-х годов, однако, «Тезисы...» и «Дополнительные тезисы» стали издаваться как две отдельные резолюции (см.: Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания кон-

грессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919—1932. М., 1933, с. 126—132, 1003; Второй конгресс Коминтерна, с. 490—499, 753; В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал, с. 198—204, 560; Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая. М., 1934, с. 36—43, 393).

[5] (*Рой М. Н.*) Манифест революционной партии Индии. Воззвание к британскому пролетариату.— Жизнь национальностей. 26.07.1920; *он же*. Революционное движение в Индии.— Коммунистический Интернационал. 1920, № 12, с. 2163—2172; Вестник 2-го конгресса Коммунистического Интернационала. № 1, 27.07.1920, с. 1—2.

[6] *Персиц М. А.* Революционеры Индии в Стране Советов. У истоков индийского коммунистического движения. 1918—1921. М., 1973, с. 104—113.

[7] Данный перевод был выполнен в начале 30-х годов в Институте Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б). В основу его был положен один из английских текстов «Дополнительных тезисов» (см.: Второй конгресс Коминтерна, с. 496—499). Этот же перевод был опубликован в сборнике «Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая» (с. 40—43).

[8] Второй конгресс Коминтерна, с. 498.

[9] Там же, с. 496.

[10] Подвергая критике последнюю установку, М. А. Персиц сравнил ее с известным положением из «Тезисов по национальному и колониальному вопросам», согласно которому все коммунистические партии должны оказывать освободительному движению в зависимых странах помощь делом прямо и непосредственно и лишь форму этой помощи следует обсуждать с местной коммунистической партией, если таковая имеется (см.: *Персиц М. А.* Революционеры Индии в Стране Советов, с. 113).

[11] Второй конгресс Коминтерна, с. 498—499.

[12] См.: *Персиц М. А.* Революционеры Индии в Стране Советов, с. 114—118.

[13] *Ленин В. И.* Детская болезнь «левизны» в коммунизме.— Т. 41, с. 59.

[14] См.: *Резников А.* Борьба В. И. Ленина против сектантских извращений в национально-колониальном вопросе.— Коммунист. 1968, № 5, с. 36—47.

[15] Второй конгресс Коминтерна, с. 498.

[16] *Резников А.* Борьба В. И. Ленина против сектантских извращений в национально-колониальном вопросе, с. 46; см. также: В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал, с. 204.

[17] В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал, с. 204. См. также: Второй конгресс Коминтерна, с. 498; Стратегия и тактика Коминтерна, с. 42. Как отмечалось выше, имеющееся в «Дополнительных тезисах» утверждение о наличии в 1920 г. в зависимых странах двух «различных» движений вообще было ошибочным (см. об этом: *Персиц М. А.* Революционеры Индии в Стране Советов, с. 106—107).

[18] См.: *Ленин В. И.* II конгресс Коммунистического Интернационала, с. 243—244; В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал, с. 201.

[19] В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал, с. 203, 204.

[20] См.: ЦГАОР СССР, ф. 5402, оп. 1, ед. хр. 488, л. 13, 14; The Communist International. 1920. № 13, с. 2417, 2418.

[21] Второй конгресс Коминтерна, с. 498—499; Стратегия и тактика Коминтерна, с. 42, 43.

[22] В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал, с. 204; см. также: Второй конгресс Коминтерна, с. 499; Стратегия и тактика Коминтерна, с. 43.

[23] *Ленин В. И.* II конгресс Коммунистического Интернационала, с. 244—245; В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал, с. 201.

[24] См.: В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал, с. 471—479.

[25] См.: *Резников А. Б.* Разработка IV конгрессом Коминтерна проблем национально-освободительного движения.— Четвертый конгресс Коминтерна. Разработка конгрессом стратегии и тактики коммунистического движения в новых условиях. Политика единого фронта. М., 1980, с. 198.

[26] Анализ выступления Роя на совещании 28 октября см.: *Резников А. Б.*

Разработка IV конгрессом Коминтерна проблем национально-освободительного движения, с. 198—199.

[27] См.: Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала № 19, 01.12.1922, с. 22—27; Protokoll des Vierten der Kommunistischen Internationale. Petrograd — Moskau vom 5. November bis 5. December 1922. Hamburg, 1923, с. 590—598. Четкое краткое изложение основных левацких положений доклада Роя см.: Der Bolschewik. Moskau, № 14, 23.11.1922, с. 4.

[28] Как справедливо отметил А. Б. Резников, в данном случае Рой, несомненно, упрощал и искажал проблему. Ленинский подход не исключал признания определенных, хотя и не коренных отличий экономического и общественно-политического порядка между различными странами Востока (см.: *Резников А. Б.* Разработка IV конгрессом проблем национально-освободительного движения, с. 200—201).

[29] Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала. № 19 с. 23. В кратком изложении доклада указание на общую отсталость стран Востока отсутствует, и прямо говорится, что Рой заявил: «Они (восточные государства.— *А. П.*) находятся на различных ступенях социального и экономического развития» (Der Bolschewik. Moskau, № 14, 23.11.1922, с. 4).

[30] Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала. № 19 с. 23.

[31] Там же, с. 23.

[32] Там же, с. 22, 26.

[33] Там же, с. 24.

[34] Там же, с. 24—25.

[35] Там же, с. 27.

[36] Там же. В «Общих тезисах...» о задачах единого фронта говорится совсем по-иному. Подчеркивается, что лозунг единого антиимпериалистического фронта будет способствовать лишь «*разоблачению колебаний и шатаний* отдельных групп буржуазного национализма» и «поможет развитию революционной воли и прояснению классового самосознания трудящихся масс, *вводя их в передовые ряды борцов* (где они, естественно, займут свое место рядом с борцами из других социальных групп.— *А. П.*) не только против империализма, но и против всяких пережитков феодализма» (В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал, с. 476) (курсив мой.— *А. П.*).

[37] Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала. № 19. с. 26.

[38] В. И. Ленин в то время в силу загруженности другой работой, а также вследствие начавшей давать о себе знать прогрессировавшей болезни не мог уделять разработке проблем революционного движения на зарубежном Востоке большого внимания (см.: *Шаститко П. М.* Ленинская теория национально-колониального вопроса (история формирования). М., 1979, с. 214—230).

[39] См.: *Чешков М. А.* Анализ социальной структуры колониальных обществ в документах Коминтерна (1920—1927).— Коминтерн и Восток. Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. М., 1969, с. 215. Ленинская теория давала лишь исходные ориентиры, методологию анализа. В. И. Ленин ни в коей мере не претендовал на исчерпывающее объяснение специфики восточных обществ и разворачивавшегося в них революционного процесса (см.: *Ленин В. И.* II конгресс Коммунистического Интернационала, с. 244, 245).

[40] Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала. № 19, с. 26.

[41] В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал, с. 471, 474.

[42] Там же, с. 474.

[43] Там же, с. 477. Данное положение, сформулированное в духе «Манифеста Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира», принятого I конгрессом Коминтерна (см. там же, с. 143), также нельзя считать вполне правильным: оно отражает бытовавшие в те годы в сознании многих коммунистов надежды на быстрое приближение мировой революции.

[44] Там же, с. 478.

[45] Там же, с. 475. В тексте «Общих тезисов...», опубликованном в «Бюллетене IV конгресса Коммунистического Интернационала» (№ 32, 9.12.1922,

20), вместо определения «социальные» ошибочно напечатано «специальные».

[46] 2-й конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет, с. 165.

[47] С июня 1922 по август 1923 г. (вплоть до своего закрытия) «Сяньцюй» являлся органом ЦИК Союза социалистической молодежи Китая (подробнее о нем см.: Анализ газет и журналов КПК. Токио, 1976, с. 11 *(на яп. яз.)*; Обзор периодических изданий периода «4 мая». Т. 2. Пекин, 1959, с. 12—31 *(на кит. яз.)*.

[48] См.: Сяньцюй. 1922, № 1, с. 3—4.

[49] «Жэньминь чубаньшэ» — первое подпольное издательство КПК. Было образовано 1 сентября 1921 г. Располагалось в Шанхае, в переулке Фудэ, в южной части улицы Чэнду, в доме № 625. Его руководителем и редактором являлся Ли Да. В плане издательства значился выпуск 48 работ марксистского содержания, в том числе произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Менее чем за год издательством было опубликовано 15 книг. Из конспиративных соображений на всех них местом издания был указан Гуанчжоу (см.: Сюй *Цзюецзай.* События, впервые возникшие в ходе распространения марксизма в Китае.— Синь шици. 1981, № 12, с. 19; *Сюн Чуншань.* Первое подпольное издательство партии — Жэньминь чубаньшэ.— Шанхай шифань сюеюань сюебао. 1981. № 2; *Чжан Хуэйсян.* Распространение и издание в Китае произведений Ленина.— Жэньминь жибао. 5.11.1984; Die Werke von Karl Marx und Friedrich Engels in China. Katalog und Auswahlbibliographie. Trier, 1984, с. 18—19, 53, 123).

[50] См.: Резолюции и манифесты III Интернационала. Гуанчжоу, 1922 *(на кит. яз.)*.

[51] См.: Резолюции и манифесты III Интернационала. Изд. 3-е. Гуанчжоу, 1926 *(на кит. яз.)*.

[52] На обороте титульного листа одного из двух экземпляров третьего издания данной книги, хранящихся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, можно разобрать надпись на китайском языке: «Из библиотеки Коммунистического университета трудящихся Китая». Об интернациональных школах Страны Советов, в которых обучались китайские революционеры, подробнее см.: *Панцов А. В.* Из истории подготовки в СССР марксистских кадров китайской революции.— Революционная демократия и коммунисты Востока. М., 1984, с. 290—330.

[53] КУТВ существовал в 1921—1938 гг., китайские студенты обучались в нем в 1921—1928 и в середине 30-х годов. Университет готовил политработников из среды трудящихся Советского Востока, а также марксистски грамотные кадры коммунистического движения в странах Азии и Африки.

[54] Переписчики внесли только одно исправление — откорректировали неточно переведенное Чэн Цзэжэнем название резолюции по аграрному вопросу (у Чэн Цзэжэня значится «Резолюция по крестьянскому вопросу»). См.: Резолюции II конгресса Коминтерна. М., 1928, с. 58—77 *(на кит. яз.)*.

[55] Андрей Александрович Шийк (1891—1978), он же Эндре Шик, впоследствии видный государственный деятель ВНР (подробнее о нем см.: *Давидсон А. Б.* Эндре Шик.— Народы Азии и Африки. 1981, № 2, с. 148—160).

[56] См.: Резолюция II конгресса III Интернационала по национальному и колониальному вопросам.— Синь циннянь. 1924, № 4, с. 67—74.

[57] См.: Национальный и колониальный вопросы.— Речь Ленина на II конгрессе Интернационала.— Синь циннянь. 1924, № 4, с. 63—67.

[58] В «Хронологии работ Ленина на китайском языке», составленной Чжан Юньхоу и опубликованной в журнале «Лиши яньцзю» (1960, № 4), в качестве первой китайской публикации ленинского «Первоначального наброска тезисов» рассматривается помещенный в четвертом номере «Синь циннянь» за 1924 г. перевод «Резолюции II конгресса III Интернационала по национальному и колониальному вопросам» (см.: Лиши яньцзю. 1960, № 4, с. 50). В данном случае Чжан Юньхоу допускает явную ошибку.

[59] См.: Сяндао. 1927, № 185, с. 1974; № 186, с. 1989.

[60] См.: Сяндао. 1927, № 186, с. 1989.

[61] Упоминания о ней см.: Сяндао. 1927, № 194, с. 2116; Die Werke von Karl Marx und Friedrich Engels in China, с. 75, 76, 127.

[62] См.: Ленин о национальном и колониальном вопросах. [Б. м.], 1946 с. 204—213 (*на кит. яз.*). Издательство «Цзефан шэ» функционировало с конца 30-х по начало 50-х годов (см. о нем: Жэньминь жибао. 5.11.1984).

[63] Чжан Чжунши в то время работал в отделе пропаганды ЦК КПК (подробнее о нем см.: Синьхуа вэньчжай. 1984, № 8, с. 190—192; см. также его воспоминания, опубликованные в журнале «Чубань шиляо» (1983, №. 2)

[64] См.: Тезисы по восточному вопросу.— Синь циннянь. 1923, № 1 с. 76—86.

[65] См.: Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала № 20, 29.11.1922, с. 18.

[66] См.: Второй конгресс Коминтерна, с. 621.

[67] См.: 2-й конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет, с. 122—126.

[68] Как известно, В. И. Ленин произносил доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам на немецком языке (см.: Второй конгресс Коминтерна, с. XII).

[69] См.: В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал, с. 198—204.

[70] Цит. по: В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал, с. 202; см. также: ЦГАОР СССР, ф. 5402, оп. 1, ед. хр. 488, л. 13. В журнале «The Communist International» после слов «Китай и Индия» добавлено «и т. д.» (The Communist International, 1920, № 13, с. 2416).

[71] Die Kommunistische Internationale. 1920, № 13, с. 2487.

[72] 2-й конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет, с. 603; Коммунистический Интернационал. 1920, № 13, с. 2430; Устав и резолюции Коммунистического Интернационала, с. 85. В первом, втором и четвертом русских переводах утверждается, однако, совсем иное: «Одним из наиболее важных вопросов, стоящих перед II конгрессом III Интернационала, является точное определение взаимоотношений между Коммунистическим Интернационалом и революционным движением в политически угнетенных странах *с господствующим докапиталистическим строем*, как в Китае и Индии» (курсив мой.— *А. П.*). [цит. по: Вестник 2-го конгресса Коммунистического Интернационала. № 6, с. 2; 2-й конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет, с. 122. См. также: *Ленин Н. (Ульянов В.)*. Собрание сочинений. Т. XIX, с. 271].

[73] Цит. по: В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал, с. 202; см. также: ЦГАОР СССР, ф. 5402, оп. 1, ед. хр. 488. л. 13; The Communist International. 1920, № 13, с. 2416.

[74] См.: L'International Communiste. 1920, № 13, с. 2434.

[75] Цит. по: 2-й конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет, с. 603; Коммунистический Интернационал. 1920, № 13, с. 2430—2431; Устав и резолюции Коммунистического Интернационала, с. 86; Die Kommunistische Internationale. 1920, № 13, с. 2487. В трех других русских переводах пропущено только слово «своих» (Вестник 2-го конгресса Коммунистического Интернационала. № 6, с. 2; 2-й конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет, с. 123; *Ленин Н. (Ульянов В.)*. Собрание сочинений. Т. XIX, с. 271).

[76] Вестник 2-го конгресса Коммунистического Интернационала. № 7, с. 2; 2-й конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет, с. 125, 126, 605, 606; *Ленин Н. (Ульянов В.)*. Собрание сочинений. Т. XIX, с. 272, 273; Коммунистический Интернационал. 1920, № 13, с. 2432, 2433, 2434; Устав и резолюции Коммунистического Интернационала, с. 88, 89; L'International Communiste. 1920, № 13, с. 2435, 2436; Die Kommunistische Internationale. 1920, № 13, с. 2488, 2489, 2490. В тезисе седьмом изданий на немецком и французском языках данная фраза вообще отсутствует.

[77] Кроме опубликованного в «The Communist International».

[78] Цит. по: В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал, с. 204; см. также: ЦГАОР СССР, ф. 5402, оп. 1, ед. хр. 488, л. 14.

[79] См.: 2-й конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет, с. 606; Коммунистический Интернационал. 1920, № 13, с. 2432; Устав и резолюции Коммунистического Интернационала, с. 88; *Ленин Н. (Ульянов В.)*. Собрание сочинений. Т. XIX, с. 272; ЦГАОР СССР, ф. 5402,

оп. 1, ед. хр. 488, л. 14; L'International Communiste. 1920, № 13, с. 2436; Die Kommunistische Internationale. 1920, № 13, с. 2489. В английском издании журнала «Коммунистический Интернационал», однако, в полном соответствии с оригиналом указывается на необходимость создания в отсталых странах «непартийной организации крестьян и рабочих» (The Communist International. 1920, № 13, с. 2418). В духе оригинала выдержана данная фраза и во втором русском переводе, где подчеркивается задача создания «беспартийной организации крестьян и рабочих» (2-й конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет, с. 125). Что же касается первого русского перевода, то в нем явно ошибочно утверждается необходимость создания «некоммунистических партий для организации крестьян и рабочих» (Вестник 2-го конгресса Коммунистического Интернационала. № 7, с. 2).

[80] См.: *Соркин Г. З.* Буржуазные и реформистские историки о политике Коминтерна по национальному и колониальному вопросам.— Коминтерн и Восток, с. 238—239.

[81] См.: Contributions a l'histoire du Comintern, publiéés sous la direction de Jacque Freimond. Genéve, 1965, с. XXII, XXIII.

[82] L'International Communiste. 1920, № 13, с. 2434—2435.

[83] Цит. по: В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал, с. 203.

[84] Цит. по: В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал, с. 204; см. также: ЦГАОР СССР, ф. 5402, оп. 1, ед. хр. 488, л. 14; The Communist International. 1920, № 13, с. 2418.

[85] См.: L'International Communiste. 1920, № 13, с. 2436.

[86] Вестник 2-го конгресса Коммунистического Интернационала. № 7, с. 2; 2-й конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет, с. 126, 606; *Ленин Н.* (*Ульянов В.*). Собрание сочинений. Т. XIX, с. 273; Коммунистический Интернационал. 1920, № 13, с. 2434; Устав и резолюции Коммунистического Интернационала, с. 89; Die Kommunistische Internationale. 1920, № 13, с. 2490.

[87] Цит. по: В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал, с. 201; см. также: 2-й конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет, с. 600; *Ленин Н.* (*Ульянов В.*). Собрание сочинений. Т. XIX, с. 269; Коммунистический Интернационал, 1920, № 13, с. 2428—2429; Устав и резолюции Коммунистического Интернационала, с. 83; L'International Communiste. 1920, № 13, с. 2436; Die Kommunistische Internationale. 1920, № 13, с. 2490.

[88] Синь циннянь. 1924, № 4, с. 71.

[89] Там же.

[90] См.: *Глунин В. И.* Коминтерн и становление коммунистического движения в Китае (1920—1927).— Коминтерн и Восток, с. 249.

[91] Точное определение категории *«буржуазия» — «цзычаньцзецзи»* (т. е. «класс (слой), который капитализирует собственность») — вошло в китайский язык несколько позднее — к середине 20-х годов).

[92] Цит. по: В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал, с. 199. В некоторых русских публикациях 20-х годов слово «помещики» заменено на «землевладельцы» (см.: 2-й конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет, с. 598; *Ленин Н. (Ульянов В.)*. Собрание сочинений Т. XIX, с. 267; Коммунистический Интернационал. 1920, № 13, с. 2426; Устав и резолюции Коммунистического Интернационала, с. 80). В данной фразе речь, разумеется, идет о глобальных перспективных задачах Коммунистического Интернационала, а не о его тактической линии на Востоке.

[93] Сяньцюй. 1922, № 1, с. 4.

[94] Цит. по: В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал, с. 199; см. также: 2-й конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет, с. 598; *Ленин Н.* (*Ульянов В.*). Собрание сочинений. Т. XIX, с. 268; Коммунистический Интернационал. 1920, № 13, с. 2426; Устав и резолюции Коммунистического Интернационала, с. 80, The Communist International. 1920, № 13, с. 2415; L'International Communiste. 1920, № 13, с. 2432; Die Kommunistische Internationale. 1920, № 13, с. 2487.

[95] Резолюции и манифесты III Интернационала. Изд. 3-е, с. 102—103.

[96] Там же, с. 107.

[97] Там же, с. 108

98 Цит. по: В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал, с. 202; с[м.] также: Вестник 2-го конгресса Коммунистического Интернационала. № 6, с. 2; 2-й конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отче[т], с. 603; *Ленин Н.* (*Ульянов В.*). Собрание сочинений. Т. XIX, с. 271; Коммунистический Интернационал. 1920, № 13, с. 2430; ЦГАОР СССР, ф. 5402, оп. [1], ед. хр. 488, л. 13; Устав и резолюции Коммунистического Интернационала, с. 85; The Communist International. 1920, № 13, с. 2416; L'International Communiste. 1920, № 13, с. 2434; Die Kommunistische Internationale. 1920, № 1[3], с. 2487.

99 Резолюции и манифесты III Интернационала. Изд. 3-е, с. 109.

100 Там же, с. 112.

101 Там же, с. 113.

102 *Ленин В. И.* II конгресс Коммунистического Интернационала, с. 24[.]

103 См.: Синь циннянь. 1924, № 4, с. 64.

104 *Ленин В. И.* II конгресс Коммунистического Интернационала, с. 24[.]

105 Синь циннянь. 1924, № 4, с. 64.

106 См.: Ленин о революции на Востоке. М., 1929, с. 19 (*на кит. яз.*).

107 *Алексеев В. М.* Принципы переводов сочинений В. И. Ленина на китайский язык.— Записки Института востоковедения АН СССР. Т. 3. Л., 193[.], с. 5.

108 См.: *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 6. М., 1947, с. 69—188; Т. 9. М., 1952, с. 232—238, 239—268. Первая из данных работ получила особенно широкое распространение в Китае. По неполным подсчетам, только в 20-е годы она издавалась целиком или частично пять раз, в том числе четыре раза [в] новых переводах (см.: Синь циннянь. 1924, № 4, с. 57—63; *Сталин.* Теория [и] практика ленинизма. Хуэйфу, 1926 (*на кит. яз.*); *Сюй Цзюецзай.* События, впервые возникшие в ходе распространения марксизма в Китае.— Синь шици, 1981, № 11, с. 27; Сяндао, 1927, № 201, с. 2222).

109 *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 6, с. 145, 147.

110 Там же, т. 9, с. 234.

111 Там же, с. 261.

112 Данные представления И. В. Сталина нашли отражение и в других его работах по проблемам китайской революции (подробно см.: *Глунин В. И.* Коминтерн и становление коммунистического движения в Китае (1920—1927), с. 286—292; Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969, с. 264; *Шириня К. К.* Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны (1934—1939 гг.). М., 1979, с. 101.

113 *Вэй Цинь.* Ленин об освободительном движении наций Востока.— Сяндао. 1927, № 184, с. 1946—1958.

114 Ленин, Сталин о Китае. [Б. м.], 1950, с. 81—85 (*на кит. яз.*).

115 Ленинская мысль о значении тезисов Роя интерпретируется в данном переводе следующим образом: «...*поэтому* для нас (они) *имеют важнейшее значение*» (Ленин, Сталин о Китае, с. 92) (*на кит. яз.*) (курсив мой.— *А. П.*). Указанный перевод до сих пор рассматривается в Китае как образцовый.

116 См.: Краткая история международного коммунистического движения (1848—1924). Тяньцзинь, 1978, с. 426—428 (*на кит. яз.*); Лекции по истории КПК. Т. 1 [Ухань], 1981, с. 23 (*на кит. яз.*). Этот же подход разделяет, [в] частности, Сюй Цзюньцзи. См. его работу «Коминтерн и образование КПК», опубликованную в журналах «Бэйцзин шиюань сюебао» (1980, № 3) и «Синьхуа юэбао» (1980, № 12).

117 См.: *Ли Шэнпин.* Рой и великая китайская революция.— Цзиньдай шияньцзю. 1984, № 3, с. 113—147.

118 Там же, с. 117.

119 Там же.

120 Там же, с. 119.

М. А. ПЕРСИЦ

ПРОГРАММНЫЕ УСТАНОВКИ ТУРЕЦКИХ КОММУНИСТОВ 1920 и 1983 гг.

Коммунистическое движение на Востоке существует уже около 70 лет, и тем не менее все своеобразие его зарождения в докапиталистических условиях колониального или полуколониального общества и особенности начального этапа его развития в отсутствии или почти отсутствии сформировавшегося пролетариата изучены пока недостаточно. Одна из причин этого состоит в острой нехватке первоисточников, освещающих период формирования компартий в странах Востока. Вот почему столь необходимы поиски соответствующих документов и анализ их в случае обнаружения.

Автору этих строк в результате многолетней работы в советских архивах удалось обнаружить некоторые документы, характеризующие идейно-политические воззрения и революционную деятельность первых турецких коммунистов. Рассмотрение этих материалов представляется особенно интересным в наше время, поскольку в октябре 1983 г. V съездом Коммунистической партии Турции была принята новая (четвертая по счету) программа партии, позволяющая не только убедиться в зрелости политической мысли и практических действий современных марксистов Турции, но и лучше понять естественные трудности и неизбежные проявления сектантства первых турецких коммунистов, лишь приступавших тогда, в 1918—1920 гг., под руководством Мустафы Субхи к строительству коммунистической партии.

Эти естественные трудности и неизбежные проявления сектантства, которые В. И. Ленин очень метко назвал «детской болезнью левизны», полезно изучать и сегодня. Во-первых, ими отмечен важный этап формирования коммунистического движения во всем мире, а не только в одной Турции. Без всестороннего их изучения нет и не может быть знания подлинной истории коммунистического движения, истории поистине героической, отмеченной тысячами и тысячами жертв в борьбе за национальное и социальное освобождение порабощенных народов. К тому же, по выражению В. И. Ленина, «левые» ошибки «совершали действительно лучшие, преданнейшие элементы, без которых, пожалуй, и вовсе не было бы Коммунистического Интернационала» [1]. Во-вторых, и теперь турецким коммунистам

приходится вести борьбу с сектантством, ибо среди левых партий Турции, действующих в подполье, распространены сектантские взгляды, вытекающие из установки типа «класс против класса»[2]. Без избавления от сектантства коммунистам, долгие годы преодолевавшим собственную «детскую болезнь левизны», невозможно осуществить линию на создание широкого единого фронта всех демократических сил нации во имя борьбы за власть национальной демократии.

Кроме того, выявленные в ряде архивов документы начального периода коммунистического движения в Турции еще не были предметом изучения историков[3], а потому введение их в научный оборот и первоначальное осмысление весьма целесообразно.

Коммунистическое движение в странах Востока, в Турции в том числе, зарождалось одновременно как в самих этих странах, так и за их пределами среди многочисленной эмиграции, находившейся во многих развитых государствах, где она испытывала сильное влияние идей социализма и происходившей там классовой борьбы пролетариата. Но, разумеется, особое, ни с чем не сравнимое по силе воздействие на всю восточную эмиграцию, в какой бы стране она ни находилась, оказала Великая Октябрьская социалистическая революция. В первую очередь ее воздействие коснулось эмигрантов из стран Востока, живших в России, где еще с дооктябрьских времен сконцентрировалась самая многочисленная в мире восточная эмиграция — не менее миллиона человек. После Великого Октября она стала пополняться новыми пришельцами с Востока — национальными революционерами и революционными демократами, намеревавшимися изучить и использовать опыт победоносной борьбы российского пролетариата для освобождения своих народов от гнета империализма. Поэтому весьма существенной чертой антиимпериалистического движения на Востоке, возникшего после первой мировой войны, было стремление революционно-демократической интеллигенции изучить марксизм-ленинизм и освоить опыт Октябрьской революции, что выливалось, как правило, в создание коммунистических групп и кружков.

Виднейшими участниками нового движения и нередко его зачинателями являлись революционные эмигранты. Это было естественно, так как они находились в куда более простой ситуации, чем их единомышленники в самих странах Азии, где колонизаторы и местная реакция старались подавить малейшие проявления коммунистической деятельности. Не случайно самые первые социалистические и коммунистические группы были образованы восточными эмигрантами во Франции, в Германии, Австрии, Венгрии, Японии и, конечно, в Советской России.

Между коммунистическими группами, создававшимися за границей, и теми, которые вскоре стали возникать в странах Востока, устанавливались и крепли двусторонняя связь и взаимодействие. Постепенно происходило соединение двух коммуни-

стических течений — внутреннего и внешнего, что и приводило к образованию коммунистических партий.

Для всего формировавшегося в то время коммунистического движения в странах Востока была характерна весьма тяжелая форма «детской болезни левизны». Первые коммунисты Востока были единодушны в страстном стремлении повторить опыт российских большевиков, т. е. немедленно осуществить в своих странах социалистическую революцию, и решить тем самым задачи и национального, и социального освобождения сразу, одновременно. Лозунг «идти по пути русских» был на устах у всех начинающих коммунистов Азии, но понимался ими из-за слабости марксистской их подготовки механически, без учета всех социально-экономических реалий колониального или полуколониального общества, в котором они жили. В этом именно и состояла сама суть «левой болезни», имевшей множество общих и национально-особенных проявлений в воззрениях и деятельности первых коммунистов стран Востока, турецких в том числе. К наиболее общим относились: политический волюнтаризм с завышенной оценкой уровня социально-экономического развития стран Востока и отрицанием антиимпериалистических потенций национальной буржуазии, а также революционное нетерпение с преувеличением роли военного фактора в предстоящей революции и отказом от лозунга «право наций на самоопределение» из-за его якобы буржуазной сущности.

Начало турецкого коммунистического движения и его первые программные установки

Среди зачинателей коммунистического движения на Востоке турецкие революционеры были в числе первых. Уже в июне 1918 г. Мустафа Субхи, завершивший к тому времени переход от революционного демократизма к марксизму [4], и, по-видимому, некоторые члены бывшей Османской социалистической партии, находившиеся среди турецких военнопленных, созвали в Казани конференцию социалистов (ее скорее следует назвать совещанием). Она положила начало объединению турецких социалистов в России и, как отмечалось в ее решениях, сделала первый шаг по пути к созданию *социалистической организации рабочих и крестьян,* способной возглавить революционное движение турецкого народа [5]. Конференция определила, что следующим шагом в избранном направлении будет созыв «съезда турецких социалистов». Она утвердила состав комиссии для его подготовки и группы агитаторов для «пропаганды идей... партии» среди бывших турецких военнопленных, находившихся в лагерях, и для избрания в их среде делегатов на предстоящий съезд [6]. Конференция разработала повестку дня будущего съезда, первым пунктом которой намечался доклад Мустафы Субхи «Об основах и *программе турецкой партии социалистов-*

коммунистов» (курсив мой. — *М. П.*). Поначалу именно так стали называть строившуюся организацию первые турецкие коммунисты. Они хотели, вероятно, подчеркнуть, что новое, коммунистическое движение есть продолжение и развитие лучших революционных традиций предшествующего социалистического. И это вполне соответствовало действительному положению дел.

Субхи и его группа, развернув подготовку к учредительному съезду партии, вскоре поняли, что в намеченные ими предельно короткие сроки созвать такой съезд невозможно. Еще не были налажены устойчивые связи и взаимодействие с начинавшимся коммунистическим движением в самой Турции, без делегатов которого съезд не приобрел бы должного значения. Поэтому 22 июля 1918 г., всего лишь через месяц после казанской конференции, открылась турецкая социалистическая конференция в Москве, а не съезд, как предполагалось ранее. Собралось 20 делегатов, приехавших, как отмечалось в протоколе конференции, «с различных концов России» [7]. 17 из них были военнопленными, вероятно, членами бывшей Османской социалистической партии. В это число входили четверо рабочих и, по-видимому, 13 интеллигентов. Три делегата, среди них и М. Субхи, должно быть, представляли перешедших на позиции марксизма турок, которые в разное время эмигрировали в Россию и были интернированы после начала первой мировой войны.

В докладе об основах и программе партии Мустафа Субхи исходил из того, что Турция — страна чисто капиталистическая и что поэтому перед ней стоят непосредственно задачи социалистической революции, которой предстоит «разрушить капитал и освободить народ. Вся земля, все средства производства и транспорта, одним словом, все существующие богатства должны быть национализированы народом, и, таким образом, бедные классы общества должны быть освобождены от буржуазной тирании. Это база социализма» [8].

Докладчики по другим вопросам, так же как и Субхи, считали, что установление в Турции социалистического строя — ближайшая задача предстоящей в стране революции. Например, в резолюции по докладу Хусейна — об отношениях народностей, населяющих Турцию, — указывалось, «что, невзирая на различие... верований и языка, пролетарские классы всех народностей Турции ввиду общности и солидарности интересов должны объединиться и общими усилиями добиваться установления в Турции федеративного социалистического строя» [9]. Поскольку цели антиимпериалистического, национально-освободительного характера предполагалось решить в ходе социалистического переворота, отвергалась всякая возможность даже временных соглашений с национальной буржуазией [10]. Однако конференция должна была считаться с тем, что пролетарское движение в стране было еще очень слабым, и потому в ее решениях отмечалось, что социалистический строй в Турции «возможен лишь после всемирной революции, когда будут сброшены пра-

вительства империалистов и буржуазия»[11]. Но и эта оговорка почти ничего не меняла в основных установках турецких коммунистов относительно сроков прихода пролетариата Турции к власти. В то время даже в более зрело мыслящих коммунистических кругах господствовало убеждение, что социалистическая революция в передовых странах капитализма — дело самого ближайшего времени. Революционные события в Европе давали тогда достаточные основания для такого мнения.

Программные предначертания конференции были, как видим, весьма ограниченными, а по характеру совершенно «левыми». В то время турецкие коммунисты, и не только они, были еще не в состоянии разработать аргументированную и развернутую программу. Даже среди европейских компартий оставалось немало таких, которые и в конце 1922 г. не сумели пока разработать собственные программы. На IV конгрессе Коминтерна (ноябрь 1922 г.) группа делегатов от РКП(б) во главе с В. И. Лениным предложила проект резолюции по вопросу о программе Коммунистического Интернационала. В этом документе, в частности, было сказано, «что национальные партии, не имеющие еще своих национальных программ, должны немедленно приступить к выработке таковых...». Далее указывалось, что в программах необходимо определить требования и задачи партии «в зависимости от коренной разницы экономических структур, как например, Англия и Индия, и тому подобное»[12]. В 1918 г. уровень марксистской подготовки первых турецких коммунистов не позволил им разобраться в специфике экономической структуры своей страны, понять ее отличие от структуры развитых стран капитализма и соответственно определить в программе свои задачи и способы их осуществления.

Вообще многие начинающие коммунисты Востока, в том числе и турецкие, полагали тогда, что достаточно просто принять программу РКП(б) и солидаризироваться с ней, поскольку предстояло ведь «идти по пути русских» и распространять на родине «пламя русской революции»[13]. Что же касается национальных «деталей», то они не столь уж важны и могут быть выработаны потом. Решения, принятые конференцией, имели именно такой характер.

В резолюции по докладу Мустафы Субхи говорилось: «Первая турецкая конференция [социалистов-коммунистов][14] признает [себя] в принципе согласной и солидарной с программой коммунистов [большевиков], но окончательную разработку *деталей* она оставляет до... второй конференции, [которая соберется] через три месяца, когда наряду с турецкими делегатами могли бы присутствовать представители рабочих и бедных крестьян из Турции и эмигранты... (курсив мой. — *М. П.*)»[15]. Вскоре на I Всероссийском съезде коммунистов-мусульман (4—12 ноября 1918 г.) Мустафа Субхи интерпретировал формулу «признает [себя] в принципе согласной и солидарной...» как постановление о полном принятии программы РКП(б) в качестве

документа, выражающего революционные цели турецких социалистов-коммунистов [16]. Как видим, первые коммунисты Турции были столь увлечены идеей точного повторения российского опыта у себя на родине, т. е. идеей немедленного и одновременного освобождения своего народа как от национального, так и от социального угнетения, что, по существу, игнорировали реальные условия своих стран и те задачи, которые действительно из них вытекали.

Московская конференция турецких социалистов-коммунистов, хотя и не подготовила собственную программу, тем не менее сыграла важную роль, ибо избрала ЦК — руководящий центр турецкого коммунистического движения [17] во главе с Мустафой Субхи и активизировала взаимодействие внешнего и внутреннего коммунистических течений, чем содействовала последовавшему через полтора года созданию Коммунистической партии Турции.

Коммунистическое движение в самой Турции зарождалось в 1918—1920 гг., т. е. почти в то же время, что и в кругах эмиграции. Главными центрами его формирования были Стамбул и Анкара. В Стамбуле уже в конце 1918 г. возникла первая коммунистическая группа, просуществовавшая, правда, лишь до февраля 1919 г. [18]. Однако весной 1919 г. в городе появилась новая группа коммунистов, работавшая затем нелегально в течение двух лет и сумевшая добиться значительного влияния среди рабочих. На фабриках и в мастерских члены этой группы создавали коммунистические ячейки, распространяли пропагандистские материалы: листовки, брошюры, журналы, вели устную агитацию. Своей главной задачей стамбульские коммунисты считали мобилизацию масс для участия в вооруженной борьбе против империалистов Антанты, порабощавших родину [19].

Существовали в Стамбуле и другие небольшие коммунистические группы, часто интернационального состава. Одна из таких групп даже установила прямой контакт с Коминтерном [20]. В мае 1920 г. образовалась новая коммунистическая группа, состоявшая из людей, которые до возвращения из эмиграции были членами болгарской, румынской, венгерской, сербской и российской компартий [21].

Существенную роль в развитии коммунистического движения в стране сыграла Рабоче-крестьянская социалистическая партия Турции (РКСПТ). Она была создана в Германии турецкими революционно настроенными студентами и рабочими. В июле 1919 г. эта партия перенесла свою деятельность в Стамбул, куда вернулись ее создатели после многолетнего пребывания на чужбине. Партия выступала за освобождение Турции от господства империалистов, требовала создания демократического правительства, отстаивала экономические интересы рабочих и крестьян, вела в своем ежемесячном журнале «Куртулуш» («Освобождение») пропаганду идей социализма.

Но партия не была единой. С начала 1920 г. к руководству в ней пришли буржуазные деятели, и тогда подлинно революционные ее элементы стали уходить в коммунистическое движение [22]. Например, видный работник РКСПТ Этхем Неджат [23] был избран впоследствии секретарем ЦК компартии Турции и стал ближайшим соратником руководителя турецких коммунистов Мустафы Субхи.

В 1919—1920 гг. коммунистические группы стали возникать и в Анатолии. По сведениям, относящимся к середине января 1921 г., комячейки были организованы в Бурсе, Трабзоне, Самсуне, Кастамону, Конье, Сивасе, Адане и ряде других городов [24]. Более интенсивной была коммунистическая деятельность в Анкаре. В середине июля 1920 г. группа анкарских революционеров во главе с Салихом Хаджиоглу и Зайнетуллой Навширвановым объявила себя компартией Турции и заявила о присоединении к Коминтерну. В основном это были сторонники марксизма, которые участвовали в деятельности антиимпериалистической национально-революционной организации «Зеленая армия», сочетавшей в своей программе идеи эгалитарного социализма и ислама [25].

Понятно, что коммунистические группы, сложившиеся в стране и за ее пределами, стремились к слиянию, к созданию единой партии. В результате подготовительной работы, проведенной группой Субхи совместно со стамбульской и анкарской коммунистическими группами, удалось созвать первый, учредительный съезд коммунистов Турции. Он открылся в Баку, ибо правительство кемалистов запретило его проведение в Анатолии, и работал с 10 по 16 сентября 1920 г. включительно [26].

Среди 74 участников съезда 51 делегат представлял 13 коммунистических групп самой Турции, и, по-видимому, 23 делегата прибыли от коммунистов, находившихся в Советской России. Право решающего голоса получили только 32 делегата [27]. Съезд провозгласил создание централизованной Коммунистической партии Турции и принял специальное решение об объединении в ее рядах коммунистических групп, существовавших разрозненно в Стамбуле, Анкаре, ряде других городов Анатолии и за пределами страны. Съезд избрал Центральный комитет во главе с Мустафой Субхи (председатель партии) и Этхемом Неджатом (генеральный секретарь).

Однако фактического объединения всех турецких марксистских ячеек достигнуть тогда еще не удалось. Препятствовала антикоммунистическая репрессивная политика анкарского правительства и оккупация Стамбула войсками Антанты. Правда, коммунистические группы после съезда несколько активизировали свою связь с ЦК КПТ, но в основном все же вынуждены были работать более или менее автономно. Анкарская коммунистическая группа, учтя сложившуюся в то время обстановку, по необходимости провозгласила себя Турецкой народной коммунистической партией (ТНКП), избрала свой руководящий

орган — ЦК, разработала даже собственные программу и устав (см. об этой вынужденной мере ниже). Впоследствии, в середине 1921 г., Оргбюро КПТ, находившееся за границей, отмечало, что старые и новые коммунистические ячейки в Анатолии «оторваны друг от друга», что необходимо установить с ними и между ними «курьерскую связь», после чего «будет созван II съезд КПТ, и этим партия закончит свой организационный период»[28]. Интернациональная коммунистическая группа в Стамбуле испытывала большие трудности при установлении контакта с Коминтерном и ЦК КПТ, чем, видимо, и объяснялось то, что она также именовала себя компартией и имела свой Центральный комитет[29]. Г. И. Сафаров, один из руководящих деятелей восточного секретариата Коминтерна, отмечал (21 октября 1921 г.), что помимо интернациональной коммунистической группы в Константинополе есть будто бы и турецкие коммунистические ячейки, но они не объединены. Таким образом, формирование партии как единой централизованной организации даже после I съезда было еще далеко от завершения.

Помимо избрания ЦК партии I съезд КПТ рассмотрел и ряд других коренных вопросов развития коммунистического и национально-освободительного движений в стране. Его повестка дня включала также следующие пункты: 1) текущий момент; 2) деятельность Центрального бюро турецких коммунистических организаций; 3) *программа Турецкой коммунистической партии;* 4) национальный и колониальный вопросы; 5) профессиональные союзы; 6) доклады с мест; 7) женский вопрос и др.[30].

Большое значение для определения ближайшей деятельности партии имела резолюция съезда по докладу о текущем моменте[31]. В § 3 резолюции указывалось: «Распоряжения, изданные II конгрессом Коминтерна, соответствуют требованиям жизни и согласуются с основными мыслями турецкого социального движения»[32]. Съезд, следовательно, декларировал свое согласие с ленинскими установками II конгресса, потребовавшего от коммунистов Востока сохранять политическую и организационную самостоятельность своего движения и при этом обязательно поддерживать национально-освободительную борьбу народов, хотя она и возглавлялась национальной буржуазией. Вслед за тем была дана верная оценка освободительной борьбе турецкого народа. «Мы убеждены, — говорилось в резолюции (§ 4),— что продолжающееся в Анатолии национально-революционное движение своей борьбой против мирового империализма окажет помощь пролетарскому движению всего мира», а также «будет благоприятствовать (в конечном итоге) как появлению классового самосознания у анатолийских рабочих, так и ...осуществлению завтрашней социальной революции»[33]. Далее, совершенно в духе решений II конгресса Коминтерна, формулировался вывод: «Турецкая коммунистическая партия рядом с оказанием помощи углублению в Турции... движения,

направленного против империализма, будет работать для подготовления почвы, необходимой для приобретения господства трудящихся классов, что составляет настоящую цель и последнее желание рабочего народа» (§ 5)[34].

Однако съезду не удалось до конца удержаться на уровне этих обоснованных решений. Когда дошла очередь до обсуждения программы партии, съезд, как и предшествовавшая ему московская конференция 1918 г., стал на левацкие позиции.

На одном из первых заседаний съезда была избрана «комиссия для рассмотрения проекта программы» партии в составе Мустафы Субхи, Этхема Неджата, Джевада и Исмаила Хаккы[35]. На последнем, седьмом заседании по предложению этой комиссии съезд абсолютным большинством голосов принял Программу Коммунистической партии Турции[36].

Это был документ большого революционного накала, декларация непреклонного стремления к освобождению своего народа не только от иноземных, но и от собственных угнетателей. В нем КПТ провозглашала себя неразрывной частью международного коммунистического движения, заявляла, что «она вместе с другими коммунистическими партиями земного шара — участница III Интернационала» и активно борется в его рядах против международной буржуазии. В программе подчеркивалась изначальная и нерушимая связь КПТ с народом, которому она обязана всем, «что есть в ней возвышенного и идеального»; свою задачу партия видела в том, чтобы указать народу верный путь к победе революции (раздел I, § 10).

Вся первая, общеполитическая часть программы характеризует вехи развития капиталистического способа производства, начиная с феодальных времен и кончая стадией империализма, «когда капитализм, поднявшийся материально на высшую ступень мощи», подготавливает условия для собственной гибели, ибо обрушивает на ремесленников, крестьян и рабочих неисчислимые бедствия и несчастья, способствуя «увеличению гнета и бедности в народе...» В результате, указывалось в Программе, «факторы и элементы, долженствующие свалить... [капитализм], размножились до невероятных размеров, поэтому неизбежно должен исчезнуть и нынешний буржуазный строй», как в свое время «произошло исчезновение... феодальной эпохи» (§ 3 и 4). Только с уничтожением частной собственности, резюмировала программа, и переходом средств производства в распоряжение государства, «только с основанием коммунизма» исчезнут «всякого рода насилия и угнетения, порожденные капитализмом», и между народами «восторжествуют отношения братства, единения и справедливости» (§ 7). В программе аргументированно доказывались неизбежность и необходимость социалистической революции как единственного средства избавления человечества от капиталистического гнета.

Именно эту задачу осуществления социалистической революции и выдвигала тогда программа перед отсталой Турцией и

стремилась доказать, что в новой обстановке, созданной Октябрьской революцией, это стало вполне возможным. Если в своих ранних заявлениях по программным вопросам первые турецкие коммунисты обычно исходили из априорного утверждения, что Турция представляет собой капиталистическое государство и поэтому, естественно, перед ее рабочим классом стоит непосредственная задача социалистической революции, то здесь предложена сложная система аргументации, отнюдь не игнорировавшая социально-экономическую отсталость Турции, но тем не менее обосновывавшая тот же тезис о готовности страны и партии к немедленному избавлению народа от национального и социального гнета одновременно.

Программа содержала тезис о неравномерности экономического развития различных стран и народов. В § 8 справедливо отмечено, что возможность или невозможность социалистической революции определяется прежде всего уровнем социально-экономического развития той или иной страны. Разные народы, указывалось в программе, стоят на разных ступенях исторического развития. Одни только-только начинают вступать в капитализм из феодализма, другие переживают различные фазы пролетарского движения в рамках буржуазного общества, а третьи перешагнули «из буржуазной эпохи в эпоху пролетарского господства». Поэтому различные народы в разное время получают возможность приступить к решению социалистических задач. Однако, говорилось в программе, так было раньше, в нынешней же обстановке, созданной победой социалистической революции в России, было бы неправильно, «неосновательно считать [разные] народы и страны несоединимо разрозненными и изолированными один от другого». Теперь у них возникли мощное взаимовлияние и взаимодействие. В самом деле, стоило произойти Октябрьской революции, как разразились социальные революции на Западе в более экономически развитых, чем Россия, странах. «С другой стороны, — продолжала программа, — есть большая жизненная связь и важное взаимоотношение между ожидаемым введением коммунизма во всем Западе и революционными действиями, которые происходят в настоящее время на Востоке». И далее: «Нынешние движения... на Востоке и на Западе дополняют друг друга», так как они порождены одной общей причиной — современным капитализмом.

Как видим, в этой системе рассуждений и аргументов, отдельные элементы которых вполне убедительны, налицо стремление доказать, что новая обстановка, созданная в мире Великим Октябрем, позволяет народам, независимо от достигнутого ими уровня социально-экономического развития, немедленно ставить перед собой социалистические цели и добиваться их быстрейшего осуществления.

Уже отмечалось, что программа не игнорировала социально-экономического положения страны и давала ему справедливую, хотя и предельно общую характеристику. Но и это было тогда

значительным достижением для политического мышления первых коммунистов Востока. В § 9 сказано, что хотя «Турция... по сравнению с другими восточными странами совершила значительный прогресс», тем не менее «фабричное дело» на ее землях «не развилось еще как следует». В различных частях страны разбросаны отдельные фабрики, но *«не образовалось еще... настоящего пролетариата* (курсив мой. — *М. П.*)». Сотни тысяч тружеников Турции — это в основном ремесленники, рабочие же заняты главным образом добычей угля и железа, а также упаковкой и транспортировкой товаров.

Еще лаконичнее, чем о рабочем классе, сказано в программе о других группах трудящихся и обездоленных: крестьяне «с утра до вечера работают... будучи лишены средств к удовлетворению самых элементарных жизненных потребностей»; солдаты гибнут в угоду великим державам и их правительствам; о люмпенах и бедняках: «в городах и селениях — класс бедняков, лишенный средств производства», а также безработные, «которые потеряли всякую надежду на спасение».

Вслед за тем программа утверждала, что Турция «со своим нынешним образом и формой правления... является страной, вступившей в буржуазную демократию». Тут же следовала важная оговорка, что Турция «еще не избавилась от положения полуколонии» и что «классовая борьба [в ней] переживает [лишь] период первоначального развития».

Следующий тезис в логическом построении, предложенном программой, был посвящен национально-освободительной борьбе турецкого народа, а точнее, положению, которое занимали в ней трудящиеся классы: программа констатировала, что в Турции происходит «восстание против хищных держав-победительниц», в котором «принимают участие и бедные классы страны». Не ограничиваясь констатацией этого очевидного положения, программа вскрывает его классовую суть и указывает, что таким образом «турецкий рабочий в союзе со своим врагом... местной буржуазией, эксплуатирующей и грабящей его, воюет против мирового капитализма, угнетающего и грабящего Турцию...» Тем не менее «классовое самосознание» трудящихся Турции в ходе антиимпериалистической войны не ослабляется, а, наоборот, под сильнейшим влиянием Октябрьской революции возрастает, приходит «к усовершенствованию».

«В результате всего этого,— заключала программа,— национальное движение в Турции приобретает социальный характер и подготавливает благоприятные условия для основания крестьянских и рабочих Советов на основе социализма». В этой формуле обнаруживается установка на непосредственную возможность перерастания происходившей в Турции буржуазно-демократической национально-освободительной революции в социалистическую, установка, которая получит ясное и определенное выражение в последующих выступлениях руководящих деятелей и документах КПТ.

Кроме рассмотренных выше § 8, 9 и 10 из общеполитической части программы, в большой степени связанных с конкретной действительностью Турции и КПТ, подавляющая часть остальных пунктов, а их более пятидесяти, представляет собой почти конспект Программы РКП(б), причем конспект не той первой программы, которой большевики руководствовались в доoктябрьский период, а второй, утвержденной VIII съездом партии в 1919 г. и, следовательно, определившей задачи российских коммунистов на этапе, наступившем после завоевания пролетариатом политической власти. Понятно, таким образом, что программа во всех своих частях исходила из курса на точное повторение в Турции российского социалистического опыта и определяла задачи партии в расчете на самую близкую и как бы уже обеспеченную победу социалистической революции на турецкой земле.

Программа развернула обширный план строительства Республики крестьянских и рабочих Советов, осуществляющих власть угнетенных классов[37], в чем видела переходную ступень от капитализма к коммунизму (раздел II, § 2 и 3). Соответственно декларировалась необходимость «привести все источники и орудия производства в положение общей собственности класса производителей, живущих собственным трудом, и покончить раз навсегда с сословиями паразитов, которые живут не трудясь...» Намечалась первоочередная национализация крупных предприятий (раздел IV, § 8 и 9), а также всех банков и слияние их в единый «народный банк». Чтобы «предотвратить ограбление бедного народа», планировалась ликвидация ростовщичества, биржевой игры и «всякого рода хищных денежных операций» (раздел VII, § 27 и 28).

Программа заявляла, что партия передаст в распоряжение «бедных трудящихся классов» большие дома и дворцы, принадлежащие капиталистам, предпримет жилищное строительство для крестьян и рабочих, которые жили в очень плохих условиях или вообще не имели жилья (раздел IX, § 32 и 33), национализирует аптеки, больницы, санатории и передаст их в исключительное пользование народа. Производство и продажа населению спиртных напитков и опиума запрещались (раздел XI, § 37 и 38).

Специфика турецкого общества нашла отражение в пункте, который провозглашал необходимость «уничтожить колониальный и капитуляционный порядок вещей» и тем самым создать условия для раскрепощения и «подъема производительных сил страны» (раздел IV, § 13).

Проблемы сельскохозяйственного производства программа трактовала без учета специфики аграрного строя Турции, и решение выдвинутых ею задач было тогда нереально. В программе записано, что партия осуществит национализацию земли, которая «будет отнята у эксплуататоров и отдана в собственность народа». За крестьянами, трудившимися собственными

руками, будут закреплены их земельные участки. Безземельные и малоземельные крестьяне будут наделены землей за счет подлежащих разделу частных необработанных земель и «обыкновенных имений». Являясь в принципе сторонницей создания крупных хозяйств, компартия заявляла, что передаст в руки государства частнособственнические хозяйства, организованные на научных началах, для эксплуатации их «по системе крупного производства» и станет всемерно поощрять добровольное объединение крестьян в «коммунистические имения». В заключение программа указывала, что КПТ опирается в деревне на «пролетариев и полупролетариев», т. е. на безземельных батраков и крестьян, лишенных средств для обработки имеющейся у них земли. Говорилось также о создании комитетов бедноты и защите «от когтей насильников» середняка, о привлечении его на сторону комбедов (раздел V, § 16, 17, 20, 21 и 22).

Национальные и религиозные проблемы программа решала, во-первых, провозглашением полного равноправия всех населявших Турцию народов и наций, полной их свободы и отмены всех привилегий, которыми пользовались некоторые из них ранее, а главное — образованием Федеративной республики крестьянских и рабочих Советов, которая будет представлять собой «свободное единение свободных народов»; во-вторых, утверждением принципа свободы совести и отделением от государства «духовных учреждений», придающих «влияние и силу капиталистам и вообще господствующим классам» (раздел III, § 6 и 7).

Вряд ли целесообразно характеризовать остальные разделы и параграфы программы, посвященные охране труда и социальному обеспечению рабочих, проблемам распределения и налогообложения, здравоохранения и образования, жилищному вопросу и судопроизводству. Все они хороши и справедливы, но решение поставленных в них задач было невозможно без социалистической революции, а для нее Турция того времени еще не имела необходимых объективных и субъективных условий; это видно даже из тех немногочисленных пунктов программы, которые учитывали тогдашние турецкие реалии.

Программа вовсе не выдвигала задачи буржуазно-демократического этапа революции, в то время единственно возможного в Турции и фактически осуществлявшегося уже в процессе национально-освободительной войны против держав Антанты. Первые коммунисты Турции, так же как тогдашние коммунисты Индии, Китая, Ирана, подлинной революцией считали только революцию социалистическую. Антиимпериалистическая война турецкого народа против оккупационных войск Антанты рассматривалась прямо и непосредственно лишь в одном месте программы и только с точки зрения ее классового содержания; еще в одном разделе, об армии, содержалось лишь упоминание о ней: там осуждались «богатые сословия мюлкадаров», у которых «надо отобрать все оружие» за то, что они «уклоняются от решительного боя» с империалистами (раздел XII, § 41). Ко-

нечно, этого было недостаточно, ибо в документе не были определены задачи партии по организации всенародного сопротивления чужеземным захватчикам, в поддержку национально-патриотической буржуазии и даже не нашло отражения активное участие коммунистов в освободительной борьбе, которое могло стать еще более существенным, если бы власти Анкары не препятствовали этому (см. примеч. 34).

Можно понять логику первых турецких коммунистов. Ведь именно эти задачи дня они уже четко провозгласили в съездовской резолюции по текущему моменту. В программе же, полностью ориентированной на социалистическую революцию и строительство социалистического государства, незачем было, по их мнению, задаваться целью поддержки национально-освободительной борьбы и возглавлявшей ее буржуазии, поскольку планируемая революция направлялась не только против иноземных, но и против национальных угнетателей.

В целом документ, глубоко революционный по характеру и духу, был теоретически недостаточно обоснован, ибо исходил из условий не столько самой Турции, сколько Российской социалистической республики. В Турции же разворачивалась лишь национально-освободительная революция, и возглавлялась она анатолийской буржуазией, занимавшей к тому же антикоммунистические позиции.

Стремление в точности повторить опыт большевиков было свойственно и тем коммунистам, которые действовали автономно в самой Турции и разрабатывали собственные программы. Тому же принципу следовали и коммунисты Ирана, когда на своем первом съезде в июне 1920 г. утвердили программу, содержание которой было заимствовано из соответствующего документа, принятого VIII съездом РКП(б) [38].

Мы далеки от намерения осуждать первых коммунистов Востока, искренних революционеров и горячих патриотов, за их левореволюционные взгляды и действия. В. И. Ленин считал, что «левая болезнь» есть болезнь роста [39]. Характеризуя слабости начинавшегося в мире коммунистического движения, В. И. Ленин писал: «*Наши партии еще* в громадном большинстве стран *далеко, далеко не таковы, каковыми должны быть* настоящие коммунистические партии... (курсив мой.— *М. П.*)» [40]. Эти ленинские оценки в наибольшей степени относились к первым коммунистам Востока, в частности к турецким. Еще плохо освоившие марксизм, находящиеся в докапиталистических условиях отсталых стран, беспредельно преданные идее освобождения своих народов от иноземных и внутренних угнетателей, они просто не могли тогда не совершать «левых» ошибок. Скажем больше, именно эти ошибки, быть может, особенно ярко выражали их революционность. «Но, — писал В. И. Ленин, — мы знаем этот наш недостаток, мы его вскрыли... И мы этот недостаток преодолеем» [41].

Действительно, «левую» болезнь надо было преодолевать,

ошибки, пусть неизбежные, следовало исправлять. Турецким коммунистам, несмотря на сложную обстановку у себя на родине, нужно было постараться установить отношения сотрудничества с антиимпериалистическими элементами страны в целях быстрейшего завоевания ее политической самостоятельности и при этом добиваться удовлетворения насущных нужд трудящихся, составлявших решающую силу национально-освободительного движения.

Однако избранный на съезде ЦК КПТ придерживался установок своей программы. Вскоре он заявил об этом совершенно ясно. 2 октября 1920 г. ЦК КПТ направил Совету пропаганды и действия народов Востока отчет о проделанной работе, I съезде и о своем решении переехать в Анатолию. К отчету прилагались смета расходов ЦК КПТ, программа партии и «Доклад о положении дел в Турции». В этом докладе ЦК утверждал, что, *«безусловно, мы находимся накануне торжества и победы социальной революции в Анатолии»,* в связи с чем объявлял принятую съездом «Программу Турецкой компартии *единственной истинной коммунистической программой в Турции* (курсив мой. — *М. П.*)» [42].

Совет пропаганды и действия народов Востока подверг программу КПТ, а также другие «левые» проявления деятельности ее Центрального комитета справедливой критике. Несколько раз в октябре и ноябре 1920 г. собирались Совет и его Президиум для рассмотрения актуальных проблем коммунистического движения в Турции. По-видимому, уже в середине октября 1920 г. А. Е. Скачко представил Президиуму Совета доклад «О Центральном комитете ТКП и его деятельности», в котором, в частности, внимательно рассмотрел принятую съездом турецких коммунистов программу. Этот документ, писал А. Е. Скачко, «есть не что иное, как частичная... выписка из Программы РКП(б)... это декларирование того, что будет делать КПТ тогда, когда она будет стоять у власти в советской Турции. Чего же партия будет добиваться теперь, до завоевания власти, и какими путями она будет завоевывать эту власть, это из Программы совершенно не видно» [43]. С полным основанием в докладе было указано, что программа игнорировала реалии турецкого общества, была «лишена всякого... локального оттенка... Об особенностях экономического и социального положения в Турции, об отсутствии в ней промышленного пролетариата и вытекающей отсюда неизбежности выработки особых путей для установления диктатуры трудящихся... в программе нет ни слова...». Особенно сетовал автор доклада на то, что «даже в аграрном вопросе, неизбежно локальном, и то нет никакого местного колорита... Ни о чем том, что составляет характерные особенности турецкого аграрного вопроса, в Программе не говорится ни слова» [44].

Совет пропаганды и действия поддержал критику А. Е. Скачко, но не ограничился этим. Турецким коммунистам была ока-

зана реальная помощь в исправлении допущенных ошибок. Тот же Скачко, имевший, вероятно, туркологическое образование, по поручению Совета подготовил «Тезисы об экономических и политических условиях в Турции и тактике Турецкой компартии»[45]. Они были внимательно изучены турецкими коммунистами. ЦК КПТ, судя по всему, во многом согласился с критикой Совета, после чего Мустафа Субхи и Этхем Неджат приступили к разработке нового документа по программным вопросам, широко использовав при этом тезисы Скачко. Такое заключение необходимо сделать, во-первых, потому, что в тексте указанного документа в ряде мест явно содержатся отдельные положения из тезисов Скачко, а во-вторых, потому, что на первой странице самих тезисов после заглавия в скобках чернилами четким почерком написано: «Выработаны членом Совета [пропаганды и действия] народов Востока т. Скачко. *Приняты ЦК ТКП»*[46] (курсив мой. — *М. П.)»*. По-видимому, разработка документа была закончена в первой половине декабря 1920 г., ибо на первой его странице, сверху, написано чернилами, вероятно, для машинистки, перепечатывавшей текст: «5 экз., Д. К., 19.XII».

Проект новой программы (пожалуй, именно так его следует называть[47]) в сохранившемся архивном варианте вообще не имеет названия, однако в конце последнего, 7-го, параграфа указано, что партия сумеет воспитать «обширные кадры стойких и преданных членов для достижения провозглашенных *настоящей программой целей* и для разрешения поставленных ею задач» (курсив мой. — *М. П.*). Важно и то, что под этим документом стоят собственноручные подписи председателя ЦК КПТ Мустафы Субхи и секретаря ЦК Этхема Неджата[48].

Проект принципиально отличался от программы, одобренной I съездом, поскольку в нем была предпринята серьезная попытка анализа тогдашнего социального, экономического и политического положения страны, характера ее всенародного антиимпериалистического движения, позиций в нем основных классов. Турция, как известно, была полуколонией империалистических держав, закабаливших ее с помощью режима капитуляций и многих других экономических и политических рычагов господства, насилия и подавления. Крестьянство, составлявшее девять десятых всего населения, безмерно страдало под гнетом не только феодалов, но и местных и иноземных капиталистов. Не выдерживая конкуренции с европейскими промышленными товарами, разрушалось ремесленно-мануфактурное производство. Только небольшая часть огромной массы разорившихся крестьян и ремесленников находила себе работу в промышленности, лишь начинавшей тогда развиваться. Остальные превращались в пауперов и люмпенов, заполнявших города.

Торговая буржуазия была неоднородна. Мелкая и средняя ее части, сложившиеся в Анатолии, составляли национальную буржуазию, которая возглавляла освободительную антиимпериа-

листическую борьбу народа. Ей противостояла инонациональная крупная торговая буржуазия, зачастую выступавшая в роли агентуры колонизаторов. Поскольку эти две группы буржуазии находились в противоположных лагерях, столкнувшихся между собой в вооруженной борьбе, в проекте программы говорилось даже о возникновении в стране своеобразной гражданской войны.

Авторы проекта программы исходили из такого именно анализа при определении ближайших и отдаленных задач партии, что было значительным шагом вперед, приближавшим турецких коммунистов к овладению марксистско-ленинской теорией, к пониманию ленинского требования — намечать задачи партии и базировать ее деятельность не на зыбкой почве революционного нетерпения и волюнтаризма, а на основе изучения «экономических структур».

Проект новой программы в значительной своей части исходил из реальной турецкой действительности. В нем учитывалась вся сложность стоявших перед партией задач, заключавшихся в необходимости сочетать защиту классовых интересов трудящихся с активным участием в общенациональной, буржуазной по характеру борьбе за независимость Турции.

В проекте программы трижды провозглашалось, что компартия будет «всеми силами» поддерживать «буржуазное правительство [кемалистов], поскольку оно возглавляет борьбу турецких повстанцев против западных империалистов». Таким образом, по существу, выдвигалась ленинская идея создания единого антиимпериалистического фронта коммунистов и анатолийской буржуазии. При этом, как и требовал В. И. Ленин на II конгрессе Коминтерна, решительно подчеркивалось, что компартия отнюдь не растворится в едином фронте, а сохранит в полной мере свою организационную и политическую независимость. Мало того, в проекте четко указывалось, что, участвуя в общенациональной борьбе во имя быстрейшего освобождения родины, компартия одновременно «будет защищать интересы трудящихся масс и добиваться... немедленного улучшения их положения».

Достоинства проекта новой программы бесспорны, однако они умалялись теми леворевлюционными установками, которые также присутствовали в нем. Его авторы еще не усвоили до конца ленинскую мысль о том, что борьба за самоопределение наций, хотя и вызывает временное ослабление классовых противоречий в обществе, является единственным способом создать необходимые условия для быстрого самоопределения пролетариата и развития затем его классовой борьбы за ликвидацию всякой эксплуатации человека человеком. Иначе говоря, чем скорее осуществится самоопределение нации, тем быстрее начнется самоопределение пролетариата, т. е. его политическое отделение от буржуазии и превращение из класса «в себе» в класс «для себя». В. И. Ленин говорил, что «каждая нация должна

получить право на самоопределение, и это способствует самоопределению трудящихся» [49]. Понятно, следовательно, что трудящиеся классы были заинтересованы в достижении независимости своей страны не меньше, чем сама буржуазия, а, быть может, даже больше нее.

Проект же, исходя из того что на очереди — социалистическая, а не буржуазно-демократическая революция, доказывал, что национально-освободительная борьба для трудящихся классов не только бесполезна, но и в известной степени вредна. В проекте было сказано, что достижение национальной независимости и утверждение национальной буржуазии у власти *«не даст никакого облегчения»* рабочим и крестьянам, *«не спасет крестьян и ремесленников от окончательного разорения»*, наоборот, *«бедствия, испытываемые трудящимися массами Турции, не прекратятся, а возрастут еще больше* (курсив мой. — *М. П.*)». Проект без каких-либо оговорок доказывал, что прямой вред развитию классового сознания трудящихся несет их участие в антиимпериалистической войне, ибо национальный характер этой войны внушал рабоче-крестьянским массам несбыточные надежды на возможность избавления от эксплуатации без борьбы против «своих», турецких, угнетателей. Проект подчеркивал несостоятельность надежд трудящихся на то, что завоевание национальной самостоятельности принесет им освобождение от всяческого гнета. Эта мысль была выражена так: «Рабоче-крестьянские массы, не испытавшие еще достаточно гнета собственной национальной буржуазии, самоотверженно и горячо борются за сохранение независимости Турции, *воображая,* что завоеванием этой независимости они освободят себя от всякого угнетения и эксплуатации (курсив мой. — *М. П.)»*. Авторы проекта сочли возможным утверждать, что даже сама национальная буржуазия немного получит от завоевания политической независимости, поскольку она «не освободит Турцию от экономического гнета европейского капитализма, не предохранит ее от проникновения иностранного финансового и промышленного капитала...».

Конечно, возможен и подобный результат национально-освободительного движения, он не был редкостью в прошлом, не редкость он и в наше время. Но так писать о всенародном национально-освободительном движении — значит вопреки собственным заявлениям о всемерной его поддержке и собственным действиям по мобилизации масс на такую поддержку фактически отталкивать трудящихся от участия в нем. Двойственность и противоречивость установок проекта порождались, разумеется, стремлением первых турецких коммунистов сочетать курс II конгресса Коминтерна на создание единого антиимпериалистического фронта с всепоглощающим желанием немедленно привести турецкий народ к социалистической революции, которая и даст ему одновременно как национальное, так и социальное освобождение.

Вдохновленные этим благородным, но не обоснованным тогда желанием, первые турецкие коммунисты убедили себя и убеждали других в неизбежности самого скорого перехода кемалистского движения на рельсы социалистической революции.

Между прочим, этому способствовала распространившаяся в середине и в конце 1920 г. даже среди отдельных деятелей Коминтерна и советских коммунистов завышенная оценка демократических тенденций кемалистского руководства, якобы отличавшегося пробольшевистскими симпатиями и социалистическими намерениями. Эту легенду усиленно распространяли сами кемалисты, когда обращались к Советской России с просьбами о военной помощи. Например, в первой половине августа 1920 г. Мустафа Кемаль-паша направил правительству РСФСР письмо, которому предпослал лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»; в письме он называл себя и своих соратников «турецкими большевистскими вождями», писал о необходимости обеспечить «развитие социализма в Турции», сетовал на то, что империалисты «по всяческому стремятся задавить наш большевизм», и т. д.[50].

Видимо, и среди советских коммунистов были люди, которые, хотя и правильно оценивали классовую природу кемалистского движения, полагали, что турецкие сторонники марксизма смогут перевести это движение на путь социалистической революции. Так, автор статьи, напечатанной в бакинском «Коммунисте», выражал надежду, что «турецкие коммунисты постепенно смогут перевести революционное движение кемалистов на единственно верные коммунистические рельсы»[51]. Во всяком случае, уверенность, что кемалисты не станут препятствовать развитию коммунистической деятельности в Турции, была довольно широко распространена. Е. Д. Стасова, обсуждая в своем выступлении на I съезде турецкой компартии предстоящий переезд ЦК КПТ в Анатолию, сказала: «Вы приступите к работе при сравнительно легких условиях. *Вы сможете открыто развить вашу работу в Турции при правительстве Мустафы Кемаля* (курсив мой. — *М. П.*)»[52]. Даже И. В. Сталин, не питавший никаких иллюзий в отношении возможности перерастания кемалистского движения в социалистическую революцию, полагал, что КПТ все же сумеет стать в Анатолии легальной партией оппозиции[53].

Уместно привести здесь примечательный эпизод, характеризующий искреннюю благожелательность советских людей и органов Советской власти по отношению к турецкому освободительному движению, его участникам и руководителям, о которых многие в стране Октября дружески говорили «наши товарищи». Народный комиссар по иностранным делам Азербайджанской Советской Республики Гусейнов в августе 1920 г. направил представителю РСФСР в Копенгагене М. М. Литвинову телеграмму, в которой просил его «перегово-

рить относительно обмена задержанных нами в Баку англичан на арестованных *наших товарищей...* (курсив мой. — *М. П.*)». Из следующей телеграммы от 28 августа по тому же вопросу, адресованной уже Г. В. Чичерину, стало ясно, что Гусейнов «нашими товарищами» назвал «арестованных в Константинополе (британскими военными властями) турок-кемалистов» [54].

Выше уже говорилось, что в октябре 1920 г. на общем собрании аскеров турецкого коммунистического стрелкового полка обсуждался вопрос об участии этой воинской части в общетурецкой освободительной войне против войск Антанты. С докладами на собрании выступили А. Е. Скачко, Мустафа Субхи и некий Гамза. В принятой по докладам резолюции было сказано, что полк решил соединиться «с революционной армией Кемаля паши и бороться с врагами трудового народа до последней капли крови», для чего намерен «отправиться в Красную Анатолию» [55]. Как видим, кемалистов считали «красными», своими товарищами по борьбе с общим врагом.

Таков был политико-психологический климат, в котором первые турецкие коммунисты выдвинули идею возможности перерастания кемалистской национально-освободительной революции в социалистическую. Эта идея нашла известное отражение и в проекте новой программы КПТ. В противоположность там же провозглашенному тезису о притуплении классового сознания трудящихся в ходе общенациональной антиимпериалистической борьбы было выдвинуто и иное положение. В § 3 было сказано, что угнетенное состояние, в котором находятся турецкие трудящиеся классы города и деревни, «создает благоприятную почву для развития [у них] *идей классовой борьбы и социальной революции, а благоприятной средой, в которой эти идеи дорастут до их действительного применения, является происходящая сейчас в Турции национально-освободительная борьба против западных империалистов* (курсив мой. — *М. П.*)». О возможности быстрого перевода кемалистского движения на путь социалистической революции определенно писал член ЦК КПТ Исмаил Хаккы. В докладной записке, направленной в ЦК РКП(б) в первой декаде января 1921 г., он утверждал: турецкая компартия «более чем уверена, что [кемалистское] движение в конечном результате *перейдет в классовую революцию*, влившись в общее русло международной классовой борьбы (курсив мой. — *М. П.*)» [56]. При этом предполагалось, что «конечный результат» последует в самом непродолжительном времени. Тот же Исмаил Хаккы, выступив 16 января 1921 г. на заседании Совета пропаганды и действия, заявил: «Недалек... день, когда над столицей бывшей империалистической Турции — Стамбулом воздвигнется красное знамя и засияет красная звезда».

Выступая за быстрейшее перерастание национально-освободительной революции в социалистическую и стараясь доказать, что это вполне возможно, первые турецкие коммунисты безмерно преувеличивали степень организованности и силу влияния в

массах коммунистической партии. В приветственном послании В. И. Ленину I съезда КПТ, например, утверждалось, что «турецкие коммунистические организации, созревшие под славным знаменем III-го Интернационала, ныне превращаются *в мощную партию* угнетенных масс Турции и на пути к победе социальной революции готовы на самые великие жертвы (курсив мой. — *М. П.*)» [57]. Обосновывая это утверждение, проект новой программы КПТ решительно заявлял, что партия «встретит *несомненную поддержку и содействие* со стороны пролетариев, полупролетариев, солдат, крестьян, мелких собственников, ремесленников, мелких торговцев, демократической интеллигенции и низшего офицерства. Все эти общественные группы, вместе взятые, составят *большинство населения,* и при поддержке этого большинства компартии *нетрудно будет крепко вкорениться в народную почву* и создать *обширные кадры* стойких и преданных членов для достижения провозглашенных настоящей программой целей и для разрешения поставленных ею задач (курсив мой. — *М. П.*)» [58].

Мустафа Субхи исходил, видимо, именно из такой сверхоптимистичной оценки перспектив развития партии, когда на съезде КПТ говорил: «Первой задачей Коммунистической партии Турции является *быстрое* распространение коммунистических идей среди рабочего класса и беднейшего крестьянства нашей страны и подготовка почвы для передачи судьбы народа в его собственные руки (курсив мой. — *М. П.*)» [59]. Таким образом, и программа, и проект новой программы, и руководители КПТ, хотя и отмечали иногда сложность осуществления задач, стоявших перед коммунистами, сулили партии *быстрое и легкое* превращение в подлинно массовую организацию, пользующуюся поддержкой и содействием большинства населения Турции.

А между тем решение таких задач в тогдашней Турции было совершенно невозможно. Рабочий класс был малочислен и распылен небольшими отрядами по ряду городов, где только еще складывалась промышленность. «Пролетариат и крестьянство, — отмечалось в проекте новой программы, — еще не вполне осознали свои классовые интересы». Точнее, следовало бы писать о том, что формирующийся пролетариат, не говоря уже о крестьянстве, был очень далек от социалистических устремлений.

Коммунистическое движение делало только первые шаги и было представлено рядом небольших групп, создававшихся революционерами, которые покидали мелкобуржуазные национал-революционные организации, проповедовавшие идеи исламского социализма, а также реформистские партии — социалистическую, социал-демократическую и др. В состав коммунистических групп входили и возвращавшиеся на родину военнопленные, и эмигранты, прошедшие школу пролетарской революции в России, а также в Германии и Венгрии. В октябре 1920 г. Исмаил Хаккы сообщил, что коммунистические группы существуют

в 19 городах Турции[60]. В январе 1921 г. секретарь советского посольства в Анкаре Упмал-Ангарский сообщал уже лишь о 12 городских коммунистических ячейках. К тому же они «были весьма слабы и незначительны. Местами было всего 5—6 членов»[61]. Число таких групп, по-видимому, уменьшалось под давлением антикоммунистической политики правительства[62]. Выше уже отмечалось, что ячейки были слабо связаны или совсем не связаны друг с другом.

Таким образом, до превращения КПТ в «мощную партию» и до «быстрого» распространения коммунистических идей среди трудящихся было еще очень далеко. На пути стояли огромные трудности как объективного, так и субъективного характера. Тем не менее ЦК КПТ в соответствии со своими необоснованно оптимистическими оценками разработал план немедленного и широкого развертывания в Анатолии коммунистической работы.

Вскоре после завершения I съезда партии ЦК КПТ принял естественное решение о переносе своей деятельности в Турцию. Подготовка к отъезду в Анатолию началась немедленно, но активизировалась в конце сентября 1920 г. Дело в том, что, как сообщил Исмаил Хаккы на заседании Президиума Совета пропаганды и действия, состоявшемся 4 октября 1920 г., ЦК КПТ получил письмо от самого Мустафы Кемаля, в котором тот «ввиду сочувствия населения Советской власти... приглашает турецких коммунистов приехать в Турцию и принять участие в работе Великого национального собрания»[63]. Рассказывая позднее (16 января 1921 г.) на объединенном заседании Совета пропаганды и действия и Совета молодежи Востока о подробностях полученного из Анкары приглашения, Исмаил Хаккы отмечал, что Мустафа Кемаль-паша *никаких препятствий* [коммунистам] *не ставит,* а, наоборот, приглашает их на работу, никаких препятствий организациям, ячейкам, профессиональному движению не ставит, а, наоборот, вопрос стоит так, чтобы через анкарское Национальное собрание *приглашать их на ответственные посты.* Исмаил Хаккы считал даже возможным, что некоторые из руководящих коммунистических деятелей «согласятся занять ответственные посты» в кемалистском государственном аппарате.

Турецкие коммунисты не ведали тогда, что скрывается за этим приглашением, и, вдохновленные им, наметили, как отмечалось выше, обширный план развертывания на родине легальной коммунистической деятельности. Предполагалось, что 15 коммунистов, в том числе председатель ЦК КПТ Мустафа Субхи, секретарь ЦК Этхем Неджат и член ЦК Мамед Эмин, которым надлежало отправиться в Турцию[64], по приезде создадут разветвленный аппарат Центрального комитета партии, войдут затем в контакт с Великим национальным собранием и создадут в его рамках коммунистическую оппозицию. Кроме того, планировалось установить регулярную связь с существовав-

шими в 19 городах коммунистическими группами и образовать партийные организации в 44 других городах. В зависимости от численного состава коммунистических ячеек намечалось создать 40 парторганизаций первой категории и 25 — второй. Было решено также перенести выпуск центрального органа партии «Ени Дюнья» из Баку в Анкару и организовать выпуск еще семи коммунистических газет [65]. Группа Субхи намеревалась создать в Анатолии ряд пропагандистских школ, провести в самое ближайшее время несколько многолюдных конгрессов и теоретических конференций. Наряду с этим коммунисты уже в Баку приступили к созданию артистической группы для так называемого Летучего театра и теперь собирались отправить артистов в Турцию. По-видимому, ЦК КПТ не оставлял также надежды на то, что в Турцию удастся отправить коммунистический стрелковый полк для участия в вооруженной антиимпериалистической борьбе народа.

Итак, турецкие коммунисты, рассчитывая на безусловную поддержку большинства народа и сотрудничество с кемалистами в рамках единого антиимпериалистического фронта, готовились к отъезду на родину. 3 октября 1920 г. М. Субхи в официальном письме Президиуму Совета пропаганды и действия сообщил, что *через несколько дней* 15 товарищей, из которых три члена ЦК и 12 политработников, отправляются в Турцию.

Однако Совет пропаганды и действия задержал их отъезд, ибо увидел в планах турецких коммунистов отрыв от реальной действительности, чреватый большими бедами. Дважды специально собирался Президиум Совета (14 октября и 3 ноября 1920 г., в последнем случае совместно с ЦК КПТ), чтобы обсудить вопрос о принципах организации коммунистической работы в Турции. Внимание турецких коммунистов было обращено на то, что «сейчас в Турции... происходит революция буржуазная», которая не имеет никаких перспектив перерасти в социалистическую, что никакой предрасположенности к идеям социализма Мустафа Кемаль не испытывает и в конкретных условиях страны компартия еще продолжительное время будет оставаться очень небольшой организацией. Поэтому турецким коммунистам было рекомендовано выработать более скромные планы своей деятельности, а главное внимание обратить на создание прочных низовых ячеек, воспитание у пролетариата классового самосознания и подготовку преданных делу революции партийных кадров.

Мустафа Субхи, однако, согласился не со всеми замечаниями Президиума Совета пропаганды и действия. Он заявил, что план ЦК КПТ рассчитан на легальные условия, но если даже придется работать в подполье, то и тогда будет необходимо все, что намечено. Субхи утверждал также, что в Турции уже существует 21 партийная организация, следовательно, у коммунистов есть силы для выполнения намеченных планов, в частности для проведения конгрессов и конференций, которые «име-

ют агитационное значение и помогут собрать массы вокруг коммунистической партии»[66]. Затем выступил Хильми Хаккы, который обосновывал планы ЦК якобы существовавшим в Турции высоким уровнем социального движения трудящихся, тем, что в недрах «националистического брожения рождаются социалистические элементы», что население недовольно «руководителями национализма» и «ищет других вождей и других путей»[67]. Ту же, в общем, мысль развивал Исмаил Хаккы. «Мустафа Кемаль, — говорил он, — ничего не делает для народа, и потому коммунисты, хотя и слабо организованные, имеют большое влияние, и потому надо дать большой организационный размах коммунистической партии»[68].

Можно понять первых турецких коммунистов. Вдохновленные идеей социалистической революции, они хотя и поддерживали национально-освободительную борьбу своего народа и участвовали в ней, однако не считали ее достойной именоваться революцией, поскольку она была неспособна избавить трудящихся от своих собственных эксплуататоров. Недаром Хильми Хаккы назвал освободительное турецкое движение «националистическим брожением». Слишком велико было революционное нетерпение турецких коммунистов, слишком велики были их революционный подъем и вера, что весь трудовой народ Турции немедленно встанет под социалистические знамена, сто́ит лишь призвать его к этому, чтобы они могли легко отказаться от своих планов, нацеленных на подготовку социалистической революции. Недостаточность марксистского образования не позволила им глубоко понять и оценить сущность происходивших в Турции событий, могучий патриотический подъем, охвативший страну. Хотя коммунисты распознали буржуазную природу национально-освободительного движения в Турции, они ошибочно завышали уровень готовности трудящихся к социальной борьбе. Отсутствие опыта политической борьбы не позволило им и правильно оценить политический курс кемалистских руководителей в отношении зарождавшегося коммунистического движения.

В проекте новой программы КПТ указывалось, что анатолийская буржуазия, возглавляя национально-освободительную борьбу турецкого народа, «преследует свои собственные классовые интересы» и «сейчас же прекратит борьбу, как только ее интересы будут удовлетворены». Однако в проекте не предусматривался другой вариант развития, когда буржуазия, не прекращая борьбы против империалистов, поведет одновременно решительное наступление против слабого, еще только начинавшегося коммунистического движения, чтобы не дать ему окрепнуть и стать силой, подобной той, в которую вырос российский большевизм. Именно этот вариант осуществлялся турецкой буржуазией, к нему КПТ была не готова и потому не смогла разгадать и предотвратить жестокий замысел антикоммунистических сил.

Между тем Мустафа Субхи и его соратники должны были

быть осведомлены об антикоммунистической позиции пришедшей к власти анатолийской буржуазии, ибо эта позиция проявлялась даже в то время, когда кемалистские руководители демонстрировали свой «пробольшевизм», носили на френчах значки с серпом и молотом или, подобно Мустафе Кемалю, заявляли, будто «наша [установленная в Анатолии] система правления близка к большевистской» [69]. В минуты откровенности кемалисты не скрывали своих антикоммунистических взглядов. В конце июля или в августе 1920 г. представители турецких коммунистов Сулейман Сами и Сами Зеки, прибывшие с официальным визитом в Анатолию, имели беседы: первый — с Мустафой Кемаль-пашой, а второй — с командующим Восточным фронтом Кязымом Карабекир-пашой. Как сообщалось в обширном докладе ЦК КПТ от 12 октября 1920 г. «О событиях, происходящих в последнее время в Турции», направленном Совету пропаганды и действия, обе беседы имели негативный результат. Кемаль-паша, отмечалось в докладе, «не дал положительных ответов на вопросы относительно разрешения... легальной деятельности [компартии] в Анатолии». Что же касается Кязыма Карабекира, то он высказался по тому же вопросу весьма резко. Организация и движение коммунистов, начинающие действовать с низших слоев, заявил он, решительно нетерпимы, так как это движение приведет к дезорганизации армии и оккупации страны внешними врагами.

Эти слова вполне выражали антикоммунистическую политику правительства. I съезд КПТ пришлось проводить в Баку, а не в Анкаре; не разрешили кемалисты и переброску в Турцию коммунистического полка. Более того, после проведения I съезда КПТ, предвещавшего активизацию коммунистического движения в стране, кемалистское руководство замыслило и стало проводить изощренный план уничтожения зарождавшейся коммунистической партии. Важнейшим элементом осуществления этого плана было упомянутое выше приглашение Центральному комитету КПТ прибыть в Анкару и принять участие в деятельности Великого национального собрания. Однако, поскольку отъезд Мустафы Субхи и других членов ЦК КПТ в Анатолию задерживался, в Анкаре был предпринят новый провокационный шаг. 26 октября 1920 г. было объявлено о создании правительственной «компартии», которую возглавил сам Мустафа Кемаль [70]. Вслед за тем министерство внутренних дел уведомило всех членов подлинной КПТ, что партийные билеты, выданные бакинским ЦК, недействительны и подлежат обмену на билеты правительственной «компартии» в Анкаре [71]. Правительство намеревалось таким способом выявить всех коммунистов, находившихся на нелегальном положении, с тем чтобы установить над ними полицейский надзор и в подходящий момент уничтожить. Впрочем, замысел правительства не ограничивался этой чисто полицейской мерой, он предусматривал нечто гораздо большее. Предпринятый обманный маневр призван был лишить коммуни-

стическое движение его революционного содержания и постепенно перевести на рельсы служения интересам анатолийской буржуазии.

Однако подлинные коммунисты быстро разгадали смысл создания правительственной «компартии». Чтобы противодействовать провокации, коммунисты Анкары вышли из подполья и вместе с рядом левых деятелей Великого национального собрания объявили 22 ноября о создании Турецкой народной коммунистической партии (ТНКП). Это должно было уберечь коммунистов и тех, кто хотел стать в их ряды, от вступления в лжекомпартию, а также спасти доброе имя коммунистического движения от грязи и поношения. Но правительство не замедлило с весьма ловким ответным ходом. 7 декабря 1920 г. оно фактически легализовало ТНКП, даже утвердило ее программу и устав и на «законном основании» получило сведения о всех низовых ячейках партии, действовавших в других городах страны [72]. Представитель Совета пропаганды и действия Ефрем Эшба, направленный в ноябре 1920 г. в Анатолию, уже в конце этого месяца сообщал, что правительство приступило к репрессиям по отношению к малейшей оппозиции; запугивает убийством, высылает.

В январе 1921 г. репрессии достигли наибольшей силы. Главный удар был направлен против коммунистов. 11 января полиция арестовала часть членов Центрального комитета ТНКП, а к 20 января почти все самые деятельные члены ЦК были за решеткой. Ефрем Эшба сообщал, видимо, в конце января, что партия почти вся разгромлена, члены ее арестованы, закрыт ее печатный орган — ежедневная газета «Эмек» («Труд»).

В примечаниях Упмала-Ангарского (5.03.1921 г.) к докладу об истории образования и деятельности ТНКП так описано положение партии в результате январских гонений. От одного из членов — учредителей ТНКП, Назыма, «в меджлисе потребовали предъявить телеграмму об официальном роспуске партии», и тогда «Назым, даже не созвав заседания ЦК (видимо, уже некого было созывать. — *М. П.*), дает телеграмму провинциальным комитетам партии следующего содержания: „ЦК Турецкой народной коммунистической партии, прекратив деятельность, полагает, [что надо] распустить себя и остальным организациям“». Вслед за тем в начале февраля Мустафа Кемаль «за ненадобностью» решил ликвидировать и правительственную «компартию», ибо она не смогла привлечь в свои ряды истинных сторонников марксизма-ленинизма. Повсеместно хватали коммунистов, предавали их суду, обвинив в попытке свергнуть правительство. Подвергались жесточайшему разгрому и без того деморализованные телеграммой Назыма местные организации коммунистов, закрывались коммунистические и другие прогрессивные газеты [73].

В январе 1921 г. в Баку об этих событиях еще не знали.

Поэтому ранее намеченный переезд группы ЦК КПТ в Анатолию отменен не был. Коммунисты поверили Мустафе Кемалю, как могли поверить только честные и искренние люди, неспособные на обман и вероломство, поверили, хотя Мустафа Субхи сам неоднократно разоблачал деятельность правительственной лжекомпартии [74].

В конце декабря 1920 г. или в начале января 1921 г. группа руководителей Турецкой компартии во главе с Мустафой Субхи открыто отправилась в Анатолию, где надеялась развернуть работу в легальных условиях. Характерно, что от поездки она не отказалась даже тогда, когда получила прямое предостережение ответственных кемалистских деятелей, хорошо осведомленных об антикоммунистической кампании в Анатолии. Уже на пути в Анкару группа Субхи встретилась в Карсе с направлявшимся в Москву чрезвычайным послом Великого национального собрания генералом Али Фуадом (Джебесоем) и сопровождавшим его членом ЦК правительственной «компартии» Тевфиком Рюштю (Арасом), будущим министром иностранных дел. Представители Анкары тогда настойчиво «советовали Субхи... отложить свою поездку в Анкару и вернуться в Советскую Россию» [75]. Однако коммунисты продолжили свой путь. Убежденные в правоте своего дела, они еще раз заявили о своей поддержке кемалистов в борьбе против чужеземных захватчиков и о намерении добиться права на легальное существование КПТ [76].

Трагический результат поездки группы Мустафы Субхи хорошо известен. 28 января в открытом море около Трабзона 15 турецких коммунистов и жена председателя КПТ Мариам Субхи были зверски убиты полицейскими палачами и с камнями на шее брошены в воду.

Буржуазные ученые Лазич и Драчкович, изучающие восточную политику Коминтерна, уделили несколько строк своей книги трабзонской трагедии. Они написали, что коммунисты, «формально допущенные турецкими властями... были *плохо приняты местным населением*, которое встречало их камнями во многих городах и селах и в конце концов, заподозрив в шпионаже, утопило в Черном море (курсив мой.— *М. П.*)» [77]. Читателю преподнесена официальная версия турецких властей. С ее помощью провозглашается тезис об отрицательном отношении к коммунизму и коммунистам самого народа, якобы спонтанно выступившего против группы Мустафы Субхи.

Эта версия ничего общего не имеет с действительностью. Только правительство знало о предстоящем прибытии группы Субхи, и только оно могло быть тем режиссером, который столь единообразно организовывал антикоммунистические оргии по всем городам и селам, через которые лежал путь коммунистов, направлявшихся из Эрзурума через Трабзон в Анкару. В докладной записке советского представительства в Трабзоне от 4 февраля 1921 г. сообщалось, что еще до прибытия коммуни-

стов среди населения соответствующих городов, городков и сел местные власти вели усиленную антикоммунистическую агитацию. Коммунистов обвиняли в намерении закрыть все лавки, запретить частную торговлю, конфисковать у граждан драгоценности, закрыть все мечети, открыть женщинам лица и заставить их в таком виде выйти на улицу. «Повсюду мелкобуржуазные элементы, лавочники и подкупленные темные массы по наущению помещиков встречали... [коммунистов] криками и обвинениями, бросали в них камни, грязь, снег, отказывались продавать им хлеб, а животным (лошадям. — *М. П.*) корма». В Трабзоне, где власти подготовили, а затем разыграли главное, заключительное действие кровавой трагедии, губернатор «своевременно установил подле всех советских учреждений» вооруженную охрану, запретив работникам выходить на улицу [78]. Эта мера, принятая якобы для защиты советских граждан от ярости масс, в действительности должна была устранить нежелательных свидетелей предстоящей расправы с коммунистами.

Так был осуществлен важнейший элемент правительственного плана по разгрому начинавшегося в стране коммунистического движения [79]. Попытки снять с правительства обвинение в организации трабзонской трагедии представляются неубедительными [80].

Однако трабзонская трагедия могла и не произойти, если бы не отсутствие опыта политической борьбы у первых коммунистов Турции, если бы не их «детская болезнь левизны», столь отчетливо зафиксированная в программе компартии Турции и сохраненная, хотя и в меньшей степени, в проекте новой программы. Левосектантские взгляды первых турецких марксистов проявлялись, во-первых, в преувеличении силы и организованности коммунистического движения, делавшего в действительности лишь первые шаги, в попытках вопреки этому широко развернуть в стране коммунистическую работу, для чего не существовало ни объективных, ни субъективных возможностей; во-вторых, в завышении степени развития социальной борьбы турецкого рабочего класса и всех трудящихся, вовлеченных пока лишь в общенациональную антиимпериалистическую борьбу; в-третьих, в преждевременном провозглашении социалистической революции единственно необходимой для турецкого народа; в-четвертых, в теоретической недооценке значения национально-освободительного движения вопреки фактической его поддержке и участию в нем; в-пятых, в недостаточном знании и понимании своеобразия классовой сущности анатолийской буржуазии и внутренней политики кемалистского руководства.

Повсеместно на Востоке коммунистическое движение очень медленно и трудно освобождалось от «детской болезни левизны». А первым турецким коммунистам было особенно сложно преодолевать эту болезнь, поскольку с самых первых своих шагов они подвергались преследованиям национальной буржуазии. Поэтому при поверхностной оценке событий могло показаться,

что левая концепция, отвергавшая возможность создания единого антиимпериалистического фронта, получила практическое подтверждение на опыте турецкой компартии. Упмал-Ангарский, внимательно следивший за деятельностью первых турецких коммунистов, сделал из январских событий в Турции именно такой вывод. В своих примечаниях к докладу ЦК ТНКП об истории образования и деятельности Турецкой народной коммунистической партии он писал: «Маленький опыт Турции еще раз подтвердил аксиому тов. Ленина, что комдвижение на Востоке и в своем зародыше должно быть кристально чистым, а таковым оно может быть только тогда, когда оно будет последовательно революционным и по отношению к молодой, расправляющей свои крылья турецкой буржуазии, то есть к правительству М. Кемаля, революционному лишь постольку, поскольку иноземный империализм и отечественный феодализм мешают ему стать полновластным господарем Турции. Но с ними Турецкой коммунистической партии не по пути». Уже сейчас, продолжал Упмал-Ангарский, между коммунистами и кемалистами «зияет громадная пропасть, которую не перешагнуть по ветхому мостику абстрактно-общих точек соприкосновения текущих задач национального освобождения Турции» [81].

Упмал-Ангарский неправомерно ссылался на В. И. Ленина, стремясь таким образом подтвердить свою леворезолюционную позицию. Между тем именно В. И. Ленин выдвинул идею единого антиимпериалистического фронта коммунистов и патриотических сил национальной буржуазии Востока. Именно он первым выступил против левацких намерений многих коммунистов Азии совершить немедленную социалистическую революцию в своих еще не созревших для этого, отсталых странах. Упмалу-Ангарскому и другим коммунистам, державшимся леворезолюционных взглядов, не приходила мысль, что уроки турецких событий учат как раз тому, что преждевременные попытки осуществления «кристально чистой» коммунистической программы в докапиталистических условиях Востока — вещь нереальная, заведомо обреченная на неудачу, что к достижению собственно коммунистической цели ведет длительный путь революционной борьбы под антиимпериалистическими и демократическими лозунгами.

С помощью Коминтерна и благодаря приобретенному политическому опыту турецкие коммунисты постепенно отходили от своих левосектантских взглядов. Характерно в этом отношении заявление Оргбюро КПТ, обосновавшегося за границей. Документ этот, разъяснявший «наши цели и нашу программу», датирован 12 октября 1921 г. и подписан членом Оргбюро Исмаилом Хаккы [82]. В нем после определения конечной цели партии, стремящейся «передать власть... рабочим, крестьянам, бедноте и вообще трудящимся и через их диктатуру вступить в братскую коммунальную жизнь», была сделана весьма важная оговорка. Для осуществления этой цели, говорилось в докумен-

те, «необходимо [сперва] подготовить массу трудящихся к борьбе с эксплуататорами путем развития среди них политического сознания и путем распространения среди них культуры и просвещения». Оргбюро отмечало, что «этот период» превращения пролетариата из класса в себе в класс для себя «будет продолжительным и нелегким». Непосредственной и ближайшей задачей провозглашалась борьба за объединение «широких рабочих и крестьянских беспартийных масс в профсоюзы, кооперативы, чтобы они... сплоченно могли отстаивать свои экономические интересы перед эксплуататорами». Подчеркивалось, что «должны быть использованы всевозможные и разные обстоятельства... для улучшения жизни рабочих, для критики буржуазии и агитационных целей». И все это для того, чтобы трудящиеся массы лишь «в будущем были готовы к революционным действиям» за собственно пролетарские цели.

Как принципиально отличалось это обоснованное и реальное определение задач партии в трудной борьбе за массы от недавних утверждений о легком и быстром завоевании на сторону коммунистов большинства населения страны и близком осуществлении социалистической революции!

Далее был четко поставлен вопрос о значении антиимпериалистической, национально-освободительной борьбы для самого пролетариата и для осуществления основных задач коммунистического движения. «Ни при каких условиях,— говорилось в документе, — не должно быть упускаемо из виду... что самым главным и грозным врагом Турции и вообще отсталых в промышленном и культурном отношении восточных стран являются иностранные капиталистические и империалистические государства». А потому сопротивляться вторгшимся в Турцию империалистам и их агентам, вести против них решительную вооруженную борьбу есть дело, которое «соответствует общим политическим и экономическим интересам... рабочих и крестьян». Вывод из этого положения, хотя и не был сформулирован, напрашивался сам собой — необходимо поддерживать национальную буржуазию в руководимой ею антиимпериалистической народной войне против держав Антанты. Вместе с тем, говорилось в документе, необходимо, чтобы рабочие и крестьяне, отстаивающие своей кровью каждую пядь анатолийской земли, наконец поняли, что они должны освободиться от гнета пашей и буржуазии. Таким образом, по существу, выдвигалась верная двуединая задача: поддерживая национальную буржуазию в период антиимпериалистических усилий, помнить о собственных классовых интересах трудящихся, добиваться удовлетворения их насущных нужд и требований, пробуждать и воспитывать в них классовое сознание.

Заявление Оргбюро КПТ — не единственный признак того, что правительственный план разгрома и уничтожения коммунистического движения в стране провалился. Продолжали работать коммунистические группы в Стамбуле, ушли в подполье

сохранившиеся коммунистические ячейки Анатолии, по-прежнему действовал центр турецкого коммунистического движения, находившийся за границей.

В сентябре 1921 г. правительство Анкары пошло на очередной маневр: меджлис принял закон об амнистии всех осужденных коммунистов. Из ссылок и тюрем стали возвращаться турецкие марксисты. Им удалось восстановить многие местные партийные организации, начала выходить еженедельная газета «Ени хаят» («Новая жизнь»), росла численность компартии [83]. Однако теперь коммунисты уже не питали иллюзий насчет социалистических намерений кемалистов. И действительно, вскоре после победы над войсками Антанты правительство Анкары, уже не столь нуждавшееся в поддержке масс, стало вновь преследовать КПТ. Несмотря на формально легальное положение партии, власти запретили созыв ее II съезда. Пришлось проводить его тайно. Он собрался и работал в Анкаре в августе 1922 г. Вслед за тем, в октябре того же года, правительство объявило о роспуске КПТ и запретило ее деятельность [84]. Компартия ушла в подполье, в условиях которого уже более 60 лет продолжает дело, начатое Мустафой Субхи, и, несмотря на бесчисленные жертвы, самоотверженно борется за свои идеалы.

Новые условия — новая программа КПТ

В тяжелейшей обстановке антикоммунистической травли, которую в большей или меньшей степени проводили все сменявшие друг друга на протяжении 60 лет турецкие правительства, росли партийные кадры, развивались теоретически, овладевая марксистско-ленинским учением, набирались практического опыта, мужали и закалялись в борьбе. Компартию не удалось уничтожить путем жесточайших правительственных репрессий. Она устояла на марксистско-ленинских позициях, когда ей пришлось отбивать атаки правых и «левых» оппортунистов в ее собственных рядах. Несмотря на жесточайший удар, обрушившийся на коммунистов после военного переворота 12 сентября 1980 г., компартия, как пишет ее генеральный секретарь Хайдар Кутлу, «благодаря усилиям и самоотверженности своих членов... сумела залечить раны. Ее идеологическое, политическое и организационное единство становится прочнее» [85]. Более того, она укрепила связи с массами и стала влиятельной силой в политической жизни страны [86].

Особенно убедительно подтвердили жизнеспособность и теоретическую зрелость компартии современной Турции два связанных между собой факта. Во-первых, через 51 год, прошедший после IV съезда КПТ (1932 г.), турецкие коммунисты наконец добились большого успеха, сумев созвать и провести осенью 1983 г. в условиях глубокого подполья V съезд своей партии [87]. На нем присутствовали делегаты от партийных организаций, работающих в Турции и за ее пределами, представители выс-

ших, средних и низших звеньев партийного руководства. Показательно, что 11% всех делегатов составляли женщины. Во-вторых, на этом съезде была принята новая, уже четвертая, программа партии, представляющая собой плод марксистско-ленинского анализа социально-экономического, внутриполитического и международного положения современной Турции. На этой основе были намечены ближайшие и долговременные задачи партии, определена ее политическая линия.

Хотя с момента принятия Национальной конференцией КПТ в 1977 г. предшествующей (третьей) программы прошло всего шесть лет, за это время на мировой арене и в самой Турции произошли столь серьезные изменения, что потребовалось привести в соответствие с ними стратегию и тактику партии, т. е. выработать новую программу ее нынешней и будущей деятельности.

Охарактеризовав современную эпоху как время перехода от капитализма к социализму, программа подчеркивает необычайно возросшую в последние годы агрессивность международного империализма, прежде всего американского, стремящегося путем невиданной гонки ядерных вооружений добиться превосходства над социалистическими странами и повернуть вспять развитие истории [88].

Подробно и тщательно анализируется в программе современное состояние Турции. В прошлом полуколониальная аграрно-феодальная страна, завоевавшая независимость при всесторонней поддержке Страны Советов, нынешняя Турция стала капиталистическим аграрно-промышленным государством. Капитализм (частный и государственный) не только утвердился в ее промышленности, но и занял ведущие позиции в сельском хозяйстве. Однако турецкий капитализм находится в зависимости от США. После второй мировой войны международный империализм, в первую очередь американский, при помощи неоколониалистских методов, опираясь на турецкие реакционные силы — крупную монополистическую и бюрократическую буржуазию, а также на крупных землевладельцев, стремится установить свое господство над страной.

В программе отмечено, что в своих планах подготовки и развязывания новой мировой войны американский империализм отводит важное место Турции. При его поддержке 12 сентября 1980 г. был произведен военный переворот, в результате которого в стране установилась диктатура, выражающая волю реакционных сил турецкого общества. Новая власть уничтожила социальные завоевания рабочего класса и демократические права народа, добровольно пошла на утрату полноты национального суверенитета в угоду интересам США и НАТО в обмен на военную и экономическую помощь своему режиму.

США стремятся превратить страну в плацдарм для военных действий против СССР, других стран социализма и национально-освободительных движений на Ближнем Востоке.

Для осуществления этих целей США имеют на турецкой земле 60 своих военных объектов, где находится 500 ядерных зарядов и где работают 5 тыс. американских военнослужащих. Эти сведения, заимствованные из английского журнала «Саут», опубликовала в начале марта 1986 г. турецкая газета «Джумхуриет».

По требованию НАТО Турция тратит огромные средства (до 25% всех государственных расходов) на военные цели [89]. По заявлению генерала Роджерса, главнокомандующего сухопутными войсками НАТО, Турция среди стран этого агрессивного блока выделяет самую большую часть национального дохода на военные цели и имеет вторую по численности армию после США. Неизменно растет американская военная помощь Турции (в 1985 г. по сравнению с 1980 г. она увеличилась более чем в два раза и составила 714 млн. долл., в 1986 г. достигнет 868 млн., а на 1987 г. обещано дальнейшее ее увеличение), усиливая зависимость страны от американского империализма.

Постоянно увеличивается и без того огромный внешний долг. В 1985 г. он достиг почти 22,8 млрд. долл., превысив на 6,7% уровень 1984 г. По подсчетам специалистов, при сохранении существующих ныне темпов роста внешнего долга Турции удастся расплатиться с ним только к середине XXI в., да и то лишь в том случае, если не будет сделано новых займов.

«Основная характерная черта капитализма в Турции, — отмечается в программе,— многосторонняя зависимость от империализма...», зависимость экономическая, политическая, военная. Именно в этом главная причина того, что страна «десятки лет не может выйти из отсталости и глубоких кризисов», занимает «одно из последних мест в ряду капиталистических стран со средним уровнем развития» [90]. Экономический кризис приобрел хронический характер. И он постоянно усиливается под воздействием цикличных и структурных кризисов, охвативших мировое капиталистическое хозяйство, зависимой частью которого является экономика Турции [91].

Из анализа, проведенного в программе, следует, что материальная база отсталости — многоукладность турецкой экономики, которая всячески консервируется империализмом. Наряду с докапиталистическим производством, еще сохранившимся в стране, существуют формы хозяйствования, свойственные сразу трем стадиям капитализма — начальной, развитой и высшей. «Развитие капитализма, — указывается в программе, — не уничтожило докапиталистические, полуфеодальные отношения», которые еще проявляются в сельском хозяйстве, торговле и мелкотоварном ремесленном производстве. В то же время мелкое производство с небольшим числом рабочих и отсталой техникой даже в капиталистическом секторе экономики занимает важное место не только в деревне, но и в городе [92]. Наряду с этим в результате начавшегося в 60-х годах ускоренного развития капитализма в стране появились национальные монополии, так на-

зываемые холдинг-компании, и финансовый капитал — следствие переплетения монополистических объединений с частными банками [93].

В полном соответствии с требованием марксистско-ленинской теории программа исходит из того, что в общественной деятельности, говоря словами В. И. Ленина, «нельзя сделать ни шагу», не уяснив себе социальной структуры общества и власти, находящихся в непрерывном изменении и развитии [94]. Турецкие марксисты смогли преодолеть трудности изучения экономических и политических условий современной Турции. Показав, что многоукладность экономики и зависимый характер капитализма обусловили большую пестроту социальной структуры, они дали затем в программе анализ специфики классового противостояния в стране, а также характера утвердившейся в ней власти. В программе указано, что верхним слоем господствующей в Турции крупной буржуазии является соглашательская, монополистическая ее часть, «которая своим существованием и силой обязана империализму и поддержке со стороны государства» [95]. Понятно поэтому, что именно она представляет собой наиболее надежную опору империализма и внутренней реакции. Владея многими крупными предприятиями в промышленности, торговле и сфере обслуживания, она подчиняет себе немало мелких и средних производств в различных областях экономики. При этом она не только *эксплуатирует рабочих, но и грабит немонополистические слои буржуазии.* В последние годы «в ее рядах усилились и постепенно выдвинулись на первый план... шовинистические, экспансионистские... тенденции».

Тесно примыкает к монополистическому капиталу бюрократическая буржуазия. Осуществляя непосредственные связи с Пентагоном и НАТО, этот буржуазный слой всецело предан империализму США и также является оплотом реакции.

В программе отмечается, кроме того, что в системе экономических связей между империализмом и Турцией заметное место занимает посредническая, спекулянтская буржуазия, поддерживающая прямые контакты с монополистической и бюрократической буржуазией и государственным аппаратом.

В состав господствующих в стране сил входят и крупные землевладельцы — наиболее реакционные элементы села, оказывающие «большое влияние на политическую власть» [96].

Однако всю полноту власти узурпировала так называемая соглашательская олигархия, правящая страной диктаторскими методами. Программа именует установленный в Турции режим соглашательским, ибо именно соглашательство с американским империализмом, с его неоколониалистскими целями и действиями в большой степени отражает суть внутренней и внешней политики правящих кругов. В состав олигархии входят представители крупной, прежде всего монополистической, буржуазии, а также спекулянтской, посреднической буржуазии, высшего армейского руководства и чужеземного империализма.

Может показаться непонятным, почему, согласно программе, в состав правящей клики входят и представители чужеземного империализма. Ведь Турция — независимое государство. Тем не менее программа отражает существующее положение дел, ибо высшие посты в органах управления экономикой Турции, в администрации крупнейших банков и промышленных предприятий занимают представители Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития.

Характеризуя классовый состав соглашательской олигархии, программа не называет крупных землевладельцев и бюрократическую буржуазию. А между тем представляется, что и эти социальные слои, судя по характеристикам, которые даются в самой программе, должны быть участниками правящих кругов. Такое мнение подтверждает и член ЦК КПТ Эрол Джантекин, считающий, что правящая страной олигархия складывается «из местных монополий, верхушки армии, паразитической части крупной буржуазии и землевладельцев» [97]. Разумеется, это замечание отнюдь не умаляет той характеристики, которую дает программа КПТ правящей олигархии как антинародной и антинациональной.

В программе показано, что политика соглашательской олигархии, повинной в бесчисленных бедствиях турецкого народа, вызывает противодействие огромного большинства населения Турции. В создавшейся обстановке компартия считает, что самой неотложной задачей нынешнего времени является «свержение... диктатуры» [98]. Эта первоочередная задача сможет быть решена только в результате сплоченной борьбы всех национальных сил, иными словами, путем создания во главе с пролетариатом единого национально-демократического фронта, который должен повести массы на борьбу за свержение диктатуры и установление власти национальной демократии. Не ограничиваясь выдвижением и формулированием ближайшей цели революционной борьбы турецкого народа, программа обосновывает возможность ее осуществления путем анализа положения, структуры и интересов всех классов и социальных слоев турецкого общества, которые могут быть союзниками пролетариата в борьбе за свержение диктатуры и установление народной власти.

Особенно большое место уделяет программа самому рабочему классу. Ядро класса «составляет промышленный пролетариат», а состоит он из «трудящихся физического и умственного труда, работающих за заработную плату в сфере производства и в отраслях, являющихся основными для осуществления процесса производства» [99].

Приведенная формулировка отражает те качественные сдвиги, которые произошли в рабочем классе Турции. Рамки класса не могут быть ограничены одними лишь работниками физического труда. Уже К. Маркс писал в «Капитале»: «Теперь для того, чтобы трудиться производительно, нет необходимости не-

посредственно прилагать свои руки; достаточно быть органом совокупного рабочего, выполнять одну из его подфункций»[100]. Программа, таким образом, с полным основанием включает в состав рабочего класса также часть работников труда умственного. Тем самым документ КПТ учитывает и структурные изменения, происходящие в сфере общественного производства Турции, прежде всего в инфраструктуре, которая стала играть очень большую и все возрастающую роль в производственном процессе.

Вместе с тем представляется, что формулировка, включающая в пределы рабочего класса лишь трудящихся, занятых в сфере производства и в отраслях, «являющихся основными для его осуществления», фактически изымает из рядов рабочего класса значительный отряд мелких конторских служащих, которых В. И. Ленин называл «чиновническим пролетариатом»[101].

В рабочем классе, составлявшем в начале 80-х годов 25% экономически активного населения Турции, программа справедливо видит «главную силу, противостоящую соглашательской олигархии». В стране идет процесс обнищания трудящихся, усиливается эксплуатация рабочих, снижается их заработная плата. Безработица стала острейшей социальной проблемой страны. К началу 1986 г. в Турции было не менее 4 млн. полностью безработных, т. е. не менее 20% самодеятельного населения. Если же учесть огромную армию людей, перебивающихся случайными и временными заработками, то число фактически не имеющих работы должно быть почти удвоено. Около миллиона турецких рабочих[102] в поисках работы эмигрировали в развитые капиталистические страны Европы (преимущественно в ФРГ). Но в связи с ростом безработицы в самих этих странах их власти стараются всеми силами и средствами избавиться от ставших лишними турецких рабочих. Многие из них поэтому вынуждены искать заработок на Ближнем и Среднем Востоке, т. е. опять-таки на чужбине, а не дома, где нет никаких шансов получить постоянную работу. И тем не менее к концу 1984 г. в Турцию вынуждены были вернуться из ФРГ свыше 100 тыс. рабочих[103].

При всем этом турецкие рабочие фактически лишены возможности легальной борьбы за свои насущные права. В стране запрещены забастовки, митинги и демонстрации[104], сильно ограничена деятельность профсоюзов. Значительный удар по профсоюзному движению был нанесен майскими законами 1983 г. Если раньше создавать профсоюзы разрешалось в 36 отраслях народного хозяйства, то теперь лишь в 28 отраслях. Владельцы предприятий получили неограниченные возможности объявлять локауты, увольнять рабочих и служащих за участие в стачечной борьбе. Им предоставлено монопольное право определять условия трудовых соглашений.

Власти распустили второе по численности профобъединение Турции — Конфедерацию революционных рабочих профсоюзов

(ДИСК), а над его руководителями и активистами учинили судебную расправу по обвинению в попытке свергнуть существующий строй и ведении коммунистической пропаганды. По этому делу привлечено к суду 1477 человек. 16 руководителей Конфедерации и входивших в нее профсоюзов были приговорены к тюремному заключению на срок от 11 до 20 лет. В январе 1986 г. решение было вынесено пока лишь в отношении 291 подсудимого, из которых 134 человека судом были оправданы.

В программе с полным основанием делается вывод, что положение турецкого пролетариата превращает его в самого активного борца против диктатуры и империализма. Ссылаясь на уроки истории, особенно на политическую и профсоюзную борьбу пролетариата в 60-е и 70-е годы, программа заключает, что «рабочий класс растет, крепнет и является самым революционным классом в обществе», единственно способным «объединить вокруг себя все другие силы народа и довести до победы борьбу за национальное и социальное освобождение, что роль турецкого пролетариата в обществе «значительно выше его численности» [105].

Современный же уровень борьбы трудящихся классов Турции охарактеризовал состоявшийся в июне 1984 г. II пленум ЦК КПТ. Он отметил, что, «несмотря на жестокость диктатуры, возрастает решимость трудящихся начать борьбу за собственные интересы». Пленум сослался на пятитысячный митинг трудящихся, который 4 июня 1984 г. был организован в Стамбуле не запрещенной еще конфедерацией рабочих профсоюзов Тюрк-Иш. На транспарантах, которые держали в руках участники митинга, были начертаны весьма выразительные лозунги: «Забастовка — наше право, и мы его возвратим», «Трудящиеся — самая большая сила», «Да здравствует единство рабочих» [106].

Еще более значительным был второй стамбульский митинг трудящихся, сопровождавшийся манифестацией, который организовала Партия социальной демократии (СОДЕП) 9 июня 1985 г. Тогда собралось 40 тыс. человек, присутствовали многие бывшие парламентарии и нынешние деятели оппозиции. Митинг проходил под лозунгами: «Мы требуем работы, хлеба и демократии», «Долой фашизм!», «Очистить тюрьмы!», «Нет — дороговизне и безработице!». Выступивший на митинге генеральный председатель СОДЕП Эрдал Иненю резко критиковал правящую Партию отечества за ее внутреннюю политику, ограничившую демократические права и свободы народа, а также за неблагополучие в экономике. Власти не решились разогнать митинг, но, окружив собравшихся автоматчиками, арестовали около ста наиболее активных его участников. Стамбульский митинг 9 июня 1985 г. был крупнейшим массовым выступлением трудящихся против диктаторского режима со дня установления последнего в 1980 г. [107].

Рабочий класс страны усиливает борьбу за возвращение своих прав, попранных диктатурой, причем его выступления при-

обретают все более отчетливый политический характер. В этом отношении примечательна организованная Тюрк-Иш конференция профсоюзного актива. Она состоялась в Анкаре 23 декабря 1985 г., и в ней участвовало более полутора тысяч человек. Выступавшие резко критиковали законы, ущемляющие права рабочих и профсоюзов. В заключение, как отметила газета «Гюнайдын», конференция призвала трудящихся к всеобщей забастовке и потребовала отставки правительства.

Программа КПТ показывает далее, что первым и самым надежным союзником пролетариата в борьбе против диктатуры, за национальную демократию является крестьянство, имеющее в обществе «наибольший вес после рабочего класса». Капитализм и империализм ускоряют его классовое расслоение. В результате из сельскохозяйственного производства выбрасываются миллионы разорившихся крестьян, которые превращаются в пауперов и люмпенов. В поисках заработка многие из них уходят в города, где пополняют собою массу бедноты, не имеющей постоянной работы. Интересы крестьян и городской бедноты требуют их союза с рабочим классом. «Только таким образом, — заключает программа, — крестьянство в Турции сможет сыграть революционную роль». И далее: «Обеспечение союза рабочих и крестьян является обязательным условием победы революции» [108]

Программа указывает также на возможность и необходимость привлечения к сотрудничеству с пролетариатом городских средних слоев — подвергающихся разорению кустарей и ремесленников, а также государственных служащих и значительной части «представителей умственного труда, работающих за зарплату» [109].

Принципиальное значение имеет утверждение программы о возможности участия в едином национально-демократическом фронте многих владельцев мелких и средних промышленных предприятий, а также сельской буржуазии, поскольку интересы тех и других не только не связаны с чужеземным империализмом и монополистическим капиталом самой Турции, но и противостоят им [110]. Именно эти слои городской и сельской буржуазии компартия относит к силам, способным сотрудничать с рабочим классом в борьбе за мир и демократизацию политической и экономической жизни Турции. Таким образом, давняя проблема сотрудничества коммунистов с патриотическими силами национальной буржуазии на этапе демократической революции, многие годы остававшаяся камнем преткновения для большинства коммунистов Востока, решается ныне марксистами Турции в духе ленинских указаний.

Обоснованность этого курса подтверждается растущим недовольством буржуазных кругов Турции политикой подчинения страны интересам американского империализма и попранием в угоду ему элементарных демократических прав и свобод народа. Одно только обсуждение на заседании группы ядерного

планирования НАТО в Измире вопроса о размещении на турецкой земле американских ядерных ракет, состоявшееся в апреле 1984 г., вызвало бурный протест не только левых сил, но и оппозиционных буржуазных партий, не допущенных правящей хунтой в парламент. С протестом выступили тогда Партия праведного пути, Партия социальной демократии и Партия благоденствия [111]. Недовольство режимом стала проявлять и Народная партия, имевшая в парламенте 115 мест, и даже многие депутаты из правящей Партии отечества.

С тех пор в стране неуклонно усиливается борьба за демократию, за мир, против агрессивного курса американского империализма, т. е. за цели, находящиеся в неразрывном, органическом единстве. Участниками этой борьбы становятся буржуазные оппозиционные партии, причем не только за пределами парламента, но и в нем самом. В середине 1985 г. Партия социальной демократии и Партия праведного пути официально заявили, что считают своей главной задачей борьбу за восстановление демократии [112]. Ту же цель провозгласила затем и Партия нового пути.

Особое значение приобрело решительное выступление за мир и демократию новой политической организации — Социал-демократической народной партии (СДНП). Она образована в начале ноября 1985 г. путем объединения Партии социальной демократии и Народной партии, в результате чего социал-демократы получили значительное представительство в парламенте.

В начале декабря 1985 г. генеральный председатель СДНП А. Гюркан выступил в меджлисе с критикой внешней политики правительства. Он указал, в частности, что правительству следует срочно рассмотреть вопрос о мире, а не об участии в осуществлении американского проекта звездных войн, который ведет к милитаризации космоса и, следовательно, усложняет проблемы, стоящие перед человечеством.

СДНП резко осудила разбойное нападение американской авиации на суверенную Ливию. Под давлением общественности даже правительство заявило, что воздушные налеты на Ливию несовместимы с международным правом, а президент республики К. Эврен объявил, что Турцию никак нельзя считать «американским стражем в регионе». В то же время, судя по турецким газетам, общественность страны положительно встретила предложение Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева о взаимном выводе советских и американских флотов из Средиземного моря [113].

Как писала газета «Хюрриет» 10 ноября 1985 г., «в Турции возник серьезный кризис доверия в отношении США», и, видимо, Хайдар Кутлу имел достаточные основания, чтобы еще в мае 1984 г. в интервью газете «Непсабадшаг» (напечатано в номере от 15 мая) заявить, что «силы, которые помогли военным прийти к власти в 1980 г., более не поддерживают их господства». В стране, таким образом, постепенно создаются усло-

вия для диалога между коммунистами и оппозиционными буржуазными партиями на базе общих стремлений к демократии.

При решении проблемы места и роли интеллигенции в назревающей революционной борьбе турецкого народа программа КПТ исходит из того, что этот слой турецкого общества входит в состав различных классов. Если одна группа интеллигенции включается в те или иные слои буржуазии, в том числе монополистические, то другие, и бо́льшие, группы подвержены пролетаризации и составляют неразрывную часть рабочего класса. Программа подчеркивает, что «интеллигенция, лишь незначительная часть которой находится на службе у господствующих сил», уже теперь является «одним из ближайших союзников рабочего класса», а в будущем «сыграет важную роль в борьбе народа за национальное и социальное освобождение» [114].

Примечателен уже сам состав делегатов V съезда КПТ, среди которых было 48% рабочих и 52% интеллигентов [115]. Несмотря на правительственный террор, интеллигенция все решительнее выступает с требованиями восстановления демократии, активно борется за мир. Особенно ярко это обнаружилось на судебных процессах, учиненных над руководителями и активистами турецкого Общества сторонников мира (ОСМ). К суду были привлечены популярные писатели, художники, другие деятели культуры, врачи, ученые, дипломаты. Первый судебный процесс продолжался 18 месяцев — с июня 1982 по ноябрь 1983 г. И хотя обвиняемые были приговорены к тюремному заключению на сроки от 5 до 8 лет, моральную победу одержали именно они. Попытки властей представить их агентами Советского Союза полностью провалились; даже 52 члена американского конгресса потребовали освобождения турецких борцов за мир. Тем не менее в ноябре 1984 г. начался суд над еще одной группой ОСМ. На обоих процессах подсудимые выступали как страстные обвинители сил реакции и империализма, готовящих ядерное уничтожение человечества, отстаивали идеи сотрудничества и добрососедства всех народов земного шара [116].

Важным проявлением антидиктаторских настроений явилась майская 1984 г. петиция 1256 видных представителей интеллигенции, обратившихся к председателю парламента с требованием восстановления в стране демократических порядков и свобод. Военная прокуратура вскоре возбудила против 56 авторов петиции судебное дело. Более года длилось разбирательство в суде; закончилось оно в феврале 1986 г. вынужденным оправданием турецких борцов за демократию [117].

Компартия всеми силами поддерживает борьбу интеллигенции за мир и демократию. «Она активно способствует созданию единства рабочего движения с движением интеллигенции» [118].

Надежного союзника рабочего класса в борьбе против империализма и турецкой реакции программа видит в молодежи. Революционность турецких молодых людей обусловлена преж-

де всего тем бедственным положением, в которое их ввергла соглашательская олигархия. Молодежь в возрасте до 25 лет составляла в 1983 г. подавляющее большинство «лишних людей» страны. По данным Организации экономического сотрудничества и развития, членом которой является Турция, на ее долю приходилось 54,5% общего числа официально зарегистрированных безработных. Судьба этих юношей и девушек особенно трагична потому, что они из-за недостаточности или отсутствия трудового стажа лишены права на получение пособия по безработице. Неудивительно, что турецкие газеты очень часто сообщают о самоубийствах и уголовных преступлениях среди молодых безработных. Нет никаких оснований думать, что после 1983 г. положение изменилось к лучшему.

К категории союзников пролетариата программа справедливо относит значительную часть женщин, которые подвергаются все большему угнетению в условиях капиталистической Турции [119].

Последним по порядку, но не по значению, возможным союзником пролетариата программа называет угнетенный курдский народ, который конституцией Турции объявлен несуществующим и язык которого запрещен. Компартия неизменно информирует свой народ о справедливой борьбе курдов против национального гнета, за право на самоопределение, показывает, как жестоко подавляет ее соглашательская олигархия, применяя для этого все имеющиеся в ее распоряжении средства. Под предлогом сохранения целостности страны правительство ведет необъявленную войну против курдского народа. Вооруженному нападению подвергаются сотни курдских селений, производятся массовые истязания, аресты, убийства, курдских патриотов высылают за пределы родины. С особой жестокостью олигархия подавляет деятельность революционных организаций курдов. В июле 1983 г. завершился суд над группой членов Курдской рабочей партии: 35 человек были приговорены к смертной казни, 28 — к пожизненному заключению, 331 человек — к различным срокам тюрьмы. И все эти кары последовали только за то, что партия отстаивает право своего народа на создание независимого государства. КПТ всецело поддерживает национально-освободительную борьбу курдов, о чем четко сказано в программе, и считает, что лишь объединенные действия турецкого и курдского народов против общего врага — соглашательской олигархии могут привести к победе и, следовательно, к национальному освобождению угнетенных [120].

Итак, политические и экономические реалии Турции первой половины 80-х годов доказывают обоснованность содержащихся в программе КПТ анализа классовой структуры турецкого общества и вывода о необходимости и, более того, о возможности создания в стране единого национально-демократического фронта во главе с рабочим классом в сотрудничестве с партиями национально-буржуазной оппозиции в целях организации

борьбы масс за свержение диктатуры и установление власти национальной демократии [121].

Однако от возможности до фактического создания единого фронта — дистанция огромного размера, да еще с многочисленными препятствиями. Во-первых, этому мешает неизжитая до сих пор среди некоторых левых турецких и курдских партий болезнь сектантства. Она состоит в отрицании необходимости демократического этапа борьбы, в установке на безотлагательное осуществление социалистической революции и в решительном отказе от сотрудничества с какими бы то ни было буржуазными силами, даже оппозиционными по отношению к господствующей олигархии. Во-вторых, разжигаемые империализмом США и олигархией антикоммунистические предрассудки буржуазных партий, их боязнь народных выступлений и отказ от сотрудничества с коммунистами, их курс на автоматический крах диктатуры, которая якобы сама падет под тяжестью собственных политических и экономических провалов. Отсюда — тактика пассивного выжидания, отрицание необходимости активной борьбы против диктатуры [122]. В-третьих, сама диктатура, ее репрессивная, террористическая политика подавления всякого инакомыслия.

Коммунисты Турции неустанно работают в массах, среди самых различных социальных слоев, стремясь преодолеть препятствия, стоящие на пути к национально-демократическому единству. Прежде всего, они стали энергично добиваться установления сотрудничества левых сил, ибо, как указывает программа, оно «может играть большую роль в создании единого [национально-демократического] фронта» [123]. Более того, II пленум ЦК КПТ подчеркнул в своем постановлении «решающее значение единства левых сил для объединения всех противников милитаризма и диктатуры». Обратившись к пяти левым партиям, с которыми ЦК КПТ уже давно налаживал сотрудничество, пленум провозгласил «готовность и дальше расширять и усиливать совместные действия с ними» [124].

После большой подготовительной работы компартия сумела преодолеть важный этап на пути к объединению демократических сил страны. В декабре 1984 г. состоялась встреча представителей руководства КПТ и пяти других левых партий, находящихся в подполье: Рабочей партии Курдистана, Рабочей партии Турции, Коммунистической рабочей партии Турции, Социалистической партии Турецкого Курдистана и Социалистической рабочей партии Турции. В официальном заявлении об этой встрече сказано, что «партии приняли решение объединить свои силы» в борьбе за национальное и социальное освобождение и «образовать коалицию единства действий под названием „Левое единство Турции и Турецкого Курдистана“» [125]. «Левое единство» стало действенным фактором общественной жизни страны, не раз разоблачало диктатуру, ее политику угнетения курдов, обращалось к народу с призывом протестовать против продле-

ния срока действия турецко-американского соглашения «о сотрудничестве в области экономики и обороны», кабального для Турции, выступало по многим другим вопросам внутренней и внешней политики, всегда защищая интересы трудящихся масс.

«Левое единство» — необходимое и хорошее начало, но только начало. КПТ продолжает борьбу за то, чтобы «все антидиктаторские силы, от „Левого единства" до буржуазных партий оппозиции, выступали совместно с целью положить конец режиму, установить власть национальной демократии» [126].

Считаясь с распространением в среде буржуазных партий антикоммунистических предрассудков, без преодоления которых, как отмечал II пленум ЦК КПТ, вообще невозможно создание единого фронта [127], турецкие коммунисты ведут большую работу по разъяснению своего политического курса. Прежде всего, они показывают, что выдвигаемая программой идея создания единого национального демократического фронта и концепция национальной демократии отнюдь не являются замаскированными средствами свержения капитализма. Об этом свидетельствует сам характер задач, выдвигаемых программой перед национально-демократической властью. Отметим хотя бы одну из задач — «защищать частные предприятия, вносящие вклад в индустриализацию страны», а также предложенное программой определение, согласно которому власть национальной демократии «направлена против империализма и компрадорской олигархии, ядро которой составляет горстка монополий» [128].

Немаловажно и то, что компартия отнюдь не обусловливает создание национально-демократической власти своим в ней участием. Иначе говоря, она совсем не обязательно войдет в правительство, но «станет его поддерживать в той степени, в какой оно будет выполнять задачи или программу сил, осуществляющих единство действий» [129].

Наконец, очень важно, как сами коммунисты определяют классовое содержание предложенной ими концепции национальной демократии. Хайдар Кутлу в речи, посвященной 64-й годовщине образования компартии (сентябрь 1984 г.), сказал, что партия «опирается на... социальную и классовую действительность... страны, учитывает уровень демократического сознания в обществе», стремится к его повышению и что поэтому концепция национальной демократии «по своей сути... *является концепцией буржуазной демократии* (курсив мой.— *М. П.*)». Х. Кутлу отметил далее две присущие национальной демократии особенности: ее антиимпериалистический характер и определяющую роль рабочего класса в качестве движущей силы всей ее деятельности. «Мы готовы, — заявил Х. Кутлу, — вести совместную борьбу против империализма, за свержение... диктатуры со всеми силами независимо от того, какой концепции демократии они придерживаются. В этой связи КПТ окажет поддержку любой инициативе демократических и левых сил, включая буржу-

азную оппозицию»[130]. Таким образом, как и утверждает программа, имеются все объективные условия для диалога оппозиционных буржуазных партий с коммунистами и другими левыми.

Коммунисты стремятся ускорить пока еще медленно развивающийся процесс сближения антидиктаторских сил и активно работают над повышением уровня демократического сознания возможных участников будущего единства. В частности, они убедительно показывают буржуазным оппозиционным партиям полную несостоятельность курса на пассивное ожидание автоматического краха диктатуры и призывают их к борьбе, к широкому боевому сплочению. «Армейские генералы и гражданские фашиствующие элементы никогда добровольно не отдадут власть демократическим кругам», — отмечалось в резолюции II пленума ЦК КПТ. «Мы повторяем еще раз, — говорил Хайдар Кутлу в сентябре 1984 года,— что до тех пор, пока представители... [буржуазной] оппозиции не начнут конструктивного диалога с левыми силами, пока они не поймут, почему мы призываем вести борьбу в условиях нелегальности, они не смогут последовательно вносить свой вклад в дело борьбы нашего народа за демократию»[131]. Выступая в печати в августе 1985 г., член ЦК КПТ Эрол Джантекин заявил, что «самая большая слабость буржуазных оппозиционных партий — непонимание того, что нынешний режим по доброй воле не уступит власть»[132].

Сохраняется и сектантская болезнь, мешающая деятельности «Левого единства»[133].

Тем не менее вопреки террору олигархии, хотя и медленно, но неуклонно развивается процесс активизации антидиктаторских сил, происходит их постепенное сближение. «Зреет твердая решимость народа добиться перемен»[134]. И, видимо, есть основания надеяться, что это созревание будет ускоряться под влиянием событий внутренней и международной жизни, а также по мере ознакомления широких демократических кругов с программой КПТ, особенно с той ее частью, где характеризуются задачи, выдвигаемые коммунистами перед национальной демократией.

В чем же эти задачи состоят и каковы намечаемые КПТ этапы развития революционного процесса в стране?

Общий характер намечаемых преобразований программа КПТ определяет так: будущее «правительство национально-демократических сил признает политические свободы, предпримет срочные шаги для защиты мира, нанесет тяжелые удары по позициям соглашательской олигархии и империализма США для того, чтобы не допустить возрождения фашизма, искоренить реакционные военные перевороты, устранить из жизни общества милитаризм, демократизирует государство и все сферы общественной жизни»[135].

В Программе действий за мир и национальную демократию,

принятой пленумом КПТ в 1983 г., указывается, что «сохранение мира, исключение возможности превращения Турции в поле ядерной войны выше всяческих классовых, идеологических и политических разногласий» [136], что важнейшей задачей, стоящей перед всеми здравомыслящими людьми, прежде всего, конечно, перед национально-демократическим правительством, является борьба за мир, национальную независимость и дружбу между народами [137].

Среди мероприятий, направленных на восстановление и расширение демократических прав и свобод, наиболее значительные предусматривают отмену антинародной конституции, утвержденной 7 ноября 1982 г., и замену ее национально-демократическим основным законом, который должен будет декретировать переход всей власти к парламенту, избираемому подлинно демократическим путем; отмену запрета ряда политических партий, в том числе КПТ, прекращение государственного контроля над деятельностью партий, профсоюзов и других общественных организаций; признание ничем не ограничиваемого права трудящихся на забастовки, заключение коллективных договоров с предпринимателями, объединение в профсоюзы и другие организации; провозглашение свободы совести, печати, демонстраций и мысли; отмену всех старых и новых антидемократических законов, запрет фашистских, расистских и милитаристских партий; прекращение национального угнетения курдского народа и всех национальных меньшинств; очистку государственного аппарата и армии от фашистов и агентов империализма, привлечение их к ответственности за преступления, совершенные против народа; реорганизацию органов безопасности на демократической основе и прекращение их связей с ЦРУ и другими империалистическими секретными службами; предоставление широкой амнистии всем политзаключенным и восстановление на службе всех уволенных с работы после 12 сентября 1980 г. по политическим причинам [138].

В целях достижения экономической независимости страны и повышения жизненного уровня населения предусматривается коренное изменение хозяйственной политики государства: прежде всего отмена закона от 24 января 1980 г. «О поощрении прямых иностранных инвестиций», который способствовал значительному усилению зависимости Турции от империалистических держав, а также других декретов, перекладывающих тяготы переживаемого страной кризиса на плечи трудящихся; отмена всех привилегий, предоставленных иностранному капиталу, и установление «со всеми странами... отношений на основе взаимной выгоды и равенства». Главной социальной целью национально-демократической Турции должна стать борьба против безработицы. В сельскохозяйственном производстве намечено проведение демократической аграрной реформы, предусматривающей передачу безземельным и бедным крестьянам земель крупных собственников [139].

В отношении частнокапиталистической и госкапиталистической промышленности намечается решительное ограничение деятельности частных монополий, которым более не позволят использовать в своих интересах государственные предприятия и организации. Монополии будут лишены также правительственных субсидий, а освободившиеся средства пойдут «на усиление государственных предприятий». Будет совершенно ликвидирована деятельность посреднической спекулянтской буржуазии. В то же время провозглашается необходимость не только «оказывать поддержку» мелким и средним капиталистическим предприятиям, кустарям и ремесленникам, но и «защищать частные предприятия (видимо, крупного масштаба. — *М. П.*), вносящие вклад в индустриализацию страны и в укрепление основ экономической независимости». Подчеркнуто, что необходимо «обеспечить демократическое участие рабочих в управлении на государственных и крупных частных предприятиях» [140].

Вообще вся намечаемая программой КПТ реформаторская деятельность национально-демократической власти направляется в первую очередь на создание условий, гарантирующих радикальное повышение уровня жизни трудящихся города и деревни. Помимо основополагающих преобразований, отмеченных выше, предусматривается установление 40-часовой трудовой недели, 6-часового рабочего дня на тяжелых работах, установление минимальной зарплаты, равной для всех районов, и освобождение ее от налогов, оказание культурно-технической помощи деревне с целью спасения крестьян от отсталости, нищеты и невежества. Особенное внимание уделено проблеме пребывания на чужбине сотен тысяч турецких рабочих. Национально-демократическая власть должна добиться их полноправия в странах пребывания, обеспечить работой и жильем при возвращении на родину, что в нынешних условиях стало весьма актуально, и создать в Турции такие экономические условия, которые исключат необходимость эмиграции рабочей силы за границу в будущем [141].

Проектируемые антиимпериалистические и демократические преобразования турецкого общества рассчитаны, по-видимому, на длительный срок, на многоступенчатое, постепенное развитие двухэтапной революции. Программа решительно выступает против сектантских установок, когда предупреждает, что «перепрыгивание через объективно необходимые стадии развития революционного процесса будет причиной тяжелых поражений...» [142]. В программе указано, что «переход власти от соглашательской олигархии к национально-демократическим силам, создание национальной демократии и осуществление изложенных выше мероприятий являются первой ступенью антиимпериалистической народно-демократической революции» [143]. На завершающей же ступени первого этапа этой революции намечается национализация компаний, принадлежащих крупной и монополистической буржуазии, а также иностранному капиталу, пе-

реход в руки государства банков, страховых обществ, внешней и внутренней оптовой торговли [144].

В ходе осуществления планируемых преобразований укрепится гегемония рабочего класса в органах власти, «национальная демократия... будет превращаться в демократическую народную власть», которая направит свои силы «на завершение задач антиимпериалистической народно-демократической революции» [145]. Так постепенно будут подготовлены материальные условия для наступления второго этапа революции, т. е. для перерастания ее в социалистическую, которая и даст возможность турецкому народу «достигнуть общественного строя без гнета и эксплуатации» [146].

Хотя в программе определенно указано, что «установление... диктатуры сделало полностью невозможным достижение победы революции мирным путем», в ней декларируется, что компартия «будет готова к различным формам борьбы» и использует малейший шанс, чтобы добиться *«мирного развития революции* (курсив мой. — *М. П.)»* [147].

Как видим, предложенная КПТ схема двухэтапного революционного развития представляет собой сочетание немирных революционных действий (в случае необходимости) и мирных революционных реформ, применяемых в соответствии с требованиями и обстановкой момента. По-видимому, речь идет о сочетании вооруженного (если к тому вынудит обстановка) выступления национальных сил во главе с пролетариатом для свержения диктатуры и установления власти национальной демократии, чем откроется первый, народно-демократический, этап революции, с последующими антиимпериалистическими и демократическими преобразованиями, которые на завершающей своей стадии подготовят наступление второго, социалистического, этапа революции.

Если на первом этапе движущими силами революции будет рабочий класс, выступающий в союзе с широкими национально-демократическими слоями, включая мелкую и среднюю буржуазию, то на втором этапе пролетариат выступит в союзе «с трудящимся крестьянством и городскими трудящимися» массами. Однако в программе сделана очень важная оговорка: «Рабочий класс будет стремиться завоевать на сторону социализма и те силы, с которыми он сотрудничал до перехода к социализму [148], т. е. «на этапе построения национальной демократии». Он будет «продолжать свое сотрудничество» с ними «в той степени, в какой они будут приближаться к решению новых задач», выдвигаемых социалистическим этапом революции [149]. Но это уже проблемы отдаленного будущего. Нынешняя же программа КПТ, принятая V съездом партии, представляет собой документ, который определяет задачи, а также пути их решения только на первом, народно-демократическом, этапе революции и, как отметил Хайдар Кутлу, «отвечает *ближайшим* экономическим, социальным, политическим и культурным *тре-*

бованиям различных социальных слоев (курсив мой.— *М. П.*)»[150], заинтересованных в победе национально-демократического строя. Естественно поэтому, что цели последующего, социалистического, этапа революции в программе хотя и сформулированы, но лишь в общем, неразвернутом виде.

Наиболее характерная черта программы КПТ состоит в том, что вся она пронизана идеями патриотизма и пролетарского интернационализма, находящимися в гармоническом единстве. Основные требования документа, направленные на защиту национального суверенитета Турции и спасение ее от ядерного уничтожения, свидетельствуют, что коммунистическая партия— «самый последовательный выразитель и главный защитник национальных интересов народа»[151]. В то же время все пункты программы доказывают, что «КПТ является неотъемлемой частью международного коммунистического движения», считающего сейчас своей главной целью обуздание агрессивных сил мирового империализма и предотвращение ядерной катастрофы. Как в самом начале деятельности, так и сейчас КПТ считает своим основным интернациональным принципом «солидарность и братский союз с КПСС — авангардом и оплотом международного коммунистического движения», свою задачу видит в том, чтобы «нести массам... правду о Советском Союзе»[152] и других странах социализма, успехи которых революционизируют трудящихся и народ Турции[153].

Вооруженные решениями своего V съезда, особенно принятой им программой КПТ, коммунисты Турции, несмотря на репрессии властей, продолжают работу в массах. Они стремятся «помочь народу приобрести политический опыт», осознать необходимость борьбы за сохранение мира во всем мире и установление на родине национально-демократического строя, за революционные преобразования и социализм. «Они посвящают всю свою жизнь идеологическому воспитанию рабочего класса, повышению его политической зрелости, организованности и выполнению им своей авангардной роли в революционном процессе»[154].

[1] *Ленин В. И.* Письмо к немецким коммунистам.— Полное собрание сочинений. Т. 44, с. 97.

[2] См.: *Джантекин Э.* Демократия и мир.— Проблемы мира и социализма. 1985, № 8, с. 42.

[3] Частично они были использованы лишь в статье «Формирование коммунистического движения в Азии и революционная демократия Востока», принадлежащей автору этих строк (см.: Революционная демократия и коммунисты Востока. М., 1984, с. 158—244).

[4] См.: *Воднев В. А.* Начало политической деятельности М. Субхи.— Народы Азии и Африки. 1982, № 5, с. 119—123; *Розалиев Ю.* Мустафа Субхи — революционер, интернационалист.— Азия и Африка сегодня. 1983, № 4 с. 21—22.

[5] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 109, л. 3.

[6] Там же.

[7] Там же, л. 4 об.

[8] Там же, л. 6 об.
[9] Там же, л. 12 об.
[10] Там же, л. 13.
[11] Там же, л. 12.
[12] *Ленин В. И.* Проект резолюции IV конгресса Коминтерна по вопросу о программе Коммунистического Интернационала.— Полное собрание сочинений. Т. 54, с. 347, 348.
[13] См.: Обоснование сметы, составленной после конференции ЦК Турецкой партии социалистов-коммунистов. В этом документе, в частности, говорилось: «ЦК... задался целью распространить пламя русской революции на Востоке, и в особенности в Турции» (ЦПА ИМЛ, ф. 18, оп. 4, д. 121, л. 18).
[14] Здесь и далее слова в цитатах, заключенные в квадратные скобки, принадлежат автору.
[15] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 109, л. 13.
[16] См. подробнее: Народы Азии и Африки. 1970, № 2, с. 58, сноска 7.
[17] См.: Известия. 26.07.1918. ЦК Турецкой партии социалистов-коммунистов, избранный на Московской конференции, был затем в Ташкенте преобразован в Центральное бюро турецких коммунистических организаций. Новое название точнее отражало реальное состояние турецкого коммунистического движения, еще не достигшего организационного единства всех своих групп. 23 мая 1920 г. Центральное бюро обосновалось в Баку (ЦГАОР, ф. 5402, оп. 1, д. 53, л. 2).
[18] См.: *Шамсутдинов А. М.* Национально-освободительная борьба в Турции. 1918—1923 гг. М., 1966, с. 151; *Корниенко Р. П.* Рабочее движение в Турции. 1918—1963. М., 1965, с. 16.
[19] См.: *Новичев А. Д.* Рабочее и социалистическое движение в Стамбуле в годы национально-освободительной борьбы (1918—1923).— Проблемы истории национально-освободительного движения в странах Азии. Л., 1963, с. 111—112.
[20] См.: *Корниенко Р. П.* Зарождение коммунистического движения в Турции (1918—1920).— Великий Октябрь и Турция. Тб., 1982, с. 28—29.
[21] См.: ЦГАОР, ф. 5402, оп. 1, д. 533, л. 1.
[22] *См.: Корниенко Р. П.* Рабочее движение в Турции, с. 23—24.
[23] Нередко встречается и ошибочное написание Нежат.
[24] ЦПА ИМЛ, ф. 583, оп. 1, д. 170, л. 2.
[25] См.: *Корниенко Р. П.* Зарождение коммунистического движения в Турции, с. 29—31; ЦГАОР, ф. 5402, оп. 1, д. 546, л. 98—102; *Шамсутдинов А. М.* Национально-освободительная борьба в Турции, с. 140—149, 154.
[26] О дате открытия съезда см.: Коммунист (Баку). 10.09.1920, с. 4; о дате закрытия — ЦГАОР, ф. 5402, оп. 1, д. 53, л. 2.
[27] См.: *Шамсутдинов А. М.* Национально-освободительная борьба в Турции, с. 158.
[28] ЦГАОР, ф. 5402, оп. 1, д. 543, л. 2.
[29] См. письмо ЦК КПТ за подписями председателя Л. Исмета и секретаря Мехмеда Отделу пропаганды III Интернационала (ЦГАОР, ф. 5402, оп. 1, д. 533, л. 8).
[30] Коммунист (Баку). 10.09.1920, с. 4.
[31] См.: Коммунист (Баку). 13.09.1920, с. 4.
[32] Там же, с. 4.
[33] Там же.
[34] Там же. Первые турецкие коммунисты еще и до этих решений везде, где у них имелись даже небольшие группы, всеми силами поддерживали освободительную борьбу против интервенционистских войск Антанты и сами участвовали в ней. Например, коммунисты активно включились в организацию отпора оккупантам в рабочем районе Стамбула (см.: *Шамсутдинов А. М.* Национально-освободительная борьба в Турции, с. 153). Группа Субхи к октябрю 1920 г. сформировала в Баку турецкий коммунистический стрелковый полк, намереваясь направить его (как указывалось в резолюции собрания аскеров этого полка) «в Красную Анатолию для соединения с революционной армией Кемаль-паши», чтобы вместе с ней «объявить непримиримую войну капиталистам Англии, Франции и их лакеям — грекам и дашнакам» (см.: ЦГАОР,

ф. 5402, оп. 1, д. 157, л. 1—2; Коммунист (Баку). 15.10.1920, с. 3). Забегая вперед, отметим, что в конце февраля или в начале марта 1921 г. комиссар полка И. Хаккы отправился в Турцию для обсуждения вопроса о переброске этой воинской части в Анатолию. Однако кемалистское командование Восточного фронта даже не приняло коммунистического посланца, конфисковало принадлежавшие ему документы, литературу, письма и под охраной препроводило назад.

[35] См.: Коммунист (Баку). 20.09.1920, с. 3.

[36] Программа Турецкой коммунистической партии (принята первым конгрессом турецких коммунистических организаций, заседавшим 10—16 сентября в городе Баку). Издание Турецкой коммунистической партии. Баку, 1920. Пер. со старотурецкого Мамеда Шахтахтинского, 1920.

Необходимо коротко сказать о продолжительном и, увы, небезупречном пути автора к обнаружению этой программы. Автор хотел найти ее, чтобы изучить и прокомментировать, ибо ни в одном из соответствующих советских исследований об этой программе ничего не было сказано, кроме того, что она была принята на I съезде КПТ. Наконец, в архивном фонде Мих. Павловича был обнаружен документ на французском языке с весьма определенным названием: «Политическая программа Коммунистической партии Турции» (Programme Politique du Parti Communiste de Turquie.— ЦГАОР, ф. 5402, оп. 1, д. 536, л. 2—7).

Сопоставив содержание архивного документа с той характеристикой, которую орган Коминтерна — Совет пропаганды и действия дал в октябре 1920 г. принятой незадолго до этого съездом КПТ программе партии, автор увидел, что она полностью отражает сущность Политической программы (см.: Доклад А. Е. Скачко о ЦК КПТ и его деятельности на заседании Президиума Совета пропаганды и действия.— ЦГАОР, ф. 5402, оп. 1, д. 53, л. 4). Поэтому автор принял Политическую программу за копию искомого документа и именно таким образом комментировал ее в своей статье «Формирование коммунистического движения в Азии...» К сожалению, только после того как статья уже была опубликована, некоторые обстоятельства вызвали у автора сомнение: а не является ли все же документ на французском языке лишь подготовительным вариантом той программы, которая была принята I съездом КПТ? Дальнейшие поиски в ряде библиотек Москвы, Баку, Тбилиси, Батуми и в других хранилищах привели к обнаружению, во-первых, брошюры, изданной в 1920 г. в Баку с подлинным текстом программы на турецком языке (арабским шрифтом), и, во-вторых, русского перевода этого документа, выполненного в том же году М. Шахтахтинским. Таким образом, Политическая программа на французском языке и вправду оказалась лишь подготовительным вариантом программы, принятой I съездом КПТ. Естественно, между обоими документами много общего, но имеются и некоторые отличия. Автор надеется, что рассмотрение в его статье «Формирование коммунистического движения в Азии...» Политической программы все же окажется небесполезным, ибо в сочетании с тем, что рассказано о подлинной программе КПТ в данной статье, поможет читателю составить более точное представление о воззрениях первых турецких коммунистов.

[37] Характерно, что почти повсюду при определении классового состава различных государственных и общественных организаций рабочий класс стоит на втором месте, крестьянство же — на первом. В этом, видимо, проявилось стремление авторов программы отразить реальное положение турецкого пролетариата, составлявшего очень малый процент населения страны и находившегося тогда лишь в начальной стадии формирования современного рабочего класса.

[38] См.: *Агаев С. Л.* II съезд РСДРП и важность опыта ленинской партии для мирового революционного движения.— Рабочий класс и современный мир. 1973, № 4, с. 23—24.

[39] См.: *Ленин В. И.* Материалы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала. 4. Международное положение и основные задачи Коммунистического Интернационала (план доклада).— Полное собрание сочинений. Т. 41, с. 454.

[40] *Ленин В. И.* Письмо к немецким коммунистам, с. 99.

[41] Там же.
[42] См. подробнее: *Персиц М. А.* Формирование коммунистического движения в Азии и революционная демократия Востока, с. 205.
[43] ЦГАОР, ф. 5402, оп. 1, д. 53, л. 3—4.
[44] Там же, л. 4.
[45] Там же, д. 561, л. 5—6.
[46] Там же, л. 1.
[47] Такое название точнее определяет существо документа, чем «Новая программа», которое было предложено мною в статье «Формирование коммунистического движения в Азии и революционная демократия Востока» (с. 206).
[48] См. там же, с. 206—208.
[49] *Ленин В. И.* VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 г. 3. Доклад о партийной программе 19 марта.— Полное собрание сочинений. Т. 38, с. 161.
[50] ЦПА ИМЛ, ф. 85, оп. 8, д. 23, л. 216.
[51] *Кахиани Мих.* Коммунисты и кемалисты.— Коммунист (Баку). 18.11.1920, с. 1.
[52] Коммунист (Баку). 13.09.1920, с. 4.
[53] ЦГАОР, ф. 5402, оп. 1, д. 33, л. 31.
[54] Коммунист (Баку). 30.08.1920, с. 2.
[55] Коммунист (Баку). 15.10.1920, с. 3.
[56] ЦПА ИМЛ, ф. 583, оп. 1, д. 170, л. 2.
[57] Коммунист (Баку). 15.09.1920.
[58] См.: Формирование коммунистического движения в Азии, с. 208.
[59] Цит. по: *Шамсутдинов А. М.* Национально-освободительная борьба в Турции, с. 159.
[60] ЦГАОР, ф. 5402, оп. 1, д. 33, л. 12.
[61] Там же, д. 537, л. 7.
[62] См.: Формирование коммунистического движения в Азии, с. 225.
[63] ЦГАОР, ф. 5402, оп. 1. д. 33, л. 12.
[64] Отчет о работе КПТ, направленный Совету пропаганды и действия, февраль 1921 г.
[65] См.: Доклад Исмаила Хаккы «О последних известиях из Анатолии и предполагаемой там работе турецких коммунистов» на заседании Президиума Совета пропаганды и действия 4.10.1920 г.— ЦГАОР, ф. 5402, оп. 1. д. 33, л. 12.
[66] Там же, л. 30.
[67] Там же, л. 31.
[68] Там же, л. 33.
[69] Именно так и сказал Мустафа Кемаль, беседуя в конце января 1921 г. с представителем Совета пропаганды и действия Е. Эшбой (см. там же, д. 54, л. 2).
[70] См.: очерк «Политические партии Турции» от 1.09.1921 г. (там же, д. 546, л. 108); Сводка Российского информационного бюро в Турции, г. Трапезунд, № 29, от 28.01.1921 г.
[71] Письмо Е. Эшбы в Совет пропаганды и действия от 21.11.1920 г.
[72] См.: Исполнительному комитету III-го Интернационала в Москве. Доклад ЦК ТКНП об истории образования и деятельности Турецкой народной коммунистической партии.— ЦГАОР, ф. 5402, оп. 1, д. 537, л. 5, 6, 9; очерк «Политические партии Турции» от 1.09.1921 г.— там же, д. 546, л. 108, 110; Сводка Российского информбюро в Турции, г. Трапезунд, № 29, от 28.01.1921 г.
[73] См.: Исполнительному комитету III-го Интернационала в Москве. Доклад ЦК ТНКП об истории образования и деятельности Турецкой народной коммунистической партии.— ЦГАОР, ф. 5402, оп. 1, д. 537, л. 3—12; Письмо члена ТНКП Хусейна Хусни в Совет пропаганды и действия от 04.02.1921 г.; Сводка Российского информбюро в Турции, № 29, от 28.02.1921 г.; очерк «Политические партии Турции» от 1.09.1921 г.— ЦГАОР, ф. 5402, оп. 1, д. 546, л. 108.
[74] *Павлович М.* Гибель турецких коммунистов.— Жизнь национальностей. 14.05.1921, с. 1.

[75] См.: *Корниенко Р. П.* Из истории коммунистической партии Турции (1920—1922).— Турция. История, экономика, политика. М., 1984, с. 8.
[76] См. там же.
[77] *Lasitch B., Drachkovitch M.* Lenin and Comintern. Vol. 1. Stanford, 1972, с. 412—413.
[78] См.: Гибель турецких коммунистов.— Коммунистический Интернационал. 1921, № 17, с. 4427—4428; *Павлович М.* Революционная Турция. М., 1921, с. 119.
[79] См.: *Саркисян Е. И.* Великая Октябрьская революция и национально-освободительная борьба в Турции. Ер., 1958, с. 11; *Устюнгель С.* В тюрьме и на воле. М., 1952, с. 44; *Павлович М.* Гибель турецких коммунистов, с. 1.
[80] См.: *Гасанова Э. Ю.* Антикоммунизм в Турции.— Национально-освободительное движение и современная идеологическая борьба. Баку, 1973, с. 100—101.
[81] ЦГАОР, ф. 5402, оп. 1, д. 537, л. 12.
[82] Там же, д. 543, л. 9.
[83] См.: *Шамсутдинов А. М.* Национально-освободительная борьба в Турции, с. 261.
[84] См. там же, с. 287.
[85] *Кутлу Х.* Перед лицом диктатуры — за национальную демократию.— Проблемы мира и социализма. 1983, № 1, с. 27.
[86] См.: *Кутлу Х.* Выразитель интересов масс.— Проблемы мира и социализма. 1984, № 3, с. 28—29.
[87] См. там же, с. 28; Информационное сообщение ЦК КПТ от 01.11.1983.
[88] Программа Коммунистической партии Турции. Ноябрь 1983 г. Параграф «Кризис капитализма и агрессивная политика империализма».
[89] См.: *Моисеев П. П., Старченков Г. И.* Турция: некоторые итоги и особенности капиталистического развития.— Народы Азии и Африки. 1984, № 1, с. 16, 18.
[90] См.: Программа Коммунистической партии Турции. Параграф «Зависимый и относительно отсталый капитализм».
[91] См. там же. Параграф «Многоукладная экономика».
[92] См. там же.
[93] См. там же. Параграф «Монополистический капитал и отношения государственно-монополистического капитализма».
[94] См.: *Ленин В. И.* О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве.— Полное собрание сочинений. Т. 20, с. 186.
[95] Программа Коммунистической партии Турции. Параграф «Соглашательская монополистическая буржуазия».
[96] См. там же. Параграфы «Бюрократическая буржуазия», «Посредническая, спекулянтская буржуазия», «Крупные землевладельцы».
[97] *Джантекин Э.* Демократия и мир.— Проблемы мира и социализма. 1985, № 8, с. 41.
[98] См.: Программа Коммунистической партии Турции. Параграфы «Соглашательская олигархия», «Неотложная задача».
[99] См. там же. Параграф «Рабочий класс».
[100] *Маркс К.* Капитал. Т. I.— *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23, с. 517.
[101] См.: *Ленин В. И.* Из экономической жизни России.— Полное собрание сочинений. Т. 6, с. 288.
[102] Данные на 1982 г. См.: *Моисеев П. П., Старченков Г. И.* Турция. с. 22.
[103] См.: Economist. 03.11.1984.
[104] См.: *Кутлу Х.* За «мост мира и добрососедства».— Проблемы мира и социализма. 1985, № 9, с. 8.
[105] См.: Программа Коммунистической партии Турции. Параграф «Рабочий класс».
[106] См.: Информационный бюллетень ЦК КПТ от 11.06.1984.
[107] См.: *Кутлу Х.* За «мост мира и добрососедства», с. 10.
[108] См.: Программа Коммунистической партии Турции. Параграфы «Крестьянство», «Городская беднота».
[109] См. там же. Параграф «Средние слои города, интеллигенция».

[110] См. там же. Параграф «Расслоение внутри буржуазии».
[111] См.: *Кутлу Х.* За «мост мира и добрососедства», с. 11.
[112] См.: *Кутлу Х.* Фабрики — наши крепости.— Партийная жизнь. 1985, № 20, с. 78.
[113] См.: Правда. 06.04. и 22.04.1986.
[114] См.: Программа Коммунистической партии Турции. Параграф «Интеллигенция».
[115] См.: Информационное сообщение ЦК КПТ о V съезде партии от 1.11.1983.
[116] См.: Проблемы мира и социализма. 1984, № 7, с. 36—37, 1985, № 9, с. 11.
[117] См.: Правда. 11.02.1986.
[118] *Кутлу Х.* Фабрики — наши крепости, с. 78.
[119] См.: Программа Коммунистической партии Турции. Параграфы «Молодежь», «Женщины».
[120] См. там же. Параграф «Курдский народ»; Информационный бюллетень КПТ, июль 1985 г.
[121] См.: Программа Коммунистической партии Турции. Параграфы «Неотложная задача», «Путь революции», «Классовая основа национальной демократии».
[122] См.: Проблемы мира и социализма. 1985, № 8, с. 42.
[123] См.: Программа Коммунистической партии Турции Параграф «Единый фронт».
[124] См.: Сообщение ЦК КПТ от 11.06.1984.
[125] «В интересах борьбы за национальное и социальное освобождение». Заявление шести турецких партий об образовании «Левого единства».
[126] *Кутлу Х.* За «мост мира и добрососедства», с. 12.
[127] Информационное сообщение ЦК КПТ от 11.06.1984.
[128] См.: Программа Коммунистической партии Турции. Параграфы «Индустриализация», «Классовая основа национальной демократии».
[129] Программа действий за мир и национальную демократию, принятая пленумом ЦК КПТ в 1983 г. Раздел III «За национальную демократию».
[130] См.: Информационный бюллетень ЦК КПТ, сентябрь 1984 г.
[131] См. там же.
[132] См.: Проблемы мира и социализма. 1985, № 8, с. 42.
[133] См. там же.
[134] *Кутлу Х.* За «мост мира и добрососедства», с. 12.
[135] См.: Программа Коммунистической партии Турции. Параграф «Задачи национальной демократии».
[136] Программа действий за мир и национальную демократию. Раздел I «Важнейшая задача — сохранение мира».
[137] См.: Программа Коммунистической партии Турции. Параграфы «Защита мира», «Мир в регионе и международная дружба», «Национальный суверенитет», «Мирное сосуществование».
[138] См. там же. Параграфы «Всеобщая политическая амнистия», «Национально-демократическая конституция», «Демократизация государства».
[139] См. там же. Параграфы «Изменения в экономической политике», «Ориентация на экономическую независимость», «Демократическая земельная и сельскохозяйственная реформа».
[140] См. там же. Параграфы «Ограничение действий монополий, уничтожение спекуляции», «Индустриализация».
[141] См. там же. Параграфы «О рабочем классе», «О крестьянстве», «О молодежи», «О женщинах», «Рабочие за границей».
[142] См. там же. Параграф «Путь революции».
[143] См. там же. Параграф «Начало и завершение революции».
[144] См. там же. Параграф «Революционные преобразования».
[145] См. там же. Параграф «Начало и завершение революции».
[146] См. там же. Параграфы «Перерастание антиимпериалистической, народно-демократической революции в социалистическую революцию», «Социализм».
[147] См. там же. Параграф «Путь революции».

[148] Там же. Параграф «Перерастание антиимпериалистической, народно-демократической революции в социалистическую революцию».
[149] Там же. Параграф «Начало и завершение революции».
[150] *Кутлу Х.* Выразитель интересов масс, с. 32.
[151] Там же.
[152] См. там же.
[153] См.: Программа Коммунистической партии Турции. Параграф «Турция — слабое звено империализма».
[154] См. там же. Параграф «Роль партии и массы».

В. А. ПАНКРАТОВА

ИНДИЙСКИЕ КОММУНИСТЫ В ПРОФСОЮЗАХ
(Проблема единства действий)

Взаимоотношения коммунистических партий с профсоюзами в развивающихся странах имеют особенности, которые определяются прежде всего недостаточной подготовленностью социально-экономической почвы для развития чисто классовых форм организованной борьбы пролетариата, влиянием многочисленных сил традиционализма — кастовых, религиозных и прочих, сложным переплетением экономических, социальных, политических и идеологических проблем рабочего движения.

Индия представляет собой в определенном отношении образец страны, в которой эти проблемы проявились в особенно яркой форме. Но кроме общих трудностей, присущих рабочему движению любой развивающейся страны, индийскому движению пришлось преодолеть дополнительные препятствия, вызванные расколом коммунистического движения в 1964 г.

Проблемы революционного рабочего движения Индии привлекали внимание В. В. Балабушевича, И. Хашимова и Л. В. Шапошниковой, М. Н. Егоровой и других советских ученых. Однако вопрос взаимоотношений компартии и профсоюзов не был предметом самостоятельного исследования. Данная статья является попыткой осветить некоторые страницы истории развития профсоюзного движения и определить в нем роль и место коммунистов Индии. Автор исходит из того, что коммунистическое движение с самого своего возникновения стало воздействовать на профсоюзы, на все организованное рабочее движение. Работу в профсоюзах коммунисты справедливо рассматривали в качестве важного средства борьбы за соединение научного социализма с рабочим движением. Достижения и отдельные просчеты в стратегии и тактике коммунистов всегда отражались на организованности, единстве и боевитости профсоюзов.

По европейским стандартам профсоюзное движение в Индии развито слабо, однако по азиатским меркам оно находится на довольно высоком уровне организованности, массовости и активности. Около 8,5 млн. трудящихся страны объединены во всеиндийские профцентры, есть и не входящие в них профсоюзные организации. Всего же в профсоюзах, по разным оценкам, состоит от трети до половины всех промышленных рабочих страны.

Поэтому различные политические партии стремятся распространить свое влияние на профсоюзы, привлечь их на свою сторону. Если буржуазные партии насаждают в профдвижении реформистскую идеологию, добиваясь подчинения его интересам буржуазии, то коммунисты ведут борьбу за подлинно классовые профсоюзы, способные решительно отстаивать требования и нужды пролетариата.

При периодизации профсоюзного движения Индии автор исходил из того, что для индийских профсоюзов, действующих под руководством компартии, характерна повышенная чуткость к важнейшим, переломным политическим событиям, происходящим в Индии, особенно в ее коммунистическом движении, а также на мировой арене. С учетом этих обстоятельств можно предложить следующую периодизацию профсоюзного движения и деятельности в нем коммунистов: первый период — с 1920 по 1947 г.— зарождение и развитие профсоюзного движения в колониальной Индии; второй период — с 1947 по 1964 г.— становление профсоюзного движения в независимой Индии; третий период — с 1964 по 80-е годы — развитие индийских профсоюзов в обстановке разногласий в рабочем движении и раскола компартии, борьба за восстановление идейно-организационного единства профдвижения.

Первый период (1920—1947). Старейшее профсоюзное объединение Индии — Всеиндийский конгресс профсоюзов (ВИКП) был основан 31 октября 1920 г. Не умаляя роли самих рабочих в образовании ВИКП, следует вместе с тем отметить, что инициаторами его создания были деятели буржуазной партии Индийский национальный конгресс (ИНК). Это объяснялось прежде всего тем, что индийская национальная буржуазия стремилась подчинить рабочий класс своему влиянию и использовать его в национально-освободительной борьбе против британского империализма.

На учредительной сессии профсоюзного конгресса присутствовало свыше 300 делегатов из всех районов страны. В ВИКП вошло 64 профсоюза, объединявших 140 854 человека, еще 43 союза объявили о своей поддержке возникшего профобъединения [1]. Вся работа ВИКП направлялась Индийским национальным конгрессом (коммунистическое движение к этому времени находилось еще на кружковом уровне, а компартия была создана лишь в 1925 г.).

По словам Палм Датта, «в первые годы существования этой организации в нее входили лишь представители верхушки рабочего класса, и многие лидеры ВИКП были очень мало связаны с массовым рабочим движением» [2]. Так, в составе избранного на I сессии Рабочего комитета из 82 человек насчитывалось всего 12 рабочих [3]. По поводу III сессии ВИКП, состоявшейся в марте 1923 г., Эвелин Рой язвительно заметила: «Рабочих лидеров было изобилие, и возможно, один или два из них когда-то состояли в рядах рабочего класса, но, за исключени-

ем мистера Миллера, железнодорожного охранника и организатора Союза Северо-Западной железной дороги Пенджаба, в этом социальном и интеллектуальном созвездии не было ни одного рабочего или крестьянина, добывающего свой хлеб в поте лица, которому действительно было бы нечего терять, кроме своих цепей»[4]. На этой же сессии президент ВИКП Ч. Р. Дас заявил: «Нас критикуют, что у нас Конгресс профсоюзов, в котором мало рабочих. Будем надеяться, что через несколько лет делегатами будут сами рабочие»[5].

И все же создание ВИКП было крупным шагом в развитии борьбы индийского рабочего класса, ознаменовавшим начало организованного профсоюзного движения в его среде. 1920—1922 годы были отмечены подъемом забастовочной борьбы. Главной силой стачечного движения стали наиболее постоянные кадры промышленного пролетариата — текстильщики, железнодорожники, рабочие джутовой промышленности. Борьба сводилась в основном к экономическим требованиям, но нередко происходили и стачки солидарности с бастующими. Именно в этот период подъема стачечного движения и появились первые постоянные профсоюзы[6].

Период 1923—1927 гг., последовавший за периодом подъема революционного движения (1919—1922), характеризовался спадом антиимпериалистической борьбы индийского народа. В эти годы наблюдалось затишье и в забастовочном движении. Тем не менее благодаря наличию общеиндийского профцентра выступления рабочих приобрели более организованный характер и стали значительно эффективнее. Так, в 1925 г. из 134 забастовок, о которых есть данные, треть закончилась победой рабочих[7]. Многие из этих забастовок проходили под руководством коммунистов. Вообще с момента организации компартии в Индии коммунисты стали играть заметную роль в подготовке и проведении выступлений рабочих. Это послужило одной из причин судебной расправы над ними в 1924 г. в Канпуре и в 1929 г. в Мируте, где многие профсоюзные активисты — коммунисты были приговорены к длительным срокам заключения (среди них были Ш. А. Данге, Музаффар Ахмад, Шаукат Усмани и другие — всего 31 человек). Из этих деятелей 18 были заняты непосредственно на профсоюзной работе, входя в руководство ВИКП, профсоюзов текстильщиков в Бомбее, джутовых рабочих в Калькутте, железнодорожников[8].

В 1927 г. индийский рабочий класс впервые организованно отмечал Международный день солидарности трудящихся 1 Мая[9]. В Бомбее, Калькутте, Мадрасе и других промышленных центрах под руководством ВИКП принимали участие в праздновании тысячи рабочих. Можно сказать, что индийское рабочее движение становилось частью международного рабочего движения.

С 1927 г. начался новый подъем рабочего движения, который характеризовался увеличением числа профсоюзов и расшире-

нием их рядов. Не менее важно и то, что в это время, несмотря на судебные преследования и репрессии, коммунисты все активнее развертывают работу в профсоюзах. Так, в Бомбее начиная с 1926 г. им удалось создать много новых профсоюзов и добиться реорганизации старых. В 1926—1927 гг. КПИ организовала ряд забастовок, часть из которых закончилась успешно.

В 1926—1928 гг. при активном участии коммунистов по всей стране создаются рабоче-крестьянские партии. В январе 1927 г. коммунисты и группа левых конгрессистов организовали Рабоче-крестьянскую партию в Бомбее. Одной из целей создания этой партии было очистить профсоюзы от влияния реформистов. С мая 1927 г. Бомбейская рабоче-крестьянская партия начала издавать на языке маратхи газету «Кранти» («Революция»). В «Кранти» печатались революционные статьи, призывавшие рабочих сплачиваться в борьбе за независимость и свои права. Большую роль еженедельник «Кранти» сыграл во время стачек текстильщиков, особенно всеобщей стачки текстильщиков в 1928 г.[10].

Вслед за Рабоче-крестьянской партией Бомбея появились такие же партии в Бенгалии, Пенджабе, Мадрасе, Центральных и Соединенных провинциях. Эти организации стали выпускать издания «Кирти» («Рабочий») на языке пенджаби, «Мехнаткаш» («Трудящийся») — на урду, «Ганавани» («Голос народа») — на бенгальском языке. На VIII сессии ВИКП (ноябрь 1927 г.) генеральный секретарь профобъединения Н. М. Джоши приветствовал появление этих газет и выразил надежду, что профсоюзы окажут им всемерную поддержку[11].

Коммунисты все более активно действуют в среде рабочих в Бенгалии, Соединенных провинциях, в Пенджабе. В Бенгалии коммунисты особенно успешную работу вели на джутовых фабриках Калькутты, где условия труда и жизни рабочих были исключительно тяжелыми. Многочисленные неорганизованные проявления недовольства жестоко подавлялись властями и хозяевами предприятий, бо́льшую часть которых составляли англичане. Профсоюзы были немногочисленны и слабы. Коммунистам удалось привлечь на свою сторону руководство уже существовавших союзов и организовать новые, вовлекая в движение большее число рабочих. Они приобрели также значительное влияние в профсоюзах железнодорожников Бенгалии. В Пенджабе КПИ пользовалась поддержкой партии «Гадр». В Соединенных провинциях центрами ее деятельности были промышленные города Канпур, Джанси, Лакхнау и Мирут. В этих местах коммунисты часто стояли во главе забастовок, что, несомненно, укрепляло их влияние.

1928 год стал для коммунистов временем больших успехов. Они организовывают ряд революционных профсоюзов, руководят многими забастовками. Всеобщая стачка текстильщиков Бомбея стала одной из таких забастовок.

В начале 1928 г. на нескольких текстильных фабриках Бомбея был введен проект стандартизации, повлекший за собой неполную занятость и интенсификацию труда. Затем на нескольких предприятиях заработная плата была сокращена на 7,5%. В марте 1928 г. некоторые союзы попытались организовать стачку в знак протеста против новой системы. 15 апреля была организована демонстрация текстильщиков. Через день, 17 апреля, текстильщики восьми фабрик Бомбея объявили стачку. В короткий срок 140 тыс. рабочих присоединились к забастовке[12].

В крупнейшем к тому времени профобъединении текстильщиков «Гирни камгар махамандал» возникли разногласия между реформистами и сторонниками революционных действий по вопросу об отношении к забастовке. Реформистские союзы, входившие в это объединение, не поддержали ее. 21 апреля был организован стачечный комитет, в который вошли и коммунисты. Усиление стачечного движения показало, что пути реформистов и революционеров расходятся. А. Альве, председатель «Гирни камгар махамандал», вышел из союза вместе со своими сторонниками и создал новый революционный союз — «Гирни камгар». Ш. А. Данге стал его генеральным секретарем, а три других коммуниста — Бен Бредли, Дж. Джабвала и Р. Нимкар — вице-президентами. Этот союз, зарегистрированный 23 мая в соответствии с законом о профсоюзах, обрел боевой и решительный характер. Был сформирован новый стачечный комитет, который представил фабрикантам требования, состоявшие из 17 пунктов. Взяв руководство забастовкой в свои руки, комитет, в котором были представлены в основном коммунисты, сумел добиться некоторых уступок от предпринимателей.

Забастовка продолжалась с 17 апреля по 6 октября 1928 г. В результате стачки был потерян 21 млн. рабочих дней[13]. Переговоры между стачечным комитетом и предпринимателями не привели к ее окончанию, и губернатор Бомбея назначил комитет под руководством председателя Верховного суда Бомбея Ч. Фаусетта для расследования причин забастовки. Комитет должен был изучить проект стандартизации и решить, как можно внедрить его, не ухудшая положения рабочих. Комитет рекомендовал отменить сокращение зарплаты и согласился с некоторыми из 17 представленных требований. Бастующие получили также полную зарплату за дни стачки.

Рабочие вернулись на свои места с чувством энтузиазма и веры в руководителей забастовки. За время стачки сильно увеличилась численность профсоюза «Гирни камгар», возглавляемого коммунистами. В мае 1928 г. он насчитывал всего 324 человека, к декабрю в нем состояло уже 54 тыс., а к апрелю 1929 г. — 65 тыс.[14]. Таким образом, бомбейская стачка значительно укрепила позиции коммунистов в профсоюзном движении страны.

Влияние КПИ распространилось и в Калькутте, в основном

на джутовых фабриках и железных дорогах; возрос авторитет коммунистов также среди рабочих железных дорог и доков Бомбея. Благодаря самоотверженной деятельности коммунистов 1928 год стал годом невиданного подъема забастовочной борьбы. Число промышленных конфликтов в 1928 г. достигло 203 (из них 111 — в Бомбее[15]) по сравнению с 128 в 1926 г. и 129 в 1927 г. В забастовках участвовало 507 тыс. человек (в 1926 г.— 187 тыс. и в 1927 г.— 132 тыс.). В 1928 г. в ходе забастовочной борьбы было потеряно 31 647 тыс. человеко-дней (в предыдущие два года — 1097 тыс. и 2020 тыс.) — рекордная цифра за все предшествующие годы[16].

Главными итогами бурных событий в рабочем движении 1926—1929 гг. стали: расширение рядов организованного пролетариата; накопление опыта классовой борьбы; утверждение во главе рабочего движения левого руководства во главе с коммунистами. Только в Бомбее численность членов профсоюзов выросла с 59,5 тыс. в 1926 г. до 200,3 тыс. в 1929 г.[17]. Всеобщие забастовки текстильщиков Бомбея, забастовки железнодорожников, охватившие различные районы страны, стачки рабочих джутовой промышленности в Бенгалии и сталелитейных заводов в Джамшедпуре, многие другие выступления стали для индийского пролетариата бесценной школой борьбы за свои интересы.

Если в момент зарождения индийского организованного рабочего движения в профсоюзах главенствующую роль играла национальная буржуазия, то в результате классовых боев 1926—1929 гг. положение коренным образом изменилось. К руководству движением пришли левые конгрессисты и прежде всего коммунисты — истинные борцы за интересы рабочего класса. Коммунисты возглавили профсоюзные организации в Бомбее, Дели, Калькутте, Аллахабаде. На VII (1927 г.), VIII (1927 г.) и IX (1928 г.) сессиях ВИКП в состав руководящих органов объединения были избраны коммунисты. С вступлением в ВИКП в 1929 г. крупнейших профсоюзов, руководимых коммунистами,— «Гирни камгар» и профсоюза железнодорожников Великой полуостровной железной дороги — позиции КПИ в этом профобъединении еще более упрочились, а прежнее реформистское руководство утратило свою былую власть.

Все сессии ВИКП периода 1926—1929 гг. отмечены горячими дебатами по вопросу участия рабочих в политической борьбе. Члены ИНК в руководстве ВИКП считали необходимым участие пролетариата в национально-освободительном движении лишь в качестве массовой ударной силы, но не признавали за ним права на собственные интересы и соответствующую им самостоятельную роль во внутриполитической борьбе и в противодействии британским колонизаторам. Коммунисты же вместе с другими левыми элементами боролись за всемерную политизацию профсоюзного движения. В результате деятельности

коммунистов, а также в силу самой логики борьбы рабочего класса профсоюзы наряду с выдвижением экономических требований стали активнее выступать в политической антиимпериалистической борьбе. Они усиливали давление на ИНК, добиваясь от него принятия радикальной программы полного национального освобождения.

Вершиной политической активности рабочего класса этого периода стали события, развернувшиеся во время Калькуттской сессии ИНК в декабре 1928 г. По призыву профсоюза трамвайщиков, Ассоциации джутовых рабочих Бенгалии, Союза железнодорожных рабочих Восточной Индии и других союзов, руководимых коммунистами, 30 тыс. рабочих окружили помещение, где проходили заседания, и на митинге приняли резолюцию с требованием полной независимости Индии, с призывом включить это требование в программу деятельности ИНК и мобилизовать все национальные силы для достижения этой цели. ИНК потребовал полной независимости страны только через год после этого выступления [18].

Эти события имели далеко идущие последствия. Во-первых, усилились политические разногласия между правым и левым крылом рабочего движения, что привело впоследствии к организационному разрыву между ними. Во-вторых, активизировалась деятельность колониальных властей, пытавшихся сдержать выступления народа за свои права.

Так, в январе 1929 г. в речи перед Законодательным собранием вице-король Индии лорд Ирвин открыто выразил беспокойство в связи с распространением в стране «коммунистических доктрин» [19]. Правительство Британской Индии начало аресты коммунистов. Не только колониальные власти, но и некоторые реформистски настроенные профсоюзные лидеры требовали энергичных мер по пресечению деятельности коммунистов в рабочем движении. Например, Шива Рао, председатель исполкома ВИКП, заявил в мае 1928 г.: «Пришло время, когда профсоюзное движение Индии должно выбросить из своей организации смутьянов. Это тем более необходимо, что появилось много личностей, проповедующих евангелие забастовки» [20].

К очередной, IX, сессии (ноябрь 1929 г.) в ВИКП сложилась чрезвычайно острая ситуация. Коммунисты и поддерживавшие их радикалы, составлявшие левое крыло в рабочем движении, располагали значительным влиянием, которое еще больше усилилось к концу 20-х годов в результате вступления в ВИКП новых профсоюзов, руководимых коммунистами. Конфликт в профсоюзах между умеренными либералами и реформистами, представлявшими национальную буржуазию, с одной стороны, коммунистами и радикальными националистами — с другой, был отражением идеологической и политической борьбы между этими группировками по всей стране. Сущность противоречий сводилась к отношению к национальному движению и его организации — ИНК, действовавшим под руководством

М. К. Ганди, к роли, которую играла индийская национальная буржуазия в освободительном движении, к движению несотрудничества, начатому М. Ганди. Отказавшись поддержать это движение, коммунисты оказались в стороне от массовых народных выступлений.

Разногласия начались уже на заседании исполкома ВИКП, состоявшемся непосредственно перед сессией. Формально они касались вопроса о представительстве принятых в ВИКП новых профсоюзов, в основном «Гирни камгар» (54 тыс. членов) и Союза железнодорожников Великой индийской полуостровной железной дороги (41 тыс.). По Уставу каждый делегат сессии должен был представлять 200 членов союза. В результате из 938 делегатских голосов только профсоюзам «Гирни камгар» и железнодорожников должно было принадлежать 350, т. е. при решении всех вопросов левые профсоюзы, руководимые коммунистами, могли опираться на значительное число голосов.

Реформистское руководство ВИКП оспаривало численность «Гирни камгар», утверждая, что она не превышает 6 тыс. человек. Однако в специальном правительственном докладе по вопросу о численности этого профсоюза говорилось: «Когда союз начал забастовку (речь идет о всеобщей забастовке текстильщиков Бомбея в 1928 г.— *В. П.*), число его членов равнялось численности полудюжины любых других союзов, вместе взятых. Сумма собранных им взносов доходит до 64 тыс. рупий, и поэтому заявленное им членство 54 тыс. не является преувеличением»[21].

При голосовании на заседании исполкома по вопросу о численности «Гирни камгар» коммунисты победили 52 голосами против 48. Они и их сторонники одержали верх также на сессии. Однако многие из принятых по их инициативе резолюций имели неоправданно «левый» характер, были несвоевременны и зачастую вредны, ибо способствовали ослаблению рабочего единства.

Проводя линию борьбы с национальной буржуазией, коммунисты обрекали себя на изоляцию от массового движения. Впоследствии, уже в 1964 г., член исполкома Национального совета КПИ Г. Адхикари писал: «Борьба, начатая М. Ганди, не была революционной; она была антиимпериалистической и демократической по своему содержанию, хотя ее методы были направлены на ограничение массовых действий. Но в то же время это движение вовлекало широкие массы и рождало в них дух национальной революции. Наша оппозиция ему не только изолировала партию от национального движения, но и привела к расколу профсоюзов»[22]. Сущность левосектантского уклона, проявившегося и в профсоюзном движении, состояла, как отмечает Г. Адхикари, в непонимании того, что главным в буржуазно-демократической революции является противоречие между империализмом и его союзниками-феодалами и компрадорской буржуазией, с одной стороны, и всем народом, включая

национальную буржуазию,— с другой, а не между национальной буржуазией и пролетариатом [23].

Реформисты, оказавшись в меньшинстве, решили пойти на раскол. 1 декабря 1929 г., в день окончания сессии ВИКП, они открыли в Нагпуре сепаратный съезд и объявили об организации нового профсоюзного центра — Индийской федерации профсоюзов (ИФП). Вышедшие из ВИКП заявили, что «под руководством большинства в Исполнительном комитете (имелись в виду прежде всего коммунисты.— *В. П.*) деятельность ВИКП в корне противоречит подлинным интересам рабочего класса» [24].

После раскола в ВИКП остался 21 союз, объединявший 92,8 тыс. человек [25]. В ИФП вошли 30 союзов с 95,6 тыс. членов [26]. В одной из первых резолюций ИФП говорилось, что «ни один союз или лицо с коммунистическими взглядами не могут быть приняты в Федерацию» [27].

В последующие два года работа в низовых профсоюзных организациях ВИКП значительно ослабла. Две группировки в ВИКП — коммунисты и националисты — были больше заняты междоусобной борьбой, чем делами рабочего движения. Националисты стремились вырвать руководство профцентром из рук коммунистов, коммунисты же, вынужденные отвлекать значительные силы на борьбу против националистов, не имели возможности тщательно готовить забастовки и другие выступления рабочего класса. Как правило, эти выступления не достигали цели. Массовая база ВИКП сузилась. Были случаи, когда левацки настроенные лидеры-коммунисты сами вносили раскол в среду рабочих, создавая параллельные «красные» профсоюзы, если руководство уже существовавших организаций оказывалось не на их стороне. Естественно, результативность забастовочного движения резко упала.

В такой обстановке в июле 1931 г. в Калькутте открылась XI сессия ВИКП. Перед началом сессии, 5 июля, состоялось заседание исполкома ВИКП, на котором рассматривался вопрос, вызвавший ожесточенную дискуссию: кого считать действительным представителем профсоюза «Гирни камгар» — группу коммунистов под руководством Б. Т. Ранадиве и генерального секретаря ВИКП Ш. В. Дешпанде или группу Канделкара, вице-президента ВИКП и председателя «Гирни камгар». Вопрос был передан на рассмотрение мандатной комиссии, решением которой право представлять «Гирни камгар» получила группа Канделкара. После этого коммунисты отказались участвовать в сессии, так как убедились, что не будут поддержаны большинством. 6 июля они собрали отдельную сессию, в которой приняли участие представители 12 профсоюзов, и основали отдельную организацию — Конгресс красных профсоюзов (ККП) [28]. В сущности, и этот раскол ВИКП был результатом левосектантской линии.

Второй раскол за полтора года оказался тяжелым ударом для индийского профсоюзного движения, сведя на нет предпри-

нимавшиеся отдельными профсоюзами попытки достичь воссоединения ВИКП и ИФП. Раскол ослабил позиции ВИКП, превратив его в малочисленную организацию, представлявшую незначительную часть организованного рабочего движения. Не выиграли и остальные два центра — ИФП и ККП, поскольку престиж профсоюзов в рабочем классе упал. Многие организации рабочих и служащих предпочитали не вступать ни в одно профобъединение и действовать самостоятельно, без координации своих усилий с всеиндийскими профцентрами. Резко сократилась численность профсоюзов. Так, в крупнейшем некогда союзе «Гирни камгар» к 1932 г. насчитывалось всего 800 человек (вспомним, что в 1929 г. их было 65 тыс.) [29]. Даже в Бомбее, где позиции профсоюзного движения были особенно сильны, численность членов профсоюзов упала с 197 тыс. в 1929 г. до 98,8 тыс. к декабрю 1931 г.[30].

Хотя идейно-политическое размежевание профсоюзного движения, происшедшее по инициативе «левых» коммунистов, нанесло значительный вред единству рабочего класса, оно имело и некоторые положительные стороны. Конгресс красных профсоюзов просуществовал всего три года, но за это время он провел большую работу, пытаясь распространить революционные идеи в среде рабочих. Так, важным шагом было создание Лиги молодых рабочих в середине 1930 г. Лига стояла на позициях классовой борьбы и действовала совместно с боевыми профсоюзами и другими организациями рабочего класса. В нее могли вступать рабочие фабрик и железных дорог, которым было не больше 25 лет. Лига сыграла большую роль в подготовке всеобщей забастовки текстильных рабочих Бомбея в 1934 г. Большую роль в политизации рабочего движения играл и «Гирни камгар», который после XI сессии ВИКП в 1931 г. был расколот на две группировки (одну возглавляли коммунисты, другую — сторонники М. Н. Роя).

Исполком ККП организовал и провел немало политических мероприятий. Среди них можно назвать состоявшиеся в феврале 1933 г. День Мирута (в поддержку осужденных на мирутском процессе коммунистов) и День борьбы против безработицы. 1 августа 1933 г. был проведен Антивоенный день. Первомайские праздники 1934 г., прошедшие в Индии с большим подъемом, были использованы ККП для пропаганды солидарности индийских рабочих с борьбой трудящихся Европы и Китая. В ноябре 1934 г. рабочие Индии отметили годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. На митингах, проведенных в промышленных центрах страны, ораторы разъясняли рабочим значение русской революции. В Калькутте на самой большой площади состоялось празднование, в котором приняли участие рабочие джутовых фабрик, трамвайщики, портовики [31].

Серьезной проверкой растущего влияния рабочих в политической жизни страны стала Бомбейская радикальная конфе-

ренция (ноябрь 1935 г.), в которой участвовало свыше 1 тыс. представителей политических и профсоюзных организаций разных направлений. Активное участие в подготовке этой конференции приняли руководители левого профдвижения, связывавшие ее проведение с развертыванием на основе единого национального фронта массовой кампании среди рабочих. По отдельным вопросам конференция приняла большинством голосов резолюции, внесенные коммунистами. Конференция сформулировала точку зрения левых рабочих организаций и радикальных элементов Национального конгресса по таким важным вопросам, как борьба против конституции, введенной колониальными властями в 1935 г., отношение к принятию министерских постов, работа в законодательных органах, демократизация Устава ИНК, коллективное членство в нем рабочих, крестьянских и других организаций. Она сыграла важную роль в укреплении единого фронта рабочих организаций с радикальными элементами Национального конгресса по основным вопросам антиимпериалистической борьбы и в усилении роли рабочего класса в национально-освободительном движении [32].

К 1935 г. положение дел в профсоюзном движении было следующим. ККП объединял 20 союзов, в которые входили 10 тыс. человек [33]. В основном это были союзы текстильщиков и печатников. В ВИКП состояло 52 союза с 80 тыс. членов [34]. Это были по преимуществу профсоюзы так называемого правильного типа, руководство которых стремилось к налаживанию «дружественного сотрудничества между трудом и капиталом», отрицало самостоятельную роль профсоюзов в политике и отводило рабочему движению второстепенное место в политической борьбе. Третий центр — Индийская федерация профсоюзов — в 1933 г. слился с крупным союзом железнодорожников в Национальную федерацию профсоюзов (НФП), которая к этому времени стала самым крупным объединением — 59 союзов, 147,5 тыс. человек [35] (по другим данным, в нее входило 47 союзов, 135 тыс. членов [36]).

Раскол профсоюзного движения привел к значительному ослаблению классовой борьбы пролетариата. Все сильнее ощущалась необходимость профсоюзного единства. Инициаторами единых действий нередко выступали рядовые члены профсоюзов. Секретарь ВИКП Патхан в первомайском воззвании 1935 г. был вынужден констатировать: «В рабочем классе Индии растет возбуждение. Рабочий класс собирает свои силы для сопротивления. Разговоры о стачках раздаются повсюду, и рабочий класс переходит к прямому действию по своей собственной инициативе. Давление снизу заставляет рабочих лидеров разных направлений объединяться на общей платформе» [37].

Важным этапом в борьбе за профсоюзное единство явилась всеобщая стачка текстильщиков Индии в 1934 г. В январе 1934 г. состоялась Всеиндийская конференция рабочих-текстильщиков, на которой отмечалось, что разрозненность рабочих

отрядов не дает возможности сдержать наступление фабрикантов. В конференции приняли участие и представители ВИКП, связанные с ИНК, и коммунисты из ККП. Решением конференции забастовка была назначена на апрель 1934 г. В общей сложности в ней участвовало 127 тыс. человек[38]. Бастовали рабочие-текстильщики Дели, Нагпура, Шолапура, Ахмадабада и особенно Бомбея. В ходе стачки впервые в текстильной промышленности, как отмечала газета «Бомбей кроникл», рабочие фабрики «Морарджи гокулдас» захватили предприятие[39]. В период забастовки был создан объединенный стачечный комитет, куда вошли представители разных профцентров и союзов.

Главным достижением забастовки было то, что рабочие, входившие в разные профцентры, выступили единым фронтом, заставив лидеров ВИКП и ККП договориться о совместных действиях и выработать общую платформу. На заседании исполкома ККП в октябре 1934 г. К. Г. Кулкарни объявил, что президент ВИКП обратился к нему с предложением об объединении ВИКП и ККП. В апреле 1935 г. в рамках XIV сессии ВИКП, на которой присутствовали представители ККП, состоялась конференция единства. На этой конференции руководство ККП приняло решение о самороспуске и слиянии с ВИКП на основе платформы единства, основным пунктом которой было безоговорочное признание принципа классовой борьбы. Слияние параллельных союзов, входивших в ВИКП и ККП, завершилось в 1936 г.

Соглашение о слиянии двух профцентров явилось важным вкладом в дело борьбы за единство индийского профдвижения. Как отмечал журнал «Материалы по национально-колониальным проблемам», соглашение свидетельствовало «о серьезных попытках преодоления сторонниками ревкрыла индийского профдвижения сектантских тенденций, составлявших характерную слабость революционных союзов Индии на протяжении ряда лет и мешавших ревкрылу расширить свою массовую базу. Из-за сектантских слабостей руководства, из-за сектантской установки на создание самостоятельных союзов революционные союзы Индии оставались в основном узкими, не массовыми организациями»[40].

В октябре 1934 г. ВИКП подписал соглашение о сотрудничестве с Конгресс-социалистической партией, образовавшейся в рамках ИНК и действовавшей как его рабочее крыло. Соглашение предусматривало, что ВИКП будет поддерживать КСП как партию рабочего класса. На XV сессии ВИКП в мае 1936 г. генеральный секретарь ВИКП Манибен Кара отметила: «КСП доказала, что она является источником силы для Конгресса профсоюзов и работает в совершенном согласии с ним. По всем вопросам антиимпериалистической борьбы КСП охотно сотрудничает с нами. Некоторые члены партии работают в профсоюзах, примыкающих к ВИКП. В Индийском национальном конгрессе КСП выражает политическую идеологию и чаяния рабочего клас-

са, поддерживает политику, проводимую ВИКП, и настаивает на непосредственном представительстве организованных рабочих в Комитете ИНК»[41].

Теперь первоочередная задача состояла в том, чтобы добиться слияния ВИКП и Национальной федерации профсоюзов. Процесс сближения этих центров проходил медленно и трудно. Первые попытки к объединению предпринимались еще в 1930 г. на основании так называемой платформы единства, выработанной профсоюзом «Гирни камгар». В то время они не принесли успеха. В декабре 1935 г. возобновились переговоры между руководством ВИКП и НФП. После длительного обмена предложениями было подготовлено соглашение о единстве на базе «предложений Гири» (В. В. Гири был в то время президентом НФП). Одним из основных в них был пункт, устанавливающий, что «политические вопросы и вопросы о стачках решаются большинством в $^{3}/_{4}$ голосов исполкома»[42]. Такое положение, по сути дела, передавало в руки реформистского руководства НФП решение по наиболее острым проблемам классовой борьбы пролетариата (стачки, политические выступления), поскольку в этот момент НФП значительно превосходила ВИКП по численности.

Несмотря на согласие ВИКП принять «предложения Гири», руководство НФП не торопилось с окончательным решением. В резолюции XVI сессии ВИКП в январе 1938 г. о принятии «предложений Гири» говорилось: «Широкий размах забастовочной борьбы во всех основных отраслях промышленности страны... усилил необходимость единства рабочего класса и его ведущих организаций — ВИКП и НФП. Достижение организационного единства с НФП и создание центральной всеиндийской профсоюзной организации рабочего класса стало насущной задачей, которая не может дальше откладываться»[43].

17 апреля 1938 г. в Нагпуре состоялась специальная (XVII) объединенная сессия двух организаций. С присоединением НФП (63 профсоюза, 151,3 тыс. человек) ВИКП стал объединять 188 союзов общей численностью 366,5 тыс. членов[44].

Итак, расколы 1929 и 1930 гг. были преодолены в 1938 г. в значительной мере благодаря действиям коммунистов, избавлявшихся от «детской болезни „левизны“». После Нагпурской сессии началось практическое слияние праллельных союзов. В 1939 г. завершилось объединение многих отраслевых профсоюзов — текстильщиков, железнодорожников, докеров, моряков. Окончательное слияние ВИКП и НФП произошло только в 1940 г. Тогда на очередной сессии ВИКП было представлено 195 союзов общей численностью 374,3 тыс. человек[45]. Воссозданное единство рабочих рядов позволило индийскому пролетариату добиться от предпринимателей некоторых уступок — в ряде отраслей была повышена зарплата, улучшены условия труда.

Свидетельством влияния КПИ в рабочем движении было к

брание коммунистов на ряд важных постов в руководстве ВИКП. Так, в 1938 г. генеральным секретарем профцентра был избран коммунист Б. Мукерджи, а Ш. А. Данге и С. В. Гхате стали вице-президентами. После слияния ВИКП с НФП коммунисты также получили ряд руководящих постов.

Активное участие коммунистов в антиимпериалистическом движении, определенные успехи политики единого национального фронта обеспечивали компартии поддержку различных слоев индийского народа. Ярким проявлением этого явилась кампания с требованием легализации компартии, запрещенной еще в 1934 г. 7 марта 1938 г. генеральный секретарь ВИКП Б. Мукерджи заявил: «Коммунистическая партия Индии является политической партией рабочего класса, и ограничение ее легального открытого функционирования тормозит развитие рабочего движения. Люди, придерживающиеся различных политических убеждений, требуют снятия запрета с коммунистической партии. ВИКП подтверждает это требование»[46]. По инициативе ВИКП 20 марта 1938 г., в девятую годовщину начала Мирутского процесса, был проведен Всеиндийский день за отмену запрета компартии.

Годы второй мировой войны (1939—1945) принесли тяжелые испытания индийскому народу. Инфляция, голод, экономическая дезорганизация — все это легло в первую очередь на плечи индийских рабочих.

Вопрос об отношении к войне, в которую Индия была втянута метрополией автоматически, стал предметом острых дискуссий. С одной стороны, симпатии индийских трудящихся были на стороне демократических, антифашистских сил. С другой стороны, все понимали, что настоящую поддержку союзникам может оказать только независимая Индия.

Рабочий класс поначалу решительно выступил против войны. Первая антивоенная забастовка прошла в день рождения М. Ганди, 2 октября 1939 г., в Бомбее по инициативе коммунистов. Более 900 тыс. человек прекратили работу[47]. Забастовки охватили предприятия практически всех отраслей промышленности. Бастующие рабочие кроме требования выплаты надбавок на дороговизну выдвигали и антивоенные лозунги.

Вопрос об отношении рабочего движения к войне решался на XVIII сессии ВИКП в сентябре 1940 г. Большинством голосов прошла резолюция В. В. Гири, в которой говорилось: «Участие в войне, которое не принесет Индии свободы и демократии, не пойдет на пользу стране, а тем более ее рабочему классу»[48].

С нападением Германии на СССР характер войны изменился, что не могло не повлечь за собой изменения в вопросе об отношении к ней индийских трудящихся. Однако в 1941 г. генеральный совет ВИКП принял следующую резолюцию: «Хотя симпатии индийского профсоюзного движения находятся на стороне Советского Союза, воюющего с нацистской Германией, тем

не менее при нынешнем зависимом положении страны индийское профсоюзное движение не может оказать эффективной помощи СССР. Резолюция, принятая на сессии ВИКП в прошлом году в Бомбее, утверждающая, что участие в войне не принесет свободы и демократии Индии, не нуждается в изменениях» [49].

На XIX сессии ВИКП в Канпуре в 1942 г. вновь был поднят вопрос об отношении к войне. Было выдвинуто две резолюции. Первая, отражавшая точку зрения коммунистов, требовала безусловной поддержки военных усилий союзников, причем отмечалась необходимость улучшения положения индийского народа, для того чтобы эта поддержка была более действенной. Во второй резолюции, выдвинутой сторонниками ИНК, было заявлено, что для эффективного участия в борьбе против держав оси и сотрудничества в этих целях с другими странами необходимо немедленно передать власть народу Индии. Не набрав необходимого большинства в $^3/_4$ голосов, ни одна резолюция не была принята. Формально оставалась в силе резолюция 1940 г.

Но эта резолюция устраивала далеко не всех. Еще раньше, в июле 1941 г., в знак несогласия с позицией ВИКП по вопросу об отношении к войне Союз индийских моряков Калькутты и 14 профсоюзов Мадраса информировали руководство ВИКП о своем намерении выйти из профцентра. По той же причине некоторые видные профсоюзные деятели — М. Н. Рой, В. Б. Карник, Манибен Кара, Афтаб Али и др. — подали в отставку с постов членов Генерального совета ВИКП [50]. В декабре 1941 г. М. Н. Рой и его сторонники созвали конференцию в Лахоре, на которой было объявлено о создании Радикальной демократической партии. На конференции также было принято решение об организации нового профцентра — Индийской федерации труда (ИФТ) под руководством М. Н. Роя, который был избран генеральным секретарем. Федерация сразу же стала самой представительной профсоюзной организацией. В 1941 г. она объединяла 193 союза с 343 тыс. членов, в то время как в ВИКП в 1942 г. насчитывался 191 союз (269,8 тыс. человек) [51].

Вопрос об отношении к войне, ставший причиной очередного раскола ВИКП, продолжал занимать важное место в его внутренней жизни и после ухода из него некоторых профсоюзов и основания ИФТ. Члены ИНК, имевшие значительный вес в организации, были против поддержки военных усилий правительства. Коммунисты же выступали за солидарность с ним в этом вопросе [52]. Они считали необходимым увеличение промышленного производства и доказывали необходимость временного отказа от забастовок.

В разгар войны, в мае 1943 г., в Бомбее состоялся I съезд индийских коммунистов. На нем присутствовало 139 делегатов, представлявших 16 тыс. членов партии. Съезд проходил под лозунгами оказания помощи сражающимся армиям, увеличения

выпуска продукции промышленности и увеличения производства продуктов питания. В докладе П. Ч. Джоши об итогах съезда говорилось, что «рабочий класс должен рассматривать увеличение производства как свою главную патриотическую задачу». Требования повышения зарплаты и выплаты надбавки на дороговизну также связывались с увеличением производства. «Борющиеся рабочие,— говорилось в докладе,— должны быть уверены, что массовые союзы, а не забастовка являются их оружием в борьбе за свои требования и чем больше они будут выступать за увеличение производства, тем быстрее будут удовлетворены их жизненные запросы». Съезд обратился к партийным комитетам с просьбой провести в профсоюзных организациях конференции, на которых следует обсудить и выработать практические планы для выполнения главной цели — увеличения производства [53].

Забегая вперед, скажем, что впоследствии партия осудила жесткую линию на предотвращение забастовок во время войны. На II съезде КПИ были подвергнуты критике некоторые аспекты линии партии во время войны, в том числе и по вопросу о забастовках. Было отмечено, что хотя в отдельных документах КПИ, в частности в резолюции об увеличении производства, принятой ЦК в сентябре 1942 г., подчеркивалось право рабочих на забастовку, но к началу 1943 г., перед съездом партии, ЦК практически отверг проект резолюции, упоминающий право на забастовку и проведение забастовок в необходимых случаях, и пришел к выводу, что забастовок быть не должно [54].

Вопросы о поддержке военных усилий правительства и отказе от забастовок во время войны стали причиной ожесточенных дискуссий в ВИКП, в которых ни одна сторона не смогла одержать победу, так как не собрала необходимых $^3/_4$ голосов.

Во время войны профсоюзное движение Индии сделало крупный шаг вперед. Появилось много новых профсоюзов, а число их членов возросло примерно на 70% [55]. Рост рядов организованных рабочих был особенно заметным в Бихаре (прирост 440%), Ориссе (199%), Ассаме (153%), Бенгалии (139%). Среднее число членов профсоюзной организации возросло с 1136 в 1939—1940 гг. до 1552 в 1944—1945 гг. Число женщин, вступивших в профсоюзы, увеличилось с 18,6 тыс. в 1939—1940 гг. до 36,3 тыс. в 1944—1945 гг. Конечно, отчасти такой рост объяснялся увеличением массы рабочей силы: ведь численность занятых в промышленности и на транспорте увеличилась с 1,7 млн. в 1939 г. до 2,6 млн. в 1945 г. [56].

Наиболее крупным объединением по-прежнему была ИФТ, в которую в 1943 г. входило 289 союзов с 529,8 тыс. членов [57]. Выросли и ряды ВИКП. К XX сессии (май 1943 г.) в ВИКП состояло 259 союзов (332 тыс. человек) [58]. На этой сессии коммунисты оказались в большинстве, поскольку многие профсоюзные деятели-конгрессисты были брошены в тюрьмы после принятия ИНК в августе 1942 г. резолюции «Вон из Индии!».

Ряд профсоюзных лидеров в низовых организациях были арестованы, руководство ВИКП также пострадало. Бывший президент ВИКП конгрессист В. В. Гири был в тюрьме, 9 членов Рабочего комитета и 30 (из 62) членов Генерального совета ВИКП также оказались в заключении[59]. В то же время компартия в 1942 г. была легализована. Получив возможность действовать открыто, коммунисты полностью использовали ее. На XXI сессии ВИКП (январь 1945 г.) было представлено более 400 союзов (451,9 тыс. человек), из которых примерно 70% находились под влиянием коммунистов[60].

Второй период (1947—1964). Год достижения независимости, ставший переломным в жизни всей страны, был особым годом и в индийском рабочем движении. После прихода к власти Индийского национального конгресса правительство, созданное им, приняло несколько законов, обеспечивавших ему главную роль в решении трудовых конфликтов. Большинство в ВИКП — коммунисты и члены Конгресс-социалистической партии — были против этих нововведений. На XXII сессии ВИКП в Калькутте (май 1947 г.) за резолюцию, осуждающую законы, было подано абсолютное большинство голосов. Это послужило формальным поводом для выхода конгрессистов из ВИКП. Так завершился процесс расхождения между политическими группами, которые до той поры в течение двух десятилетий совместно работали в ВИКП: коммунистами, выражавшими интересы рабочего класса, и конгрессистами, представлявшими национальную буржуазию.

Сначала конгрессисты пытались усилить свои позиции в ВИКП, но скоро пришли к выводу, что они никогда не будут доминировать в этой организации. В мае 1947 г. на конференции, созванной ИНК и ассоциацией «Хиндустан маздур севак сангх» (созданной в 1938 г. с целью направлять профсоюзную политику ИНК и обучать профсоюзных лидеров в духе гандистских принципов), был поднят вопрос об отделении конгрессистов от ВИКП. В проекте резолюции говорилось: «Позиция, занятая ВИКП по отношению к принципу и процедуре арбитража в решении промышленных конфликтов, не получила одобрения многих выдающихся профсоюзных деятелей. Эта позиция будет противоречить жизненным интересам страны и тормозить демократическое мирное развитие, если на данной стадии не будет создана центральная рабочая организация, действующая в духе идей и резолюций ИНК»[61]. Правда, некоторые профсоюзные деятели возражали против этой резолюции, считая, что еще одна (кроме ВИКП и ИФТ) центральная организация создаст путаницу и хаос в умах рабочих. Они предлагали, чтобы все союзы, находящиеся под влиянием ИНК и стоящие в стороне от центральных организаций, присоединились к ВИКП и тем самым обеспечили ИНК большинство в профцентре ВИКП. Но это предложение было отвергнуто, а принято решение создать новую центральную профорганизацию, руководимую

ИНК,— Индийский национальный конгресс профсоюзов (ИНКП).

Создание ИНКП, по заявлению его основателей, представляло собой попытку найти новый подход к решению проблем рабочего класса. Этот подход достаточно определенно проявился в Уставе ИНКП, из которого была исключена фраза, входившая во все варианты Устава ВИКП,— «Профсоюз является органом классовой борьбы».

ВИКП до выхода конгрессистов объединял 601 профсоюз, в котором состояло 796,2 тыс. членов [62]. По данным лидеров ИНКП, на его учредительной сессии в мае 1947 г. было представлено более 200 профсоюзов с 575 тыс. членов [63]. Однако не все они раньше состояли в ВИКП, и не все вышедшие из ВИКП профсоюзы примкнули к ИНКП.

Дробление профсоюзного движения на этом не закончилось. В 1948 г., после убийства М. Ганди, Всеиндийский комитет ИНК запретил политические группировки в рамках Конгресса. Это заставило Конгресс-социалистическую партию выйти из ИНК и конституироваться в марте 1948 г. в качестве самостоятельной Социалистической партии. В декабре того же года была создана ее рабочая организация — профцентр «Хинд маздур панчаят» (ХМП). Вскоре новый профцентр слился с остатками ИФТ, позиции которой значительно ослабли после раздела Индии, так как она имела много сторонников в Пенджабе, Синде и Восточной Бенгалии — районах, отошедших к Пакистану. После слияния возникло новое профсоюзное объединение «Хинд маздур сабха» (ХМС). ХМС создавался как «третья сила» в индийском профсоюзном движении, балансирующая между ВИКП и ИНКП. Социалисты отвергли и ИНКП, так как он находился «под контролем правительства», и ВИКП, поскольку руководящие позиции в нем занимали коммунисты. Основатели профцентра на словах провозгласили принцип «независимости профсоюзов от правительства, предпринимателей и политических партий», хотя решающее влияние на формирование и программу деятельности ХМС оказывала и оказывает Социалистическая партия. В 1948 г., по данным ХМС, объединение насчитывало 419 профсоюзов, в которых состояло 679,3 тыс. человек [64].

Кроме трех всеиндийских объединений в это время существовала также крупная левая организация профсоюзов Бенгалии под руководством М. К. Боса. Не считая возможным присоединиться к «проводящему сектантскую политику под руководством коммунистов ВИКП» или к ИНКП, ориентированному на ИНК, Бос искал новых союзников. Его симпатии склонялись в пользу ХМС. Но препятствием для объединения стало расхождение во взглядах на некоторые основные пункты Устава. Поэтому группа Боса предпочла основать собственную профсоюзную организацию. Это произошло в апреле 1949 г. В заявлении, возвещавшем о создании нового центра — Объединенного кон-

гресса профсоюзов (ОКП), говорилось, что в отличие от других организаций ОКП будет вести профсоюзную деятельность на самой широкой основе профсоюзного единства, свободной от сектантства. И хотя ОКП имел последователей в основном в Западной Бенгалии и Керале, он был признан правительством в качестве всеиндийской центральной организации. В момент своего основания ОКП насчитывал 254 профсоюза, объединявших 332 тыс. членов[65].

Таким образом, менее чем за два года индийское профсоюзное движение раскололось на четыре крупных центра, не считая большого числа профсоюзов, не входивших ни в одно из центральных профобъединений.

Перегруппировка сил в рабочем движении Индии после достижения страной политической независимости в какой-то мере была неизбежна — изменились положение страны на международной арене, внутриполитическая ситуация, перед рабочим классом вставали новые задачи. Однако в том, что эта перегруппировка приняла столь болезненные формы, сопровождалась расколом и ослаблением рядов организованного рабочего движения, немалую роль сыграли субъективные факторы, и среди них левосектантские тенденции в коммунистическом движении. Руководство КПИ не сделало должных выводов из факта дробления профсоюзного движения; более того, оно усугубило курс, который позже был признан ошибочным.

На II съезде КПИ (март — апрель 1948 г.) верх одержали «левые» под руководством Б. Т. Ранадиве, что отразилось в решениях съезда, в том числе и по профсоюзному вопросу. Съезд объявил всю предыдущую деятельность компартии реформистской и полностью отверг идею единого фронта с национальной буржуазией. Съезд определил новый этап национального движения в Индии как этап народно-демократической революции и выдвинул как основную задачу свержение правительства национальной буржуазии. Из этого положения вытекали и задачи партии на профсоюзном фронте. Взяв контроль над ВИКП в свои руки после выхода из него всех группировок, в которых коммунисты не пользовались существенным влиянием, тогдашнее руководство КПИ решительно направило деятельность этого объединения в русло сектантства. Отвергалась любая возможность сотрудничества с профцентрами, руководимыми ИНК или социалистами. В качестве основной выдвигалась задача борьбы за национализацию промышленности. Забастовка определялась как главная и единственная форма борьбы; любые попытки достичь соглашения с правительством и предпринимателями путем арбитража и переговоров решительно отвергались.

В Политических тезисах, принятых II съездом КПИ, указывалось, что каждый случай неполной поддержки или саботажа забастовки профсоюзами других направлений, особенно руководимыми соцпартией, должен быть осужден таким путем, кото-

рый привлечет рабочих к ВИКП как к общей организации. «Наше предложение объединенного фронта должно развиться в требование единой центральной организации,— говорилось в тезисах,— и осуждения раскольнических действий руководства социалистической партии. Нашими независимыми действиями, решительным проведением забастовочной борьбы, увеличением числа членов профсоюзов мы должны усилить ВИКП и представить его перед рабочим классом как единственную классовую организацию, последовательно борющуюся за права рабочих». В ходе забастовочной борьбы предлагалось наряду с выдвижением требований насущного характера популяризировать требование национализации ключевых отраслей экономики, контроля над прибылями и установления зарплаты, соответствующей прожиточному минимуму. Далее в тезисах указывалось, что ни одно частичное завоевание пролетариата в период кризиса не сможет быть прочным, если не вести борьбу с капитализмом по всему фронту. Рабочий класс должен играть ведущую роль в этой борьбе и «путем забастовок, демонстраций протеста и других форм политических действий» выступать защитником демократических прав и свобод, лидером, строителем и объединяющей силой демократического фронта [66].

В соответствии с этими положениями в 1947—1948 гг. ВИКП организовал множество забастовок — в угольных шахтах, на плантациях, текстильных предприятиях и транспорте. Как правило, эти забастовки не были подготовлены и в большинстве своем закончились неудачно. Нередко бастующие прибегали к насилию, особенно в Бомбее и Калькутте. Это послужило лишним поводом для подавления забастовок и преследования коммунистов. В марте 1948 г. правительство Западной Бенгалии объявило компартию вне закона и закрыло бенгальское отделение ВИКП. Позднее власти штатов и княжеств Мадрас, Хайдарабад, Траванкор-Кочин, Индор и Бхопал также наложили запрет на деятельность компартии. К апрелю 1949 г. в заключении находилось 2,5 тыс. коммунистов [67]. Были арестованы 23 члена Генерального совета ВИКП.

Коммунисты, оставшиеся на свободе, продолжали возлагать надежды на боевые стачечные выступления. В частности, они сделали попытку поднять рабочих железных дорог на общенациональную забастовку, в которой видели важный шаг на пути к революции. Эта попытка с самого начала была обречена на неудачу, ибо позиции компартии среди железнодорожников, за исключением некоторых районов юга и востока страны, были слабы. Правда, вице-президентом Всеиндийской федерации железнодорожников был коммунист из Калькутты Джиоти Басу, однако возглавлял ее социалист Джайпракаш Нараян.

В начале 1949 г. Федерация уведомила правительство, что начнет забастовку, если некоторые ее требования не будут удовлетворены. После переговоров с представителями властей исполком Федерации большинством голосов решил отменить за-

бастовку. Но меньшинство, состоявшее прежде всего из коммунистов, настаивало на ее проведении в назначенный срок. 9 марта входящие в Федерацию профсоюзы, возглавляемые коммунистами, начали забастовку на востоке и юге страны. Однако в остальных районах стачку не поддержали, и она закончилась полным провалом. Правительство арестовало около 600 коммунистов, участвовавших в забастовке[68], мотивировав это тем, что забастовка явилась действием, нацеленным на создание хаоса в большей части страны.

Провал забастовки показал, что большинство рядовых членов профсоюзов не одобряют тактику КПИ. Несмотря на это, во второй половине 1949 г. коммунисты вновь призвали к забастовкам всех рабочих Бенгалии, муниципальных служащих Калькутты, текстильщиков Коимбатура. Однако эти призывы не нашли отклика.

КПИ пришлось заплатить дорогую цену за свою политику в этот период. Правительство использовало ошибки коммунистов как предлог для репрессий. 25 тыс. рабочих и крестьянских лидеров-коммунистов были брошены в тюрьмы, ВИКП лишился руководства и многих тысяч своих рядовых членов, обескураженных поражением. В документе «Об индийском профсоюзном движении», представленном в мае 1952 г. на рассмотрение совещания членов компартии, работающих в профсоюзах, так были оценены события этого периода: «После Калькуттского съезда партии руководство не смогло правильно оценить ситуацию и во имя безусловного руководства борьбой рабочего класса и его гегемонии заняло позицию сектантского авантюризма, что и стало главным отклонением этого периода». О слабостях и ошибках профсоюзного движения говорилось: «Массовая профсоюзная работа была заброшена во время политизации рабочего класса. Единство рабочих стало пустой фразой. Призывы к объединенным действиям делались в форме грубейшей, враждебной, острой критики тех самых сил, к единству с которыми мы призывали. Только призыв к забастовке во что бы то ни стало считался признаком революционной профсоюзной работы. Не принимались во внимание подготовленность и настроение масс, уровень организации, объективная оправданность и своевременность призыва»[69].

В результате подобных просчетов и ошибок к концу 40-х — началу 50-х годов ВИКП был дезорганизован, в значительной степени потерял свою массовую базу. Если в 1947 г. в ВИКП насчитывалось 797,2 тыс. человек, объединенных в 601 союз, то к 1953 г. в нем осталось лишь 210,9 тыс. членов, представлявших 334 профсоюза[70]. «Левосектантские политика, тактика и лозунги вместе с бюрократическими методами их применения,— писал позднее об этом периоде деятельности КПИ ее Генеральный секретарь А. К. Гхош,— нарушили и парализовали деятельность даже существующих массовых организаций... внесли разброд и замешательство в партийные организации»[71].

С 1951 г. руководство компартии стало постепенно отходить от линии II съезда. В проекте программы, принятом в 1951 г., по-новому определялись роль индийской буржуазии, характер и сущность единого национального фронта, задачи компартии, давалась новая оценка государственной власти. Текущий этап революции в Индии определялся как антифеодальный и антиимпериалистический. Отмечалось, что, хотя основной целью КПИ является построение в Индии социалистического общества, на данном этапе развития страны партия не требует немедленного установления социализма. КПИ выступила за создание широкого фронта всех левых и демократических сил с привлечением в единый национальный антиимпериалистический фронт всех слоев национальной буржуазии, за исключением крупных монополистов. В отношении оценки характера индийского государства и его возможностей еще чувствовалось влияние прежних взглядов, в частности, считалось, что на внешнюю политику Индии большое влияние оказывают интересы иностранного империализма. В том же плане оценивалась и внутренняя политика. Но хотя в теоретических документах компартия исходила из того, что при существующем правительстве невозможен какой-либо прогресс, в своей практической деятельности она проводила более реалистическую политику.

Естественно, этот поворот вызвал серьезные перемены в позиции ВИКП по многим вопросам внутреннего развития страны. Так, ВИКП одобрил идею планирования экономики, хотя и отметил при этом, что для достижения успеха необходимо создать некоторые предпосылки, в частности, ограничить и поставить под демократический контроль деятельность индийского монополистического капитала. Одним из условий успешного преодоления отсталости ВИКП провозгласил участие рабочего класса в принятии экономических решений и их осуществлении. ВИКП поддержал разработанный правительством второй пятилетний план социально-экономического развития страны. Изменялись взгляды ВИКП и на другие вопросы, связанные с экономическим развитием. В 1954 г., например, ВИКП возражал против рационализации, основываясь на том, что она влечет разорение мелких производителей, усиливает монополии, усугубляет безработицу и тем самым ухудшает положение работающих. Через три года, в 1957 г., при обсуждении проблем рационализации на Индийской конференции по труду ВИКП признал, что в некоторых случаях рационализация может служить интересам страны.

В 1954 г. сессия ВИКП отвергла левацкую поправку, требующую «немедленной национализации ключевых отраслей экономики, таких, как тяжелая промышленность, банки, страховые компании, транспорт и плантации». И в последующие годы ВИКП признавал невозможность немедленной национализации, но настаивал на развитии государственного сектора[72].

Серьезно изменилось отношение коммунистов к организации

забастовочной борьбы. Еженедельник ВИКП «Trade Union Record», критикуя былые колебания в вопросах организации забастовочной борьбы, писал: «Одно время некоторые из нас запрещали все забастовки во имя политической линии. Потом они призывали к забастовкам по любому поводу, не заботясь о том, готовы ли массы к ним... Мы должны помнить, что не бывает ни периода „нет забастовок", ни периода „только забастовки"»[73].

Обращая внимание на характер забастовок, руководство ВИКП критиковало случаи насилия, особенно нередкие в Калькутте, где бастующие поджигали трамваи и автомобили. Шире стали применяться типично индийские методы борьбы — голодовки, сатьяграхи, бандхи и другие. Руководство КПИ не сразу признало целесообразность этих форм классового сопротивления, считая забастовку оружием пролетариата и единственно правильной формой коллективного действия, а такие методы, как голодная забастовка и сатьяграха,— индивидуальными и непролетарскими.

В целом политика ВИКП по вопросам забастовочной борьбы стала к концу 50-х — началу 60-х годов более реалистичной и гибкой. Забастовки и другие массовые действия, руководимые профсоюзами ВИКП, все чаще сочетались с переговорами, коллективными соглашениями, с участием в работе комитетов по заработной плате и в парламентской деятельности.

Новая реалистическая тактика ВИКП дала положительные результаты, сказавшиеся на росте числа его членов и организаций. К середине 50-х годов ВИКП стал вторым по величине профобъединением, уступавшим только ИНКП. В 1958 г. в его рядах было 31,2% общей численности членов профсоюзов, а в ИНКП — 52,8%[74]. Успехи ВИКП, укрепление его позиций в рабочем классе были прямым результатом постепенного преодоления компартией левосектантской болезни.

В преамбуле к новому Уставу партии, принятому на Чрезвычайном V съезде КПИ в Амритсаре (апрель 1958 г.), говорилось, что КПИ борется «за достижение полной демократии и социализма мирными средствами». Это положение нашло отражение и в политических установках ВИКП, признавшего, что некоторые из его целей могут быть достигнуты с помощью законодательных органов, причем не только тогда, когда власть будет в руках коммунистов, но и в том случае, когда КПИ находится в оппозиции. Представители рабочих в парламенте и законодательных собраниях штатов, публично провозглашая и отстаивая требования трудящихся, смогут оказывать влияние на общественное мнение, на деятельность парламента и правительства.

Практическим осуществлением указанных взглядов стало выдвижение кандидатур некоторых функционеров ВИКП на выборах 1957 г. Из 27 коммунистов, избранных тогда в Народную палату парламента, девять были связаны с деятельностью

ВИКП. Из 200 коммунистов, избранных в законодательные собрания штатов, с ВИКП было связано 32 человека[75].

С середины 50-х годов связь компартии с ВИКП стала особенно прочной и органичной. Коммунисты занимали основные посты в Конгрессе профсоюзов, а в состав центральных органов КПИ, в свою очередь, обычно входили несколько профсоюзных деятелей. В 1957 г. членами Политбюро КПИ, состоявшего из 9 человек, стали три деятеля ВИКП. На V съезде КПИ в 1958 г. членом Секретариата КПИ стал один функционер ВИКП, а 6 из 14 руководящих деятелей ВИКП вошли в состав Национального совета партии.

Однако позитивным сдвигам в рабочем движении не суждено было закрепиться. Его ждало новое испытание — раскол Коммунистической партии.

Третий период (1964 — 80-е годы). С расколом КПИ и основанием Коммунистической партии Индии (марксистской) под угрозу было поставлено и единство профсоюзного движения, действовавшего под руководством коммунистов. Однако массовые выступления трудящихся в защиту единства в тот период предотвратили раскол. В мае 1966 г. в Бомбее состоялась очередная, XXVII, сессия ВИКП. В состав руководящих органов профобъединения были избраны и представители КПИ, и члены КПИ(м).

В создавшейся ситуации главной задачей работы КПИ в профсоюзах стало сохранение единства профдвижения. Чтобы не допустить раскола ВИКП, партия реорганизовала свои фракции в профсоюзах и начала оказывать им бо́льшую помощь в тех организациях, где ее позиции были слабее. В основном это относилось к Западной Бенгалии, Керале и отчасти Тамилнаду. На Бомбейской сессии 1966 г., когда в руководящий орган ВИКП были избраны в основном члены КПИ, стало ясно, что партия не потеряла свои позиции в этом объединении.

В условиях, когда раскололись две крупные партии — Коммунистическая и Социалистическая, возникли новые общеиндийские партии — «Джан сангх» и «Сватантра», набрали силу региональные партии — «Дравида муннетра кажагам» в Тамилнаде и «Акали дал» в Пенджабе, значительно возросли трудности борьбы за достижение единства действий рабочих профсоюзов различной политической ориентации. Поэтому ЦК КПИ принял меры, направленные на активизацию деятельности партийных фракций в профсоюзах и усиление координации их работы. В частности, в августе 1967 г. Отдел профдвижения ЦК КПИ поставил перед членами партии в профсоюзах две конкретные задачи: 1) добиться того, чтобы на каждой фабрике или предприятии была партийная ячейка; 2) иметь партийную фракцию в каждом профсоюзе.

В феврале 1968 г. VIII съезд КПИ специально рассмотрел вопрос о задачах работы коммунистов в профсоюзах в условиях раскола партийных рядов. Съезд потребовал расширения

партийной работы в профсоюзах, что предполагало реорганизацию партийных фракций во многих отраслевых профсоюзах, с тем чтобы не допустить раскола там, где позиции КПИ пошатнулись, и добиться их укрепления в тех организациях, где они не были ослаблены. Хотя, как отмечалось выше, на XXVII сессии ВИКП в 1966 г. в руководящие органы ВИКП были избраны в большинстве члены КПИ, все же основания для беспокойства были, ибо КПИ(м) развертывала интенсивную работу в профсоюзах. Она оказалась сильнее в Западной Бенгалии и Керале, расширила свое влияние среди новых групп трудящихся, примкнувших к профсоюзному движению сравнительно недавно, в том числе среди служащих. В профсоюзах таких важных отраслей промышленности, как металлургическая, сталелитейная, машиностроение, цементная, КПИ(м) также занимала ведущие позиции.

В организационном докладе VIII съезду КПИ было сказано, что «возможности руководства КПИ(м) нельзя недооценивать, так как она имеет сильное влияние и массовую базу среди некоторых отрядов рабочего класса и служащих в отдельных штатах». Было подчеркнуто, что она уделяет «особое внимание внедрению своей политики в ряды рабочих, тогда как мы не уделяем этому достаточного внимания». Съезд постановил подготовить конкретный план работы партии в профсоюзах на всеиндийском уровне и на уровне штатов, обратив особое внимание на стратегически важные отрасли промышленности и на большие группы организованного рабочего класса, на которые распространяется влияние КПИ. Съезд отметил необходимость усиления работы партии среди рабочих растущих промышленных комплексов вокруг Дели, Бомбея, Ранчи, Пуны. В качестве самой неотложной задачи было выдвинуто проведение кампании по разъяснению рабочим политики КПИ. План кампании предусматривал организацию митингов и собраний в рабочих районах, создание читален, распространение партийной литературы, вовлечение рабочих в партию. Съезд также решил организовать сеть специальных школ для подготовки партийных и профсоюзных кадров из среды рабочих. «Партия должна осознать тот факт,— говорилось в решениях съезда,— что основой ее деятельности является рабочий класс. Как строитель и организатор национально-демократического фронта, он должен быть сплочен вокруг партии под ее лозунгами» [76].

Конец 60-х — начало 70-х годов были отмечены новым подъемом активности рабочего класса. Состоялись выступления рабочих за повышение заработной платы и соблюдение прав профсоюзов. В 1970 г. количество рабочих дней, потерянных в результате стачечных выступлений, достигло рекордной цифры — 19,7 млн.[77]. После упорной борьбы во многих отраслях промышленности предприниматели были вынуждены повысить минимум заработной платы. В такой ситуации как никогда требовалось единство действий рабочего класса.

После состоявшейся 19 сентября 1968 г. всеобщей забастовки служащих центрального правительства власти начали новые преследования профсоюзных активистов. Тогда по инициативе ВИКП в Дели 8 ноября 1968 г. была созвана всеиндийская конференция, которая впервые объединила на общей платформе центральные профсоюзные организации, представлявшие более 5 млн. рабочих и служащих. В Национальный координационный комитет (НКК), созданный на этой конференции, вошли ВИКП, ХМС, ХМП, ОКП, а также множество профсоюзных федераций, не состоявших ни в одной из центральных организаций. ИНКП отказался присоединиться к этой коалиции, но многие профсоюзы, входящие в него, приняли участие в осуществлении программы действий НКК на местном уровне. 1 мая 1969 г. в парламент была подана петиция, подписанная 1,6 млн. рабочих, и состоялся марш, в котором участвовало более 30 тыс. человек с требованием прекратить репрессии против бастовавших служащих и их профсоюзных представителей[78]. Правительство было вынуждено уступить. На многих предприятиях государственного сектора в штатах Андхра-Прадеш, Раджастхан, Бихар рабочие добились повышения минимума зарплаты и увеличения надбавки на дороговизну.

В январе 1970 г., в разгар подъема забастовочной борьбы, в Гунтуре открылась XXVIII сессия ВИКП. Члены КПИ(м), входившие в Генеральный совет ВИКП и в комитеты ВИКП в штатах, отказались участвовать в сессии и созвали свою Всеиндийскую профсоюзную конференцию с целью «создания нового боевого центра индийских трудящихся».

Конференция состоялась в мае 1970 г. в Калькутте. Председатель подготовительного комитета, один из лидеров КПИ(м), Джиоти Басу, в приветственной речи заявил: «Мы собрались здесь, чтобы принять решения, жизненно важные для будущего профсоюзного и рабочего движения нашей страны. Самым главным из этих решений будет создание нового всеиндийского профсоюзного центра. Его организация в условиях существования в Индии множества профцентров может показаться действием, направленным на дальнейший раскол. Однако создание такого центра как объединяющей организации боевого рабочего класса Индии стало теперь исторической необходимостью. ВИКП, который все мы строили своим тяжелым трудом и ценой больших жертв, превратился в инструмент капитуляции перед буржуазией и в тормоз решительной борьбы с ней». В заключение Дж. Басу сказал: «Подлинно демократический и революционный профсоюзный центр поведет рабочий класс на решительную экономическую битву, одновременно политизирует его и подготовит для борьбы за власть, объединив в антиимпериалистическом движении все его отряды во всех частях страны»[79].

В докладе П. Рамамурти, избранного генеральным секретарем нового профцентра, говорилось: «Мы за принцип: один союз

в одной отрасли или на предприятии. Мы не хотим разделять профсоюзы на основе политических привязанностей. Мы хотим объединить рабочих в единый общий профсоюз, так как рабочие имеют общие интересы, противостоящие интересам предпринимателей. Поэтому рабочие должны вести общую борьбу»[80]. За такой постановкой вопроса, по существу, крылось стремление к руководству всем профсоюзным движением и намерение продолжать курс, отвергавший возможность и необходимость сотрудничества с патриотической частью национальной буржуазии, стоящей у власти.

По данным мандатной комиссии, на Калькуттской конференции присутствовали 4264 делегата, представлявшие 1759 профсоюзов, в которые входило 807,6 тыс. человек[81]. Созданный на ней новый профцентр, в руководство которого вошли члены Политбюро КПИ(м), был назван Центром индийских профсоюзов (ЦИП). Его позиции оказались наиболее сильными в Керале и Западной Бенгалии, т. е. в тех штатах, где КПИ(м) пользовалась наибольшим влиянием. Опору нового профцентра составили союзы транспортников, железнодорожников, портовиков, текстильщиков и плантационных рабочих.

КПИ справедливо увидела в происшедших событиях результат недостатков своей деятельности в профсоюзах, в частности недооценки политической работы в рядах рабочего класса и чрезмерного увлечения задачами экономической борьбы. В Политическом отчете ЦК IX съезду КПИ, состоявшемуся в октябре 1971 г., со всей самокритичностью было заявлено: «Длительной и наиболее серьезной слабостью является неудача партии в повышении идеологического и политического сознания рабочего класса. Наша работа в профсоюзах страдает от экономизма. Программа и политика партии не популяризируются в массах, партийному строительству не уделяется должного внимания. В результате рабочий класс не играет своей ведущей роли в быстро меняющейся обстановке. Это делает его податливым к левосектантской идеологии, к буржуазной пропаганде. Наша борьба против сектантства и раскольничества... иногда страдает от субъективизма, тогда как надо вести ее настойчиво и твердо, популяризируя программу и политику нашей партии наряду с усилиями по ее организационной консолидации. На VIII съезде было серьезно заявлено о слабостях работы партии в профсоюзах. За прошедший период не произошло заметных изменений. В некоторых местах мы даже сдали свои позиции»[82].

В докладе по организационным вопросам также анализировались недостатки работы партии. «Члены партии,— говорилось в нем,— не чувствуют пульса жизни рабочих. Они отстают от многих событий. Они не учитывают нового состояния рабочего класса и действуют сегодня по старинке, как тогда, когда рабочие не были столь сознательными и бесстрашными, как сегодня. Коммунисты ведут себя в профсоюзах как подпольщики. Они не распространяют партийную печать, не пополняют фи-

нансовые фонды партии, не обсуждают линию партии с членами профсоюза, и это тогда, когда другие партии давно перестроили свою работу. По-боевому настроенные, но еще незрелые молодые рабочие недостаточно активно вовлекаются в партийные организации, их буквально „крадут" у КПИ другие, более активные партии. Лидеры и активисты КПИ слабо ведут индивидуальную работу с тружениками. Партия возлагает слишком большие надежды на парламентские методы борьбы»[83].

Наряду с критикой недостатков IX съезд КПИ отметил и некоторые достижения профсоюзной работы партии. В условиях обострения политического и экономического кризиса в стране число потерянных в результате забастовок человеко-дней за пятилетие, с 1967 по 1971 г., достигло самых высоких показателей за последние 20 лет. Рабочий класс и крестьянство встали на решительную защиту своих прав. Эту борьбу во многих случаях возглавляли партийные организации КПИ, отдельные коммунисты, работающие в ВИКП, других профсоюзных федерациях и отраслевых профсоюзах. Забастовка служащих центрального правительства в сентябре 1969 г., стачки в джутовой, металлургической, сталелитейной промышленности, машиностроении показали, что «члены партии провели там значительную работу, соблюдая все нормы единства и единого фронта с другими партиями и профцентрами»[84]. На съезде подчеркивалось, что борьба за влияние партии в рядах рабочего класса является важнейшей задачей. «Не укоренившись глубоко в рядах рабочих, не мобилизовав армию пролетариата для борьбы против неоколониализма, монополистического капитала, феодальных элементов, за радикальные социально-экономические перемены, партия не выполнит свою революционную обязанность»[85].

Очень важны были решения съезда по вопросам борьбы за единство рабочего класса и профдвижения. Съезд отметил, что разобщенность рабочего класса не только ослабляет силы пролетариата, но и серьезно принижает его роль в национальной политике. Несмотря на растущее стремление рабочих к единству, раскол в профдвижении усиливается. Съезд поставил как одну из первейших задач КПИ преодоление раскола в профсоюзном движении, восстановление его единства и повышение политического уровня. Однако в существующих условиях, как отмечалось на съезде, на пути единых профсоюзных действий стоят сиюминутные интересы политических партий, под руководством которых работают профсоюзы. Партийная группа в ВИКП должна была предложить всем профцентрам выработать единый подход и общую платформу действий против антирабочей политики правительства. Съезд определил также главные направления экономической борьбы рабочего класса — против роста цен, инфляции, безработицы, против наступления на права профсоюзов и т. д.

КПИ(м) также уделила большое внимание работе в проф-

союзах на своем IX съезде, который состоялся в 1972 г. Отмечая успехи рабочих в забастовочной борьбе, солидарность и единство, достигнутые нередко на низовых уровнях, съезд призвал пролетарские организации к преодолению раскола и объединению действий. Съезд наметил широкую программу борьбы профсоюзов за признание профсоюзных организаций на основе тайного свободного голосования [86], за установление минимума заработной платы для рабочих, соответствующего прожиточному уровню, за обеспечение полной занятости и предоставление пособия тем, кто не имеет работы, против замораживания зарплаты, локаутов, увольнений, закрытия предприятий и других мер, усиливающих безработицу, против антирабочего законодательства [87].

По многим вопросам борьбы профсоюзов обе компартии занимали сходные или даже одинаковые позиции, что составляло объективную основу для сближения и единства действий руководимых ими профсоюзных центров. Однако возможность единства с трудом претворялась в жизнь. Этому прежде всего мешала полемика между партиями.

Пленум ЦК КПИ(м), состоявшийся в декабре 1978 г., стал важным событием в разработке профсоюзной политики партии. Пленум признал, что «КПИ(м) не представляет главную силу в профсоюзном движении, хотя и является его сильным компонентом». «Членам партии,— отмечалось в резолюции,— часто не удается превратить профсоюзы в демократические организации рабочего класса, в которых бы рабочие сами демократическим путем определяли свою политику». Для улучшения положения предлагалось усилить партийное руководство профсоюзными организациями. Указывалось также на необходимость «осознать, что усиление массовой работы в профсоюзах требует... большей эффективности, лучшего понимания конкретных проблем, стоящих перед каждой группой рабочих, перед партийными комитетами и их руководителями». Резолюция пленума предупреждала коммунистов, что «ошибки будут дорого стоить партии и что сваливание всех проблем на профсоюзных лидеров будет означать отход от политической линии партии». Особенно подчеркивалась необходимость развития сознания рабочих до социалистического уровня. «Партия должна помочь пролетариату взять на себя авангардную роль в революции. Для этого нужно лучших профсоюзных активистов организовать, обучить и вовлечь в партию. С этой же целью партия должна создать регулярные школы для профсоюзных лидеров, а также для руководителей крестьянских и других массовых организаций. Через эти школы партийная линия должна быть внедрена в массовые организации» [88].

И КПИ, и КПИ(м) неоднократно принимали специальные решения о своей деятельности в профсоюзном движении. В документе «Задачи КПИ на фронте рабочего класса», принятом Национальным советом КПИ в сентябре 1983 г., подчеркивается

прежде всего необходимость строительства партии в рядах рабочего класса. Главное состоит в том, чтобы, «во-первых, усилить политическую роль профсоюзов, во-вторых, добиться их демократического функционирования, в-третьих, организовать прием в партию представителей рабочего класса и, в-четвертых, обеспечить тесную связь освобожденных профсоюзных функционеров с соответствующими партийными организациями»[89].

В документе КПИ(м) «Задачи на профсоюзном фронте»[90], принятом ЦК КПИ(м) также в сентябре 1983 г., тоже настойчиво подчеркивается необходимость укрепления партии, ее роста за счет рабочего класса, тружеников, прошедших школу профсоюзной борьбы. Оба документа выделяют необходимость политизации профсоюзов и достижения и укрепления единства профсоюзных действий. В обоих документах указано, что основной недостаток профсоюзного движения состоит в увлечении экономической борьбой. При этом в документе КПИ разъясняется, что каждое направление деятельности профсоюзов — борьба за ограничение роста цен, за увеличение надбавки на дороговизну, за систему общественного распределения продуктов, за профсоюзные права, против антирабочих законов — в нынешней ситуации приобретает политический характер, в результате чего делается вывод: «Борьба профсоюзов против политики буржуазии и за решение конкретных задач должна быть связана с изменением всего курса развития и заменой нынешнего буржуазного правительства альтернативным леводемократическим». Если же не учитываются политические моменты, «экономические требования вырабатываются без социальной перспективы, отсутствуют политические аспекты борьбы за экономические требования, необходимость строительства революционной партии и политизации действий рабочего класса становится случайной и необязательной»[91]. В этой связи рассматривается и новый, дополнительный аспект проблемы единства — рабочего класса с его естественными союзниками — крестьянами и сельскохозяйственными рабочими, трудящимися города и деревни.

* * *

В течение всего времени существования двух профцентров, работавших под руководством КПИ и КПИ(м), не прекращались поиски возможностей объединенных действий ВИКП и ЦИП. В мае 1971 г. по инициативе ВИКП состоялась встреча его представителей с делегатами ЦИП, ХМС, ХМП, отколовшегося от ХМС, ОКП, также расколовшегося к тому времени на два центра, и нескольких независимых всеиндийских федераций — правительственных служащих, железнодорожников, журналистов, банковских служащих, работников почт и телеграфа. Конференция единодушно выдвинула следующую плат-

форму объединенных профсоюзных действий: уничтожение монополистического капитала путем его национализации без компенсации; справедливые земельные реформы в интересах крестьян и сельскохозяйственных рабочих; повышение заработной платы; обеспечение работой всех трудоспособных взрослых, введение пособия по безработице.

На конференции была избрана комиссия из трех человек (по одному от ВИКП, ЦИП и ХМС), которая должна была выработать декларацию для предстоящей встречи центральных профсоюзных организаций с премьер-министром И. Ганди, а также разобраться в существе противоречий и споров между профсоюзами, чтобы расчистить путь для единства действий. Но к выполнению второй задачи комиссия так и не приступала, и наметившееся было единство распалось. Возникли две новые коалиции: ВИКП, ИНКП и ХМС основали Национальный совет профсоюзов, действующий под эгидой министерства труда; ЦИП, ХМП, ОКП и несколько профсоюзных федераций, не входящих в профцентры, образовали Объединенный совет профсоюзов. Противоречия между этими двумя объединениями, возникшие с момента их образования, обострились в период чрезвычайного положения, введенного правительством в марте 1975 г., когда ИНКП и ВИКП поддержали меры, принятые премьер-министром, а другие профсоюзные центры выступили против.

С 1978 г. обе компартии, а также руководимые ими профсоюзы опять стали искать пути сближения. Это сближение имело специфический характер: основные теоретические положения партий и руководимых ими профсоюзов не пересматривались, но в политическом, практическом плане все более утверждала себя тенденция к сотрудничеству. Необходимость согласованных действий диктовалась и тем, что правительство «Джаната парти», пришедшее к власти в 1977 г., намеревалось утвердить антирабочий Закон об отношениях в промышленности, ограничивавший права рабочего класса и профсоюзов и запрещавший забастовки. В знак протеста было организовано несколько массовых демонстраций, которые были жестоко разогнаны полицией[92]. Группа профсоюзных лидеров подготовила петицию к парламенту, которая требовала не принимать новый закон. Под этим документом подписалось 2 млн. человек. В 1978 г. по инициативе ВИКП и ЦИП был организован Национальный комитет по проведению кампаний (НКК), в который вошли практически все профцентры, кроме ИНКП. 19 ноября состоялась Всеиндийская профсоюзная конференция против принятия закона. В результате объединенных действий профцентров и решительной борьбы трудящихся правительству не удалось провести реакционный закон. Это событие стало самым крупным достижением профсоюзов в период правления «Джаната парти» (1977—1980). После этого деятельность НКК на некоторое время угасла.

Вскоре необходимость единства стала еще более настоятельной. В 1980—1981 гг. правительство вернувшегося к власти после выборов 1980 г. Индийского национального конгресса провело через парламент несколько законов, ограничивавших права рабочих и профсоюзов. Основным среди них был Закон о поддержании жизненно важных отраслей, запрещавший забастовки в 16 ключевых отраслях промышленности; за ним последовали Дополнение к Закону о промышленных конфликтах 1947 г., Дополнение к Закону о профсоюзах 1926 г. и т. д. Еще раньше парламент принял Закон о национальной безопасности, после чего начались аресты рабочих и профсоюзных лидеров и заключение их в тюрьму без суда. Целью правительства было ввести строгие ограничения на забастовки, свободу ассоциаций, воспрепятствовать заключению коллективных договоров и свободному функционированию профсоюзов, в общем, добиться усиления государственного контроля над сферой труда. В общих чертах планы правительства и предпринимателей были отражены в так называемых рекомендациях, принятых Бюро государственных предприятий. Они устанавливали: 10-процентный максимум прибавки к зарплате рабочих госсектора; потолок в 1,3 рупии на каждый пункт роста индекса цен как компенсацию за повышение стоимости жизни; отсутствие ретроспективного эффекта (т. е. учета прежних достижений) при заключении новых соглашений; более низкую зарплату для новых рабочих и т. п.[93].

В этих условиях по инициативе ВИКП и ЦИП в июне 1981 г. в Бомбее была созвана профсоюзная конференция, на которой присутствовало 4 тыс. делегатов, представлявших 8 центральных профобъединений — ВИКП, ЦИП, ХМС, обе фракции ОКП, БМС («Бхаратия маздур сангх» — профцентр партии «Джан сангх»), отколовшаяся от ИНКП группа Дара, профсоюзная организация партии «Форвард блок» — Комитет конгресса профсоюзов, действующий в основном в Западной Бенгалии, и 40 промышленных федераций. Именно на этом представительном форуме был возрожден НКК, но теперь уже на более высоком уровне[94]. Создание комитета стало знаменательной вехой на пути к достижению подлинного единства рабочего и профсоюзного движения страны.

В результате объединенных действий за время существования НКК были достигнуты большие успехи. Самым крупным из них явился провал проекта «рекомендаций» Бюро государственных предприятий. Профсоюзы добились надбавок к зарплате рабочих предприятий госсектора в размере не 10%, как планировалось, а 14—15%; при заключении последующих соглашений должны были учитываться достижения, которых добились рабочие при заключении предыдущих; правительством был назначен двусторонний комитет из представителей профсоюзов и предпринимателей, который рекомендовал более высокую, чем 1,3 рупии, надбавку на каждый пункт роста индек-

са цен. Минимальная зарплата на предприятиях госсектора была поднята несколько выше 800 рупий в месяц [95].

Самыми значительными мероприятиями НКК в этот период были всеиндийские забастовки рабочих угольных шахт 8 ноября 1982 г. и 17—19 января 1983 г., в которых участвовало 700 тыс. рабочих; демонстрация, организованная по инициативе НКК 23 ноября 1981 г. перед парламентом в знак протеста против принятия Закона о поддержании жизненно важных отраслей, в которой участвовало несколько сотен тысяч рабочих (выступивших, кстати, в основном по призыву ВИКП и благодаря его организаторской деятельности).

Пиком борьбы профсоюзов, входящих в НКК, стала однодневная всеиндийская забастовка — «Бхарат бандх» — 19 января 1982 г. В ней участвовало примерно 50% рабочего класса страны — около 12 млн. человек [96]. Впервые в истории рабочего движения Индии требования рабочих (повышение зарплаты, соблюдение прав профсоюзов) соединились с требованиями фермеров и сельскохозяйственных рабочих (повышение минимума зарплаты, установление справедливых закупочных цен), с общедемократическими требованиями (борьбой против роста цен, «черных денег», спекуляции, за общественную систему распределения). В разных частях страны забастовку поддержали крестьяне, студенты, учителя, владельцы лавок и т. д. Как отмечалось на XII съезде КПИ, «19 января 1982 г. останется золотой страницей в анналах истории борьбы рабочего класса в Индии. Это была первая национальная всеобщая забастовка со времени достижения независимости... Забастовка продемонстрировала готовность рабочего класса к общей борьбе за перемены в промонополистической, антинародной, антирабочей политике правительства» [97].

Профсоюзные документы отмечают и некоторые недостатки забастовки — так, в стороне от нее остались значительные категории рабочих, например государственные служащие на железных дорогах, почте и телеграфе, в оборонной промышленности [98]. Тем не менее эта забастовка подняла профсоюзное движение в целом на новый, более высокий уровень. Ее отличительной чертой стали широкие объединенные действия всех демократических сил под руководством рабочего класса. Забастовка послужила делу укрепления единства рабочего класса с крестьянством, единства левых и демократических сил.

Успех забастовки поднял и престиж НКК в глазах трудящихся. На второй конференции НКК, состоявшейся в августе 1983 г. в Дели, кроме названных профцентров было представлено уже 60 промышленных федераций, присутствовало 6,8 тыс. делегатов. Политические лозунги, провозглашенные в принятой резолюции,— установление эффективного контроля над ценами на основные товары, национализация или передача рабочим предприятий, пришедших в упадок из-за плохого управления частных предпринимателей, прекращение займов у МВФ и

МБРР, прекращение деятельности транснациональных иностранных корпораций в Индии и т. п.— свидетельствовали о возросшей идейно-политической зрелости рабочего движения. Что же касается самого Национального комитета, то он заявил о себе как орган борьбы не только за повседневные экономические требования рабочих, но и за более общие демократические преобразования в интересах всех трудящихся Индии[99].

И КПИ, и КПИ(м) высоко оценили итоги работы второй всеиндийской конференции НКК. В Отчете ЦК КПИ(м) о сегодняшней ситуации, принятом в сентябре 1983 г., говорилось: «Растущее единство борющегося рабочего класса нашло выражение на второй всеиндийской конференции НКК профсоюзов и всеиндийских федераций, которая знаменует новую стадию в растущем единстве профсоюзного движения. Необходимо привлечь внимание к политической важности конференции, которая потребовала изменений в политике правительства по многим вопросам»[100]. КПИ(м) увидела, в частности, в решениях НКК основу для объединения профсоюзов с организациями крестьян и сельскохозяйственных рабочих, равно как и с другими организациями трудящихся, по вопросу о продовольственной политике правительства. Резолюции, принятые на конференции, по мнению КПИ(м), должны помочь рабочему классу добиться единства с общедемократическим движением в их общей борьбе против экономической и политической линии правящего класса.

Столь же высоко оценил итоги второй конференции НКК Национальный совет КПИ. «Вторая национальная конференция НКК стала дальнейшим шагом в процессе достижения единства и объединенных действий,— отмечалось в Докладе о политическом и экономическом развитии в работе КПИ, принятом на заседании Национального совета КПИ в сентябре 1983 г.— Конференция стала демонстрацией растущего единства рабочего класса в защиту своих классовых требований и важных требований общедемократического характера»[101].

Важность Делийской конференции, по мнению Национального совета КПИ, заключается не только в том, что она была более представительной, чем Бомбейская, но и в том, что она заняла более решительные позиции по ключевым вопросам борьбы трудящихся за свои права. Она приняла профсоюзную программу из 11 пунктов, которая предлагала систему экономических мер, способных на деле обеспечить прогрессивное развитие страны. В резолюции конференции подчеркивалось, что рабочий класс в союзе со всеми трудящимися должен бороться не только за сиюминутные требования, но и за изменение всей политики правительства.

Перед коммунистами, работающими в профсоюзах, КПИ поставила задачу — использовать всю энергию для успешного выполнения программы, принятой конференцией. В докладе Национального совета КПИ говорилось: «Профсоюзы ВИКП и

дружественные организации должны быть на переднем крае борьбы за объединение и мобилизацию рабочих не только на выполнение непосредственных профсоюзных требований, но и в поддержку политической программы национальной профсоюзной конференции, которая предлагает демократическую альтернативу капиталистическому пути». КПИ потребовала от ВИКП и связанных с ним союзов, чтобы «их независимый вклад в это движение был увеличен и чтобы ВИКП играл авангардную роль во всей борьбе» [102].

Успех деятельности НКК свидетельствовал о возможности выступления рабочих организаций совместно, несмотря на различия их идейно-политических воззрений, и о настоятельной необходимости таких совместных выступлений для достижения единства рабочего движения. Очень важно, что положительные результаты совместных действий профсоюзов оказали воздействие на начавшийся процесс сближения двух частей авангарда пролетарского движения Индии — КПИ и КПИ(м). Не без влияния деятельности НКК две партии создали координационный комитет, в котором обсуждаются важнейшие политические проблемы. Позитивный опыт этих обсуждений позволил обеим партиям рекомендовать создание таких комитетов на уровне штатов.

Важным шагом на пути преодоления разногласий между двумя компартиями стало заявление, сделанное КПИ в Докладе о политическом и экономическом развитии. В нем отмечалось, что «публичное выражение разногласий между КПИ и КПИ(м) по некоторым идеологическим вопросам используется реакционными кругами для того, чтобы создать впечатление, что процесс сближения двух партий потерпел неудачу. Мы должны противостоять этому. Несмотря на существующее различие в подходах к отдельным идеологическим вопросам, обе партии заняли общие позиции по ряду текущих национальных и международных проблем и участвуют в общих действиях по многим важным политическим вопросам. Здесь есть прочная основа для продолжения и углубления этого процесса... Наша партия будет продолжать борьбу за единство путем организации объединенных массовых действий по национальным и международным вопросам. Углубляющийся кризис капиталистического пути развития в нашей стране и серьезное международное положение подчеркивают необходимость такого единства» [103].

Эффективность совместных выступлений различных организаций трудящихся под эгидой НКК активизировала деятельность, направленную на достижение единства рабочего движения, совершенствование его организационных форм и расширение его базы. За осуществление этих целей с особой настойчивостью выступал ЦИП.

В июле 1982 г. на заседании Рабочего комитета ЦИП президент этого объединения Б. Т. Ранадиве призвал профсоюзы

страны объединиться и создать Конфедерацию центральных профсоюзных организаций и отраслевых федераций. Подобное предложение было выдвинуто ЦИП еще в 1981 г., но «заморожено», поскольку его не поддержали другие профцентры. В соответствии с новым предложением Конфедерация была призвана стать форумом, на котором решения о политической линии будут приниматься единогласно в результате «основательных дискуссий». В состав Конфедерации предполагалось включить представителей ЦИП, ВИКП, ХМС, ОКП и БМС, а также некоторых не входящих в эти объединения центральных и отраслевых федераций. В таком варианте Конфедерация должна была объединять левые профцентры и БМС (профцентр реакционной «Бхаратия джаната парти»). ИНКП оставалась вне Конфедерации, так же как и отколовшиеся группировки: от ХМС — группа Кулкарни, от ОКП — ОКП (Ленин сарани), которая постоянно вступает в конфликт с ЦИП в Западной Бенгалии[104]. Но и это повторное предложение не получило поддержки.

В апреле 1983 г. на V съезде ЦИП было вновь, уже в третий раз, выдвинуто предложение создать Конфедерацию. С речью по этому вопросу выступил Б. Т. Ранадиве. Положительно оценив деятельность НКК, в частности такие его успешные мероприятия, как всеобщая забастовка 19 января 1982 г., трехдневные забастовки на угольных шахтах, проведенные в том же году марши мира, в которых участвовали представители левых партий и профцентров, он заявил, что все эти весьма важные шаги на пути к профсоюзному единству недостаточны. «Надо внимательно разобраться в том,— говорил Ранадиве,— насколько наша общая деятельность способствует выработке официальной политики, насколько развилось сознание рабочих, участвующих в наших кампаниях. Возможности НКК в настоящее время ограничены. Очевидно, что НКК в том виде, как он есть сейчас, не сможет удовлетворить растущие требования профсоюзного единства. Необходимо обеспечить более активное привлечение к совместным действиям тех федераций и организаций трудящихся, которые поддерживают призывы НКК»[105]. Съезд поддержал президента и обратился к профсоюзному движению с призывом создать Конфедерацию профсоюзов.

В августе того же года генеральный секретарь ВИКП Индраджит Гупта ответил письмом на призыв ЦИП. В письме говорилось, что ВИКП, естественно, заинтересован во всех мерах, способствующих укреплению единства, но абстрактный призыв к созданию Конфедерации без определения ее структуры, без четко очерченных функций не дает возможности понять и принять это предложение. Суть возражений ВИКП сводилась к следующему[106].

1. Если Конфедерация в отличие от объединенной платформы типа НКК подразумевает определенную организационную структуру, исполком, руководящие органы и т. п., следует ли распустить НКК и слиться в единую организацию со своим

уставом и руководством? Возможно ли это на настоящем уровне развития профсоюзного движения?

2. Ограничится ли Конфедерация в своих решениях, программах действий элементарными экономическими требованиями, по которым нет разногласий среди профцентров — членов НКК? Будет ли Конфедерация вести борьбу по таким вопросам, как национализация ключевых отраслей экономики, борьба против проникновения ТНК, антиимпериалистическая борьба, борьба за мир, международная солидарность рабочего класса и т. п.? Будет ли создание Конфедерации, лишенной классовой идеологии, ограничивающейся борьбой за элементарные требования, качественно новой ступенью по сравнению с НКК? Вместе с тем, если мы хотим создать Конфедерацию на более высоком уровне классового и политического сознания, что, конечно, желательно, не приведет ли это к самоисключению некоторых центральных организаций?

3. Может ли настоящее профсоюзное единство быть усилено просто организацией Конфедерации на уровне руководства, в то время как не разрешены проблемы острейшего соперничества на низовых уровнях?

Последний вопрос является очень актуальным для всего профсоюзного движения, в том числе и для профсоюзов, руководимых коммунистами. Даже в последнее время, когда на уровне руководства отчетливо наметился процесс сближения КПИ и КПИ(м), ЦИП и ВИКП, в низовых организациях не прекращается соперничество между профсоюзами разных политических направлений. Такое положение существует практически на каждом предприятии и в каждой отрасли. Поскольку пока эти проблемы остаются нерешенными, руководство ВИКП в ответ на предложение ЦИП предполагает начать консультации и дискуссии по практическим вопросам, таким, например, как ликвидация или хотя бы уменьшение числа соперничающих профсоюзов, примыкающих к разным профцентрам. Конечным итогом этой деятельности может стать выработка согласованной основы для слияния профсоюзов-единомышленников.

По мнению многих профсоюзных и политических деятелей, предложение ЦИП выглядит нереальным именно на фоне того острого политического соперничества между профсоюзами, которое порой проявляется в физическом насилии и даже убийствах. Газета «Пэтриот» отмечала: «Формальное единство на уровне верхов может создать новую почву для соперничества в борьбе за руководство рабочим классом, и в конце концов это приведет к расколу Конфедерации. Борьба за политическое руководство ведет к соперничеству на уровне низовых организаций»[107].

На XII съезде КПИ в марте 1982 г. и XI съезде КПИ(м) в январе 1982 г. проблемам профсоюзного движения уделялось немало внимания. На XII съезде КПИ в обзоре политических событий, в резолюциях по текущему положению отмечались до-

стижения ВИКП и всего рабочего класса. Политическая резолюция подчеркивала успехи партии в достижении единства действий: «Партия должна усилить борьбу за дальнейшее укрепление профсоюзного единства, за единство рабочего класса и повышение его политической сознательности до такого уровня, который позволит ему выступить глашатаем интересов и защитником демократических прав всех униженных и оскорбленных. Следует предпринять специальные усилия, чтобы втянуть массы, следующие за ИНК и ИНКП, в общие профсоюзные действия» [108].

В политическом докладе XI съезду КПИ(м) отмечалось, что, несмотря на расширение деятельности в массах профсоюзов, руководимых коммунистами, рост их численности незначителен, в некоторых штатах они вообще не растут, а в других — даже уменьшаются. В профсоюзных рядах медленно возрастает число коммунистов. Нет обобщенного анализа достижений и недостатков партии на профсоюзном фронте, поэтому не всегда учитываются уроки борьбы. Партия мало уделяет внимания работе с профсоюзными кадрами, их образованию (хотя ЦИП организовал 11 школ в разных штатах, где обучаются около 500 профсоюзных функционеров). В докладе говорилось также о том, что «в результате отсутствия надлежащего контроля за деятельностью профсоюзных активистов намечаются некоторые серьезные тенденции, которые могут подорвать всю деятельность партии в профсоюзах, если не будут вовремя исправлены. Стали известны случаи подписания профсоюзными деятелями антирабочих соглашений с администрацией, недемократического функционирования профсоюзов, неправильного использования профсоюзных фондов, уступок давлению предпринимателей во время переговоров». Доклад обращал внимание партии на то, что в профсоюзных организациях нередки случаи бюрократизма, отсутствия коллективного руководства. Отмечалось, что «легализм, экономизм и местничество также наблюдаются в нашей работе». Доклад призывал коммунистов вести борьбу с этими тенденциями и как можно скорее преодолеть отмеченные недостатки [109].

Последние события во взаимоотношениях двух компартий вселяют надежду на то, что процесс сближения между ними, особенно четко проявившийся во время объединенных действий руководимых ими профсоюзов, будет продолжаться. 24 мая 1985 г. на заседании Координационного комитета двух партий был принят Совместный документ о взаимоотношениях между КПИ и КПИ(м). Рассматривая события, происшедшие с момента первой двусторонней встречи в 1978 г., документ положительно оценил многие действия, предпринятые совместно. Крестьянские и студенческие выступления, марши мира — эти успешные акции, проведенные под объединенным руководством КПИ и КПИ(м), поднимают дух народа, говорится в документе, внушают уверенность в расширении и росте демократического дви-

Таблица

Сравнительная численность ведущих профцентров Индии на 31 декабря 1981 г. (официальные данные) *

Профцентр	Данные профцентра		Правительственные данные	
	число профсоюзов	число членов	число профсоюзов	число членов
Индийский национальный конгресс профсоюзов	3457	3 509 326	1604	2 236 128
«Бхаратия маздур сангх»	1725	1 879 728	1333	1 211 345
«Хинд маздур сабха»	1122	1 848 147	426	762 882
Всеиндийский конгресс профсоюзов	1366	1 064 330	1080	344 746
Центр индийских профсоюзов	1737	1 033 432	1474	331 031

* В вопросе о численном составе профсоюзов следует иметь в виду некоторые особенности статистики и индийского законодательства о профсоюзах. По действующему закону о профсоюзах 1926 г. для регистрации в качестве профсоюза любому объединению необходимо насчитывать не менее 7 человек, достигших 15 лет и признающих закон о профсоюзах. Закон предусматривает обязательное представление зарегистрированными профсоюзами ежегодных отчетов, характеризующих их численность и финансовое положение. Но регистрация профсоюзов по закону является добровольной, и не все союзы ее придерживаются. В результате официальные данные статистики расходятся с данными профобъединений, поскольку не включают сведений о незарегистрированных союзах, а также о союзах, не подавших отчеты. Особенно резкое расхождение в данных о численности бывает у левых профсоюзов. Кроме того, вышеуказанные цифры последней проверки особенно сомнительны в отношении левых профцентров, так как ВИКП и ЦИП отказались представить свои данные в знак протеста против процедуры признания профсоюза. Цифры для этих объединений основаны на статистике, доступной специальному правительственному чиновнику, собирающему данные о профцентрах. По данным же самих ВИКП и ЦИП, картина совершенно другая. Так, в ВИКП к XXXI сессии (1981 г.) числилось 3198 профсоюзов, объединяющих 2 474 021 человека, к XXXII сессии (1983 г.) — уже 3229 профсоюзов, 3 026 030 членов (31-st Session of the AITUC. New Delhi, 1981, с. 191; 32-nd Session of the AITUC. New Delhi, 1984, с. 160). В ЦИП, по его данным, в 1978 г. было 1390 профсоюзов и 917 633 члена, в 1983 г., на V конференции ЦИП, было представлено 4214 профсоюзов, 1 486 275 членов. (CITU Fifth Conference. General Secretary's Report. New Delhi, 1983, с. 36).

жения. Второе важное совместное действие — участие в четырех всеиндийских совещаниях левых оппозиционных партий, где КПИ и КПИ(м) проводили общую линию. Третье — успешное проведение на уровне штатов, а затем и на всеиндийском уровне конференций по вопросам войны и мира, в которых самое активное участие принимали профсоюзы и другие массовые организации. Поскольку еще существуют определенные противоречия между компартиями, в документе перечислены меры (в том числе и чисто организационные), которые следует принять для укрепления объединенных действий. С этой же целью для совместных дискуссий выдвинуто несколько важнейших вопросов, представляющих взаимный интерес, в том числе «функционирование Национального профсоюзного комитета по про-

ведению кампаний с прицелом на развитие совместных выступлений рабочего класса»[110].

* * *

Шесть с половиной десятилетий истории профсоюзного движения Индии со всей очевидностью показывают, что организованное рабочее движение только тогда может вносить решающий вклад в повышение боевитости рабочего класса, усиление его роли в обществе, когда во главе его идут коммунисты, когда оно руководствуется своей классовой идеологией. Всякий раз, когда в рабочем движении Индии набирали силу мелкобуржуазные элементы, оно неизбежно скатывалось на позиции реформизма, теряло политическую перспективу и превращалось в попутчика буржуазии. Вместе с тем, как показывает опыт рабочего движения той же Индии, малейшие ошибки, отклонения от марксистско-ленинского курса, хвостизм или забегание вперед чреваты самыми негативными последствиями для рабочего класса и его движения. Наверное, ни одна социальная сила в обществе не реагирует так остро и так мгновенно на положение дел в коммунистическом движении, как классовое профсоюзное движение. История многочисленных расколов профсоюзного движения Индии, его поражений и успехов всегда была теснейшим образом связана с состоянием дел в коммунистической партии. Характерно, что это ощущалось даже в рядах тех профсоюзных течений и организаций, которые формально не входили в круг руководимых коммунистами профсоюзов.

В начале 80-х годов среди коммунистов все более явственно стали проявляться тенденция к достижению единства в собственных рядах, стремление к более вдумчивому и более осторожному отношению к выработке программ и лозунгов борьбы рабочего класса. Если эти положительные сдвиги и тенденции закрепятся и получат дальнейшее развитие, в ближайшие годы можно ожидать нового подъема классового рабочего движения.

Сближение позиций обеих компартий, особенно по наиболее актуальным проблемам рабочего движения, не может не сыграть самой существенной роли в достижении целей рабочего и профсоюзного движения. От того, смогут ли КПИ и КПИ(м) выработать и осуществить общий подход, найти общую платформу деятельности руководимых ими профсоюзов, в немалой степени будут зависеть успехи профсоюзного движения страны в целом.

[1] *Gupta P. S.* A Short History of AITUC (1920—1947). New Delhi, 1980, с. 16.

[2] *Dutt R. P.* India Today. Bombay, 1949, с. 422.

[3] *Goswami D.* Trade Union Movement in India. Delhi, 1983, с. 47.

[4] *Roy E.* Where are the Masses.— Documents of the History of the Commu-

nist Party of India. Ed. G. Adhikari. [Б. м.], 1974, vol. II, с. 88 (Эвелин Рой — жена известного деятеля международного и индийского коммунистического движения М. Н. Роя, исключенного впоследствии из Коминтерна).

[5] Third Session of the AITUC and the Working Class.— Documents of the History, с. 85.

[6] До этого профсоюзы, возникавшие во время стачки, как правило, распадались с ее окончанием.

[7] *Mathur A., Mathur J.* Trade Union Movement in India. Allahabad, 1957, с. 22.

[8] *Sen S.* Working Class of India. History of Emergence and Movement. Calcutta, 1979, с. 293—294.

[9] Существуют свидетельства, что впервые день 1 мая в Индии отмечался в 1923 г. на побережье недалеко от Мадраса по инициативе рабочего лидера коммуниста Сингаравелу Четтияра. Красный флаг был поднят над его домом. Поскольку готового красного флага под рукой не оказалось, он сделал его из сари своей дочери (*Sen S.* Working Class of India, с. 284).

[10] *Хашимов И., Шапошникова Л.* К истории рабочего движения в Индии. Таш., 1961, с. 164—165.

[11] *Gupta P. S.* A Short History, с. 108.

[12] *Jha S. C.* The Indian Trade Union Movement. Calcutta, 1970, с. 140.

[13] *Хашимов И., Шапошникова Л.* К истории рабочего движения, с. 178—179.

[14] *Sharma G. K.* Labour Movement in India. Its Past and Present. New Delhi, 1971, с. 91.

[15] Там же, с. 91.

[16] *Karnik V. B.* Indian Trade Unions. Bombay, 1978, с. 66; New Age. 30.11.1975.

[17] *Sen S.* Working Class of India, с. 285.

[18] Там же, с. 289.

[19] Там же, с. 290.

[20] *Sharma G. K.* Labour Movement in India, с. 91.

[21] *Sen S.* Working Class of India, с. 301.

[22] *Adhikari G.* Communist Party and India's Path to National Regeneration and Socialism. New Delhi, 1964, с. 65.

[23] Там же, с. 56.

[24] *Raman Pattabhi N.* Political Involvement of India's Trade Unions. N. Y., 1967, с. 4.

[25] *Gupta P. S.* A Short History, с. 159.

[26] *Karnik V. B.* Indian Trade Unions, с. 79.

[27] *Panikkar K. B.* An Outline of the History of the AITUC. New Delhi, 1959, с. 8.

[28] *Gupta P. S.* A Short History, с. 191.

[29] *Sen S.* Working Class of India, с. 309; *Masani M.* The Communist Party of India. L., 1954, с. 52.

[30] *Mathur A., Mathur J.* Trade Union Movement, с. 28.

[31] *Sen S.* Working Class of India, с. 338—340.

[32] Материалы по национально-колониальным проблемам (МНКП). 1936, № 35, с. 37—40.

[33] Там же.

[34] МНКП. 1935, № 5(29), с. 93.

[35] *Jha S. C.* The Indian Trade Union Movement, с. 148; *Sen S.* Working Class of India, с. 352.

[36] МНКП. 1935, № 5(29), с. 93.

[37] Там же, с. 94.

[38] *Хашимов И., Шапошникова Л.* К истории рабочего движения, с. 217.

[39] МНКП. 1934, № 4(19), с. 84.

[40] МНКП. 1935, № 5, с. 101.

[41] *Gupta P. S.* A Short History, с. 270.

[42] *Raman Pattabhi N.* Political Involvement, с. 7—14.

[43] *Gupta P. S.* A Short History, с. 300.

[44] Там же, с. 316.

[45] Там же, с. 333.
[46] Там же, с. 309—310.
[47] *Sharma G. K.* Labour Movement in India, с. 99.
[48] *Panikkar K. B.* An Outline of the History, с. 12.
[49] Там же.
[50] *Gupta P. S.* A Short History, с. 353.
[51] Там же, с. 436.
[52] Подробнее о политике компартии во время войны см.: *Куцобин П. В.* Коммунистическая партия Индии в годы второй мировой войны.— Народы Азии и Африки. 1983, № 6, с. 41—52.
[53] People's War. 13.06.1943.
[54] Documents of the History of the CPI. Vol. VII. New Delhi, 1976, с. 125.
[55] *Mathur A., Mathur J.* Trade Union Movement, с. 34.
[56] Там же, с. 37.
[57] Там же, с. 42.
[58] *Sen S.* Working Class of India, с. 394.
[59] *Gupta P. S.* A Short History, с. 379.
[60] *Karnik V. B.* Indian Trade Unions, с. 152.
[61] Proceedings at Inaugural Conference of INTUC. Delhi, 1947, с. 3—4.
[62] *Gupta P. S.* A Short History, с. 475.
[63] *Sharma G. K.* Labour Movement in India, с. 205.
[64] *Jha S. C.* The Indian Trade Union Movement, с. 202.
[65] Там же, с. 204.
[66] Documents of the History of the CPI. Vol. VII, с. 95—97.
[67] *Masani M.* The Communist Party of India, с. 92.
[68] Там же, с. 95.
[69] Documents of the History of the CPI. Vol. VIII, с. 173—174.
[70] *Jha S. C.* The Indian Trade Union Movement, с. 193.
[71] Проблемы коммунистического движения в Индии. М., 1971, с. 118.
[72] Trade Union Record. 1957, November, с. 5.
[73] Trade Union Record. 1952, August, с. 106.
[74] *Johri G. K.* Unionism in a Developing Economy. L., 1967, с. 52—53.
[75] *Crouch H.* Indian Working Class. A Political Study. Ajmer, 1979, с. 86.
[76] Organisational Report Adopted by the Eighth Congress of the Communist Party of India. Delhi, 1968, с. 59, 61—63.
[77] Documents of the Ninth Congress of the Communist Party of India. Delhi, 1972, с. 147.
[78] Там же, с. 147—148.
[79] Forward to Unity and Struggle. Proceedings and Documents of the All-India Trade Union Conference. Calcutta, 1970, с. 9, 12.
[80] Там же, с. 64—65.
[81] Там же, с. 6.
[82] Documents of the Ninth Congress of the Communist Party of India, с. 194.
[83] Там же, с. 313—314.
[84] Там же. с. 314.
[85] Там же, с. 205.
[86] Проблема признания профсоюзов остается одной из самых сложных и запутанных в отношениях между трудом и капиталом в Индии. Согласно Дисциплинарному кодексу, принятому по инициативе центрального правительства на XV Всеиндийской конференции по труду (1957 г.), профсоюзы обязаны ежегодно предоставлять свою документацию правительственному чиновнику, который рекомендует промышленнику наиболее представительный профсоюз на предприятии на основе специально предусмотренной процедуры проверки численности членов всех действующих профсоюзов. Левые же профсоюзы требуют единственно демократической процедуры выбора наиболее авторитетного союза на основе свободного тайного голосования рабочих (*Гордон Л. А., Егорова М. Н.* Рабочий класс независимой Индии. М., 1968, с. 135—138).
[87] Resolutions of the Ninth Congress of the CPI (marxist). Calcutta, 1972, с. 26—28.

[88] Report and Resolution on Organisation. Adopted by the Salkia Plenum. New Delhi, 1979, c. 8, 49, 53.

[89] Tasks of the CPI on the Working Class Front. New Delhi, 1983, c. 3.

[90] Tasks on the Trade Union Front. New Delhi, 1984.

[91] Tasks of the CPI, c. 10, 12—13.

[92] New Age. 15.10.1978.

[93] New Age. 06.05.1979; 32-nd Session of All-India Trade union Congress. General Secretary's Report. New Delhi, 1983, c. 32.

[94] 32-nd Session, c. 32.

[95] Там же, с. 33.

[96] New Age. 07.02.1982.

[97] Documents of the 12-th Congress of the CPI. New Delhi, 1982, c. 177.

[98] 32-nd Session of the AITUC, c. 34.

[99] Там же, с. 32.

[100] CPI(m) Central Committee Report on Current Situation. New Delhi, 1983, c. 23—24.

[101] Reports and Resolutions Adopted by the National Council of the Communist Party of India. New Delhi, 1983, c. 39.

[102] Там же, с. 51.

[103] Там же, с. 46—47.

[104] Patriot. 24.07.1982, 05.08.1982.

[105] Centre of Indian Trade Unions. Fifth Conference. Presidential Address by B. T. Ranadive. New Delhi, 1983, c. 31.

[106] 32-nd Session of the AITUC, c. 70.

[107] Patriot. 17.08.1982.

[108] Documents of the 12-th Congress of the CPI. Political Resolution. New Delhi, 1982, c. 59.

[109] Documents of the Eleventh Congress of the Communist Party of India (marxist). Political-Organisational Report-II. New Delhi, 1982. c. 236—237.

[110] New Age. 16.06.1985.

Г. Г. КОСАЧ

КОММУНИСТЫ И ПРОБЛЕМЫ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ИРАКЕ (середина 30-х — 40-е годы)

Создание 31 марта 1934 г. Иракской коммунистической партии (первоначально — Комитет борьбы против империализма и эксплуатации) определялось деятельностью наиболее сознательных революционных интеллигентов в условиях беспрецедентного подъема национально-освободительной борьбы. Политический авангард иракского рабочего класса возник в то время, когда первоочередной задачей патриотического движения являлось освобождение страны от ига английского империализма и его союзника — феодально-монархической клики. Неспособность местной буржуазии придать массовому освободительному движению подлинно радикальный характер и одновременно великая сила примера большевиков в Советской России лежали в основе движения многих борцов за свободу и независимость Ирака к марксизму.

Коммунисты Ирака: начало революционной деятельности

В 1930 г. Великобритания подписала с феодальным правительством Ирака договор о «дружбе и сотрудничестве», а в 1932 г. с обоюдного согласия тех же сил Ирак был провозглашен суверенным королевством. Эти акты были призваны сбить поднимавшуюся в стране волну освободительного движения. С 1932 г. фактическое господство английского империализма в Ираке стало опираться на открытый союз феодальной верхушки с британскими колонизаторами. В Ираке по-прежнему находился английский военный комиссар; под контролем английских чиновников и офицеров оставались финансы, юстиция и вооруженные силы. Размещенные на территории Ирака войска Великобритании охраняли «имперские коммуникации».

Нарастание массовой освободительной борьбы в условиях Ирака первой половины 30-х годов было обусловлено не только остротой национально-колониального вопроса. но и углублением

социальных противоречий. Отсталая экономика, всесилие феодалов и ростовщиков в деревне, нищета населения, отсутствие элементарных демократических свобод, номинальность власти выборных органов, национальные и религиозные конфликты, раздуваемые колониальными властями,— все это порождало постоянную напряженность. В социально-экономическом отношении Ирак оставался одной из наиболее отсталых стран Арабского Востока. В начале 30-х годов из трехмиллионного населения страны лишь 17% проживало в городах. Из 83% сельского населения более половины (60%) составляли кочевники и полукочевники [1].

Английское колониальное господство выводило страну на путь капиталистического развития, но путь этот был особенно мучителен и сложен. Развитие национальной промышленности характеризовалось крайне низкими темпами. Создававшиеся в те годы в Ираке предприятия были предназначены в основном для переработки идущего на экспорт сельскохозяйственного сырья [2]. Главное богатство страны — нефть и другие ключевые отрасли экономики полностью находились в руках иностранных компаний.

Во второй половине 20-х годов в Ираке возникли основные партии национальной буржуазии — Иракская национальная партия (ИНП) и Партия народа (в 1930 г. на ее основе была создана Партия национального братства). Обе партии включали в свои ряды и представителей старых традиционных классов, выступавших против английского засилья и монархии.

Подавляющее большинство рабочих Ирака (55—65 тыс., или около 2,4% общей численности населения страны в 1932 г.[3]) было занято на мелких фабриках — фактически мастерских ремесленного типа. Современный рабочий класс существовал прежде всего в рамках нескольких развитых капиталистических отраслей экономики, являвшихся собственностью иностранного капитала. Наиболее значительными его отрядами были нефтяники (3500 человек), железнодорожники (6000) и докеры Басры (800) [4]. Для этого небольшого рабочего класса были характерны стабильный рост его численности и высокая степень концентрации. Не случайно именно портовики и железнодорожники были застрельщиками рабочего движения.

В 1929 г. в ходе стачки железнодорожников был основан первый в стране профессиональный союз. В начале 30-х годов возникло уже несколько профсоюзных организаций трудящихся, примыкавших к двум профцентрам — Организации ремесленников Ирака и Союзу рабочих-механиков. Иракское рабочее движение тех лет было одним из потоков национально-освободительного движения страны и выступало под лозунгами антиколониальной и антифеодальной борьбы. В те годы политическим выразителем его интересов была Иракская национальная партия во главе с Джафаром Абу ат-Тимманом и Фахми аль-Мударрисом.

Под влиянием ширившейся политической активности масс

началось размежевание в рядах национально-патриотических сил Ирака, подспудно назревавшее с начала 30-х годов. Главным предметом разногласий было отношение к англо-иракскому договору. Уже в марте 1933 г. лидеры Партии национального братства приняли предложение короля Фейсала о сформировании правительства, в состав которого вошел наиболее реакционный политический деятель Ирака, лично ответственный за подписание договора 1930 г. Нури Саид. Легальная оппозиция в лице либерального, национал-реформистского крыла Иракской национальной партии во главе с Джафаром Абу ат-Тимманом оказалась неспособной в силу узкоклассовых интересов ее руководства повести массы на решительную борьбу с английским империализмом и феодальной реакцией.

Свидетель событий тех лет, член Политбюро ЦК Иракской коммунистической партии (ИКП), ветеран коммунистического движения Ирака Заки Хейри писал об обстановке, сложившейся тогда в руководстве ИНП: «В 1933 г. в руководстве партии произошел раскол. Большинство его членов склонялось к сотрудничеству с правительством, считая удовлетворительными результаты подписания договора 1930 г., поскольку благодаря этому Ирак был принят в Лигу наций. Меньшинство руководства во главе с Абу ат-Тимманом и Фахми аль-Мударрисом выступало против заключенного договора. Несмотря на то что низовые организации партии поддерживали их оппозиционные установки в отношении договора, Абу ат-Тимман и аль-Мударрис не считали нужным опереться на партийные низы и народные массы в интересах продолжения политической деятельности партии. Вместо этого, протестуя против компромисса большинства руководства с правительством, они пошли на замораживание партийной деятельности» [5].

Лишенное таким образом руководства, национально-освободительное движение обрекалось на стихийность, в силу того что национал-реформисты страшились выхода социальных низов на передний план освободительного движения, пробуждения их инициативы и активности. В конечном итоге именно это обстоятельство объясняло постоянные колебания меньшинства в руководстве ИНП, стремившегося добиться своего рода «канализации» социальных конфликтов, их «мирного» решения, не выходящего за рамки «законности и правопорядка».

Вернемся к свидетелю событий тех лет — Заки Хейри. «Мне пришлось присутствовать,— пишет он,— на состоявшейся однажды встрече между Фахми аль-Мударрисом и руководителем отделения Иракской национальной партии в Баакубе, помещиком средней руки. Комментируя решение заморозить деятельность партии, этот человек сказал: «Давайте соберем партийный съезд, изберем новый исполком и возобновим деятельность партии!». На это Фахми аль-Мударрис с вежливой издевкой ответил: «Кого же прикажете избрать в исполком? Ваших голодранцев?» [6].

Разрыв между обострением политических и социально-экономических нужд иракского общества, с одной стороны, и реальным потенциалом национально-либерального руководства освободительным движением — с другой, ускорял формирование национально-прогрессивного течения в рядах борцов за освобождение страны. Так, в рамках группы «Ахали» возникло движение мелкобуржуазно-крестьянского, народнического типа, хотя и достаточно аморфное организационно[7]. В те же годы многие борцы за свободу и независимость, разуверившись в тактике реформистов, начали становиться на путь, которым пошли русские большевики, обращаться к марксизму-ленинизму. Страстное желание видеть свою родину свободной от иноземных угнетателей, а народ — счастливым было непосредственным импульсом их движения к научному социализму.

Характеризуя этот процесс, З. Хейри отмечал: «... мы узнали о большевиках прежде, чем услышали о коммунистах, узнали о советской революции до того, как услышали о революции социалистической. Имя Ленина нам стало известно до того, как мы узнали об основоположниках научного социализма Марксе и Энгельсе. Мы поняли, что большевизм — это прежде всего массовая революционная борьба, это государство для бедных, это, наконец, непримиримый борец против империализма. Этих простых фактов было достаточно для того, чтобы они воодушевили нас на изучение марксизма-ленинизма...»[8].

Путь, которым шли к марксизму-ленинизму первые иракские коммунисты, и в их числе основатель ИКП Фахед[9], был характерен для многих борцов за свободу в колониальных и зависимых странах Востока. Являясь руководителем отделения ИНП в Эн-Насирийе, Фахед внес огромный личный вклад в организацию в этом городе в 1931 г. вооруженного антиколониального выступления горожан; в том же году руководил антианглийскими демонстрациями жителей Басры, организовывал патриотическую пропаганду среди крестьян юга страны. После знакомства с трудами по марксизму-ленинизму Фахед пришел к выводу о том, что освобождение его страны от империализма и феодализма может быть достигнуто лишь на основе развития массовой борьбы трудящихся под флагом коммунистического учения.

Опубликованные иракскими коммунистами в начале 80-х годов документальные данные о деятельности Фахеда в период, предшествовавший образованию ИКП, в Эн-Насирийе и Басре позволяют выделить два основных направления в его работе: во-первых, создание на юге страны массовой национально-патриотической организации, примыкающей к Иракской национальной партии, и, во-вторых, формирование в ее рядах коммунистических ячеек, так называемых «ячеек товарищей», из числа патриотов, совершавших переход на позиции научного социализма[10]. В целом деятельность первых коммунистов Ирака в направлении создания массовых организаций антиколониально-

го и антифеодального типа отвечала рекомендациям Исполкома Коммунистического Интернационала (ИККИ), считавшего, что главной задачей пионеров коммунистического движения в Ираке в те годы является «создание массового национально-революционного движения, сплочение национально-революционных элементов в массовую легальную партию с широкой демократической программой»[11].

Если учесть при этом, что отделение Иракской национальной партии в Эн-Насирийе было создано по инициативе и под руководством деятеля, уже ставшего в то время коммунистом, что в этой организации были воспитаны патриоты, обратившиеся к марксизму-ленинизму, то деятельность Фахеда на юге Ирака предстанет как новый убедительный прием жизненности ленинской идеи о необходимости для коммунистов работать в некоммунистических организациях. Решительная борьба против империализма и реакции, безусловное отстаивание самостоятельности коммунистического движения даже в его зачаточной форме — важность этого вывода В. И. Ленина была ясна первым коммунистам Ирака.

«Да, мы коммунисты,— говорил в те годы Фахед,— но мы не хотим начинать нашу деятельность с реализации принципов коммунизма и прежде всего потому, что мы не хотим выламывать руки истории»[12]. Один из членов коммунистической ячейки в Эн-Насирийе, вспоминая те дни, отмечал: «Люди тогда считали нас крайними националистами. Еще до того, как в городе было создано отделение Национальной партии, Фахед рекомендовал нам поддерживать антиимпериалистический курс этой партии, призывал к ее поддержке и жителей города... На наших тайных ночных собраниях Фахед... выступал с речами, в которых обличал английских оккупантов и слабость правительства, которое, как он говорил, всего лишь пешка в закулисных действиях англичан... Мы выступали не как коммунисты, а как патриоты»[13].

Вместе с тем первые коммунисты Ирака не были лишь левым крылом ИНП. Разрабатывая программные установки будущей коммунистической партии, Фахед рассматривал ее как партию рабочего класса, который, возглавив движение всех угнетенных и эксплуатируемых, превратит Ирак в свободную, идущую к социализму страну. Сохранилось несколько листовок, написанных им и распространенных в декабре 1932 г. в Эн-Насирийе. Приведем сокращенный текст одной из них:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Да здравствует союз рабочих и крестьян арабских стран!

Рабочие!

Правительство распустило парламент, заявив о том, что оно намеревается провести народный референдум. Прежний парламент был, как известно, созван лишь для того, чтобы ратифицировать англо-иракский договор, его депутаты были не более чем приспешники Нури Саида... Ратифицировав договор, они

превратили нас в рабов... британского империализма... Могут ли они говорить теперь о том, что выражали волю народа, который якобы согласился продать себя в рабство?.. Нынешнее правительство опубликовало программу своих действий. В этом пространном документе говорится о том, что оно намеревается развивать сельское хозяйство, хотя несчастный крестьянин отдал ему последний грош, а теперь продает свою землю. Правительство намеревается распространять образование, но что-то мы не видим, чтобы в стране как грибы после дождя росли школы! Правительство намеревается укрепить национальную оборону, и в этом-то цель его обращения к народу... Но не забота о национальной безопасности движет им, а стремление оградить английские интересы, прежде всего нефтяные, защитить нефтепроводы, которые англичане намереваются проложить через пустыню... В этом цель созыва нового парламента! И можно не сомневаться, что правительство найдет людей, которые поддержат его начинания... Хочет ли кто-либо из вас проливать свою кровь за интересы англичан?.. Ваши враги не вне Ирака, а внутри его... В это тревожное время стыдно уповать на милость угнетателей... Вперед, на борьбу за труд, свободу и подлинное процветание!

Рабочий — коммунист»[14].

В 1933 г. после переезда Фахеда в Багдад на страницах органа ИККИ «Корреспонданс интернасьональ» был опубликован программный документ членов столичной коммунистической организации, представляющий особый интерес во многих отношениях. В нем, в частности, отмечалось, что иракские товарищи в ходе решения своей основной цели — борьбы за социалистический Ирак — ставят своей ближайшей задачей объяснять массам, что:

— Ирак — английская колония, что британский империализм никогда не уйдет отсюда добровольно, как не уйдет добровольно из Индии и Египта;

— власть в Ираке сосредоточена в руках английского верховного комиссара, существование же короля и правительства не более чем средство для империалистов сохранить свое господство, опираясь на феодалов и крупную буржуазию;

— иракское правительство реакционно, оно представляет интересы господствующих классов, а не угнетенных арабских масс;

— замена мандата договором и прием Ирака в Лигу наций — империалистический маневр для сохранения господства над важнейшими путями в Индию, подготовки войны против СССР и колонизации полуколониальных стран (Турции, Персии);

— всякая газета или политическая группа в Ираке, пропагандирующая идею, будто бы Ирак уже теперь обладает реальной независимостью, есть сознательный или бессознательный

агент английского империализма и палачей иракских трудящихся.

Иракские коммунисты считали, что «империализм пытается противопоставить национальные меньшинства освободительному движению в Ираке. Задачей коммунистов является объяснение трудящимся национальных меньшинств, что трудящиеся всех наций эксплуатируются империализмом, что их освобождение невозможно без совместной борьбы против империализма». Они исходили в своей деятельности из того, что «в Ираке есть национально-революционные элементы, которые стремятся освободить страну от ига империализма и готовы бороться в рядах арабских революционных масс. Долгом наших товарищей является привлечение этих элементов к антиимпериалистической борьбе». Вместе с тем коммунисты считали, что «партия должна объединить под своим руководством все силы: рабочих, крестьян, солдат, разъяснять рабочим, что они авангард национального освобождения, а крестьянам, что они не могут решить аграрную проблему, не борясь вместе с рабочими за захват земель феодалов и государства» [15].

Без сомнения, в рядах сформировавшейся партии еще не все достаточно четко представляли себе конечную цель ее борьбы (коммунизм, как считали некоторые члены коммунистических ячеек и организаций,— это «правительство бедных, отсутствие феодалов — нет ни господ, ни угнетенных» [16]). Цитировавшиеся выше документы еще не были свободны от некоторых свойственных в те годы многим компартиям Востока левацких заблуждений. В определенном смысле в них выдвигалась задача отрыва рабочих и крестьян от общего потока национально-освободительного движения, звучала мысль о необходимости скорейшей замены реакционного проимпериалистического правительства правительством рабочих и крестьян. Но вместе с тем, и это было главным, в них со всей убедительностью проводилась идея непосредственного обращения к массам, завоевания их поддержки. Идеи же о создании в стране рабоче-крестьянского правительства, которое придет на смену английским колонизаторам и их феодальным приспешникам, о том, что движущими силами буржуазно-демократической революции в стране могут быть только пролетариат и широкие массы крестьянства, становились водоразделом между марксистами и теми, кто оставался на национально-реформистских и национально-революционных позициях. Выдвигая в качестве своей неотложной задачи решение национальной проблемы, добиваясь создания единого антиимпериалистического фронта, активно поддерживая все формы национально-освободительной борьбы и выступая за удовлетворение насущных социальных нужд трудящихся, коммунисты пролагали реальный путь к массам.

В целом к 1934 г. иракские коммунисты уже разработали программу своих основных задач на период буржуазно-демократической революции. Ее содержание продолжало уточняться

в ходе массовых выступлений трудящихся в середине 30-х годов, в частности крестьянского восстания в Сук-эш-Шуюхе (район Среднего Евфрата) в марте 1935 г.

Восстание в Сук-эш-Шуюхе было вызвано жестокой эксплуатацией местного крестьянства. Поддержка восстания и активное участие в нем коммунистов во многом содействовали тому, что уже в самом своем начале оно вышло за рамки религиозной шиитско-суннитской вражды и приобрело четко выраженный антиимпериалистический и антифеодальный характер. Повстанцы вступали в столкновения с полицией и регулярными частями армии, громили полицейские участки, захватывали правительственные здания и железнодорожные станции[17]. Все это свидетельствовало об углублении социального содержания революционной борьбы крестьянства. Действуя в подполье, молодая немногочисленная компартия многое сделала для установления связей между восставшими и городскими рабочими, всеми патриотическими силами Ирака. Выпущенное в то время Обращение к народу руководства Комитета борьбы против империализма и эксплуатации гласило: «К революции, к оружию, в бой! Гнет и притеснения — вот что заставляет миллионные народные массы поднять знамя революции и восстания, толкает их на борьбу за уменьшение налогов, за уничтожение несправедливостей чиновников и беззаконий сборщиков налогов... Гнет побуждает народные массы бороться за то, чтобы положить конец нарушениям свободы и беззакониям... положить конец накоплению богатств у класса, представляющего меньшинство, конец голоду, нищете и... болезням у классов, являющихся подавляющим большинством, конец игре в законы в... интересах привилегированного класса. Гнет толкает массы на борьбу за уничтожение... кошмара империализма и его прихвостней из правящих паразитических классов, которые живут кровью голодных, раздетых, изнуренных рабочих масс... Долой все налоги и долги государству! Долой все переговоры и соглашения о нефти! Долой империализм и его приспешников!.. За раздел казенных земель между бедняками!»[18].

Обращаясь к солдатам правительственных войск, посланным на усмирение повстанцев, бюро среднеевфратской секции Комитета подчеркивало: «...не идите на поводу правительства и приказов тех, кто говорит от имени империализма, кто представляет его интересы... Восставшие — это люди иракской революции... они восстали, с тем чтобы вернуть узурпированные права и попранные свободы... Направьте свое оружие против вашего истинного врага, того, кто находится среди вас, примкните к рядам повстанцев, нанесите удар по колонизатору... боритесь за полную независимость вашей страны»[19].

В конце марта 1935 г. в ряде городов Среднего Евфрата были распространены листовки Комитета, содержавшие расширенную программу коммунистов на этапе буржуазно-демократической революции. В листовках, носивших название «Чего мы

хотим?», подчеркивалось, что революционеры Ирака ведут борьбу за ликвидацию расположенных на территории страны английских военных баз, за радикальное изменение англо-иракского договора 1930 г., превращение его в договор равного с равным, за изменение заключенных с Великобританией договоров о добыче и перекачке нефти, с тем чтобы они наиболее полно отвечали интересам иракского народа. Коммунисты выступали с требованием раздела государственных земель между крестьянами, отмены долгов крестьян государству и помещикам, а также значительного снижения налогового бремени, введения закона об охране труда рабочих. Одновременно листовки содержали требования и общедемократического порядка: чистки государственного аппарата, отмены системы многоступенчатых выборов в парламент, немедленного прекращения пропаганды, направленной на разжигание национальной и религиозной вражды [20].

Обращаясь к массам, коммунисты Ирака исходили из того, что развивавшийся в стране революционный процесс представляет собой буржуазно-демократическую революцию, важнейшей частью которой является революция аграрная. Движущей силой этой революции являются рабочие, крестьяне, бедуины, городская буржуазия. Ее острие направлено против главного противника иракского народа — английского империализма и его ставленника — феодально-компрадорской монархической верхушки, без ликвидации которой было бы немыслимо самостоятельное политическое и социально-экономическое развитие страны.

Справедливость этих выводов подтверждалась всем ходом восстания в Сук-эш-Шуюхе, во время которого коммунисты прилагали усилия для расширения контактов между повстанцами и национальной буржуазией. Они считали, что буржуазная оппозиция королю, хотя и непоследовательная, должна стать элементом широкого народного антиимпериалистического фронта. Иракская национальная буржуазия, представленная в парламенте, имевшая в своем распоряжении легальную прессу (в которой активно сотрудничали коммунисты), обладавшая значительным влиянием в массах, была тогда той политической силой, достижение союза с которой было необходимо для усиления коалиции антиимпериалистических сил и их борьбы против господства чужеземцев и их местных союзников.

В работе советского ученого С. Бит-Юхана, анализировавшего ход восстания в Сук-эш-Шуюхе, отмечалось, что деятельность Комитета борьбы с империализмом и эксплуатацией в то время была «конкретной формой организации единого фронта национально-освободительной борьбы», творческим применением иракскими коммунистами ленинских идей о принципах классовых союзов на этапе буржуазно-демократической революции, позволявшим партии укреплять ее позиции в рядах трудового народа [21].

В конце июля 1935 г. вышел первый номер нелегальной га-

зеты Иракской компартии — «Кифах аш-шааб» («Борьба народа»), на страницах которого были опубликованы основные лозунги партии, отражавшие всю совокупность ее задач на различных этапах революции: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Пролетарии Ирака, соединяйтесь! Долой английские базы в Синн-эз-Зубане и Эш-Шуайбе! Долой договор 1930 г.! Восьмичасовой рабочий день для рабочих! Землю — крестьянам! Да здравствуют политические свободы! За роспуск парламента и проведение свободных выборов! За право курдского народа на самоопределение!»[22]. Этот перечень основных требований партийной программы свидетельствовал о глубоком понимании коммунистами необходимости одновременной борьбы за осуществление общенациональных задач демократической революции и за удовлетворение минимальных классовых нужд рабочих и крестьян. Коммунисты первыми выдвинули и лозунг самоопределения курдского народа, добивались создания подлинно братского союза трудящихся всех национальностей, населявших Ирак,— арабов, курдов, ассирийцев, армян и др.

Важной вехой в борьбе коммунистов за создание антиимпериалистического фронта была их деятельность в своеобразной обстановке, сложившейся в стране после государственного переворота в октябре 1936 г., совершенного военно-гражданской коалицией во главе с генералом Бакром Сидки и видным политическим деятелем Хикметом Сулейманом. Впервые в истории страны вопреки воле английского верховного комиссара в Ираке было сформировано патриотическое правительство во главе с Х. Сулейманом из представителей националистических элементов армии в союзе с мелкобуржуазной демократией, прежде всего группой «Ахали». ИКП рассматривала этот кабинет как первый опыт «демократического национального правительства, пользующегося симпатией и поддержкой самых широких масс арабов, курдов... и других национальных меньшинств». ИКП считала, что это правительство имеет все возможности для того, чтобы в интересах народа и в целях прогрессивного развития страны использовать статус независимости, который был формально предоставлен Ираку[23].

Пришедшая к власти оппозиция добивалась: укрепления национальной армии, раздела государственных земель между крестьянами, осуществления демократических свобод, в том числе создания рабочих профсоюзов и права рабочих на забастовки, равноправия всех народов и наций Ирака, освобождения из тюрем всех политических заключенных, поддержки национально-освободительного движения в странах арабского мира и т. п.[24]. ИКП поддерживала эти требования, поскольку они в основном отвечали ее политической программе для этапа буржуазно-демократической революции. 29 октября 1936 г., в день переворота, улицы Багдада были заполнены демонстрантами, вышедшими по призыву коммунистов с требованием к королю санкционировать формирование кабинета «ахалистов»[25].

В начале ноября 1936 г. в Багдаде вновь прошла организованная коммунистами массовая демонстрация поддержки национального правительства. Рабочие столицы несли «арабские» и красные знамена, плакаты со словами «Долой империализм!», «Да здравствует народный фронт!», «Да здравствуют рабочий класс и народные массы!», «Смерть преступному фашизму!» [26]. Правительство приняло решение об освобождении из тюрем многих политических заключенных, разрешило издание ряда прогрессивных газет, продажу прогрессивной литературы. Были сняты ограничения с деятельности профсоюзов, фактически легально действовала коммунистическая партия.

Анализ позиции компартии в отношении национального правительства показывает, что она сознавала сложный характер союза националистического крыла армии и мелкобуржуазной демократии в лице группы «Ахали», противоречивость состава самой группы, давление на нее реакционных сил, возможность эволюции правительства вправо [27]. Стремясь усилить позиции национально-прогрессивного крыла в рядах «ахалистов», ИКП развивала массовую кампанию поддержки прогрессивного национального курса правительства Х. Сулеймана. Партия подчеркивала «всю важность массового народного движения как основы национально-освободительного движения и всякого демократического национального правительства» [28]. Со всей силой убежденности коммунисты пропагандировали идею о том, что в случае, если правительство Х. Сулеймана будет опираться не на одну армию, а прежде всего на «народные массы», то тенденции демократического развития усилятся не только в Ираке, но и в других странах арабского мира [29].

В интересах претворения в жизнь прогрессивной, антиимпериалистической программы правительства представители ИКП вошли в состав созданного «ахалистами» «Общества народной реформы», членами которого были парламентарии, профсоюзные активисты, представители творческой интеллигенции и учащейся молодежи. Печатным органом Общества с 1936 г. стала газета «Ар-Рай аль-Амм» («Общественное мнение»), издававшееся известным иракским поэтом Мухаммедом Махди аль-Джавахири. «Общество народной реформы» было первым в Ираке объединением, которое возникло снизу в целях активизации борьбы правительства за социальные преобразования и демократизацию общественной жизни. Его деятельность стала основным фактором всей политической жизни страны в конце 1936 — начале 1937 г. [30].

Тактика единого фронта, которую проводили иракские коммунисты, руководствуясь решениями VII конгресса Коминтерна, в немалой степени содействовала популяризации демократической программы правительства, активизировала массовое освободительное движение. В декабре 1936 г. пять тысяч рабочих и служащих компании «Бальфур энд Битти», занятых на строительстве оросительной плотины в г. Куте, провели пятиднев-

ную забастовку и таким путем добились восьмичасового рабочего дня. В феврале 1937 г. забастовало несколько тысяч рабочих железнодорожных государственных складов. Они также добились восьмичасового рабочего дня и оплачиваемого ежегодного отпуска. Успешно закончилась организованная в марте 1937 г. забастовка четырех тысяч докеров Басры[31]. В 1936 г. под давлением рабочего и общедемократического движения иракское правительство приняло закон о труде.

Однако летом 1937 г. реакции и английскому империализму удалось вернуть себе утраченные позиции. Углубление расхождений между министрами-«ахалистами» и руководством армии, стремившимся к установлению режима открытой военной диктатуры при поддержке правой оппозиции, привело к падению правительства Х. Сулеймана. В ходе нового наступления реакции была организована жестокая кампания против ИКП, рабочих профсоюзов, представителей национально-патриотических сил. Компартии был нанесен огромный урон.

В этой тяжелой обстановке перед коммунистами Ирака в течение всего периода с 1938 по 1945 г. стояла задача реорганизации партии, восстановления ее численности, укрепления единства партийных рядов на основе принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма[32].

Вопросы тактики единого фронта в деятельности ИКП в период второй мировой войны

В ходе тяжелой борьбы против реакции, преодолевая внутрипартийные трудности, коммунисты Ирака, опираясь на накопленный ранее опыт, вырабатывали революционную тактику. При этом они руководствовались указаниями В. И. Ленина о политике коммунистов в отношении национально-освободительных движений, а также решениями Коммунистического Интернационала, в частности, его VII конгресса, ориентировавшего коммунистов всего мира на борьбу против фашизма и войны, на претворение в жизнь принципов единого фронта.

Коминтерн активно разъяснял народам колониальных и зависимых стран сущность фашизма, расистский характер его идеологии, варварские планы уничтожения одних народов и увековечивания рабства других. Вместе с тем начавшаяся мировая война носила двойственный характер: наряду с несомненным противоречием между фашизмом и народными массами всего мира существовало противоречие между державами «оси», стремившимися поделить между собой страны Востока, и традиционными колониальными метрополиями, боровшимися за сохранение своего господства в этих странах. В условиях, когда на угнетенный колониальный мир не распространялась буржуазная демократия, когда державы «оси» противостояли англо-французским колонизаторам, веками душившим его народы,

когда гитлеровская пропаганда беззастенчиво спекулировала на стремлении стран Востока добиться национальной независимости, их народам, лидерам национально-освободительного движения, как и коммунистам, было нелегко определить свое отношение к этой войне [33].

В немалой степени это относилось и к лидерам освободительной борьбы в Ираке, и к иракским коммунистам. Политика террора и репрессий против патриотических сил, проводившаяся проанглийским правительством Нури Саида, пришедшим на смену правительству «ахалистов», содействовала росту антибританских настроений. Этим попыталась воспользоваться фашистская агентура. Германский посланник в Багдаде Гробб убеждал иракцев в том, что победа держав «оси» покончит с господством английских и французских колонизаторов в странах арабского мира, ликвидирует притязания сионистов на Палестину, поможет восстановить былое величие и единство арабов.

Усилия фашистской агентуры значительно активизировались, когда настроенные антибритански офицеры совершили государственный переворот. В апреле 1941 г. было сформировано «правительство национальной обороны» во главе с Рашидом Али аль-Гайлани. Видные иракские государственные деятели — сторонники проанглийской ориентации бежали из страны.

В начале мая 1941 г. сконцентрированные в Басре английские войска начали наступление на Багдад. Преодолевая сопротивление армии и населения, они в конце мая 1941 г. заняли столицу. Результатом «англо-иракской войны» явились оккупация Ирака англичанами, восстановление британского контроля над жизненно важными секторами национальной экономики, возвращение английских советников в иракские министерства. На пост премьера нового кабинета вновь был назначен Нури Саид.

Иракская коммунистическая партия поддержала национальное в своей основе движение аль-Гайлани, рассматривая его как «движение патриотическое, вовлекшее широкие народные массы в борьбу против британского империализма» [34].

Одновременно партия, которая под руководством Фахеда вела огромную работу по восстановлению своих рядов, за изгнание ревизионистских и оппортунистических элементов, четко определяла свою тактику в условиях, когда во вторую мировую войну вовлекались новые страны и народы.

В начале 1941 г. ИКП возобновила издание своего нового центрального органа — газеты «Аш-Шарара» («Искра»), в которой были опубликованы лозунги партии, имевшие непосредственное отношение к развивавшимся мировым событиям: «Фашизм — враг народов!», «Фашизм — это война!», «За хлеб для народа, за единый фронт, за мир!» [35].

В феврале 1942 г. ЦК ИКП принял специальное постановление о сущности второй мировой войны. В нем отмечалось, что война ведется всем человечеством против фашистских варва-

ров — общих врагов всех народов; от исхода этой битвы зависит судьба каждого народа и нации, и в силу этого каждый народ должен внести свой вклад в дело разгрома фашизма. «Не преуменьшая опасности фашизма... мы, арабы, должны сплотить наши силы, объединить их с силами других народов, с тем чтобы добиться окончательной победы над врагом...». В постановлении отмечалась принципиальная важность поддержки военных усилий Великобритании в борьбе с фашистской Германией, а также всех мер иракского правительства, направленных на союз со странами антигитлеровской коалиции и борьбу против нацистской агентуры внутри Ирака. В конкретных условиях Ирака, как подчеркивалось в постановлении, существовала реальная возможность создания единого демократического антифашистского фронта, в деятельности которого воплощался бы вклад иракского народа в дело противостояния угрозе фашистского порабощения всего человечества [36].

Состоявшийся в декабре 1942 г. пленум ЦК Иракской компартии констатировал, что в ходе войны стал реальностью лагерь всех демократических сил, включая Великобританию и США. Ведущей силой этого лагеря, его вдохновителем и подлинным организатором стал Советский Союз, вступление которого в войну против гитлеровской Германии стало поворотным пунктом в политической истории мира. Священным патриотическим долгом каждого демократа, отмечалось в его документах, становится поддержка всемирно-исторической битвы против человеконенавистнического блока Германии, Италии и Японии. Патриотизм и подлинные национальные интересы требуют от народа Ирака, от демократических сил страны, от каждого иракского коммуниста вести самоотверженную борьбу против нацистского варварства, за создание единого демократического антифашистского фронта, способного отвести от иракского народа угрозу фашистского порабощения. В отчете ЦК фашизм был назван «самым главным врагом нашей любимой родины». Коммунисты Ирака отдавали себе отчет в том, что эффективное антифашистское единство нации не может быть достигнуто стихийно. Решения пленума призывали членов партии к повышению уровня организаторской работы, к дерзанию и самопожертвованию в борьбе за создание антифашистского фронта, «включающего демократические элементы как в правительстве, так и в рядах народа» [37].

Важное место в решениях пленума занял вопрос об отношении партии к иракскому правительству. Поддерживая деятельность правительства, направленную на ликвидацию фашистской агентуры, на развитие союза между Ираком и странами антигитлеровской коалиции, партия вместе с тем критиковала его непоследовательность в борьбе с «пятой колонной», его нежелание удовлетворить насущные нужды трудящихся, его непрекращавшиеся попытки урезать завоеванные народом некоторые демократические права. Коммунисты Ирака подчеркива-

ли, что борьба ИКП за создание антифашистского фронта не только не отрицала необходимости последовательной борьбы за удовлетворение экономических требований трудящихся и за расширение демократических свобод народа, но и, напротив, являлась одним из важнейших условий его создания [38].

В августе 1942 г. в газете «Аш-Шарара» была опубликована статья Генерального секретаря ИКП Фахеда «Необходимо похоронить законы фашизма в Ираке», отражавшая точку зрения ИКП на внутреннюю политику правительства. Автор указывал, что отсутствие демократических свобод в колониальных и зависимых странах, в том числе в Ираке, препятствует победе над фашизмом. Отказ санкционировать создание демократических партий и организаций, преследование профсоюзного движения, репрессии против коммунистов и т. п. не только ослабляют, но и порою сводят на нет возможность формирования антифашистского фронта. «Лишая трудящиеся массы,— писал Фахед,— возможности проводить четкую грань между национал-„социализмом"... и истинными патриотическими идеалами социализма и демократии», иракское правительство «создает... питательную среду для расширения деятельности агентуры держав „оси", для дальнейшего распространения иллюзий в отношении... фашизма, его идеологии и классового содержания». Отдавая себе отчет в том, что попытки правящих классов задушить демократические устремления масс антиисторичны и поэтому объективно обречены на провал, ИКП, заключал Фахед, будет в первых рядах тех, кто борется за свободу народа, за счастье трудящихся, за «хлеб для голодных» [39].

Важной вехой в борьбе иракских коммунистов за демократические свободы было их активное участие в общенациональном движении «за права трудящихся», начавшемся в 1941 г. и достигшем особой остроты в 1943—1945 гг. Причиной, вызвавшей к жизни это движение, являлось кризисное состояние иракской экономики в годы войны и в связи с этим неуклонное снижение жизненного уровня трудящихся. Пребывание на территории Ирака стотысячной оккупационной армии Великобритании ухудшало снабжение населения продовольствием. Несмотря на ряд стимулирующих факторов — увеличение спроса на промышленные и продовольственные товары, сокращение их ввоза,— иракская экономика находилась в состоянии стагнации из-за нехватки сырья, невозможности приобретения за границей фабричного оборудования, почти безраздельного господства в стране иностранных монополий. К концу 1943 г. угроза вторжения немецких войск на Ближний Восток была ликвидирована благодаря победам Советской Армии на Кавказе. Но это привело к значительному сокращению объема стратегических работ в Ираке, которые велись английским военным командованием, и массовым увольнениям занятых на них иракских граждан. К началу 1945 г. в стране насчитывалось более 300 тыс. безработных. Местные предприниматели получи-

ли возможность еще активнее наступать на права рабочих. Инфляция иракского динара, галопирующий рост прожиточного минимума, прямых и косвенных налогов — все это усугубляло и без того тяжелое положение трудящихся [40].

Разрабатывая тактику единого демократического антифашистского фронта, ИКП предусматривала мобилизацию трудящихся на борьбу с дороговизной, со спекуляцией продуктами питания, стремилась организовать давление на правительство снизу, с тем чтобы оно приняло эффективные меры обеспечения населения продовольствием и товарами первой необходимости. Коммунисты считали, что кардинальное решение этих проблем невозможно без политики индустриализации страны, развития национальной промышленности, вытеснения иностранных монополий из жизненно важных секторов экономики. Компартия подчеркивала необходимость повышения культурного уровня населения, улучшения медицинского обслуживания, социального обеспечения трудящихся. Важное место в деятельности компартии занимала борьба за создание рабочих профсоюзов, улучшение условий труда рабочих, практическое осуществление закона о труде 1936 г. Поддерживая крестьянское движение, коммунисты Ирака добивались распределения государственных земель среди крестьян, оказания им государственной помощи, ликвидации гнета ростовщиков, содействия правительства в организации крестьянских кооперативов. В то же время ИКП боролась за демократизацию государственного аппарата и претворение в жизнь провозглашенных конституцией демократических свобод и прав трудящихся, удовлетворение чаяний национальных меньшинств [41].

Коммунисты не ограничивались лишь словесными призывами к трудящимся. В 1944—1945 гг. благодаря их мужеству, стойкости, самоотверженности и организаторской работе успешно закончилась продолжавшаяся одиннадцать месяцев забастовка железнодорожников, добивавшихся восстановления распущенного властями профсоюза, повышения заработной платы, распространения на рабочих и служащих железных дорог положений закона о труде 1936 г.[42]. И это несмотря на кровавую расправу властей над бастующими, учиненную в апреле 1945 г. при помощи английских войск, и на все попытки расколоть единство рабочих и обезглавить их движение.

Славной страницей в истории рабочего движения Ирака явилась забастовка нефтяников Киркука в июле 1946 г. Ее возглавила коммунистическая ячейка, существовавшая в этом нефтеносном районе страны с 1942 г. и объединявшая в своих рядах представителей всех проживающих там народов Ирака — арабов, курдов, туркоманов, ассирийцев и армян. Забастовка началась 3 июля 1946 г. В ней участвовало не менее пяти тысяч рабочих всех отделений «Ирак Петролеум Компани» в районе Киркука. Наряду с требованиями улучшения условий труда и быта бастующие добивались разрешения деятельности проф-

союза нефтяников. Во главе забастовки стоял руководимый коммунистами Высший комитет, направлявший работу стачечных комитетов на местах. Были созданы две комиссии, одна — по охране бастующих, сыгравшая важную роль в срыве попыток властей сломить рабочих, а вторая — по сбору пожертвований в фонд забастовки, действовавшая не только среди населения Киркука, но и в прилегавших к городу районах.

12 июля 1946 г. власти попытались силой подавить забастовку, расстреляв митинг трудящихся в киркукском городском парке. Вызванный этим общенародный взрыв возмущения в сочетании с упорством и высокой организованностью забастовщиков вынудил правительство и правление компании отступить; требования рабочих были удовлетворены [43].

Важнейшей особенностью этих и других забастовок того времени являлось то, что в ходе их трудящиеся проходили подлинную школу классовой борьбы и одновременно школу национально-революционного движения против блока английских империалистов и феодальных правителей Ирака. Обе забастовки — явления исключительные в социально-политической истории страны — со всей очевидностью разоблачали предательскую политику монархических властей в отношении коренных интересов народа, их полную зависимость от колонизаторов. Они оказали значительное влияние на развитие освободительного движения, содействовали его радикализации и вовлечению в его ряды новых отрядов трудящихся, углубляли его социальное содержание.

Важным направлением деятельности иракских коммунистов в годы второй мировой войны являлась борьба за подлинно демократическое и справедливое решение курдского национального вопроса. Тогда в горах иракского Курдистана не стихали вооруженные столкновения между курдами, восставшими против угнетательской политики правительства, и иракской армией. ИКП продолжала отстаивать выдвинутый ею еще в 1935 г. лозунг самоопределения для иракских курдов, поддерживала курдское освободительное движение за восстановление законных национальных прав, против национального угнетения и господства в Ираке сил реакции и империализма. В то же время ИКП видела свой долг в том, чтобы содействовать установлению отношений подлинного братства между трудящимися арабами и курдами, стремилась упрочить их боевой союз в рядах иракского национально-освободительного движения.

В 1944 г. была создана курдская секция ИКП и стал выходить ее печатный орган — газета «Азади» («Свобода»). Это произошло задолго до того, как в иракском Курдистане появились другие партийные организации и издаваемые ими газеты. Определяя задачи «Азади», Фахед писал на страницах ее первого номера: «...бороться за свободу курдов, за их демократические свободы, за хлеб для них, как и для всех иракцев, за добровольную дружбу и братство между арабами и курдами,

за демократический Ирак, за народ, свободный от бедности, невежества и предрассудков. Пусть лозунг арабо-курдской дружбы будет символом нашего национального единства, пусть он будет среди основных лозунгов нашей борьбы за свободную родину и счастливый народ»[44].

Программа курдской секции ИКП — «Хартия курдского народа» указывала также на необходимость предоставления курдскому народу политических свобод, экономического развития курдских районов, развития курдской культуры, защиты интересов курдской молодежи, эмансипации курдянки. В ней отмечалось, что коммунисты готовы сотрудничать с курдскими националистами «во всех областях, связанных с освобождением курдского народа и его социальным развитием»[45].

Иракские коммунисты были единственной политической партией страны, указывавшей на опасность узконационалистической сепаратистской тенденции в рядах курдского освободительного движения как для справедливого дела курдского народа, так и для всего народа Ирака. Как подчеркивала «Азади», коммунисты Ирака далеки от того, чтобы призывать курдов к отмежеванию от арабов, поскольку такого рода действия на том этапе развития освободительного движения, который был достигнут в годы второй мировой войны, нанесут ущерб интересам как арабов, так и курдов. «Мы,— писала „Азади",— обращаемся к каждому сознательному представителю нашего народа, к каждому курду, искренне любящему свой народ и свою родину, с призывом не оставлять его народ неорганизованным... бороться за создание демократических партий и организаций, призванных организовать курдский народ, подготовить и мобилизовать его на то, чтобы он смог реально воспользоваться своим правом на самоопределение, на то, чтобы он смог построить свой союз с арабами Ирака на добровольной и равноправной основе»[46]. Этот путь решения курдской проблемы был подлинно ленинским, отвечавшим высшим интересам борьбы народа Ирака за национальное и социальное освобождение страны.

Годы второй мировой войны были периодом активной деятельности иракских коммунистов в крестьянской среде. Завоевание на сторону партии темного, забитого, нищего крестьянства, находившегося в плену религиозных и племенных предрассудков, задавленного феодально-ростовщической эксплуатацией, было одной из сложнейших задач, стоявших в те годы перед ИКП. Нужна была как повседневная работа по удовлетворению элементарных социально-экономических нужд крестьянства, так и активная поддержка и участие в массовых крестьянских выступлениях, потрясавших в то время всю страну.

Коммунисты вели работу по двум этим направлениям. Участвуя в крестьянских восстаниях на юге и в Курдистане, они развивали славные традиции поддержки ими крестьян Сук-эш-Шуюха. Организуя медицинские пункты в деревнях, создавая курсы по ликвидации неграмотности, защищая в качестве ад-

вокатов вожаков крестьянских выступлений, они содействовали росту политического сознания крестьянства. В своей работе на юге коммунисты, противодействуя властям, разжигавшим межплеменные противоречия, выступали за антифеодальное сплочение крестьян, умело используя для этого особенности бедуинской психологии и положения шиитской религиозной доктрины.

В 1946 г. коммунисты провинции Амара (юг Ирака) поддержали выдвинутое представителями местного крестьянства и интеллигенции предложение о создании массовой организации «Друзья крестьянина», ставившей своей целью оказание помощи местному крестьянству в деле подъема сельскохозяйственного производства посредством создания сети потребительских и сбытовых кооперативов [47]. Справедливо рассматривая развивавшееся в Ираке крестьянское движение как часть сил буржуазно-демократической революции, ИКП видела свою задачу в полной его поддержке. В этой связи она не считала необходимым вести борьбу за создание классовых организаций беднейшего крестьянства. В то время задача партии, как подчеркивали в те годы руководители ИКП, заключалась в пробуждении крестьян, в разъяснении им противоположности интересов всего трудового крестьянства и феодалов, в установлении тесных контактов между крестьянским движением и борьбой пролетариата.

Борясь за создание единого демократического антифашистского фронта, коммунисты Ирака уделяли немалое внимание развитию женского и студенческого движения. Они выступали за создание широких непартийных женских и студенческих организаций, ибо видели в них важный инструмент расширения общедемократического движения, активизации массовой антиколониальной и антимонархической борьбы.

В 1946 г. ЦК ИКП создал комиссию по делам женщин, в состав которой входили представительницы работниц, учащейся молодежи и интеллигенции. Обращаясь к ее членам, Генеральный секретарь партии Фахед отмечал, что деятельность комиссии не может ограничиваться работой среди трудящихся женщин, она должна распространяться и на представительниц обеспеченных классов. Как вспоминают члены комиссии, он сказал: «Наша революционная армия включает не только рабочего и крестьянина, но и угнетенную иракскую женщину. Купающаяся в роскоши, могущественная по сравнению с крестьянками жена феодала в своем доме... подвергается со стороны ее господина-мужа такому же унижению... что и крестьянки. И здесь именно находится почва для контактов между ними» [48]. Работая над решением элементарных запросов женщин (борьба с неграмотностью, создание общественных пекарен и бань в рабочих кварталах, строительство государственных школ и больниц, проведение электричества, организация кампаний прививок против эпидемических болезней и т. п.), члены комиссии заложили реальные основы будущего массового женского движения — ак-

тивного участника антиколониальной борьбы и революционных преобразований в стране.

Активная деятельность ИКП по созданию в стране широкого антифашистского фронта и организации давления снизу на правительство во многом содействовали активизации массового движения, вынудившего власти пойти на ряд существенных уступок. Так, в 1942 г. иракский парламент принял ряд дополнений к закону о труде 1936 г., предусматривавших создание арбитражных комиссий для рассмотрения производственных конфликтов, улучшение труда женщин, запрет применять детский труд и т. д. Был создан ряд правительственных учреждений, призванных ликвидировать безработицу, улучшить снабжение населения предметами первой необходимости, повысить заработную плату рабочих в соответствии с уровнем цен. В течение 1943—1946 гг. правительство Хамди аль-Пачачи освободило из заключения бо́льшую часть политических заключенных — прогрессистов. Была значительно ослаблена цензура печати. В августе 1944 г., считаясь с требованиями общественности и ростом международного авторитета Советского Союза, правительство Ирака приняло решение об обмене дипломатическими миссиями с СССР.

В условиях послевоенного подъема национально-освободительного движения в Ираке было сформировано первое правительство мирного времени во главе с Тауфиком ас-Сувейди (февраль 1946 г.), обещавшее провести в жизнь программу послевоенного переустройства, включавшую снятие запрета на деятельность ряда политических партий, легализацию деятельности профессиональных союзов, отмену цензуры печати и т. п. Были предприняты меры, направленные на распределение государственных земель среди крестьян.

ИКП: теоретическое осмысление проблем буржуазно-демократической революции и борьба за их практическое решение

Подъем национально-освободительного движения в послевоенные годы был вызван нерешенностью основного противоречия в социально-политической и экономической жизни Ирака — между потребностями прогрессивного развития, с одной стороны, и продолжающимся феодально-колониальным господством — с другой. В стране продолжался этап буржуазно-демократической революции. Ее проблемы стали предметом серьезной теоретической разработки в ИКП. Деятельность коммунистов в этом направлении ярко проявилась на I национальной конференции компартии в феврале 1944 г. и на ее I съезде в апреле 1945 г.

Важное место в работе обоих партийных форумов занял анализ международно-правового положения Ирака, внутренней си-

туации и расстановки классовых сил в стране. Задачи партии на предстоящий период ее деятельности были определены I съездом партии в Национальной хартии ИКП, разработанной Фахедом и его соратниками.

Ирак, как отмечалось в документах I национальной конференции, хотя и обладает внешними атрибутами независимого и суверенного государства, в действительности — полуколония Великобритании. Положения договора 1930 г. не только ограничивают суверенитет Ирака, но и превращают его в послушное орудие английского империализма и его политики в странах арабского и средневосточного регионов. Политическое господство класса феодалов и практически полная зависимость его внешней и внутренней политики от Великобритании выражались в отсутствии в стране элементарных демократических свобод, несмотря на формальное существование парламента и конституции [49].

Годы английского господства в Ираке были периодом медленного, но неуклонного развития капиталистических отношений в стране. Они складывались не только на базе внедренного колонизаторами в экономику Ирака капиталистического анклава (нефтедобыча, железнодорожный и морской транспорт и т. п.), но и в рамках ограниченного национального промышленного сектора. Капитализм в Ираке имел деформированный характер, его развитие сдерживали сохранение крупной феодальной собственности на землю, узость внутреннего рынка, ориентированный на нефтедобычу однобокий характер национальной экономики. Вместе с тем капиталистический уклад к середине 40-х годов уже стал ведущим, товарно-денежные отношения все активнее проникали в иракскую деревню. «Ирак, несмотря на наличие в нем отношений феодального и родо-племенного типа, переживает процесс, в ходе которого старые формы производства, присущие родо-племенной и феодальной эпохе, уступают место товарному производству. Сельскохозяйственная экономическая община патриархального типа.. занимавшаяся производством для удовлетворения собственных нужд... стала ныне производить на рынок... для экспорта за рубеж. Иными словами, иракский крестьянин... оказался привязанным к империалистическим монополиям через производимый им товар...» [50]. Феодальная верхушка шла по пути неуклонного обуржуазивания.

Выдвигая задачу превращения Ирака в подлинно независимое и суверенное государство, требуя создания условий, способных обеспечить подъем национальной промышленности и сельского хозяйства, ИКП стремилась мобилизовать народ на борьбу против английского колониализма [51]. В конкретно-исторических условиях послевоенного времени, как подчеркивалось на I национальной конференции ИКП, когда в результате беспримерного героизма Советской Армии были разгромлены германский фашизм и японский милитаризм, когда неизмеримо возрос авторитет СССР во всем мире, в том числе и на Арабском Во-

стоке, перед иракским национально-освободительным движением открывались качественно новые перспективы антиколониальной борьбы. По мнению ИКП, в этой обстановке было необходимо добиваться создания массовой общенародной организации при участии в ее деятельности коммунистов в качестве орудия мобилизации масс на борьбу за окончательную ликвидацию колониального господства и его опоры — правящей монархической клики [52].

Отметим в этой связи, что в те годы ИКП из-за отсталости крестьянских масс не выдвигала лозунга аграрной революции. Забитое иракское крестьянство, опутанное цепями феодальной эксплуатации, находившееся в плену патриархальных представлений, было еще далеко от того, чтобы понять и подхватить такой лозунг. Капитализация аграрных отношений во многом была тенденцией развития иракской деревни. Мобилизовать крестьянство на борьбу против колониального угнетения, как считали в те годы коммунисты Ирака, можно было лишь в том случае, если охранять неприкосновенность крестьянской собственности, выделить крестьянам земли из государственного фонда, предоставлять им правительственную помощь, а также добиваться ликвидации в деревне засилья ростовщиков и развития потребительской кооперации [53].

Капиталистическое развитие обусловило качественный и количественный рост иракского пролетариата. Вступление рабочего класса на арену политической борьбы привело к созданию его классового авангарда — Иракской коммунистической партии, созданию первых профсоюзов, заставило власти пойти на частичное удовлетворение прав рабочих, в частности, на принятие в 1936 г. закона о труде и в 1942 г. ряда прогрессивных дополнений к нему.

Вместе с тем периодические спады в развитии иракского рабочего движения, сравнительная легкость, с которой реакция могла наносить удары по профсоюзным организациям и даже разгромить в конце 30-х годов компартию, определялись не только молодостью формирующегося пролетариата, но и тем, что коммунисты не всегда учитывали, что «на данном этапе борьба иракского рабочего класса за свои особые задачи целиком и полностью связана с национально-освободительным движением, с борьбой за демократические права всего народа» [54]. Выступая на I национальной конференции, Фахед подчеркивал, что деятельность коммунистов в рядах рабочего движения на этапе буржуазно-демократической революции должна быть посвящена главным образом мобилизации пролетариата на создание профсоюзов и на борьбу за претворение в полном объеме положений закона о труде [55].

Создание общенародного фронта борьбы с колонизаторами и наиболее вопиющими пережитками феодализма — такова цель коммунистов Ирака, определенная I национальной конференцией и I съездом ИКП. Действуя в массах, поднимая их на борь-

бу за реализацию важнейшего лозунга коммунистов тех лет — «Свободная родина, счастливый народ», партия сплачивала вокруг себя широчайшие слои народа, становилась подлинно общенародной силой. Укрепляя свои ряды, расширяя влияние в массах, ИКП на деле содействовала возрастанию мощи патриотического движения, росту его силы и организованности, радикализации его борьбы, более четкому пониманию его участниками стоящих перед ними задач и в конечном итоге достижению победы над колониализмом. Такова диалектика задачи, поставленной Фахедом перед участниками I съезда ИКП: «Укрепляя ряды коммунистической партии, вы укрепляете ряды патриотического движения»[56].

В преддверии возобновления в стране партийной деятельности (официально разрешенной весной 1946 г.— см. ниже) ИКП уделяла немалое внимание выработке своей позиции в отношении непролетарских оппозиционных сил. В Отчетном докладе I съезду иракских коммунистов отмечалось, что силы, выступающие как оппозиционные в отношении правительства, в основе своей далеко не гомогенны. В рядах оппозиции выделяется в первую очередь группировка крайне консервативных представителей класса феодалов, антиправительственная деятельность которой направлена не на достижение социально-экономического прогресса страны и ее освобождение от колониального ига, а на возвращение себе тех министерских постов, которыми она располагала в составе прежних правительств. Это были сторонники сохранения антидемократических методов правления и развития самых тесных отношений с Великобританией, сила, враждебная национально-освободительному движению[57].

В документах съезда отмечалось, что в рядах оппозиции находятся и лица, представляющие интересы крупной буржуазии и помещиков. Оппозиция этих «хозяев ячменя и фиников», хотя и определялась их «личными и классовыми интересами», тем не менее в определенной мере совпадала с общенациональными задачами антиимпериалистической борьбы. В этом смысле, считал Фахед, ИКП может и должна находить общий язык с этими, пусть даже крайне непоследовательными элементами[58].

И наконец, к оппозиции относятся те, кого Фахед называл «патриотами, видящими необходимость реформы»,— представители средней и мелкой буржуазии, союз с которыми на этапе буржуазно-демократической революции ИКП рассматривала как важную в политическом отношении задачу[59].

Вместе с тем, стремясь к созданию самой широкой коалиции антиколониальных и антимонархических сил, ИКП не раз указывала на то, что ни одна из группировок оппозиции не была и не могла быть последовательным борцом против английского империализма и его монархических прихвостней. Новейшая история Ирака знает немало примеров их реформистской позиции, сдерживавшей революционное движение масс, лишавшей его перспектив борьбы, стремившейся к компромиссу с угнетателя-

ми. В послевоенное время они оказались на грани национальной измены в силу отсутствия в их рядах единства, нежелания вести организованную политическую борьбу, искать поддержки народа в деле противостояния режиму[60]. Их позиция в значительной степени подрывала возможности создания в Ираке единого фронта освободительной борьбы. «Долг перед родиной,— говорил на съезде Фахед,— возлагает на нас огромную ответственность... Мы должны говорить народу правду о попытках колонизаторов закрепить свое господство в стране, о происках империалистов, направленных на то, чтобы расколоть и разъединить народ, о попытках местной реакции выступить против реформ, к осуществлению которых стремится народ. Наш долг призывает нас... к активной деятельности по организации народа, к мобилизации его сил на срыв попыток тех, кто хочет сковать его свободу, оскорбить наше национальное достоинство... кто хочет сохранить свои привилегии за счет демократических свобод для народа»[61].

Идеи съезда активно пропагандировала издававшаяся с 1942 г. нелегальная газета ИКП «Аль-Каида» («Базис»).

Итак, ИКП в условиях первых послевоенных лет приступала к конкретному анализу важнейших вопросов, связанных с сущностью и задачами развивавшегося в стране революционного процесса. Партия считала, что Ирак находится на этапе буржуазно-демократической, антиколониальной и антимонархической революции, важнейшими движущими силами которого являются рабочий класс, крестьянство, городская буржуазия, определенная часть феодально-помещичьего класса. ИКП выдвигала перед собой задачу стать массовой партией и одновременно ставила вопрос о завоевании пролетариатом гегемонии в борьбе за национальную независимость. Эта цель, как считали иракские коммунисты, могла быть достигнута в ходе длительной и упорной борьбы за сплочение всех патриотических сил, на базе широкого антиколониального фронта, в рамках которого коммунисты должны были выступать в качестве наиболее последовательных борцов за коренное решение всех задач досоциалистического этапа революции. Лишь в этом случае могла быть успешной борьба за конечную цель пролетариата. Отказ от сектантского изоляционизма при непременном сохранении самостоятельности и идейной независимости коммунистического движения был тем важнейшим принципом, на основе которого коммунисты Ирака вырабатывали свое отношение к национальной буржуазии и другим непролетарским классам и слоям, а также — к сложному комплексу национальных и социальных проблем, стоявших перед их народом на этапе борьбы за достижение действительной политической независимости.

В апреле 1946 г. первое послевоенное правительство Ирака во главе с Тауфиком ас-Сувейди выдало разрешение на создание ряда партий крупной и мелкой буржуазии. Среди них — Национально-демократическая партия, выражавшая интересы

средней и мелкой буржуазии, ремесленников и интеллигенции, Партия либералов, объединявшая в своих рядах помещиков и обуржуазившихся феодалов, Партия независимости, представлявшая интересы крупной торгово-промышленной буржуазии, в рядах которой были сильны панарабисты. Представители левого крыла распавшейся группы «Ахали» Азиз Шериф и Абдель Фаттах Ибрагим создали Партию народа и Партию национального единства, в рядах которых были представлены интеллигенция, учащиеся, мелкие торговцы, ремесленники, рабочие. В 1946 г. организационно оформилась Демократическая партия Курдистана.

Иракская коммунистическая партия и ее курдская секция не получили лицензии и вынуждены были продолжать свою работу в нелегальных условиях. Вместе с тем еще в конце 1945 г., выполняя решения I национальной конференции, ИКП совместно с рядом независимых патриотов образовала Учредительный комитет Партии национального освобождения — массовой общенародной организации при участии коммунистов. В апреле 1946 г. Комитет начал легально функционировать под руководством членов ЦК ИКП Хусейна Мухаммеда аш-Шабиби, Заки Басима и Мухаммеда Хасана Абу аль-Иса. Несмотря на то что власти отказались выдать лицензию на создание упомянутой партии, ее Учредительный комитет за несколько месяцев своего существования, пользуясь единственными в своем роде легальными условиями, вел активную работу в массах, пропагандируя идеи единого демократического антиколониального фронта, мобилизуя все здоровые силы нации на борьбу за независимость, демократию и прогресс[62].

Рассмотрим один из важнейших документов иракского национально-освободительного движения той эпохи — Программу Партии национального освобождения[63], изданную и распространявшуюся ее Учредительным комитетом.

Выдвигая в качестве первоочередной задачи своей деятельности защиту национальной независимости и суверенитета, Партия национального освобождения отмечала, что реальная политическая самостоятельность Ирака немыслима без пересмотра заключенных между Ираком и Великобританией соглашений, без ликвидации английских военных баз и вывода британских войск со всей территории страны, без отказа Лондона от любых форм политических привилегий и экономических концессий на иракской территории.

Партия решительно выступала за демократизацию общественно-политической жизни Ирака, отмену законов военного времени, свободу выборов в высшие и местные органы власти, искоренение из практики повседневной жизни правовых норм, восходивших к временам османского господства.

Важное место в Программе партии занимал вопрос о создании в Ираке широкого антиколониального фронта. Партия, как отмечалось в Программе, рассматривала себя в качестве по-

следовательного борца за «укрепление национального единства между представителями всех классов и слоев народа, заинтересованных в достижении независимости Ирака, обеспечении прогресса страны и победы в ней демократического режима». Достижению этой цели должна была способствовать широкая программа демократических преобразований, предлагавшаяся Учредительным комитетом. Она предусматривала вытеснение иностранных монополий из национальной экономики и создание национальных государственных и частных компаний по разработке природных богатств страны — прежде всего нефти, а также промышленных предприятий. В Программе отмечалась насущная необходимость создания национального банка, в котором концентрировались бы вклады иракских граждан и государства, ранее депонировавшиеся в лондонских банках, и подчеркивалась также важность вывода иракского динара из зоны фунта стерлинга.

Немалое место в цитируемом документе занимали вопросы развития иракской деревни. Выступая за подъем уровня политической активности крестьянства, улучшение социально-экономических условий его жизни, развитие культуры на селе, Учредительный комитет требовал юридического закрепления прав крестьян на обрабатываемую и принадлежащую им землю, их освобождения от гнета феодалов и ростовщиков путем развития и поощрения государством сельскохозяйственного производства и создания крестьянских кооперативов.

Выдвигая ряд общедемократических требований, Учредительный комитет добивался отмены ограничений на создание рабочих профсоюзов, культурных, спортивных и профессиональных организаций, реального претворения в жизнь положений закона о труде 1936 г., введения государственной системы социального страхования при безработице, потере трудоспособности и по старости.

Учредительный комитет Партии национального освобождения был, по сути дела, первой легальной политической организацией страны, активно выступавшей в поддержку требований национальной интеллигенции, в том числе за равноправие женщины, за создание подлинно демократической национальной армии. Важное место в Программе партии занимали требования создания действительно братских отношений между представителями основных национальностей страны — арабами и курдами, развития отношений антиколониальной солидарности с арабскими странами, против деятельности сионистов в Ираке и странах арабского мира в целом, оказания необходимой материальной и моральной помощи и поддержки арабскому народу Палестины в его антиколониальной и антисионистской борьбе.

Отметим, что программные установки Учредительного комитета Партии национального освобождения были конкретизацией основных лозунгов компартии, содержавшихся в Национальной хартии ИКП, являлись страстным призывом к созданию

в стране эффективного антиколониального фронта и во многом содействовали построению его основ.

За несколько месяцев своей легальной деятельности Учредительный комитет смог издать и распространить ряд важных работ своих руководителей, содержавших точку зрения ИКП по проблемам национально-освободительного движения в стране. Выделим среди них работы Хусейна Мухаммеда аш-Шабиби «Независимость и национальный суверенитет» и «Единый национальный фронт — наш путь и исторический долг», легально опубликованные весной 1946 г.

Х. М. аш-Шабиби подчеркивал, что путь к действительно свободному и процветающему Ираку проходит через два этапа борьбы национально-патриотических сил страны: достижение политической независимости на первом этапе и радикальное решение социально-экономических задач — на втором. Этап борьбы за политическую независимость предполагал решение таких задач социально-экономического плана, которые были призваны расширить круг участников движения за подлинную независимость, включив в него представителей всех классов, заинтересованных в ликвидации неравноправных договоров с Англией, выводе из Ирака английских войск, пересмотре соглашений, предоставлявших Великобритании социально-экономические привилегии [64].

Отмечая заинтересованность самых широких кругов иракского общества в решении задачи политической независимости, Х. М. аш-Шабиби подчеркивал абсолютную необходимость достижения взаимопонимания между всеми участниками движения за национальное освобождение, за создание в стране единого антиколониального фронта, деятельность которого со всей очевидностью могла включать общие для всех отрядов освободительной борьбы цели: подлинную независимость, ликвидацию иностранных привилегий, тесное сотрудничество с другими странами Арабского Востока в рамках единой борьбы против колониального засилья, укрепление основ демократического строя, реформу административного аппарата, проведение широких демократических реформ. Решение этих задач со всей очевидностью предполагало уважение всеми участниками национально-освободительного движения организационной самостоятельности и идейной независимости друг друга, взаимное признание каждой партией или организацией права других партий и организаций на ведение борьбы за решение основных задач движения, обмен мнениями между участниками фронта и т. д.[65].

Необходимость создания единого антиколониального фронта в Ираке, включающего все патриотические партии и организации страны, и решительный отказ коммунистов от идеи создания «единой национальной партии» определялись Х. М. аш-Шабиби прежде всего тем, что каждая политическая партия или организация, вступающая в состав фронта, выражает интересы определенного класса или союза классов, ставящих перед со-

бой свои собственные тактические и стратегические цели. Поэтому каждый отряд антиколониального фронта «обладает демократическим правом на сохранение собственной организационной структуры, своего политического лица и права отстаивать интересы определенного класса или социальной группы в рядах национального движения. Отказ от признания за каким-либо отрядом этого права лишает его возможности сыграть самостоятельную роль в рамках национального движения и в конечном итоге лишает единый антиколониальный фронт силы и эффективности, а также возможности быть одновременно и национальным, и демократическим...» [66].

По сути дела, иракские коммунисты вели огромную работу по теоретическому осмыслению ситуации в стране и творческому применению в специфических условиях Ирака важнейшего положения политики международного коммунистического и рабочего движения в отношении угнетенных народов. Выступая инициаторами создания единого антиколониального фронта, коммунисты отнюдь не стремились использовать его в качестве средства увеличения численного состава и влияния своей партии. Более того, они принимали как реальный факт, что национальная буржуазия, возглавлявшая освободительное движение, станет также у руководства фронтом. Тем самым коммунисты доказывали, что являются наиболее последовательными и решительными борцами за свободу своей родины. Их политика в полной мере отвечала духу известного ленинского высказывания: «Коммунистический Интернационал должен идти во временном союзе с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не сливаться с ней и безусловно охранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной его форме» [67].

Одним из важнейших аспектов деятельности иракских коммунистов, направленной на создание в стране антиколониального фронта и демократизацию социально-политической жизни, являлась разработка проблем, связанных с решением арабского национального вопроса и отношением компартии к сионизму. ИКП была тогда первой и единственной политической партией страны, анализировавшей эти вопросы, рассматривая их в качестве важнейшего способа мобилизации масс на противостояние империализму и правящей монархической клике. Огромный личный вклад в решение этих вопросов внес Фахед.

ИКП считала необходимым всемерно развивать общественные связи между организациями рабочих, студентов и интеллигенции арабских стран в интересах углубления борьбы их народов за дальнейшую демократизацию общественной жизни, против деспотических методов правления. Коммунисты Ирака видели свою задачу в развитии экономического сотрудничества между странами арабского региона в интересах процветания арабских народов, в борьбе за ликвидацию империалистического засилья в экономике арабских стран, за дальнейший подъ-

ем материального уровня трудящихся [68]. Ни одна политическая партия Ирака тех лет таких задач не выдвигала.

В середине 40-х годов ИКП, по сути дела, ставила вопрос, находящийся и поныне в центре внимания коммунистов арабских стран,— существует ли арабское национально-освободительное движение, если да, то каков его состав, что связывает различные отряды освободительной борьбы, действующие в различных арабских странах, резко отличающихся друг от друга уровнем политического и социально-экономического развития. ИКП рассматривала освободительную борьбу в каждой из стран арабского мира как неотъемлемую часть общеарабского национально-освободительного движения, которое, в свою очередь, выступало как совокупность всех антиколониальных движений Арабского Востока. Тем самым отнюдь не отрицалась специфика тех условий, в которых действовало национально-освободительное движение в каждой отдельно взятой арабской стране, напротив, подчеркивалась диалектическая связь между успехами или неудачами этого движения в той или иной из них и прогрессом освободительной борьбы в арабском мире в целом [69].

Еще в 1935 г. коммунисты арабских стран, в том числе иракские, выдвинули идею демократического союза арабских стран. Разъясняя ее содержание, Фахед отмечал, что такой союз должен быть объединением независимых арабских стран при условии сохранения каждой из них той формы государственной власти, которая будет избрана ее народом. Такой союз должен был оказать помощь угнетенным арабским странам в их борьбе за независимость [70].

Конкретизируя задачу укрепления контактов и сотрудничества между народными массами и патриотическими силами Ирака и других арабских стран, ИКП исходила из общих черт, присущих всем движениям за национальную независимость на Арабском Востоке, составлявшим в своей совокупности арабское национально-освободительное движение. Общим для всех был враг — европейские державы-колонизаторы и поддерживаемые ими сионисты; общим был и союзник — Советский Союз, решающий вклад которого в дело победы над державами фашистской «оси» открыл перед арабскими странами реальную перспективу достижения победы над колонизаторами. Иракские коммунисты были первыми в стране, провозгласившими необходимость установления отношений с СССР, который в дальнейшем своей моральной и материальной поддержкой содействовал становлению независимой Иракской Республики.

Такой подход к вопросу об арабском национально-освободительном движении отвечал ленинским указаниям о роли и месте национального вопроса в антиимпериалистическом движении масс, являлся конкретизацией выводов известной резолюции Секретариата ИККИ от 28 февраля 1936 г. «О связи и взаимоотношениях между компартиями арабских стран» [71].

Идея демократического, антиколониального и антифеодального союза арабских стран получила свое дальнейшее развитие в деятельности ИКП в начале 40-х годов. Падение престижа Великобритании в странах арабского мира из-за ее военных неудач в начале второй мировой войны, «англо-иракской войны» в мае 1941 г., а также германо-итальянских деклараций о «поддержке» освободительных движений на Ближнем Востоке побуждало английское правительство апеллировать к национальным чувствам арабов. В конце мая 1941 г. министр иностранных дел Англии А. Иден выступил с заявлением о поддержке его правительством идеи арабского единства. Проекты «единства», разрабатывавшиеся Англией при участии проводников ее политики на Ближнем Востоке Нури Саида и эмира Трансиордании Абдаллаха, предусматривали создание «Великой Сирии» с включением в ее состав Трансиордании, Палестины, Сирии и Ливана, а в дальнейшем — после присоединения к ней Ирака — федерации «Благодатного полумесяца». Ведущая роль в планировавшемся государстве закреплялась за хашимитскими династиями Ирака и Трансиордании. Интересы Великобритании в нем должны были быть гарантированы с помощью договора, аналогичного англо-иракскому договору 1930 г.[72].

Выступая против планов продления британского колониального господства, коммунисты Ирака подчеркивали антинародный и антинациональный характер идеи такой федерации, выдвинутой в результате сговора между монархами ряда арабских стран и Англией. Подлинная причина того, что английские колонизаторы и феодально-монархические круги намеревались создать угодную им федерацию, определялась стремлением сбить волну невиданного в истории арабского мира подъема антиимпериалистического движения в послевоенный период[73].

Коммунисты Ирака (а не Нури Саид и стоявшие за ним хашимитские правители) являлись в те годы подлинными выразителями интересов своего народа. Именно ИКП, а не иная политическая сила, доказывала тогда, что подлинный союз, а в дальнейшем и единство арабских стран, может быть достигнут лишь на основе свободного волеизъявления арабских народов, а не на базе сговора между монархами и феодальными правителями. Союз, к которому они призывали в те годы, должен был опираться на «всемирное демократическое движение», а его основой должны были быть не государства — вассалы европейского империализма, а действительно суверенные, демократические государства, ориентирующиеся в своей внешней политике на силы мира и прогресса. Содержанием же их внутренней политики должна была стать подлинная забота об улучшении жизни трудящихся. В «союзе свободных арабских государств» не должно быть места угнетению национальных меньшинств,— наоборот, должно быть гарантировано развитие их языков и культурных традиций[74].

Эта точка зрения ИКП являлась претворением в жизнь ле-

нинских выводов о путях решения национального вопроса в эпоху империализма. Коммунисты Ирака считали, что тесный союз, а затем и арабское единство возможно лишь на путях поддержки такого курса в решении национального вопроса, который был бы способен наиболее полно отразить интересы трудящихся, т. е. на демократической и социалистической, но отнюдь не на феодальной, полуфеодальной или авторитарной буржуазной основе.

Важной вехой в истории борьбы коммунистов Ирака за мобилизацию масс на противостояние английскому империализму, за демократизацию социально-политической жизни страны явилась их деятельность по созданию Антисионистской лиги — массовой антиимпериалистической организации, которая была организационно оформлена в начале сентября 1945 г.[75].

По поручению ЦК ИКП задача создания Лиги была возложена на коммунистов — представителей еврейского национального меньшинства. Высший орган Лиги — Административный совет возглавил видный деятель багдадской еврейской общины — Иосиф Залха[76]. 16 марта 1946 г. Антисионистская лига была легализована правительством Тауфика ас-Сувейди и тогда же начала издавать свою газету «Аль-Усба» («Лига»). Ее отделения возникли в Багдаде, Басре и других городах Ирака.

Антисионистская лига создавалась не только как организация, стремившаяся вести работу в еврейских общинах, хотя в ее руководстве и на местах и преобладали иракцы еврейского происхождения — выходцы из различных классов и слоев общества, представители различных политических партий и организаций, а также беспартийные. Она была открыта для представителей всех национальностей страны, в полной мере осознающих, как гласил ее Устав, опасность сионизма «для национальной жизни», «необходимость борьбы с сионизмом, разоблачения его деятельности и замыслов в массах иракского народа, в частности среди евреев»[77].

Действуя как организация антиимпериалистическая и патриотическая, Лига видела свою важнейшую задачу не только в противостоянии сионистской деятельности внутри Ирака, но в первую очередь в том, чтобы ликвидировать ту почву, на которой сионистские идеи находили благоприятный отклик,— угнетенное положение еврейского меньшинства, антидемократическое законодательство, раздувавшиеся правительством и англичанами межнациональные и межрелигиозные распри, направленные на то, чтобы сбить накал антиколониального движения. Действуя вместе со всеми патриотическими силами, Лига стремилась «покончить с межобщинными раздорами... добиться взаимопонимания между всеми гражданами Ирака... дать подлинно научное объяснение тех социальных причин, которые вызывают недовольство в рядах еврейской общины и эксплуатируются сионистами»[78].

Таким образом, в условиях полуколониального и отсталого Ирака коммунисты активно искали и находили такие формы и методы вовлечения рабоче-крестьянских масс в антиколониальное и антимонархическое движение, которые соответствовали существовавшей в те годы в Ираке обстановке. В решении вопроса о соотношении классовых и национальных задач пролетариата на этапе буржуазно-демократической революции иракские коммунисты обращались к многогранному ленинскому наследию, и в частности к известному указанию В. И. Ленина о том, что первейшей задачей коммунистов колониальных и зависимых стран является создание массовых национально-революционных «непартийных» организаций трудящихся [79]. Дальнейшее развитие это указание В. И. Ленина нашло в теоретической и практической деятельности Коммунистического Интернационала. «Непартийные» организации, способные приобрести подлинно народный и антиимпериалистический характер, могли и должны были стать союзниками коммунистов в борьбе против колониального ига и феодальных пережитков, за подлинную независимость и демократию, а потом и за преодоление капитализма. Создание «некоммунистических организаций» революционного характера в условиях Ирака того времени (Антисионистская лига, а также в определенной степени Учредительный комитет Партии национального освобождения) оказалось возможным благодаря существованию ИКП, а также мощному подъему движения за национальное освобождение в послевоенный период.

Создание Антисионистской лиги представляло собой конкретное выражение политики ИКП, направленной на установление тесных союзнических отношений между всеми отрядами борцов против колониального угнетения в странах Арабского Востока. В целом эта линия в деятельности иракских коммунистов отвечала задачам коммунистических партий арабских стран, которые были определены решением Секретариата ИККИ от 28 февраля 1936 г. В нем указывалось, что ближайшей целью арабского национально-освободительного движения является изгнание чужеземных поработителей и достижение политической независимости каждой из стран арабского региона. В условиях реально существующих исторических и языковых связей между населением этих стран, общности их культуры выдвигалась задача, как подчеркивал Г. Димитров, достижения «контакта» между различными отрядами арабского освободительного движения в интересах взаимопомощи в ходе антиимпериалистической борьбы и борьбы за подлинную демократию [80].

Проблема состояла не только в том, чтобы не допустить распространения в рядах иракских евреев сионистских идей, чем занимались эмиссары Еврейского агентства на территории Ирака [81], Антисионистская лига ставила перед собой значительно более широкую задачу — мобилизации масс на ликвидацию неравноправного положения еврейского национального меньшин-

ства в стране. Эта задача могла быть решена только на путях бескомпромиссной борьбы с засильем в стране английского империализма, политика которого обеспечивала претворение в жизнь сионистских притязаний на Палестину, на путях борьбы за создание в Ираке подлинно демократических институтов государства и общества, что было немыслимо без решительной ликвидации пережитков феодализма и влияния его политического представителя — монархической клики. Борясь за радикальное решение задач буржуазно-демократической революции, иракские коммунисты, настоящие патриоты страны, вносили таким образом важнейший вклад в дело справедливого решения палестинского вопроса.

Рассмотрим в этой связи некоторые документы Антисионистской лиги. В петиции основателей Лиги, направленной в сентябре 1945 г. министру внутренних дел Ирака с просьбой о легализации организации, содержался ряд положений, которым руководствовались подписавшие ее лица.

Во-первых, выяснялся вопрос об исторических корнях еврейской проблемы. Указывалось, что она порождалась «социальным строем общества». Антисемитизм, отмечалось в петиции, менее всего является следствием «религиозных или расовых различий, равно как и различий в области обычаев и морали». Авторы этого документа писали, что «евреи всегда были козлом отпущения для тех, кто стремился сохранить свои привилегии, кто стремился паразитировать на крови народа. Направляя обращенную против них ярость народных масс на евреев, они стремятся спасти самих себя и собственные привилегии. Этот же способ лежит в основе их стремления задушить любое свободолюбивое и прогрессивное движение»[82]. Решение еврейского вопроса возможно, таким образом, лишь на основе «решения проблем той страны, где проживают евреи».

Во-вторых, разоблачалась сущность сионизма, который отнюдь не является радикальным способом решения еврейского вопроса, а представляет собой «колониальное и эксплуататорское движение». Лидеры сионизма стремятся лишь к «новым прибылям и выгодам» и ради удовлетворения своих целей готовы «пожертвовать еврейскими массами», которых они якобы хотят «избавить от гнета».

В-третьих, рассматривались цели сионистского движения. В петиции говорилось, что сионизм не мог бы иметь успеха, если бы не существовало «чувства ущербности среди еврейских народных масс,— чувства, в основе которого лежит политика привилегированных лиц, стремящихся отвратить от себя гнев народа». Естественные союзники — сионисты, реакционеры и империалисты,— интересы которых требуют сознательного отождествления евреев с сионистами, стремятся тем самым «расколоть единство страны и нанести удар по развивающемуся в ней национально-освободительному движению».

В-четвертых, рассматривались смысл и задачи борьбы с сио-

низмом. Авторы петиции писали, что борьба против сионизма и его союзников отвечает интересам «национально-освободительных движений во всех арабских странах». В ходе этой борьбы создаются реальные предпосылки обретения «полной независимости этих стран», в том числе Палестины. Решение же палестинской проблемы, как считали авторы петиции, возможно лишь на основе сотрудничества между арабской и еврейской общинами страны, прекращения еврейской иммиграции в Палестину, борьбы против скупки сионистами принадлежащих арабам земель, создания в Палестине независимого демократического государства, в котором были бы гарантированы права всех его граждан, как арабов, так и евреев.

Одним из важнейших документов Антисионистской лиги являлась опубликованная в газете «Аль-Усба» серия статей Генерального секретаря ИКП Фахеда под общим заголовком «За кого и против кого мы боремся?». Анализируя классовые корни сионистского движения, давая резкую отповедь тем, кто пытался поставить знак равенства между сионизмом и еврейским населением Ирака и других арабских стран, Фахед доказывал наличие органического единства интересов сионизма, империализма Великобритании и США, а также арабских реакционеров[83].

Определяя сионизм как «верного выразителя классовых интересов и устремлений еврейского капитала в Англии и США, а также англо-американских империалистических монополий», Фахед подчеркивал, что основным источником сионистской идеологии являются буржуазный национализм и в немалой степени «расистская ненависть». «Опорой сионистов» в арабском мире, как он писал, были «британские военные базы» и «правительства, созданные не на основе подлинно демократических выборов и волеизъявления народов». Успехи сионистов в Ираке и других странах арабского региона объяснялись «отсутствием подлинно демократических свобод, лишением масс возможности создания собственных политических партий и ассоциаций, отсутствием у рабочего класса возможности создать свою политическую партию». Традиционная политика арабских правительств, ратовавших за дружбу и сотрудничество с Великобританией, исчерпала себя. Успех в противостоянии сионизму мог быть достигнут только при опоре на народы стран Арабского Востока, только в борьбе с реакционными правителями арабских стран. «Подлинный резерв арабской нации — ее народные массы... В нынешних же условиях реакция ставит их возможности на службу целям империализма — своего естественного союзника и тем самым на службу международному сионизму и его замыслам».

Резко выступая против курса «экономического, политического и идейного порабощения», проводимого сионистами по отношению к еврейским массам, Фахед в то же время давал решительный отпор националистическим измышлениям, господст-

вовавшим в то время среди части иракского общества, согласно которым сионистская деятельность в Палестине являлась якобы «еврейским заговором против арабов».

Статьи «За кого и против кого мы боремся?» были одним из первых в арабском мире политических документов, содержавшим действительно классовый, принципиально ленинский подход к анализу сущности сионизма. Этот подход был продиктован искренней заботой ИКП о судьбах арабского национально-освободительного движения, будущем Ирака и его народа.

21 ноября 1945 г. руководство Антисионистской лиги направило обращение к правительствам ряда арабских стран, а также главам государств трех великих держав. В нем, в частности, говорилось: «Нынешнее иракское правительство заявляет, что оно поддерживает палестинских арабов в их борьбе против сионизма... на самом же деле иракский народ ежедневно убеждается в том, что иракское правительство лишает его возможности действительной поддержки палестинских арабов... Правительство запрещало и запрещает проводить митинги в поддержку дела Палестины, оно не разрешило Антисионистской лиге провести массовый митинг в день годовщины публикации декларации Бальфура, силы безопасности заняли в этот день помещения профсоюзов с целью не допустить собраний рабочих, были запрещены демонстрации в пользу палестинцев... Иракское правительство пытается скрыть подлинных виновников трагедии арабского народа Палестины. Оно покрывает главного виновника — британский колониализм, оно покрывает сионистское движение... и одновременно стремится представить евреев арабских стран, не имеющих ничего общего с колониалистскими устремлениями сионистов, в качестве виновников этой трагедии...» [84].

Деятельность Лиги не ограничивалась публикациями. По ее инициативе в период с сентября 1945 по май 1946 г. был проведен ряд массовых митингов и демонстраций антисионистского и антиимпериалистического характера. Газета Лиги «Аль-Усба» играла важную роль в мобилизации масс на борьбу за независимость Ирака, ликвидацию англо-иракского договора 1930 г., сплочение патриотических сил, выступавших с требованием демократизации общественной жизни. Антисионистская лига Ирака поддерживала и развивала тесные отношения с прогрессивными арабскими организациями Палестины, среди которых были Лига национального освобождения, Конгресс арабских рабочих Яффы, Ассоциация арабских рабочих Газы. Деятельность антисионистской лиги Ирака в немалой степени способствовала созданию в Египте Еврейской антисионистской ассоциации [85].

В мае 1946 г. правительство Аршада аль-Умари, пришедшее на смену правительству Т. ас-Сувейди, запретило Антисионистскую лигу и обрушило удар по патриотическому движению страны в целом. Был начат новый «поход против коммунизма».

В июне 1946 г. глава Административного совета Лиги Иосиф

Залха и член Совета Мухаммед Хасан Абу аль-Ис, будучи в заключении, смогли тем не менее направить Генеральному секретарю Лиги арабских стран и ряду прогрессивных организаций арабского мира письменный протест против роспуска Лиги.

В документе говорилось, что главная причина роспуска Лиги состояла в ее антиимпериалистической деятельности. В самом деле, Лига требовала передать палестинский вопрос на рассмотрение Совета Безопасности ООН, в то время как иракское правительство считало его решение исключительной прерогативой Великобритании. Более того, Лига добивалась аннулирования английского мандата на Палестину, а также отказа от декларации Бальфура. Она неоднократно призывала запретить использование иракской территории для переброски дополнительных контингентов английской армии в Палестину и предпринимала практические меры для того, чтобы созвать конференцию прогрессивных сил арабского мира для разработки конкретных планов прекращения сионистской деятельности в Палестине. Лига, как подчеркивалось в документе, явилась инициатором ряда массовых выступлений в защиту арабского населения Палестины, против визитов в Ирак сионистских эмиссаров. Все это вызывало ответные действия со стороны иракской реакции и ее империалистических покровителей. Иракская монархическая клика не могла мириться с ростом популярности газеты «Аль-Усба», ставшей одним из ведущих печатных изданий страны. Ее пугало и то, что деятельность Лиги объединяла усилия всех иракских патриотов вне зависимости от их национальной или религиозной принадлежности в борьбе за подлинную независимость и суверенитет страны. Антисионистская лига — и это не могло остаться незамеченным реакционерами — становилась реальной основой создания «единого фронта борьбы с империализмом и сионизмом»[86].

Активная работа иракских коммунистов по сплочению всех патриотических сил страны в едином фронте противников колониального господства и монархической клики, их успешная разработка проблем буржуазно-демократической антиколониальной революции, на пороге которой в те годы стоял Ирак, во многом были факторами, содействовавшими подъему национально-освободительной борьбы в стране в первые послевоенные годы. В 1945—1946 гг. идея единого фронта, активно пропагандировавшаяся коммунистами на страницах нелегального органа ИКП газеты «Аль-Каида», а также через легальные издания Учредительного комитета Партии национального освобождения и Антисионистской лиги, начинала завоевывать себе сторонников среди представителей всех партий оппозиции, официально разрешенных правительством Т. ас-Сувейди. Стремясь к единству действий всех отрядов патриотического движения, ИКП решительно поддержала инициативу известного иракского поэта Мухаммеда Махди аль-Джавахири, владельца газеты «Ар-Рай аль-Амм», предложившего в начале 1946 г. образовать союз

всех партий, заинтересованных в изгнании из страны английских империалистов. Коммунисты считали, что выдвинутая ими платформа союза оппозиционных партий, предусматривавшая единство их действий за расширение политических свобод, отмену законов военного времени, свободу печати и собраний, защиту независимости и суверенитета Ирака, является той основой, на которой может быть создан эффективный общенациональный фронт борцов против империализма [87].

В сентябре 1946 г. в Багдаде собралось секретное совещание представителей шести оппозиционных партий, созванное по инициативе ИКП. Участники совещания обменялись мнениями относительно новой ситуации, сложившейся в стране после прихода к власти правительства А. аль-Умари (май 1946 г.), а также о тактике борьбы с реакцией. В ходе совещания было признано целесообразным проводить совместные консультации и в дальнейшем [88].

Был сделан, следовательно, практический шаг к созданию единого фронта. Однако в те годы его не удалось создать. Немалую роль в срыве начавшейся работы сыграла колеблющаяся позиция национальной буржуазии. В состав сформированного в ноябре 1946 г. Нури Саидом нового «временного» правительства, целью которого являлись «подготовка и проведение свободных парламентских выборов», вошли представители Партии либералов и Национально-демократической партии, участвовавших в сентябрьском совещании партий оппозиции [89]. Деятельность по созданию фронта осложнялась и слабостью рабочего класса, который не мог в одиночестве отстоять дело союза всех патриотов. Летом 1946 г. патриотические силы Ирака, и прежде всего ИКП, подверглись жесточайшему удару со стороны реакции.

Конец 1946 — начало 1947 г. были одним из сложнейших периодов в жизни иракских коммунистов. 18 января 1947 г. был арестован Генеральный секретарь партии Фахед и ряд членов ЦК. Массовые аресты коммунистов были проведены по всей стране. Их участь разделили многие руководители и активисты Партии народа и Партии национального единства.

14 февраля 1949 г. были казнены Юсеф Сальман Юсеф (Фахед) и член ЦК ИКП Хусейн Мухаммед аш-Шабиби. На следующий день был казнен член ЦК ИКП Заки Мухаммед Басим.

Удар по партии отнюдь не означал победы реакции. Предсмертные слова Фахеда: «Коммунизм сильнее смерти и выше виселиц» — оказались пророческими. ИКП доказала своей дальнейшей борьбой, что идеи марксизма-ленинизма прочно укоренились на земле Ирака. Несмотря на преследования и репрессии, ее ряды и авторитет в массах непрерывно росли.

Роль коммунистов как подлинно национальной силы была вновь доказана в ходе январского восстания 1948 г. против заключения иракским правительством Портсмутского договора с Великобританией. Действуя в обстановке антикоммунистической

истерии и террора, иракские коммунисты вели последовательную и кропотливую работу по сплочению всех национально-патриотических сил страны на борьбу за радикальное решение задач антиимпериалистической и антифеодальной революции. Это со всей очевидностью проявилось в ходе массового восстания в ноябре 1956 г., явившегося генеральной репетицией антиимпериалистической революции 14 июля 1958 г., которая открыла перед страной путь к освобождению от империалистического влияния, к укреплению национальной независимости, демократии и социальному прогрессу.

[1] *Куперман М.* Рабочее движение в Ираке.— Революционный Восток. 1934, № 6, с. 85.

[2] Ирак.— Материалы по национально-колониальным проблемам. М., 1932, № 32, с. 73—75.

[3] *Куперман М.* Рабочее движение в Ираке, с. 85.

[4] Там же, с. 91.

[5] *Хейри З.* Турас Фахед.— Предисловие к: Мин васаик аль-хизб аш-шуюъий аль-иракий. Муалляфат ар-рафик Фахед. Багдад, 1974. с. «ха».

[6] Там же, с. «ха» — «вав».

[7] О группе «Ахали» см.: *Аль-Иди Х.* Группа «Ахали» в Ираке (1932—1937 гг.).— История и экономика стран Арабского Востока и Северной Африки. М., 1975, с. 346—363.

[8] *Хейри З.* Арабские страны и Великий Октябрь.— Влияние Великого Октября на развитие мирового коммунистического движения. М., 1977, с. 528.

[9] Юсеф Сальман Юсеф (Фахед) — основатель ИКП, Генеральный секретарь партии с 1945 г. (избран на I съезде). В 1949 г. казнен по приговору монархических властей. О биографии Фахеда см.: *Хейри С.* Фахед ва ан-нахдж аль-марксий-лениний фи кадая ас-саура. Багдад, 1973, с. 5—32; о роли Фахеда в создании и руководстве ИКП см. также работу Первого секретаря ЦК ИКП Азиза Мухаммеда: *Мухаммед А.* Хазихи сиясатуна.— Ан-Нахдж. [Б. м.], 1985, № 9. с. 90—91.

[10] *Аль-Джазаири З.* Шабаб Фахед ва саба аль-харака аш-шуюъиия фи аль-Ирак.— Ас-Сакафа аль-Джадида. [Б. м.], 1981, № 132, с. 25—26.

[11] См.: *Резников А. Б.* Стратегия и тактика Коммунистического Интернационала по национально-колониальному вопросу. Проблемы теории и истории. М., 1978, с. 277.

[12] *Аль-Джазаири З.* Шабаб Фахед ва саба аль-харака аш-шуюъийя фи аль-Ирак, с. 26.

[13] Там же.

[14] Цит. по: Ас-Сакафа аль-Джадида. 1981. № 132, с. 75—76.

[15] *Moustapha S. (Baghdad).* «L'Insurrection» assyrienne et les machinations des imperialistes français et anglais.— Correspondances Internationales. 1933, № 75—76, c. 931.

[16] *Аль-Джазаири З.* Шабаб Фахед ва саба аль-харака аш-шуюъийя фи аль-Ирак, с. 25.

[17] См.: *Хамада С.* Аль-Интифада аль-фалляхийя аль-мусалляха фи Сук аш-Шуюх амм 1935.— Ас-Сакафа аль-Джадида. Багдад, 1975, № 10, с. 10—17.

[18] *Бит-Юхан С.* Революционное восстание в Ираке.— Революционный Восток. 1935, № 4, с. 52.

[19] Текст см.: «Ас-Сакафа аль-Джадида». [Б. м.], 1981, № 132, с. 71—72; см. также *Бит-Юхан С.* Революционное восстание в Ираке, с. 54.

[20] «Ас-Сакафа аль-Джадида». [Б. м.], 1981, № 132, с. 69—70.

[21] *Бит-Юхан С.* Революционное восстание в Ираке, с. 62—63.

[22] Фи лика маа ар-рафик Заки Хейри ва хадис ан бидайят ас-сахафа аш-шуюъийя ас-сиррийя.— Ас-Сакафа аль-Джадида. 1980, № 122, с. 28.

[23] *Витол Р.* Государственный переворот в Ираке.— Революционный Восток. 1937, № 1, с. 87.

[24] Там же, с. 87—88.

[25] Бавакер аль-харака аль-ватанийя ва ат-такаддумийя фи аль-Ирак.— Ас-Сакафа аль-Джадида. Багдад, 1978, № 108, с. 92.

[26] *Абуд С.* Борьба за демократию в Ираке и за всеобщий мир.— Коммунистический Интернационал. 1937, № 1, с. 95—96.

[27] Бавакер аль-харака аль-ватанийя ва ат-такаддумийя фи аль-Ирак, с. 93—94.

[28] *Абуд С.* Борьба за демократию в Ираке и за всеобщий мир, с. 95.

[29] Там же.

[30] *Федченко А. Ф.* Ирак в борьбе за независимость (1917—1969). М., 1970, с. 67.

[31] Correspondances Internationales. 1937, № 23, с. 561.

[32] См.: *Хейри С.* Мин тарих аль-харака ас-саурийя аль-муасыра фи аль-Ирак (1920—1958). Багдад, [б. г.], с. 79.

[33] См.: *Левинсон Г. И.* Вторая мировая война и политика Коминтерна на Востоке.— Коминтерн и Восток. Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. М., 1969, с. 176—177.

[34] *Хейри С.* Мин тарих аль-харака ас-саурийя аль-муасыра фи аль-Ирак, с. 80—81.

[35] *Умм Салям.* «Аш-Шарара»: джаридат аль-хизб ас-сиррийя.— Ас-Сакафа аль-Джадида. Багдад, 1974, № 57, с. 41.

[36] Там же, с. 39—40.

[37] Такрир аль-леджна аль-марказийя лиль хизб аш-шуюъий фи иджтимаиха аль-мунъакад фи канун аль-авваль 1942.— Мин васаик аль-хизб аш-шуюъий аль-иракий. Муалляфат ар-рафик Фахед. Багдад, 1974, с. 393—395.

[38] Там же. с. 391—393.

[39] *Умм Салям.* «Аш-Шарара»: джаридат аль-хизб ас-сиррийя, с. 47—48.

[40] См.: *Федченко А. Ф.* Ирак в борьбе за независимость, с. 92—94.

[41] *Фахед.* Халль аль-умамийя аш-шуюъийя ва аль-ваджибат аль-мутараттаба аля хизбина.— Мин васаик аль-хизб аш-шуюъий аль-иракий. Муалляфат ар-рафик Фахед, с. 357—360.

[42] Баян аль-хизб аш-шуюъий аль-иракий иля уммаль ас-сикак аль-хадидийя [28 шуббат 1946].— Ас-Сакафа аль-Джадида. [Б. м.], 1981, № 132, с. 77—79.

[43] Кыссат идраб Гаварбаги.— Ас-Сакафа аль-Джадида. [Б. м.], 1982, № 139, с. 34—47; см. также *Хачатур А.* Мин таджаруб шахсыйя фи аль-амаль ан-никабий аль-уммалий фи аль-Ирак. [Б. м.], 1984, с. 17—18.

[44] *Абдель Рида М.* Аль-Кадыйя аль-курдийя... худур джадид ва ахдаф адиля.— Ас-Сакафа аль-Джадида. [Б. м.], 1984, № 154, с. 31.

[45] *Федченко А. Ф.* Ирак в борьбе за независимость, с. 96.

[46] *Абдель Рида М.* Аль-Кадыйя аль-курдийя... худур джадид ва ахдаф адиля, с. 31—32.

[47] Фалляхун... шуюъийюн хамалю шуалят аль-хизб.— Ас-Сакафа аль-Джадида. 1984, № 152, с. 80—81; см. также: *Аль-Казыми Н. С.* Аль-Хазб аш-шуюъий ва аль-масъаля аз-зираийя фи аль-Ирак фи аль-фитра ма бейна 1938 ва 1958.— Ан-Нахдж. [Б. м.], 1985, № 10, с. 185—190.

[48] Матбаат аль-хизб, мухакамат ар-рафик Фахед, авваль танзым нисуий, ас-сиджн.— Ас-Сакафа аль-Джадида. 1982, № 139, с. 62—65.

[49] Такрир алькаху ар-рафик Фахед амама муатамар (конферанс) аль-авваль амм 1944.— Мин васаик аль-хизб аш-шуюъий аль-иракий. Муалляфат ар-рафик Фахед, с. 92—94.

[50] Там же, с. 97—98.

[51] Аль-Мисак аль-ватаний лиль хизб аш-шуюхий аль-иракий.— Мин васаик аль-хизб аш-шуюъий аль-иракий. Муалляфат ар-рафик Фахед, с. 123—124.

[52] Такрир алькаху ар-рафик Фахед амама муатамар (конферанс) аль-авваль амм 1944, с. 90—91.

[53] Аль-Мисак аль-ватаний лиль хизб аш-шуюъий аль-иракий, с. 124.

[54] Такрир алькаху ар-рафик Фахед амама муатамар (конферанс) аль-авваль амм 1944, с. 100—101.

[55] Аль-Мисак аль-ватаний лиль хизб аш-шуюъий аль-иракий, с. 124—125.

[56] *Фахед.* Хитаб аль-ифтитах алькаху ар-рафик Фахед ас-секретер аль-амм лиль хизб аш-шуюъий аль-иракий инда инъикад аль-муатамар аль-ватаний аль-авваль (амм 1945).— Мин васаик аль-хизб аш-шуюъий аль-иракий. Муалляфат ар-рафик Фахед, с. 129.

[57] *Фахед.* Такрир ар-рафик Фахед (хауля аль-вадъ аль-алямий ва ад-дахилий) алькаху фи аль-муатамар аль-ватаний аль-авваль лиль хизб аш-шуюъий аль-иракий.— Мин васаик аль-хизб аш-шуюъий аль-иракий. Муалляфат ар-рафик Фахед, с. 136—137.

[58] Там же, с. 137.

[59] Там же.

[60] Там же, с. 137—138.

[61] Там же, с. 140.

[62] *Хейри З., Хейри С.* Тарих аль-хизб аш-шуюъий аль-иракий. [Б. м.], 1984, с. 164.

[63] Здесь и далее программа Партии национального освобождения цитируется по: *Хейри С.* Мин тарих аль-харака ас-саурийя аль-муасыра фи аль-Ирак, с. 126—130.

[64] Там жс, с. 131.

[65] Там же, с. 132—133.

[66] Там же, с. 135.

[67] *Ленин В. И.* Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам.— Полное собрание сочинений. Т. 41, с. 167.

[68] Аль-Мисак аль-ватаний лиль хизб аш-шуюъий аль-иракий, с. 126—127.

[69] См. в этой связи: *Фахед.* Любнан.— Мин васаик аль-хизб аш-шуюъий аль-иракий. Муалляфат ар-рафик Фахед, с. 412—426.

[70] См.: *Фахед.* Аль-Вахда аль-арабийя ва аль-иттихад аль-арабий.— Мин васаик аль-хизб аш-шуюъий аль-иракий. Муалляфат ар-рафик Фахед, с. 326.

[71] См.: *Резников А. Б.* Из истории борьбы за единый антиимпериалистический фронт на Востоке (после 7-го конгресса Коммунистического Интернационала).— Коммунистические партии развивающихся стран в борьбе за единый фронт. М., 1976, с. 22—23.

[72] См.: *Федченко А. Ф.* Ирак в борьбе за независимость, с. 90—91.

[73] См.: *Фахед.* Аль-Вахда аль-арабийя ва аль-иттихад аль-арабий, с. 331—332.

[74] Там же, с. 333—334.

[75] *Хейри З., Хейри С.* Тарих аль-хизб аш-шуюъий аль-иракий, с. 164—165.

[76] *Ясин Абделькадер.* Усбат мукафахат ас-сухъюнийя фи аль-Ирак.— Шуун фалястынийя. Бейрут, 1972, № 15, с. 162. Цитируемая статья палестинского исследователя в 1973 г. была перепечатана теоретическим органом ИКП журналом «Ас-Сакафа аль-Джадида». Багдад, 1973, № 44, с. 137—156.

[77] Цит. по: *Ас-Сафи А. Р.* Кифахуна дыдд ас-сухъюнийя. [Б. м., б. г.], с. 56.

[78] Там же, с. 56—57.

[79] См.: *Ульяновский Р. А.* Единый антиимпериалистический фронт (исторический опыт и перспективы) — вместо введения.— Коммунистические партии развивающихся стран в борьбе за единый фронт. М., 1976, с. 6; *он же.* О некоторых вопросах марксистско-ленинской теории революционного процесса.— Новая и новейшая история. 1976, № 4, с. 82—83.

[80] *Резников А. Б.* Из истории борьбы за единый антиимпериалистический фронт на Востоке (после 7-го конгресса Коммунистического Интернационала), с. 22—23.

[81] Согласно данным проведенной в 1947 г. переписи населения Ирака, в стране проживало 118 тыс. лиц еврейского происхождения.— См.: *Абдо А. И., Касимийя Х.* Яхуд аль-бульдан аль-арабийя. Бейрут, 1981, с. 24.

[82] Здесь и далее петиция Антисионистской лиги цитируется по: *Ас-Сафи А. Р.* Кифахуна дыдд ас-сухъюнийя, с. 58—60.

[83] Здесь и далее материал статей «За кого и против кого мы боремся?»

цитируется по: *Ас-Сафи А. Р.* Миляфф хауля ас-сухъюниййя.— Ас-Сакафа аль-Джадида. Багдад, 1976, № 88, с. 100—102.

[84] См.: Ас-Сакафа аль-Джадида. [Б. м.], 1981, № 132, с. 65.

[85] *Ас-Сафи А. Р.* Миляфф хауля ас-сухъюниййя, с. 104.

[86] *Ясин Абделькадер.* Усбат мукафахат ас-сухъюниййя фи аль-Ирак, с. 164—165.

[87] См.: *Хейри С.* Мин тарих аль-харака ас-саурийя аль-муасыра фи аль-Ирак, с. 158—159.

[88] *Федченко А. Ф.* Ирак в борьбе за независимость, с. 111.

[89] Там же.

И. М. ТАТАРОВСКАЯ

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

Проблема соотношения реформы и революции составляет один из важнейших аспектов марксистско-ленинской теории революционного процесса, и от того, насколько творчески и глубоко коммунисты разрабатывают эту общетеоретическую проблему применительно к специфическим условиям своих стран, во многом зависит обоснованность и жизнеспособность их общего стратегического курса. Поскольку такой курс рассчитывается, как правило, на относительно длительную историческую перспективу и не должен быть подвержен конъюнктурным колебаниям, в данной статье основной упор делается на анализе теоретических установок компартий, зафиксированных в их программных документах. Изменения в общественно-политическом развитии тех или иных стран либо вообще не рассматриваются, либо излагаются в самой общей форме, необходимой для понимания теоретической деятельности коммунистов.

* * *

Потребности современного этапа национально-освободительного движения, который в программных документах коммунистов стран Азии и Африки определяется как этап национально-демократической революции, делают чрезвычайно актуальной постановку проблемы соотношения реформы и революции применительно к освободившимся государствам. Происходящее на фоне обострения общего кризиса капитализма и неоколониализма значительное расширение возможностей прогрессивного социально-экономического развития бывших колоний и полуколоний придает теоретической разработке этой проблемы возрастающее практическое значение.

В отличие от правых оппортунистов, абсолютизирующих значение реформ, и «левых» экстремистов, полностью отрицающих за ними какую-либо позитивную роль, коммунисты соединяют борьбу за реформы с революционными методами, подчиняя ее, как часть целому, революционной борьбе за социализм, увязы-

вая ближайшие, непосредственные требования трудящихся с конечными целями рабочего класса. В 1905 г. В. И. Ленин характеризовал программу-минимум РСДРП как программу «ближайших политических и экономических преобразований, вполне осуществимых, с одной стороны, на почве данных общественно-экономических отношений, и необходимых, с другой стороны, для дальнейшего шага вперед, для осуществления социализма»[1]. Тесная взаимосвязь ближайших требований с конечными целями обеспечивается на основе коренных демократических преобразований, затрагивающих уже существующие отношения собственности и власти и решаемых поэтому как промежуточная задача рабочего движения.

В современных условиях освободившихся стран разработка коммунистами проблем соотношения реформы и революции имеет во многом определяющее значение для выработки соответствующих потребностям нового этапа стратегии и тактики борьбы за демократию и социальный прогресс. Решение этой проблемы и здесь связано с выдвижением таких лозунгов, которые обеспечили бы органическое переплетение ближайших, насущных требований всех трудящихся и промежуточных задач рабочего класса. Ибо, как отмечалось на международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 г., «в конечном счете именно рабочее движение сыграет определяющую роль и в этом районе мира»[2].

Вместе с тем конкретно-историческая разработка коммунистами освободившихся государств проблемы соотношения реформы и революции преломляется сквозь призму общенациональных антиимпериалистических и демократических задач, специфичных для различных групп стран бывшей колониальной и полуколониальной периферии. Большое значение приобретает учет общих исторических условий национально-освободительной борьбы, относительно низкого уровня социально-экономического развития, многоукладности общественной структуры, переходного характера господствующего типа производственных отношений, незавершенности процессов классовой и политической дифференциации общества, степени сохраняющейся зависимости от империализма и, главное, социальной ориентации политики правящих кругов.

В связи с последним из указанных факторов среди современных государств Азии и Африки, где существуют компартии, можно выделить две группы: страны с национально-демократическими режимами и страны с буржуазными или буржуазно-помещичьими режимами. Ниже будут рассмотрены наиболее типичные примеры теоретических установок некоторых компартий этих двух групп стран.

В обоих случаях в качестве промежуточной цели рабочего класса программные документы коммунистических партий называют задачу осуществления национально-демократической революции, являющейся исторически необходимой ступенью на

пути достижения конечной цели — перехода освободившихся государств к социализму. Однако в конкретной формулировке коммунистами ближайших требований трудящихся и их взаимосвязи с промежуточными задачами рабочего класса нельзя не заметить определенных, подчас весьма существенных различий, обусловленных характером социально-политического развития соответствующих стран и степенью их продвижения по пути национально-демократической революции.

В странах с национально-демократическими режимами, где уже в значительной мере были ликвидированы феодальные и полуфеодальные отношения, достигнуто определенное ограничение позиций крупного капитала, проведена довольно обширная программа национализации иностранной собственности и создания государственного сектора экономики, борьба за насущные, ближайшие требования масс в ряде случаев фактически выходит за рамки реформы. Осуществляемые здесь социально-экономические мероприятия иногда имеют характер революционных преобразований, поскольку обеспечивают восходящее развитие национально-демократической революции и при определенных условиях могут способствовать ее перерастанию в революцию социалистическую. В таких ситуациях компартии соответствующих стран выступают за упрочение и углубление революционного процесса и окончательное утверждение социалистической ориентации путем полного осуществления задач национально-демократической революции на рельсах некапиталистического развития.

В материалах III Национального съезда Иракской коммунистической партии (ИКП) перспектива социалистического преобразования общества связывается с поисками путей подхода и перехода к завершению национально-демократического этапа развития, ориентированного на создание комплекса объективных и субъективных условий радикального переустройства традиционной социально-экономической структуры. «Иракская компартия, стремясь к построению социализма в стране,— отмечалось в принятой съездом Программе ИКП,— считает, что осуществление задач национально-демократической революции на пути некапиталистического развития создаст необходимые предпосылки для перехода к социализму» [3].

С целью решения этих задач коммунисты выдвигают программу таких ближайших требований, претворение которых в жизнь может способствовать дальнейшему восходящему развитию достигнутого этапа революционного процесса. В Программе Сирийской коммунистической партии (СКП), с уточнениями и изменениями принятой V съездом в мае 1980 г., говорится: «Деятельность Сирийской коммунистической партии на современном этапе имеет целью углубление и развитие борьбы против империализма, сионизма и реакции, освобождение оккупированных арабских территорий, защиту, закрепление и углубление свершившихся прогрессивных экономических, политических

и социальных преобразований, укрепление национально-патриотического режима, развитие страны по пути социального прогресса, с тем чтобы создать необходимые предпосылки для перехода к социализму»[4].

Характерной особенностью программных документов компартий стран с национально-демократическими режимами является более тесная и органичная взаимосвязь ближайших требований и промежуточных задач в сравнении с документами партий, действующих в странах капиталистического пути развития. Это объясняется наличием национально-патриотической власти и вытекающей отсюда возможностью решения задач национально-демократической революции не только «снизу», но и «сверху».

Реализация указанной возможности в первую очередь требует единства действий всех национально-патриотических сил, заинтересованных в углублении революционного процесса. Именно в данной связи коммунистические партии освободившихся стран, в которых у власти стоят представители революционной демократии, уделяют особое внимание упрочению классовых и политических союзов пролетариата. «Партия считает союз рабочего класса и крестьянства фундаментом для объединения усилий всех прогрессивных и патриотических сил и укрепления Национального прогрессивного фронта в борьбе за достижение великих целей, поставленных Программой: национальное освобождение, народная демократия, социализм и арабское единство»,— подчеркивалось в Программе СКП[5]. Аналогичная мысль проводилась и в Программе ИКП: «Исходя из Хартии национальных действий, Иракская коммунистическая партия считает одной из насущных задач укрепление прогрессивного режима, сохранение революционной власти, защиту завоеваний народа, упрочение союза с другими прогрессивными национально-патриотическими партиями и силами, входящими в состав фронта»[6].

Возможность полного решения задач национально-демократической революции в странах социалистической ориентации не только «снизу», но и «сверху» дает основания коммунистическим партиям этих стран включать соответствующие задачи в число ближайших требований. Показательно, что в Программе Сирийской коммунистической партии они выдвигаются в разделе, имеющем название «Актуальные задачи в области политики, общественной жизни, сферы обслуживания и обороны, за решение и укрепление которых борется партия». Не менее характерно и то, что борьба за такие ближайшие требования, как укрепление роли рабочего класса, трудового крестьянства и их прогрессивных партий в общественной жизни, защита демократических свобод, охрана интересов трудящихся, неуклонное повышение их жизненного уровня, ликвидация безработицы, совершенствование законов о труде и социальном обеспечении, привлечение рабочих и их профсоюзных организаций к участию

в контроле над производством, углубление процесса коллективизации в деревне, расширение производственной кооперации и т. п., прямо связывается с созданием «политических, экономических и социальных предпосылок, необходимых для продвижения страны к социализму» [7].

В специфических условиях развития освободившихся стран решение задач экономического развития, направленного на создание материальной базы последующего социалистического переустройства общества, тесно связано с соответствующей социальной ориентацией. Ввиду этого коммунистические партии, формулируя ближайшие требования в области экономического развития, придают им вполне определенную общественную направленность, способствующую и осуществлению основных промежуточных целей рабочего класса.

Так, выдвигая задачи расширения промышленного производства, коммунисты уделяют главное внимание развитию государственного сектора и увеличению его веса во всей экономической жизни в ущерб частнокапиталистическому укладу. В целях более полного использования внутренних источников финансирования предлагается ввести систему прогрессивного налога, способную обеспечить справедливое распределение национального дохода, облегчить его бремя для широких трудящися масс, ограничить экономические позиции местного крупного капитала. Внешние источники финансирования, по мнению коммунистов, должны быть полностью введены в рамки государственного плана и государственной собственности. Вопросы расширения внешней и внутренней торговли, поставленной на службу целям экономического развития, также связываются с ликвидацией посредничества иностранных компаний и местных оптовых торговцев и укреплением роли органов государственной торговли. Совершенствование методов планирования имеет в виду развитие инициативы снизу, позволяющей расширить реальное участие трудящихся масс в социально-экономической жизни.

Решение проблемы дороговизны наряду с увеличением заработной платы низкооплачиваемым слоям населения предполагается путем постоянного увеличения числа государственных магазинов, расширения потребительских союзов и усиления борьбы против торговцев, укрывающих в своих корыстных целях необходимые народу товары. Одновременно выдвигается требование расширять роль государственного сектора в жилищном строительстве, поощрять создание жилищных кооперативов при предприятиях, профсоюзах, министерствах и ведомствах, бороться против эксплуатации, осуществляемой в этой области строительными подрядчиками и земельными собственниками. Такой характер предлагаемых мероприятий должен, как отмечается в Программе Сирийской коммунистической партии, объединить «интересы экономического развития страны с интересами народных масс и строительства материальной базы социализма» [8].

Таким образом, на достигнутом этапе революционного процесса в странах с национально-демократическими режимами наблюдается расширение границ ближайших требований трудящихся путем включения в них определенной части промежуточных задач рабочего класса. Не случайно компартии этих стран считают насущной потребностью социально-экономического и политического развития проведение следующих мероприятий: уничтожение крупной капиталистической собственности в городе и деревне; развитие общественного сектора, обеспечение его ведущего положения и превращение его в основу революционной политики; переход к коренной аграрной реформе, обеспечивающей окончательное уничтожение крупного помещичьего землевладения и остатков феодализма; поощрение коллективизации сельского хозяйства, широкое осуществление индустриализации и превращение экономики в развитую индустриально-аграрную; развитие и усиление роли рабочего класса и сплочение его авангардных сил; полная демократизация государственного аппарата и изгнание из него реакционных элементов; усиление опоры политической власти на трудящиеся массы, предоставление им возможности играть действенную роль в революционном процессе; подавление контрреволюционных сил и усиление борьбы против империализма, развитие и укрепление связей с мировой социалистической системой [9]. При этих условиях произойдет «углубление социально-политического содержания» национально-демократической революции, что создаст «необходимые предпосылки для перехода к социализму» [10].

Иначе говоря, возрастание роли промежуточных задач рабочего класса в современных условиях происходит как логическое развитие борьбы за ближайшие интересы трудящихся. Обусловленное этим объективное совпадение интересов пролетариата и широчайших слоев трудящихся, в особенности крестьянства, находит отражение в том факте, что, как отмечают сирийские коммунисты, завершение национально-демократической революции «ведет к коренному решению проблем деревни и ускорению общего развития страны» [11]. На этой основе будет происходить также наращивание предпосылок для перехода к осуществлению конечной цели рабочего класса. В Программе Иракской компартии в этой связи говорится: «Аграрный вопрос является основным вопросом национально-демократической революции. От его решения зависит не только подъем жизненного уровня крестьянства, но и развитие революции в целом; решение этого вопроса будет способствовать созданию предпосылок для перехода к строительству социализма, который освободит крестьян от всех форм эксплуатации» [12].

Полное и окончательное решение промежуточных задач рабочего класса, обеспечивающее восхождение революционного процесса на более высокий уровень, является, по существу, единственно реальной гарантией удовлетворения ближайших интересов широких трудящихся масс. Вместе с тем только так

можно поставить прочные преграды на пути пока еще имеющих место в странах с национально-демократическими режимами попятных движений, выражающихся в «термидорианском» перерождении национально-патриотической власти и переходе части национальных (или революционных) демократов в лоно буржуазного реформизма. Именно в соответствующих условиях обнаруживаются слабые стороны теоретической работы компартий, связанные с недостаточной практической подготовленностью к ситуациям такого рода, в результате чего программные установки довольно быстро начинают отставать от реальной практики.

Несколько иначе проблема соотношения реформы и революции, ближайших интересов трудящихся и промежуточных целей рабочего класса стоит в странах капиталистического развития, где некоторые антифеодальные и антиимпериалистические задачи решаются буржуазно-реформистскими методами. К этим странам в еще большей мере, чем к дореволюционной России, применимы слова В. И. Ленина о том, что «буржуазная революция под руководством буржуазии может быть только неоконченной революцией (т. е. не революцией, а реформой, говоря строго)»[13]. Буржуазия этих стран ограничивает решение задач национально-демократического этапа развития теми из них, которые не затрагивают ее своекорыстных интересов. Но и их осуществление в эпоху всемирно-исторического перехода от капитализма к социализму не носит революционного характера, поскольку они задерживают соответствующие страны в рамках исторически отжившей свой век общественно-экономической системы.

В этих условиях задача полного осуществления национально-демократической революции, выдвигаемая революционным авангардом рабочего класса стран капиталистического развития, прямо и непосредственно связана с отстранением от власти правительств, выражающих интересы крупной буржуазии и обуржуазивающихся помещиков, и созданием национально-демократических правительств, в которых власть будет совместно осуществляться партиями и силами, представляющими интересы рабочего класса, крестьянства, радикально настроенных промежуточных слоев, а также патриотической части средней буржуазии. Осуществление такого коренного сдвига в социальной структуре политической надстройки требует создания единого фронта левых и демократических организаций и изменения в его пользу соотношения политических сил.

Приобретающая в этих условиях важнейшее значение политика классовых и политических союзов пролетариата проводится в жизнь его революционным авангардом с учетом конкретно-исторической обстановки в каждой отдельной стране. Так, в странах с буржуазно-демократическими режимами (Индия и др.) в последнее время коммунисты уделяют первостепенное внимание сближению с другими левыми партиями, пред-

ставляющими часть рабочего класса и широких непролетарских слоев трудящихся, в ряде случаев пересматривая прежнюю тактику «союза и борьбы» в отношении находящейся у власти национальной буржуазии.

В странах с авторитарной монархической властью коммунисты считали возможным «в борьбе за свержение реакционного режима... сотрудничать не только с силами, заинтересованными в победе общедемократической революции, но и с теми, кто не заинтересован в ней, в том числе и с силами, которые потенциально могут оказаться в рядах ее противников»[14]. Вместе с тем, например, Народная партия Ирана (НПИ), как отмечалось в ее Программе, принятой в 1975 г., конкретно разграничивала «свою борьбу и борьбу тех группировок, которые выступают против режима с реакционных и отсталых позиций»[15].

Коммунистическая партия Саудовской Аравии (КПСА) в Программе, принятой в августе 1984 г., отмечает: «Создание широкого национального фронта, выражающего интересы и цели подавляющего большинства нашего народа, является настоятельной и решающей необходимостью. Поэтому она (КПСА.— *И. Т.*) придает наибольшее значение делу становления союзов, исходя при этом вовсе не из узких текущих или тактических расчетов. Лозунг Национального фронта — это стратегический лозунг, основывающийся на общих принципах и линии партии. Без него трудно реально представить решающие победы и успехи партии. Принятие Национального фронта, по мнению партии, предполагает включение в него политических партий, общественных и профессиональных организаций, патриотических деятелей, следующих национально-патриотической программе, отражающей общие интересы и цели различных классов и общественных слоев населения. Это не означает их организационного растворения. Каждая организация или группа обладает полной политической, идеологической и организационной самостоятельностью. Любые второстепенные разногласия, которые могут возникнуть между участниками фронта,— это допустимое и естественное явление, пока оно не выходит за рамки национального единства»[16].

Приход к власти в странах капиталистического развития правительства единого левого и демократического фронта, способного осуществить весь комплекс национально-демократических преобразований, явился бы важнейшей вехой на пути решения промежуточных задач рабочего класса соответствующих стран. Добиваясь достижения этой цели, коммунисты стремятся придать выдвигаемым ближайшим требованиям такую ориентацию, которая могла бы вывести борьбу за их осуществление за рамки реформы и подготовить массы к началу осуществления национально-демократической революции.

Характеризуя соотношение между борьбой в защиту насущных интересов трудящихся и победой национально-демократической революции, Народная партия Ирана отмечала: «Борьба

за осуществление ближайших лозунгов и целей одновременно служит средством всемерного создания социальной почвы для достижения главной цели борьбы народа, т. е. национально-демократической революции, которая, в свою очередь, создаст необходимые предпосылки для движения общества к социализму. Только в этой диалектической связи между отдаленными и ближайшими целями... борьба за насущные требования приобретает подлинно революционное содержание»[17].

Интересна и постановка рассматриваемого вопроса Коммунистической партией Саудовской Аравии, которая определяет «текущие задачи, стоящие перед страной, как задачи завершения этапа национального освобождения, связанного с осуществлением национально-демократической революции... Партия считает также, что центральным звеном в цепи задач, стоящих перед ней, является ликвидация монархического режима и установление национально-демократической власти, политически и экономически независимой от международного империализма»[18]. Подобный подход к этапам революционного процесса КПСА объясняется условиями слаборазвитой и зависимой страны, в которых ей приходится действовать. В этой связи она четко разделяет этапы революционной борьбы. «Цели нашей партии, определенные программой-минимум,— говорится далее,— неотделимы от тех целей, которые поставила перед нами программа-минимум в деле завершения национального освобождения и осуществления национально-демократической революции. Партия, принимая национально-патриотическую программу своей борьбы, а также борьбы широких народных масс за осуществление задач нынешнего этапа (программа-минимум), в то же время ведет борьбу за выполнение программы-максимум и ликвидацию всех форм эксплуатации человека человеком, за уничтожение всех видов господства и классового гнета»[19].

Тунисская коммунистическая партия (ТКП), противопоставляя прокапиталистическому выбору правящей Социалистической дустуровской партии альтернативный курс на некапиталистическое развитие в направлении к социализму, в опубликованном летом 1974 г. заявлении «За новый прогрессивный и демократический выбор!» отмечала: «Борьба за новый прогрессивный выбор неотделима от борьбы в защиту ближайших требований народных масс, испытывающих последствия либералистской прокапиталистической политики в экономической, социальной и культурной областях... Борьба за непосредственные требования может сдерживать и даже вынуждать к отступлению либералистскую политику, имеющую тенденцию возлагать экономические трудности лишь на народные массы. Она может, следовательно, способствовать продвижению к новому прогрессивному выбору»[20].

Выдвинутая ТКП в 1974 г. программа действий сохранила свое значение на долгие годы. Будучи легализована в июле

1981 г., партия уже в 1982 г. приняла участие в парламентских выборах с целью, как отмечал Первый секретарь ЦК ТКП Мухаммед Хармель, разъяснить избирателям содержание этой программы.

Конкретная взаимосвязь ближайших требований трудящихся и промежуточных задач рабочего класса по-разному проявляется в политике отдельных коммунистических партий стран капиталистического развития. Формы проявления этой взаимосвязи во многом определяются особенностями исторического развития соответствующих стран, в частности условиями деятельности компартий и характером политического режима.

Коммунистическая партия Индии, верная своей принципиальной позиции относительно того, что все попытки выхода из социально-экономического кризиса «с помощью частичных реформ и чрезвычайных мер обречены на провал»[21], в политической резолюции XII съезда (март 1982 г.) вновь подтвердила «свою убежденность в том, что для преодоления кризиса, охватившего нашу страну, необходимо проведение существенных социально-экономических преобразований, порывающих связи с капиталистическим путем развития»[22]. В качестве первоочередных были выдвинуты задачи национализации крупнейших монополистических концернов, ограничения деятельности ТНК и установления контроля над иностранным монополистическим капиталом, планового и независимого развития национальной экономики, основанной на доминирующей роли государственного сектора, углубления процесса интеграции с социалистическим мировым рынком, ликвидации системы крупного помещичьего землевладения и эффективного осуществления радикальных земельных реформ, укрепления парламентской демократии, с тем чтобы она в большей степени отвечала сегодняшним нуждам и чаяниям простых людей. КПИ расценивала борьбу за решение этих задач как «движение за удовлетворение насущных требований народа», которое «позволит ей достичь своей (промежуточной.— *И. Т.*) стратегической цели»[23].

Соответствующие переходные меры, направленные на «создание левой и национально-демократической альтернативы развития страны», коммунисты Индии включили в свою программу. В частности, в «области борьбы с инфляцией» они считали необходимым добиться прежде всего национализации иностранных фармацевтических компаний, сахарной, текстильной и джутовой промышленности, установления государственной монополии на оптовую торговлю продовольственным зерном и товарами первой необходимости, создания государственной системы распределения этой продукции под контролем народных комитетов, а также пересмотра всех внешнеторговых соглашений с многонациональными монополиями, наносящих ущерб национальным интересам. В целях «принятия эффективных мер по искоренению коррупции» выдвигалось требование создания постоянного судебного аппарата для расследований

обвинений в коррупции министров, других официальных деятелей, занимающих высокие посты в исполнительных органах власти, а также высокопоставленных чиновников. Чтобы «ускорить процесс политической перестройки, необходимый для создания левой и национально-демократической альтернативы», предлагалось провести демократизацию административного и государственного аппарата, включая образование народных комитетов, облеченных установленной законом властью. Одновременно в «целях обновления демократического процесса» КПИ предлагала провести радикальную реформу существующего избирательного законодательства, ввести систему пропорционального представительства, «полностью реорганизовать на демократических началах весь административный аппарат и управление экономикой, чтобы превратить их в эффективное орудие осуществления политики и мер в интересах народа»[24].

Перечисленные требования прямо направлены на перевод борьбы за насущные нужды трудящихся в борьбу за решение промежуточных задач рабочего класса. Той же цели служат требования эффективного участия рабочих в управлении в сфере государственного сектора на всех уровнях, включая область принятия решений и закрепление законодательным путем требований сельскохозяйственных рабочих[25].

Коммунистическая партия Шри Ланки считает своей стратегической целью в борьбе за демократию создание переходной формы государства, которая будет соответствовать некапиталистическому развитию,— государства национальной демократии. В этой связи в Программе КПШЛ, принятой IX съездом партии в 1975 г., выдвигались задачи защиты демократических прав и свобод, завоеванных рабочим классом, их дальнейшего развития и углубления, придания более представительного характера парламенту, трансформации его в реальное средство выражения воли народа, дальнейшего совершенствования системы выборов и парламентской процедуры, демократизации вооруженных сил, ограждения их от влияния империализма, улучшения их материального положения, приобщения к процессу демократического развития страны и усиления связи с народными массами, демократической реорганизации полиции, усиления роли местных органов власти, обеспечения большей самостоятельности советам служащих, создания на всех фабриках и заводах комитетов защиты рабочих и т. д.[26].

Последующие съезды КПШЛ конкретизировали программу действий партии с учетом новых объективных и субъективных факторов социально-экономического и политического положения в стране и взаимозависимости ближайших и перспективных целей. Ближайшими задачами, способствующими развитию «левой альтернативы», компартия считает борьбу против политики «открытых дверей» в отношении транснациональных корпораций, противодействие любым формам авторитарного государственного правления, оказание сопротивления капиталисти-

ческим классам, пытающимся переложить бремя кризиса на народные массы, защиту демократических прав, борьбу против ухудшения жизненного положения трудящихся, спекуляции, инфляции, роста цен, наступления на социальные нужды и профессиональные права. «Политическая борьба за ближайшие цели, постоянная связь этой борьбы со стратегическими целями партии и применение обоснованных организационных методов и стиля работы, соответствующих этим задачам, составляют важную сторону деятельности партии»,— подчеркивается в решениях XI съезда КПШЛ[27].

Определенным своеобразием отличались лозунги Народной партии Ирана, которая в период шахского режима была вынуждена действовать в условиях глубокого подполья и постоянно обрушивавшихся на нее репрессивных мер. В целях осуществления промежуточной задачи рабочего класса она выдвигала следующие требования: «Освобождение иранского народа от ига грабительского империалистического капитала и его агентов, достижение народного правления, демократических прав и свобод и осуществление коренных демократических реформ». Многие из конкретных требований промежуточного типа в Программе НПИ почти целиком были включены в раздел, названный «Наши неотложные задачи в нынешней обстановке». Это объяснялось особым значением в условиях репрессивного шахского режима борьбы вокруг «тех лозунгов, которые обладают разоблачительной и мобилизующей силой... Эта борьба на собственном опыте все больше убеждает широкие народные массы в правильности целей партии рабочего класса и все больше сплачивает их вокруг лозунга борьбы за национальную независимость и обеспечение демократических прав»[28]. Своеобразие лозунгов Народной партии Ирана определялось тем, что важнейшей переходной мерой к решению задач национально-демократической революции, главным условием ее осуществления являлась (в большей мере, чем в какой-либо другой азиатской стране) замена антинародного диктаторского режима властью прогрессивных классов и слоев.

Приняв активное участие в развернувшейся с января 1978 г. антимонархической и антиимпериалистической революции, вызвавшей в феврале 1979 г. падение шахского режима, Народная партия Ирана, однако, в последующий период в силу ряда объективных и субъективных причин не смогла добиться реализации выдвигавшихся ею задач. Сказалось, в частности, и то, что партии не удалось выполнить одно из важных требований ее же Программы — конкретно разграничить «свою борьбу и борьбу тех группировок, которые выступают против режима с реакционных и отсталых позиций», и преодолеть влияние богословского духовенства. Свержение шахского режима не только не стало важнейшей переходной мерой к решению задач национально-демократической революции, как предполагала партия, но и открыло путь к установлению власти клерикальных сил.

Такой поворот дела, оказавшийся возможным в специфических условиях Ирана, отнюдь не перечеркивает теоретическую обоснованность выдвинутой НПИ программы перехода от свержения монархического режима к полному решению задач национально-демократической революции. Выявившиеся в последние годы негативные последствия прихода к власти клерикальных сил являются всего лишь еще одним свидетельством острой необходимости постоянного учета тех неожиданностей, которые реальная практика всегда вносит в теоретические концепции, тех своеобразных зигзагов, без которых редко обходится поступательное общественное развитие. В новых условиях, сложившихся после репрессий, обрушенных теократическим режимом на Народную партию Ирана, и ее запрета в 1983 г., НПИ продолжает придерживаться стратегического курса на полное решение задач национально-демократической революции, но вместе с тем иначе, чем прежде, ставит вопрос о путях и средствах их решения, возможных политических союзниках и самом объекте борьбы широких народных масс, выдвигая призыв к устранению теократического деспотического режима шиитского духовенства.

В данной связи обращает на себя внимание определенное сходство программных установок Народной партии Ирана и Коммунистической партии Турции. Утвержденная на пленуме ЦК КПТ в апреле 1983 г. Программа действий за мир и национальную демократию включала «актуальные конкретные требования масс» и учитывала «общие цели тех политических сил... которым сегодня придется идти с нами ради ограниченных целей». При этом отмечалось, что «требования этой нашей Программы действий как отражают общенациональные интересы, так и приближают рабочий класс и наш народ к достижению более радикальных революционных целей, создают благоприятные предварительные условия для антиимпериалистической народно-демократической революции, являющейся ближайшей целью нашей партии»[29]. В то же время свержение правящего режима и установление власти национальной демократии, отражающей интересы всех антидиктаторских сил, также объявлялись «ближайшей задачей» КПТ[30]. Новое, национально-демократическое правительство должно было бы провести демократизацию государства, поставить экономическую политику на службу народу, привести ее в соответствие с потребностями борьбы за экономическую независимость, против безработицы и инфляции, предоставить широким массам, в том числе мелким и средним собственникам, необходимые социальные права. На этапе антиимпериалистической народно-демократической революции следовало осуществить слом буржуазного государственного аппарата, установить власть народа, провести полную ликвидацию господства монополий, конфискацию земли крупных земельных собственников. «Все эти преобразования должны проложить путь к социализму»,— отмечалось в Программе действий[31].

Более конкретно ступени и этапы развития революционного процесса были определены в Программе КПТ, принятой в ноябре 1983 г. V съездом партии. Свержение диктатуры объявлялось здесь «самой неотложной задачей наших дней», решение которой должно обеспечить объединение рабочим классом «самых широких сил мира и демократии в национально-демократическом фронте». Это «откроет путь антиимпериалистической народно-демократической революции», или, иначе говоря, создание национальной демократии явится «первой ступенью» такой революции. «Национальная демократия по мере укрепления позиций и гегемонии рабочего класса в органах власти вместе с его союзниками будет превращаться в демократическую народную власть и направляться на завершение задач антиимпериалистической народно-демократической революции... С углублением революционного процесса, начавшегося с установления национальной демократии, с постепенным переплетением выполненных задач антиимпериалистической народно-демократической революции с социалистическими задачами начнется социалистический этап революции» [32].

В Программе КПТ обращает на себя внимание следующая констатация: «КПТ подчеркивает, что перепрыгивание через объективно необходимые шаги и этапы в развитии революционного процесса будет являться причиной тяжелых поражений, и осознает также следующую истину: революция приобретет конкретные формы и особенности не по абстрактным схемам, а как продукт повседневных битв, творческих и активных инициатив десятков миллионов трудящихся в борьбе за свои конкретные интересы» [33]. Эта общетеоретическая констатация в практическом плане, разумеется, не решала проблем, связанных с учетом всех возможных и неожиданных поворотов в развитии революционного процесса. Но в данном случае показателен сам факт такой постановки вопроса, навеянный, возможно, иранским опытом. Другая сторона этого опыта, не учтенная в достаточной мере в Программе КПТ, состояла в слабом внимании к конкретному механизму перевода борьбы за реформы на почве данного общественного строя в борьбу за революционное преобразование общества.

В несколько ином положении оказалась в свое время Коммунистическая партия Филиппин (КПФ). Действуя, как и Народная партия Ирана, в условиях проводимых «сверху» крупных буржуазных преобразований, она, однако, с конца 1974 г. значительное время находилась на легальном положении и потому имела относительно больше возможностей воздействовать на характер реформ.

На примере Филиппин нетрудно заметить подвижность, изменчивость повседневных требований трудящихся и их соотношения с промежуточными задачами рабочего класса, определяющиеся сдвигами в конкретной ситуации. Поскольку часть ближайших и переходных мер, зафиксированных в Программе

КПФ, принятой V съездом партии в феврале 1973 г., в последующий период была осуществлена «сверху», хотя и в буржуазно-реформистском духе, Компартия Филиппин считала своей важной задачей «борьбу за укрепление позитивных тенденций во внутренней и внешней политике, за расширение и углубление проводимых реформ» [34].

Влияние конкретной ситуации на политическую линию компартий проявляется и во всех других случаях. В Тунисе, где прокапиталистическая политика наталкивалась на ряд сдерживающих факторов, важнейшим из которых являлась двойственность находящихся у власти мелкобуржуазных националистов, стремившихся сохранить свою широкую социальную базу, коммунисты ставили следующую промежуточную стратегическую цель: «Помешать капитализму превратиться в преобладающий режим с властью в руках слаборазвитой капиталистической буржуазии, подчиненной империализму и неоколониализму. Именно в этом смысле можно сказать, что содержание нового прогрессивного выбора будет главным образом некапиталистическим» [35].

В поисках конкретных путей подхода и перехода к осуществлению этой цели ТКП исходила «из самого содержания основной задачи, которая встает перед нашей страной на нынешнем этапе ее развития... Эта задача заключается в создании национальной экономики, не только развивающейся и процветающей, здоровой и действенной, но и способной вести к укреплению экономической и политической независимости, к прогрессивному повышению жизненного уровня народных масс, которые, в свою очередь, окажут всему этому поддержку. Таким образом, речь идет об обеспечении развития, имеющего двойственное содержание, одновременно национальное и социальное» [36].

Жизненно важная необходимость органического соединения экономических и социальных требований составила объективную основу переплетения ближайших и промежуточных задач в выдвинутой тунисскими коммунистами платформе борьбы за новый прогрессивный и демократический выбор. «Вот почему этот новый выбор должен содержать программу социальных преобразований в пользу трудящихся... Он должен открыть им перспективу последовательного улучшения условий материальной и культурной жизни», достижение которой требует вести «терпеливую работу в массах, имеющую целью их мобилизацию на защиту непосредственных и будущих интересов» [37].

Борьбу за ближайшие экономические требования трудящихся, осуществление которых не изменяет в принципе основ существующего строя, коммунисты Туниса сочетают с борьбой за коренные социально-экономические преобразования, направленные на повышение уровня производительных сил и прогрессивное изменение характера производственных отношений. В целях развития экономической инфраструктуры и индустриализации страны они выступают за расширение и укрепление государ-

ственного и смешанного секторов, а главной социальной мерой для содействия максимальному развитию всех отраслей сельскохозяйственного производства считают радикальную аграрную реформу под лозунгом «Землю тем, кто ее обрабатывает!» Для обеспечения контроля над импортом, расширения экспорта и роста накоплений производственных фондов предлагается национализировать внешнюю и оптовую торговлю, что позволит одновременно ограничить деятельность маклеров и спекулянтов. Усиление централизованной банковской системы под руководством государства рассматривается как средство борьбы с инфляцией и защиты национальной валюты.

Борьба за осуществление перечисленных задач промежуточного типа имеет целью перевод страны на рельсы некапиталистического развития, способного гарантировать реализацию ближайших требований трудящихся. Важным условием решения этих задач является борьба за действительное осуществление демократических свобод, которая также должна вестись в рамках промежуточной стратегической цели. «Поэтому,— говорится в Заявлении ТКП,— прогрессивным политическим силам надлежит направить борьбу за демократию в ее истинное русло, в русло борьбы за новый выбор развития нашей страны»[38].

В борьбе за полное решение задач национально-демократической революции рабочему классу стран капиталистического развития приходится преодолевать не только сопротивление реакционной части правящей буржуазии, но и непоследовательность находящейся к ней в оппозиции реформистски настроенной мелкой буржуазии. Выдвигаемые коммунистическим авангардом лозунги, призванные обеспечить восходящее развитие революционного процесса, направлены и на преодоление этих препятствий на пути национально-демократической революции. «Чтобы двигать революцию *вперед*, т. е. дальше того предела, до которого двигает ее монархическая буржуазия,— указывал В. И. Ленин,— надо активно выставлять, подчеркивать, выдвигать на первый план лозунги, *исключающие* „непоследовательность“ буржуазной демократии»[39].

Таким образом, происходящий на современном этапе развития всех освободившихся стран рост значения промежуточных стратегических целей определяет включение коммунистическими партиями в число ближайших требований и реформ на почве существующего строя и некоторых коренных демократических преобразований. В своей совокупности такого рода переходные меры направлены на отыскание конкретных форм подхода и перехода к осуществлению промежуточных целей, на приведение в действие механизма практического перевода борьбы за реформы в революцию.

Подобный подход к осуществлению насущных нужд и чаяний трудящихся вытекает из разработанной основоположниками марксизма-ленинизма стратегии и тактики перехода от револю-

ционной борьбы за реформы к самой революции. В. И. Ленин указывал, что «именно неурезанные лозунги и обеспечивают ту силу, которая дает в качестве побочного продукта... реформу»[40], что нужно выдвинуть «такой лозунг, который толкает к революционной развязке реформу»[41].

Выполняя заветы В. И. Ленина, коммунистические партии освободившихся стран, самая последовательная и решительная сила в борьбе народов Азии и Африки за независимость и социальный прогресс, поднимают повседневные требования трудящихся на высоту политических задач борьбы за коренные революционные преобразования. Залогом их успехов в этом направлении, как показывает общественная практика, является неуклонное следование ленинскому подходу к возможностям самых неожиданных поворотов в развитии революционного процесса, тех поворотов, которыми так богата политическая жизнь стран Азии и Африки.

[1] *Ленин В. И.* Две тактики социал-демократии в демократической революции.— Полное собрание сочинений. Т. 11, с. 15.

[2] Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. 5—17 июня 1969 г. Документы и материалы. М., 1969, с. 63.

[3] III Национальный съезд Иракской коммунистической партии. Багдад, 4—6 мая 1976 г. М., 1977, с. 78.

[4] V съезд Сирийской коммунистической партии. Дамаск, 29—31 мая 1980 г. М., 1982, с. 104.

[5] V съезд Сирийской коммунистической партии, с. 107.

[6] III Национальный съезд Иракской коммунистической партии, с. 80.

[7] V съезд Сирийской коммунистической партии, с. 167.

[8] Там же, с. 165.

[9] V съезд Сирийской коммунистической партии, с. 115; III Национальный съезд Иракской коммунистической партии, с. 83.

[10] III Национальный съезд Иракской коммунистической партии, с. 78, 81.

[11] V съезд Сирийской коммунистической партии, с. 155.

[12] III Национальный съезд Иракской коммунистической партии, с. 102—103.

[13] *Ленин В. И.* Сила и слабость русской революции.— Полное собрание сочинений. Т. 15, с. 228.

[14] Проблемы мира и социализма. 1976, № 2, с. 57.

[15] Программа Народной партии Ирана, 1975 г. Раздел V, с. 81.

[16] Программа Коммунистической партии Саудовской Аравии, 1984 г. Введение, с. 9—10.

[17] Программа Народной партии Ирана, 1975 г. Раздел IV, с. 63.

[18] Программа Коммунистической партии Саудовской Аравии, 1984 г. Введение, с. 8—9.

[19] Там же, с. 11.

[20] Pour une nouvelle alternative progressiste et democratique en Tunisie. Editions espoir, 1974, c. 20—21.

[21] X съезд Коммунистической партии Индии. М., 1975, с. 255.

[22] Political Resolution Adopted by the 12th Congress of CPI. Adhikari Nagar, Varanasi, March 22—28, 1982. Supplement to «New Age». 11.04.1982.

[23] Там же.

[24] X съезд Коммунистической партии Индии, с. 256—259.

[25] Political Resolution Adopted by the 12th Congress of CPI.

[26] Programme of the Communist Party of Sri Lanka. [Б. м.], 1975.

[27] «XIth National Congress of the Communist Party of Sri-Lanka. Politi-

cal Report of the Central Committee on the National Situation». 26—30th March, 1980. Colombo, c. 26—27.

[28] Программа Народной партии Ирана, 1975 г. Раздел III, с. 55; Раздел IV, с. 62—63.

[29] Программа действий за мир и национальную демократию (утверждена на пленуме ЦК Компартии Турции в апреле 1983 г.). Вступление.

[30] Там же, раздел III.

[31] Там же, вступление.

[32] Программа Коммунистической партии Турции, 1983 г. Разделы «Завершение антиимпериалистической демократической народной революции», «Наша социалистическая цель».

[33] Там же. Параграф «Свержение фашистской диктатуры и установление национальной демократии».

[34] *Лава Х.* Новое в ориентации Филиппин.— Проблемы мира и социализма. 1977, № 12, с. 73.

[35] Pour une nouvelle alternative, c. 16.

[36] Там же, с. 15—16.

[37] Там же, с. 17.

[38] Там же, с. 16—17.

[39] *Ленин В. И.* Две тактики социал-демократии в демократической революции.— Полное собрание сочинений. Т. 11, с. 32.

[40] *Ленин В. И.* Итоги выборов.— Полное собрание сочинений. Т. 22, с. 343.

[41] *Ленин В. И.* Ответ на критику нашего проекта программы.— Полное собрание сочинений. Т. 7, с. 231.

С. А. ПАНАРИН

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ДЕРЕВНЕ СТРАН ВОСТОКА В 70-е — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 80-х ГОДОВ: ПРЕДПОСЫЛКИ, ВИДЫ, ОСОБЕННОСТИ *

В течение ряда лет основной упор в советских исследованиях по проблемам современного аграрного развития освободившихся стран Азии и Северной Африки делался на анализе социально-экономических процессов. Это объяснялось стремлением раскрыть причины и механизм начавшихся со второй половины 60-х годов принципиально важных сдвигов в системе производительных сил, в общественной организации сельскохозяйственного производства и на этой основе — в социальной структуре деревни.

Необходимость концентрации усилий в данной области не вызывала и не вызывает сомнений, равно как и ценность полученных здесь результатов. Только опираясь на них, можно было перейти к рассмотрению социально-политических аспектов аграрных отношений. Но в то же время постоянный акцент на социально-экономической проблематике отчасти и помешал тогда такому переходу: за исключением второго издания коллективного труда «Зарубежный Восток и современность» (где в разделе третьем вопросы общественной борьбы в деревне освещались на основе материалов, хронологически не выходивших в целом за начало 70-х годов), а также книги Ж. Д. Смиренской (опиравшейся преимущественно на данные 50—60-х годов) [1], за 1975—1985 гг. не появилось ни одной крупной работы монографического плана, в которой анализ социально-политической активности восточного крестьянства на современном этапе занимал бы по меньшей мере одно из первых мест. По существу, прервалась сложившаяся было в 60-е годы традиция систематического научного освещения важнейших перипетий борьбы крестьянства (исключение здесь составляли, пожалуй, лишь посвященные «фермерским» движениям работы индологов [2]). Даже в интересной статье А. В. Гордона и В. Г. Хороса, в которой наряду с оригинальной трактовкой вопросов, связанных с установлением роли крестьянства на современном этапе

* Ряд положений статьи сформулирован автором совместно с Ю. Г. Александровым.

национально-освободительного движения, дана краткая характеристика ряда особенностей крестьянских выступлений в афроазиатских странах в 70-е годы, эта характеристика занимает подчиненное положение и, как таковая, вынужденно оставляет за скобками сложность, богатство и разнообразие столкновений людей и интересов на деревенской почве [3].

Другими словами, если на пути к решению задачи теоретического осмысления социально-политического развития аграрного общества в 70—80-е годы были сделаны первые важные шаги, то подробное исследование на региональном уровне материала, отражающего борьбу крестьянства в этот период, как специальная задача практически не осуществлялось. Данное обстоятельство и определило содержание настоящей статьи. При работе над ней ставились два «блока» целей: во-первых, проанализировать такие происходящие ныне в деревне социальные сдвиги, которые образуют главные предпосылки активизации или, наоборот, снижения активности сельских трудящихся, а затем исходя из этого попытаться установить ведущую тенденцию изменений социальной напряженности в деревне в 70—80-х годах; во-вторых, произвести первичную систематизацию аграрных социальных конфликтов, описать их основные виды, показав при этом, в тех пределах, которые по необходимости ставят рамки статьи, самое «фактуру» процесса общественного противоборства в восточной деревне и уже на этой основе выделить характерные черты конфликтов в изучаемый период. Соответственно далее материал статьи представлен в двух разделах — I и II.

Традиционно центральным объектом советских востоковедных работ, посвященных общественной борьбе в деревне, были крестьянские движения. Между тем, как явствует из названия статьи и изложения поставленных в ней задач, мы исследованию движений предпочитаем рассмотрение конфликтов. Чем же вызвано это предпочтение и как вообще соотносятся между собой аграрный социальный конфликт, или социальный конфликт в деревне, и крестьянское движение?

В нашем случае конфликт можно истолковать как любое открытое столкновение носителей не совпадающих, обычно противоположных социальных интересов. В этом смысле движения — тоже конфликты. Но если типологически движения оказываются в кругу явлений, определяемых как конфликты, то стадиально движение отличается от конфликта в той мере, в какой высшая стадия того или иного процесса неравнозначна ему в целом. Таким образом, первоочередное внимание конфликтам не просто помогает ввести в рамки исследования массу остававшихся ранее «за кадром» фактов общественной борьбы в деревне, по своему изобилию несопоставимых с редкими в 70-е — первой половине 80-х годов образцами крестьянских движений, и тем самым дать более сбалансированную оценку масштабов этой борьбы. Оно позволяет также выделить этапы вос-

хождения данной борьбы от социальной напряженности, в которой только прорастают семена будущих волнений (ибо напряженность представляет собой первое, еще очень приблизительное, а нередко просто искаженное отражение в общественном сознании объективных противоречий деревенской жизни), до таких разновидностей крестьянского движения, для которых характерны уже политические требования и отчетливо выраженные элементы политической организации крестьянства. Иначе говоря, взяв за предмет исследования именно конфликты и проследив их развитие, мы увидим и динамику борьбы крестьянства, и качественные особенности ее внутренних этапов.

Есть и другая причина того, почему не движения, а конфликты находятся в данной статье в центре внимания.

В советском востоковедении при изучении социально-политической активности крестьянства в 40-х — первой половине 50-х годов сложилось представление о ее относительно высоком уровне. Но тогда эта активность чуть ли не исчерпывающе выражалась как раз в движениях, объединивших огромное большинство крестьян для достижения общих целей в борьбе с общими врагами. Такими целями являлись завоевание политической независимости и ликвидация (либо существенное ограничение) феодального землевладения, врагами — колонизаторы и преимущественно некрестьянские по происхождению, сравнительно немногочисленные группы местных эксплуататоров. На следующем этапе, начавшемся в середине — конце 50-х годов, несомненный спад крестьянской активности опять-таки был напрямую связан с динамикой движений, которые в эти годы пошли на убыль, причем в их затухании наряду с репрессиями властей немаловажную роль сыграл отход от движений части крестьян, более или менее удовлетворенных результатами антифеодальных аграрных реформ.

Исследование крестьянской активности в 40—50-х годах, таким образом, объективно подталкивало к тому, чтобы ее подъем отождествлять с общекрестьянским движением, спад — с расколом и ослаблением такого движения. В результате выработался как бы эталонный набор характеристик, подразумеваемых в случае употребления понятия «крестьянское движение»: массовость — единство целей — общий враг — организованность — длительность. Но именно поэтому наш акцент на движениях исказил бы оценку крестьянской активности в современный период, ибо уже к началу 70-х годов в восточной деревне сложились такие условия общественной борьбы, которые, с одной стороны, не позволяли ей вплотную приблизиться к эталону «настоящего» движения, с другой же — стимулировали выход на первый план иных форм борьбы, отличных от общекрестьянского движения.

В качестве одной или обеих противоборствующих сторон в аграрных социальных конфликтах выступают крестьяне. Этим понятием в статье объединяются все те, кто постоянно прожи-

вает в поселениях сельского типа, занят в основном в сельском хозяйстве и вследствие происхождения, места проживания, рода занятий рассматривает себя и рассматривается другими как член деревенского общества, вне зависимости от того, ведет ли он в данный момент собственное хозяйство, или только работает по найму в чужом хозяйстве, или же сочетает и то и другое. Подобное расширительное толкование понятий «крестьяне», «крестьянство» имеет определенное основание в исторической специфике социальной организации восточной деревни, в сохранении в крестьянской среде устойчивых социокультурных традиций, общих для всех крестьян, а также в ограниченности реальных альтернатив собственному хозяйству как источнику мелких потребительских доходов (из-за чего и большинство лиц, работающих по найму в аграрном секторе, сохраняют такое хозяйство либо стремятся обзавестись им).

Расширительно используется нами и понятие «сельскохозяйственные рабочие». Помимо того что в соответствии с изложенными выше причинами мы считаем пока еще возможным включать в состав крестьянства большинство сельскохозяйственных рабочих (исключение, да и то не безоговорочное, может быть сделано только для рабочих плантаций и государственных ферм), это понятие в статье прилагается ко всем, у кого доход от работы по найму в сельском хозяйстве составляет уже главную в процентном отношении статью всего дохода (хотя удельный вес ее может быть не выше трети — половины). Другими словами, пользуясь понятием «сельскохозяйственный рабочий», мы не вкладываем в него тот точный классовый смысл, который оно имеет в однородной социально-экономической структуре с высоким уровнем развития капиталистических производственных отношений. Принятое в данной статье расширительное толкование понятий «крестьяне» и «сельскохозяйственные рабочие» обусловлено главным образом задачами исследования, но в его пользу говорят и некоторые выделяемые ниже сущностно важные особенности социально-классовых процессов и самих социальных конфликтов в современной восточной деревне.

И последнее предварительное замечание. В статье рассматриваются социальные конфликты в деревне только стран капиталистического пути развития, где эти конфликты приобрели массовый характер и относительно хорошо документированы.

I

Для того чтобы определить, какие социальные сдвиги играют либо способны сыграть важнейшую роль с точки зрения колебаний социально-политической активности крестьянства и в чем заключается их значение, надо, по нашему мнению, сконцентрировать внимание на трех процессах: разрушении тради-

ционной деревенской социальной организации, классообразовании современного типа в деревне, массовой пауперизации трудового крестьянства. Все они начались раньше рассматриваемого в статье периода, но их интенсивность, а значит, и воздействие на общественную жизнь деревни стали особенно заметными именно в 70—80-х годах.

Разрушение традиционной деревенской социальной организации. Традиционная социальная организация восточной деревни в пору своего расцвета представляла собой совокупность институтов и связей двух видов: а) сложившихся в рамках древней земледельческой общины и б) возникших в ходе подчинения общины классу крупных держателей (собственников) земли и государству. Вследствие совмещения принадлежавших разным эпохам институциональных пластов жизнь традиционной деревни производила одновременно впечатление гармонии и противоречий. Общинный субстрат, стойко просвечивая сквозь толщу позднейших наслоений, постоянно напоминал крестьянину о цели производства, завещанной поколениями предков. Ею было, говоря словами К. Маркса, «воспроизводство производителя... в объективных условиях его существования и вместе с ними», что предполагало целостное воспроизводство общинного коллектива, или «*заранее данных* (в той или иной степени естественно сложившихся или же исторически возникших, но ставших традиционными) отношений отдельного человека к его общине», собственностью которой он сам до известной степени являлся [4]. Эта цель стала мерилом жизненных устремлений рядового крестьянина. Человек, а не богатство как цель производства, зависимость судеб всех от судьбы каждого (и наоборот), органичное слияние мира человека с миром природы — разве все эти черты общины, во многом унаследованные даже послеколониальной деревней, не образуют в своем слиянии гармоничную картину стихийного гуманизма крестьянской жизни? Но стоит перевернуть сияющий светлыми красками холст — и видишь, что он соткан из пропитанных слезами и кровью нитей.

Во-первых, отмеченный К. Марксом на западноевропейском и русском материале изначальный функциональный дуализм земледельческой общины (как такой ячейки общества, для которой собственная устойчивость имеет самодовлеющее значение, но в недрах которой в то же время допускается определенное развитие личности [5]) на Востоке был дополнен структурным дуализмом, выражавшимся в закрепленном обычаем и нередко наследственном большем или меньшем неравенстве социального положения тех, кто обладал владельческими правами на землю, и тех, кто таких прав не имел. Там, где это неравенство было именно бо́льшим (например, в Иране, Индонезии, особенно же в Индии), оно легло в основание внутридеревенского разделения и мобилизации труда, т. е. тоже обрело функциональную значимость. В результате питаемый этим неравенством и грозящий разрывом общины изнутри традицион-

ный социальный раскол крестьянства (отчетливо, впрочем, обозначившийся только в колониальную эпоху) стал воспроизводиться с таким же постоянством, как черты видимой целостности общины.

Во-вторых, выкачка из деревни создаваемого в ней прибавочного и части необходимого продукта посредством централизованной эксплуатации (налоги и повинности в пользу государства) либо «частных» действий эксплуататоров (рента помещику, процент ростовщику, взятка чиновнику) приводила к тому, что неизменно углублявшаяся бедность делалась постоянным спутником жизни не только безземельных, но и большинства хозяйствующих крестьян.

В-третьих, небольшая группа полноправных общинников, причастная к отправлению административных, фискальных и хозяйственных функций государства и феодального держания, используя выгоды от сотрудничества с агентами эксплуатации общины и выполнения важных обязанностей внутри общины, как минимум поддерживала свой имущественный уровень. Постепенно она превратилась в высшую прослойку крестьянства, прибегавшую «по случаю» к торгово-ростовщической и рентной эксплуатации неимущих общинников, наиболее способную перейти к товарному производству в земледелии.

Вместе с тем до сравнительно недавнего времени деревенское самоуправление, переделы полей, обмен продуктами и услугами, ведение производства частично на коллективных началах, взаимопомощь и т. д. повышали сопротивляемость крестьян давлению внедеревенских эксплуататоров, распределяя его относительно равномерно. Благодаря же длительному сохранению таких обычаев, как свободный выпас безземельными скота на чужом жнивье, или их участие в уборке урожая вне зависимости от потребностей того или иного хозяйства в рабочих руках, или потребление ими чужого богатства во время деревенских праздников, не получали адекватного политического выражения традиционный социальный раскол крестьянства и обособление деревенской верхушки. Ведь перечисленные и другие обычаи того же рода [6], помогая неимущим поддерживать существование пусть на низком, зато гарантированном уровне, периодически вливали свежую кровь в представления крестьян о деревне как о таком социальном организме, в котором обязательная страхующая поддержка со стороны сильных необходимо дополняется смирением со своим приниженным положением со стороны слабых. Так институт общинных гарантий личности эффективно разряжал социальную напряженность в сельской местности.

Эта особенность данного института, делавшая его осью, на которую крепилась традиционная деревенская социальная организация, начала отчетливо сознаваться в развивающихся странах лишь в момент его разрушения. Но даже если дело обстояло бы иначе, если правительства и партии, арендаторы и

землевладельцы, сельскохозяйственные рабочие и их наниматели, короче, любая сила в обществе и общество в целом имели бы самые полные представления о политически стабилизирующей роли традиционного института социальных гарантий, он все равно не был бы спасен от гибели.

Вынуждая непроизводительно растрачивать накопленное богатство и делая почти невозможным учет личного трудового вклада каждого участника производства, социально страхующие установления, конечно, сдерживали развитие частнохозяйственного капитализма, безответственного индивидуализма одних, трагической отчужденности и социальной деградации других. Но они также служили своеобразными стражами низкопроизводительных, застойных способов хозяйствования и препятствовали высвобождению творческого потенциала личности, ее пристрастий и потребностей из оков стереотипных представлений и правил поведения, которые допускали развитие «я» лишь в той мере, в какой оно не угрожало косной неизменности деревенского «мы». Поэтому наряду с другими вековыми обычаями, регулировавшими производство и присвоение продукта в деревенской общности, они оказались тормозом развития производительных сил в сельском хозяйстве, и уже одно это неизбежно обрекало их на разрушение. А ведь они к тому же начали утрачивать свою функциональную эффективность: в то время как в организационно-хозяйственном отношении эти обычаи вместе с докапиталистическими методами эксплуатации препятствовали росту производства, демографический взрыв, исчерпание свободных земель, массовый сгон арендаторов в канун аграрных реформ и т. п., во-первых, расширяли круг участников системы «разделяемой бедности», что означало падение доли каждого из них, во-вторых, вели к возникновению либо резкому обострению противоречий между группами, оказывавшими страхующую поддержку, и группами, получавшими ее. Институт социальных гарантий стал подвергаться атакам с двух сторон: снизу эксплуатируемые сельские трудящиеся рассчитывали свести все его функции к уравнительно-перераспределительной; сверху помещики, зажиточные и высокостатусные крестьяне стремились до предела сузить выделяемый ими материальный фонд социальных гарантий, сохранив, однако, в неприкосновенности функцию социального принижения тех, кому предоставлялись данные гарантии. При этом вторые более или менее преуспевали в изменении баланса функций традиционных установлений в свою пользу, тогда как первым в лучшем случае удавалось лишь замедлить процесс разрыва традиционных обязательств.

В борьбу вокруг общинных институтов мощно вклинилась аграрная политика государства. Точнее, видимо, сказать, что в совокупности стихийных внутридеревенских устремлений и целенаправленных усилий государства «стратегическая инициатива» чаще принадлежала именно государству. Она обеспечивалась крупномасштабностью государственного воздействия и

в большинстве афро-азиатских стран капиталистического пути выражалась в аграрных реформах и других мерах по укреплению массовой базы капитализма (в виде охваченных низшими формами кооперации мелкотоварных хозяйств) и по ускорению технологического преобразования производства (главным образом на основе хозяйств, переходящих на рельсы относительно крупного капиталистического предпринимательства). И какие бы конкретные формы ни принимала аграрная политика государства, она в сильнейшей степени способствовала разрушению традиционной социальной организации деревни, почти нигде не предлагая равноценной — по социально страхующему и политически стабилизирующему эффекту — замены.

В этом смысле, пожалуй, наиболее показателен опыт Ирана. В ходе шахских аграрных реформ землю получили 2,3—2,5 млн. крестьян, причем двум третям из этого числа достались наделы, позволявшие вести лишь мелкое потребительское хозяйство[7]. Платой же за превращение арендаторов в парцелльных собственников была гибель общинных по происхождению сельских институтов. Исчезновение аналогичных институтов в Западной Европе, как в свое время отмечал Ф. Энгельс, фактически перечеркнуло для крестьян выгоды от отмены феодальных поборов[8]. Но тем более важным было значение этих институтов в Иране, где агрикультура во многих районах базировалась на особых способах искусственного орошения, требовавших постоянной трудовой кооперации крестьян. Парцелльное хозяйство не оставляло места бонеху — трудовой артели, которая, пусть на неизменно низком уровне развития производительных сил, издавна обеспечивала относительно рациональное использование дефицитных водных ресурсов, а также определенные гарантии занятости многочисленным безземельным семьям[9]. Государство создавало в деревне кредитные и снабженческо-сбытовые кооперативы; но ведущие принципы их работы — связи с каждым новым собственником на индивидуальной основе, полностью отвечавшие ставке на обуржуазивание крестьянства, целевая направленность кредита только на производство, жесткие сроки его возвращения — не позволили кооперативам стать действенными институтами социальных гарантий. Точно так же созданные в 70-е годы деревенские советы не смогли заменить бонех в политическом отношении, и в результате «гарантом» стабильности стала, по существу, жандармерия.

Вообще-то, разрушая традиционные установления, государство обычно рассчитывает впредь само отправлять их функции. Однако сделать это ему чрезвычайно трудно. Ведь старые институты — это освященные традицией плоды собственной жизни каждой отдельной деревни, при несомненной типологической однородности несущие печать неповторимых особенностей приспособления той или иной общины к природному и социальному окружению. Новые же институты представляют собой стандартизированное произведение государственной машины.

Пусть они теоретически во много крат более благодетельны, чем старые, но задуманы-то они без участия крестьян и, с точки зрения последних, имеют некрестьянские или не совсем крестьянские цели. К тому же в своей деятельности новые институты слишком сильно зависят от бюрократического аппарата, неспособного столь же оперативно реагировать на нужды и выступления низших имущественных и неимущих групп, как это делали — выручая в одних случаях, наказывая в других — традиционная социальная организация деревни или стоявший над ней могущественный патрон. Наконец, барьеры на пути новых институтов вырастают в поистине несокрушимые препятствия оттого, что в капиталистически развивающихся странах Востока и в правящем блоке, и в системе местных органов власти сильные позиции удерживают такие общественные группы, для которых ближний интерес ограбления трудового крестьянства постоянно перебивает всеми признаваемую на словах необходимость помощи деревне через новые институты.

Итак, лишаясь с распадением комплекса традиционных гарантий своего узлового звена, крестьянский мир сам начал распадаться. Перед низшим слоем общинников открылась мрачная перспектива полного обнищания и утраты социальной значимости существования; мелкие и средние собственники увидели, что нет больше щита, отгораживавшего их от угрозы разорения. Иными словами, начавшийся слом общинных установлений оказался чреватым чрезвычайно болезненными социальными и материальными последствиями для массы крестьян. Но его революционизирующий заряд заключался даже не столько в объективном ухудшении положения миллионов сельских тружеников, сколько в субъективном ощущении ими острой социальной несправедливости, незаконности или корыстности действий, повлекших за собой гибель старых деревенских институтов и извративших значение новых.

Классообразование современного типа в деревне. Эрозия унаследованной от прошлого социальной организации деревни облегчает развитие современного классообразовательного процесса. Традиционное имущественное и социальное неравенство лишается нормативности, обнажается эгоистическая подоплека действий эксплуататорских групп. А это не может не ускорить вызревание классового сознания у эксплуатируемых. Но еще более важно, что по мере разрушения традиционных институтов объектом прямого воздействия капитализма становятся вместо былой, относительно сплоченной, самодовлеющей и саморегулирующейся общины ее более мелкие, сильнее поддающиеся внешнему влиянию и менее устойчивые из-за своей разрозненности частицы. В результате традиционный социальный раскол либо исчезает под обломками старой деревенской структуры, либо преобразуется в раскол уже иного рода — между общностями, объективные различия между которыми не совпадают с былыми статусными различиями или заявляют о себе непосредственно,

обходясь без иерархии наследственных статусов. К старым противоречиям, более отчетливо проявляющимся при разрушении общинных институтов, добавляются новые — они возникают в ходе обострения взаимоотношений складывающихся классов и придают мощный импульс росту социальной напряженности.

Как же конкретно развивался современный, в данном случае буржуазно ориентированный, классообразовательный процесс в деревне и какие направления социальных противоречий создавались его активизацией?

В 70-х — первой половине 80-х годов в сфере непосредственного воздействия этого процесса ускорилось слияние обуржуазивающихся помещиков, общинной верхушки и верхнего слоя деревенской мелкой буржуазии в класс сельской буржуазии. Наиболее быстро оно происходило в центрах сравнительно глубокой модернизации сельскохозяйственного производства. Здесь исторически сложилось особо благоприятное для прогресса товарного земледелия соотношение аграрных ресурсов; сюда же поступала бо́льшая и лучшая часть государственной помощи сельскому хозяйству. Группам, служившим исходным социальным материалом для формирования сельской буржуазии, здесь было легче разрывать социальные связи, обеспечивавшие нормативное отчуждение части потенциального фонда производительных накоплений, а затем, используя свое политическое влияние на местах и контакты с городской буржуазией, партийными функционерами и бюрократией,— перераспределять в свою пользу львиную долю материальных и денежных средств, поступавших по государственно-кооперативным каналам в деревню. Но тем самым подымающийся класс сельских предпринимателей создавал напряженность в отношениях с большинством хозяйствующих крестьян, которых он оттеснял от источников организованного кредита и современных средств производства и по-прежнему не гнушался прижимать прессом торгово-ростовщической эксплуатации, а также с государством, которое, в принципе всемерно поощряя развитие аграрного капитализма, вынуждено было ориентироваться в деревне на более широкий круг социальных интересов и потому отчасти ограничивать аппетиты сельской буржуазии. Далее, росли классовые противоречия между сельской буржуазией и сельскохозяйственными рабочими. Наконец, за пределами зоны технологического преобразования сельского хозяйства, где обуржуазивание уцелевших от реформ крупных земельных собственников и традиционной верхушки деревни только начиналось, было поверхностным, выражалось главным образом в погоне за денежными доходами с целью перестройки личного потребления по городским образцам и не сопровождалось переходом к ведению собственного предпринимательского хозяйства,— там постоянным источником социальной напряженности оставались нередко ужесточающиеся на этой основе докапиталистические, в первую очередь рентные и кабальные, способы эксплуатации неимущего крестьянства.

Преобладающей формой экономической деятельности большинства крестьян-хозяев по-прежнему было ведение потребительских по направленности, полунатуральных по степени связи с рынком хозяйств, в которых элементы товарного производства имели крайне ограниченные возможности роста из-за постоянного уменьшения обрабатываемой площади (вследствие дроблений при наследовании и закладов по кусочкам за долги) и значительного объема безвозмездных изъятий продукта государством и стадиально различными типами частных эксплуататоров. Владельцы подобных хозяйств лишь косвенно были затронуты современным классообразованием — в той мере, в какой оно расшатывало устойчивость социально-экономических структур, объединяющих докапиталистических производителей. И все же аграрные реформы и «зеленая революция» в определенной мере расширили ряды сельской мелкой буржуазии в странах Востока.

В рассматриваемый период процесс ее становления в возрастающей степени контролируется государством. Его институциональные мероприятия, политика в области ценообразования, регулирования сферы обращения и т. д. во многом определяют условия воспроизводства в хозяйствах, постоянно связанных с рынком. Поэтому именно по линии взаимодействия государственной и крестьянской собственности и создается столь характерное для деревни современного Востока разнообразие социальных типов мелких товаропроизводителей: от верхушечных групп «удачливых» хозяев, при благоприятных обстоятельствах пополняющих ряды сельской буржуазии, до массы таких мелких хозяев, которые превращаются фактически в работников государственной рассеянной мануфактуры в сельском хозяйстве и, как таковые, утрачивают постепенно объективную основу сохранения в своем социальном облике (или вообще появления в нем) мелкобуржуазных черт. Иначе говоря, органически присущая мелким товаропроизводителям при капитализме двойственность положения — как собственника и как труженика — дополняется структурной рыхлостью этой группы крестьянства, определенной разнонаправленностью интересов входящих в нее подгрупп. Кроме того, даже общие интересы всех мелких товаропроизводителей еще не гарантируют выработки ими последовательного курса политической борьбы, подталкивают сельскую мелкую буржуазию к установлению союзов с борющимися друг с другом силами. Так, болезненная отзывчивость мелких товаропроизводителей на изменения рыночной конъюнктуры и аграрной политики государства оказывается одной из главных причин их борьбы (в союзе с сельской буржуазией) против торгово-посреднической и промышленной буржуазии города и государства; стремление же деревенской мелкой буржуазии укрепить свое положение за счет помощи государства ведет ее к конфликтам (подчас в союзе с неимущими группами населения деревни) с сельской буржуазией, претендую-

щей на монопольное пользование благами государственной поддержки. Все это сильно ограничивает возможности самостоятельных экономических и политических выступлений сельской мелкой буржуазии как единого целого.

Быстро увеличивалась в 70-х — первой половине 80-х годов общая численность лиц, работающих по найму в сельском хозяйстве. Правда, происходило это главным образом за счет разбухания армии сезонников и поденщиков. И те и другие во многом сохраняли социальные признаки низшего, традиционно неимущего слоя общинного крестьянства. Однако расширялся и отряд постоянных рабочих, в облике которых в разной степени, но все более явственно проступали черты нового класса — сельскохозяйственного пролетариата. Прежде всего это относится к сложившимся еще в колониальные времена кадрам рабочих крупных государственных и частных хозяйств плантационного типа в Шри Ланке, Индии, странах Магриба и Юго-Восточной Азии. Затем в данный отряд входит появившаяся повсеместно от Турции до Южной Кореи прослойка высококвалифицированных и наиболее высокооплачиваемых рабочих-механизаторов. Наконец, он включает растущее число рабочих, занятых в хозяйствах сельской буржуазии, либо выполняющих там трудоемкие, основанные на ручном труде операции, либо включенных в технологический процесс, который сочетает ручной труд с механизированным. В ряде районов (особенно в странах Индостана) в составе последней категории рабочих выделяются как минимум две группы. Одну образуют традиционные «слуги» — низкостатусные рабочие, прикрепленные к хозяйствам деревенской верхушки долговой кабалой, в сильнейшей степени зависящие от своих работодателей и часто пребывающие в трагической социальной изоляции. Они располагаются как бы на самой границе зоны современного классообразования, фактически затронуты им лишь постольку, поскольку сдвиги в социальной психологии хозяев оборачиваются для рабочих ужесточением эксплуатации и дальнейшей дегуманизацией условий существования. Другую, быстро растущую группу составляют рабочие, уже освободившиеся от традиционной зависимости и обычно вступающие со своими нанимателями в более гибкие, легко разрываемые отношения «нового патронажа» на основе краткосрочной задолженности. В целом, хотя процесс сложения класса сельскохозяйственного пролетариата протекает крайне неравномерно и по темпам отстает от классообразования на верхнем полюсе деревни, он тем не менее ведет к росту числа рабочих, участвующих в аграрных социальных конфликтах.

Итак, классообразование современного типа активно влияет на выработку позиций и социальных характеристик, на саму расстановку борющихся сторон в аграрных социальных конфликтах. Но при этом оно находится на ранней стадии и непосредственно охватывает пока меньшую часть крестьянства.

Во многих аграрных районах разрушительная сторона классообразовательного процесса заметно преобладает над созидательной. Покончив с однородностью крестьянства как крестьянства традиционного и не сумев еще вывести его целиком на стадию сложения классов капиталистического общества, современное классообразование создает тем самым возможность появления новых несоответствий между объективными классовыми интересами сельских трудящихся и их общественным поведением.

Действительно, взятое в целом, крестьянство распадается сейчас на две ветви. Классы и слои, входящие в состав одной из них, в основном образуются под прямым воздействием капиталистических отношений, довольно широко проникших в отдельных районах в само сельскохозяйственное производство. Другая ветвь формируется более сложным путем. Она охватывает чрезвычайно многочисленные отряды крестьянства, которые находятся вне сферы господства современного классообразования, но в то же время испытывают последствия распространения в масштабах всего общества буржуазных отношений и представлений[10].

Если сравнить две эти ветви, то станет очевидно, что стадиальное различие между ними дополняется различием другого рода: социальный облик крестьян первой ветви относительно целостен, второй — характеризуется большей или меньшей двойственностью. Оба различия воплощаются и в социально-политических ориентациях. Например, в индийском штате Пенджаб рабочий-механизатор и рабочий-сезонник оба подвергаются капиталистической эксплуатации. Но различия между ними в условиях существования, характере труда (постоянный и эпизодический капиталистический наем), а также социальном статусе, который определяется теперь не только степенью «чистоты», унаследованной по рождению в той или иной касте или религиозной общине, но и мерой сопричастности престижному миру аграрного «модернизма» (обслуживание современной техники, постоянная занятость, сравнительно высокая зарплата),— эти различия могут в субъективной самооценке представиться более важными, чем, скажем, различия между механизатором и нанимающим его крупным фермером.

Расщепление трудового крестьянства на две ветви может дезорганизовать его сразу и в плане борьбы против непосредственных эксплуататоров в крестьянской среде (когда первостепенное значение имеет классовое размежевание внутри деревни), и в плане совместной с таковыми борьбы против внешних по отношению к деревне эксплуататорских сил (когда для достижения целей, объективно отвечающих интересам крестьянства в целом, все крестьяне должны выступить единым фронтом). Вместе с тем сосуществование стадиально разных типов крестьянства вряд ли грозит его долговременным политическим расколом, ибо закреплению различий между двумя ветвями в

их общественном поведении препятствует тенденция к определенному взаимопереплетению, взаимоподстройке докапиталистических и капиталистических аграрных отношений.

Массовая пауперизация трудового крестьянства. Классообразование современного типа воздействовало бы на деревенское общество более динамично и глубоко, более точно преломлялось бы в сознании крестьян, если бы наряду со стадиальной разнотипностью и еще сохраняющимся традиционным членением крестьянства не ограничивалось и не искажалось процессом, который также был напрямую связан с разрушением общинных институтов,— массовой пауперизацией сельских трудящихся.

Безусловно, обнищание крестьян нельзя считать исключительно следствием падения старого общинного мира под натиском враждебных ему внешних сил. Сам этот мир в течение веков аккумулировал в своих ячейках массу сельских трудящихся, по особенностям положения приближавшихся к пауперам. А после того как прочность традиционных деревенских институтов была основательно подорвана, в действие вступили новые факторы обнищания, связанные с более быстрым, чем прежде, распространением рыночных отношений и буржуазных ценностей.

В целом пауперизация привела к образованию огромного по численности социального конгломерата. Некоторое представление о его размерах может дать, например, рассчитанная по материалам первой половины 70-х годов для ряда основных зернопроизводящих районов Востока доля в общем числе земледельческих хозяйств таких, которые из-за недостаточной площади землепользования в массе своей не могли обеспечить семье прожиточный минимум. Эта доля достигала около 68% на севере Туниса, чуть меньше 40% — в пакистанском Пенджабе, 70% — в индийском штате Тамилнад, более 73% — в целом в Бангладеш и почти 76% — на Яве, в Индонезии [11].

Составляют конгломерат следующие основные группы: традиционно неимущие трудящиеся; пауперизировавшиеся под давлением ростовщической эксплуатации и в результате дробления хозяйств крестьяне; жертвы уже собственно капиталистического «раскрестьянивания»; арендаторы без защищенных законом арендных прав; разорившиеся деревенские ремесленники. Разнородные по происхождению, они объединяются некоторыми общими чертами. Здесь и полная или почти полная утрата всех или значительной части средств производства, и рассредоточение экономической деятельности по разным укладам, и нерегулярность и низкая производительность занятий, служащих источниками мизерных доходов. Но едва ли не самой общей характерной чертой существования пауперизированных групп является его мучительная нестабильность. И поэтому они, внутренне не приемля социальную приниженность, предопределяемую нищетой, в то же время нередко стараются сохранить подчеркивающие низкий социальный статус вертикальные связи с

сельскими эксплуататорами, еще хоть как-то гарантирующие ссуду на потребление, работу по найму, ведение арендаторского хозяйства. Объективно подобные действия отражают стремление к восстановлению традиционной социальной организации деревни в ее общинном «первообразе» и оказывают сильное, хотя и не явно выраженное давление на поведение обуржуазивающейся деревенской верхушки, как бы предупреждая ее, что попытки дальнейшего очищения производственных отношений от традиционных примесей, дальнейшей мобилизации земли, еще занятой парцелльными хозяйствами, чреваты исключительно взрывоопасными социальными последствиями.

Социально-политическое значение пауперизации очень сильно зависит от того, как она соотносится с классообразованием. Обнищание низводит примерно на одинаковый уровень существования и мелких собственников, и безземельные семьи[12] и то прямо (лишение возможности потреблять по исторически утвердившимся образцам), то косвенно (выталкивание бедноты в ряды отходников) уничтожает значимость статусных, религиозных, этнических различий, разделявших и еще во многом разделяющих трудящееся крестьянство. Следовательно, ломая традиционные социальные перегородки, оно совершает подготовительную работу для формирования новых классов. Однако в странах Востока обнищание не может всегда и везде рассматриваться лишь как составная часть капиталистического разложения крестьянства, отождествляться исключительно с определенной стадией пролетаризации непосредственных производителей. Оно имеет и относительно самостоятельное значение, поскольку почти повсеместно за пределами районов ускоренного развития аграрного капитализма действует как процесс исключения миллионов крестьян из сферы непосредственно классосозидающей работы частного капитала и общественных форм собственности.

К тому же обнищание нередко разъединяет или усиливает разъединенность своих жертв на групповом уровне. «Выравнивая» экономическое положение традиционно неимущего крестьянства и недавних самостоятельных хозяев, оно одновременно может, как это ни парадоксально, усилить в сознании и тех и других значение традиционных социальных делений. Так, высокий наследственный статус, по сути нематериальный, но все же самый стойкий символ былого благополучия разоряющегося собственника, зачастую рассматривается его обладателем как право на гарантированный доступ к источникам жизненных средств — в том числе и за счет тех, кто таким статусом никогда не обладал. В результате на начальной стадии обнищания крестьяне из более высоких по статусу групп могут противопоставлять себя остальным беднякам, а в момент столкновения последних с традиционной или новой верхушкой деревни — перебегать на ее сторону. Лишь в дальнейшем, когда нищета становится привычной, приходит понимание, что выход

не в обособлении по заветам прошлого, а в единении ради будущего.

Во многих случаях обнищание происходит столь быстро, что вместо конкуренции между различными по происхождению группами пауперов сразу же «в обход» тенденции к сближению начинается острая индивидуалистическая борьба за выживание внутри каждой группы. Фактически это уже начало люмпенпролетаризации. Возникновение довольно крупного отряда сельских люмпенов, включающего не столько профессиональных, сколько замаскированных нищих, воришек, сводников и проституток «по случаю», сочетающих мелкие правонарушения с периодическим участием в общественном производстве [13], было, на наш взгляд, одним из печальных итогов «зеленой революции». Правда, такого рода сельские люмпены множились не везде, а лишь там, где аграрное перенаселение было выражено наиболее ярко и где при глубокой хозяйственной отсталости деревни разрушение ее традиционной социальной организации зашло далеко.

Наконец, обнищание способствует новому неклассовому расщеплению крестьянства. Оно отчасти вуалирует противоречия между полуфеодальными помещиками, традиционной общинной верхушкой, зарождающейся сельской буржуазией, с одной стороны, средними и мелкими крестьянами (пока еще «удачливыми» агентами полунатурального и простого товарного производства), квалифицированными сельскохозяйственными рабочими — с другой. Все они относительно пауперов оказываются как бы в одном лагере «сытых», хотя ступени «сытости» восходят от весьма скромного достатка до ослепительного по деревенским меркам престижного потребления. В лагере «голодных» различные отряды пауперизированных трудящихся, основным источником дохода которых остаются производительные занятия, соседствуют с люмпенами, живущими уже преимущественно за счет потребления чужого богатства. Конечно, в действительности мы далеко не всегда сталкиваемся с примерами объединения всех возможных участников каждой такой коалиции для противоборства со всеми возможными участниками другой. Здесь важно иное: поскольку из-за массового обнищания крестьян в их сознании неоправданно большое значение приобретают не столь уж существенные в абсолютных показателях различия в потреблении и имущественном положении, именно эти различия могут на первичном деревенском уровне и на низших стадиях развития конфликтов временно играть более важную роль, чем объективное сходство или различие между отрядами крестьянства по месту в системе производственных отношений и характеру экономической деятельности.

* * *

Итак, начиная с 60-х годов в аграрном секторе стран Востока распространяются новые по типу экономические связи, способы привлечения труда и организации производства, которые

влекут за собой напряжения и изломы социальной структуры, сдвиги в положении отдельных ее элементов. Воздействия на поведение крестьянства объективных противоречий, способных вызвать социальные конфликты, реализуются, преломляясь в общественном сознании крестьян, преимущественно в его нижних, социально-психологических, пластах, на стыке требований реальности и цензуры нормативных представлений. При этом идущие снизу, от базиса, изменения не столько искажались в сознании крестьян из-за того, что оно не поспевало за ними, сколько «проигрывали» в столкновении с исторически закрепившимися нормативными представлениями вследствие своей собственной дробности и незавершенности. Эта дробность и незавершенность и питаемая таковыми относительная устойчивость переходных экономических форм и социально-классовых характеристик подталкивали огромную инерционную силу в сознании крестьянства к переосмыслению на традиционный лад новых политических задач, выдвигаемых перед крестьянством действительностью.

Благодаря базисным изменениям в восточной деревне в 70—80-е годы стало значительно более резко выраженным и социально ощутимым то нарушение относительного равновесия между индивидуальным и коллективным началами в сознании крестьян (веками поддерживавшегося работой общинных институтов), которое представляет собой первый этап процесса исключительной важности — становления качественно новых социальных типов личности и общности. Но те же самые базисные изменения обусловили многовариантность проявлений этого процесса в общественном поведении крестьянства.

Будучи объективно причастными к большой истории — истории классов, народов, государств,— крестьяне стран Востока на протяжении веков субъективно ощущали себя совсем в другом потоке исторического времени. Используя прекрасную метафору Ф. Броделя, можно сказать, что они глубже, чем какая-либо другая крупная социальная общность, были «погружены в рутину повседневности» [14]. Отсчет времени в социальной истории крестьянской общины производился в иных единицах, чем в истории общества, в которое община входила малой составной частицей [15]. В истории общества — войны, революции и другие огромные по размаху события; в общине — свадьба, рождение сына, праздник уборки урожая и прочие повторяющиеся из поколения в поколение факты деревенской жизни, совершенно терявшиеся в масштабе большой истории, но имевшие первостепенное значение для коллективного сознания в качестве зримых вех целостного воспроизводства общины.

Рассуждая таким образом, мы вовсе не стремимся доказать, что стереотипная повторяемость бытовых ситуаций, получившая в конце концов вид неизменных циклов (суточный физиологический цикл организма, годовой цикл сельскохозяйственных работ, жизненный цикл положений и ритуалов), наглухо изоли-

ровала крестьян от давления потребностей, рождаемых развитием общества в целом. Мы хотим только подчеркнуть, что общинные часы в пределах жизни поколения заглушали ход часов большой истории, а партикуляристские интересы общины в сознании крестьян обычно отодвигали на задний план более широкие общественные интересы. Время же личной жизни каждого крестьянина несло на себе относительно слабый оттиск его индивидуальности, поскольку один и тот же набор ситуаций в одинаковой последовательности и со сходной частотой повторялся в жизни большинства членов общинного коллектива. Соответственно интересы индивида в основном совпадали с интересами общины, в случае же расхождения — обычно проигрывали в столкновении с ними.

Эрозия традиционной социальной организации деревни нарушила устойчивость этого соотношения интересов. А внешний мир, и прежде влиявший на формирование крестьянской личности, резко умножил каналы и силу своего воздействия на деревню. Круглогодично действующие дороги, транзисторные радиоприемники и газеты, денежные переводы, письма и рассказы отходников, светская школа, кооперативы и агротехнические службы, новые товары в лавках и новая техника на полях, политические партии, охотящиеся за голосами сельских избирателей,— целая масса новых людей, вещей и институтов вне зависимости от очень больших различий в масштабах и содержании изменений, вызываемых в положении тех или иных отрядов крестьянства ее вторжением, пробивает снаружи уже подточенную изнутри расслоением и пауперизацией деревни корку общинных стереотипов сознания. Их сменяют новые представления о том, как можно и дóлжно жить человеку; референтным фоном личных устремлений взамен неподвижных норм общинного коллектива становится новая система потребностей, возникшая за пределами деревни и даже национального общества в целом [16].

Все это дает мощный толчок освобождению крестьянского сознания от вековых ориентиров. Но, во-первых, этот процесс ныне только набирает силу. А, во-вторых, для нижнего слоя крестьянства он совершается на особый лад. Он разворачивается одновременно с быстрым ростом материальной неустойчивости существования, и потому для миллионов неимущих характер труда и объем и качество потребления, теряя свою нормативную заданность, остаются, однако, почти столь же архаичными и скудными, что и прежде. В результате образуется острое противоречие между социальными устремлениями, формирующимися под влиянием новых идеалов, и реальными социальными условиями становления личности. В этом противоречии заложен мощный стимул к дальнейшему преобразованию действительности, ибо попытка его преодоления неизбежно активизирует роль крестьянства как самостоятельно действующей исторической силы.

В разрешении данного противоречия велика роль динамики социальных сдвигов. Там, где классообразование современного типа протекает особенно интенсивно, аграрные конфликты становятся для отдельных групп сельского населения школой классовой солидарности. Это способствует смещению самих конфликтов в плоскость организованной классовой борьбы. Так, можно говорить об относительно далеко продвинувшемся процессе выработки классового самосознания и соответственно росте активности тех отрядов сельских трудящихся, которым эксплуатирующие их силы абсолютно чужды по своей (некрестьянской) природе. В таком положении находятся, например, сельскохозяйственные рабочие, занятые на крупных частно- и государственно-капиталистических фермах или на контролируемых ТНК плантациях.

Переход от разрушения старых социальных общностей к образованию новых классов во многих районах сильно тормозится и искажается обнищанием крестьянства. В таких районах высвобождение личности из пут традиционных представлений протекает более сложно. Здесь выделяются два основных варианта процесса изменения крестьянского сознания.

Первый вариант — когда на глубокое обнищание низкостатусных групп крестьян накладывается резкое усиление их изоляции в обществе. В данном случае в умах крестьян соперничество между осознаваемыми в той или иной степени классовыми интересами и поведенческими установками, диктуемыми нищетой, обычно заканчивается в пользу последних. Как показывают полевые обследования, многие сельскохозяйственные рабочие-хариджане в южных и восточных штатах Индии за годы «зеленой революции» пришли к убеждению, что принцип ритуальной чистоты служит исключительно своекорыстным интересам землевладельцев из высших и средних каст [17]. Следовательно, патерналистские связи с землевладельцами, некогда организовывавшиеся и освящавшиеся иерархией степеней чистоты, утратили в глазах этих рабочих сакрально-нормативный характер. Теперь необходимость их поддержания обусловлена только тем, что с их помощью еще отчасти обеспечивается низкий прожиточный минимум. Но раз они все-таки поддерживаются, они периодически разрывают неокрепшие связи классовой солидарности между рабочими. Возникает своеобразный порочный круг: личный социальный опыт подталкивает рабочих к коллективной борьбе с землевладельцами; выводы же из этого опыта в интерпретации, навязываемой нищетой, сводятся к бескрылой прагматической премудрости, в соответствии с которой отказ от ведения борьбы гарантирует прожиточный минимум, тогда как борьба, способная привести к его увеличению в будущем, грозит его полной потерей в настоящем.

Распад традиционной коллективности усиливает индивидуальное начало в крестьянском сознании как будто лишь затем, чтобы свести это начало на уровень эгоистического инстинкта

личного самосохранения. Однако в подобной ситуации есть и положительный заряд: отказ от борьбы в обмен на гарантируемый покорностью жалкий минимум является уже не нормой поведения, которая с трудом и нечасто преодолевалась в прошлом, а простым результатом эмпирического учета обстоятельств возможного конфликта. Благодаря такой, вырабатываемой раскрепощающимся индивидуальным сознанием рациональной оценке действительности изменение обстоятельств, повышающее шансы на успех в борьбе, обеспечивает сравнительно быстрый переход от социальной пассивности к активному протесту.

Второй вариант, по нашему мнению более распространенный,— это когда процесс одностороннего усиления индивидуального начала в крестьянском сознании прерывается после прохождения его первых стадий. В данном случае гибкость мотиваций также повышается, но сугубо личностное приспособление к изменениям действительности решительно отвергается сознанием как новая форма поведения. В сознании многочисленной, задавленной нищетой и социальным гнетом части крестьянства упорно воспроизводятся представления об обязательности таких общественных институтов, в деятельности которых социальные гарантии обеспечения индивида необходимыми жизненными средствами реализуются посредством подчинения частных (индивидуальных или групповых) интересов общественным (коллективным или «общекрестьянским»). Эти представления не являются в своей основе результатом усвоения элементов социалистического мировоззрения, но они не держатся также и на одних воспоминаниях о «золотом веке» общинной жизни. Они локализуются в сфере социальной психологии, т. е. там, где унаследованные от прошлого полуразрушенные стереотипы оценок сталкиваются со своеобычно преломляемой отходящим от них крестьянским сознанием реальностью настоящего, которое воспринимается как подтверждающее правильность применения старого мерила.

В самом деле, обнищание для многих было в первую очередь видимым следствием разрушения традиционной социальной организации деревни. При всех несовершенствах новых институтов, создаваемых в деревне, их деятельность хотя бы в идеале подразумевает коллективистские образцы поведения, тем более что одной из главных функций этих новых институтов, авторитетно предписываемой государством, является хотя бы частичное замещение общинных страховых механизмов. Тем самым в глазах эксплуатируемых вновь и вновь подтверждается важность коллективистских ценностей.

В конечном счете в общественных настроениях едва ли не большинства крестьянства с новой силой проступает и прежде их отличавшая устойчивая эгалитаристская и коллективистская окраска. Но, как таковая, она способна придавать и часто придает общественной позиции крестьянства антибуржуазную направленность. Разумеется, здесь мало общего с осознан-

но совершаемым выбором в пользу некапиталистического развития всего общества. Однако в определенных благоприятных условиях, когда крестьянству удается переходить, говоря словами В. И. Ленина, «к новому историческому творчеству»[18], стихийная антибуржуазность крестьян может вылиться в действия, способствующие вступлению общества в целом на путь социалистической ориентации либо ускоряющие движение по этому пути. Именно такое значение имела в 1962 г. историческая инициатива сельскохозяйственных рабочих Алжира, приведшая к образованию сектора самоуправляемых хозяйств.

Как видим, конкретная историческая ситуация и социальная практика крестьянства, сливая свое воздействие, расставляют политические «плюсы» и «минусы» важным элементам крестьянского сознания на разных этапах его преобразования. Отсутствие раз и навсегда заданной определенности характерно и для других объективных и субъективных предпосылок изменения социально-политической обстановки в деревне, в том числе и тех, более частных по значению, которые не рассматривались нами выше (например, сельско-городской миграции или работы политических партий в деревне).

Говоря о многовариантности воздействия различных предпосылок аграрных конфликтов, нельзя не задуматься над тем, что же преобладало в 70-х — первой половине 80-х годов — нагнетание социальной напряженности или ее ослабление. С нашей точки зрения, соотношение складывалось в пользу факторов, которые способствовали повышению социально-политической активности крестьянства. Другое дело, что пестрая мозаика социальной жизни деревни, возбуждая протест крестьянства изобилующими в ней мрачными тонами — наглядными свидетельствами присущих этой жизни мучительных противоречий, еще не сложилась таким образом, чтобы стал возможным повсеместный переход от недовольства к действию и от бунта к организованной борьбе.

II

Многовариантность воздействия предпосылок аграрных конфликтов на социально-политическую обстановку в деревне делает чрезвычайно запутанной общественную борьбу здесь и тем самым крайне затрудняет разработку типологии этих конфликтов. Аграрные социальные конфликты могут быть разделены на группы (виды) и по их исторической роли, и по тяготению к той или иной стадии революционного движения или социально-экономической эволюции деревни, и по особенностям идеологического оформления, и по степени зависимости от других общественных движений, и по остроте, и по преобладающим формам разрешения и т. д. Но из-за перерыва в изучении социально-политической активности восточного крестьянства сей-

час особенно остро ощущается потребность в классификации, позволяющей максимально приблизить анализ к конкретике борьбы крестьян. А этой цели лучше других, как нам представляется, может послужить различение конфликтов по главным объектам крестьянских устремлений.

При таком подходе крестьянские выступления в самом общем виде могут быть подразделены на два потока [19]. Эти потоки обозначились еще в 60-х годах; в 70-х годах и далее их формирование ускорилось. Первый поток («хозяйский») представлен выступлениями разных в имущественном и социальном отношении групп хозяйствующего крестьянства: от почти капиталистических фермеров до мельчайших земледельцев, ведущих потребительское хозяйство. Очевидно, что их объединение в рамках одного потока не исключает возможности острых противоречий между ними; но сами эти противоречия ложатся в контекст интересов и требований, характеризующих данный поток. В ходе социально-классовой трансформации восточной деревни у многих участников выступлений, ныне составляющих первый поток, объекты и средства борьбы будут меняться, но пока что всех их объединяет прежде всего стремление обеспечить свои интересы и требования именно как самостоятельных производителей.

Второй поток («пролетарский») представлен выступлениями социально и стадиально разных групп крестьян, вовлеченных в отношения найма: начиная с капиталистического сельскохозяйственного пролетариата и кончая парцелльными собственниками, получающими лишь часть совокупных семейных доходов от работы по найму в чужих хозяйствах. Социальная пестрота участников конфликтов этого потока убедительно заявляет о себе в широком диапазоне и частых смещениях их интересов, когда, скажем, борьба за повышение заработной платы может на какое-то время затеняться борьбой за землю. Но и здесь обязательно присутствует общий, придающий второму потоку его специфику лейтмотив — требования, связанные с трудовыми отношениями.

В ходе общественной борьбы в современной восточной деревне оба потока часто переплетаются, иногда становятся трудноразличимыми. В то же время конфликты, относимые к тому или иному потоку по принципу тяготения основных интересов их участников к вопросам, связанным либо с хозяйствованием, либо с условиями работы по найму, неоднородны по другим показателям. Поэтому они сами нуждаются в дальнейшем подразделении, и при их характеристике мы будем показывать, на какие виды они дробятся по более конкретным объектам борьбы.

Первый поток («хозяйский»). В рамках этого потока борьба разворачивается по вопросам обеспечения землей и улучшения условий хозяйственного воспроизводства.

Борьба за землю. Конфликты этого вида, в свою очередь,

Таблица 1

Распространение аренды в Южной и Юго-Восточной Азии в 70-е годы *

Страна	Год переписи, обследования или оценки	Удельный вес, %		
		арендующих хозяйств в общем числе земледельческих хозяйств	арендуемых земель в общей площади земледельческих хозяйств	земель под издольной арендой во щей арендуемой площади
Пакистан	1972	58,3	46,2	83,4
Индия	1971/72	25,7	10,6	63,9**
Непал	1971	31,5	15,7	...
Бангладеш	1977	38,8	22,9	81,0
Таиланд	1973	20,0	12,1	...
Индонезия	1973	25,2	23,2	...

* Составлено по: *Морозова М. Ю.* Современная пакистанская деревня: особенности социально-экономической эволюции. М., 1986, с. 94; *Панарин С. А.* Страны Востока: проблема обнищания крестьянства и попытки ее решения. М., 1985, с. 35, 37, 39; *Щеглова А. М.* Социально-экономическая структура и классообразование в деревне Бангладеш (канд. дис.). М., 1984, с. 57; The Rural Challenge. Aldershot, 1981, с. 113.

** В суммарной площади арендуемых земель под основными видами аренды (на их долю приходится $^3/_4$ арендуемых земель в Индии).

подразделяются на три группы. Одну образуют столкновения между землевладельцами и арендаторами. Их возникновение обусловлено большим размахом арендных отношений (табл. 1) и такими особенностями последних, как преобладание мелкой потребительской аренды из нужды; концентрация массы арендующих хозяйств во многих странах на непропорционально малой части обрабатываемых площадей; широкая распространенность наиболее тяжелой формы аренды, издольщины, при которой рента поглощает от $^1/_2$ до $^2/_3$ произведенного продукта; необеспеченность даже такой аренды.

Для арендных конфликтов характерны три варианта требований, в принципе тождественные последовательным этапам борьбы. Первый вариант (этап) — формальное признание факта аренды государственными органами, регулирующими земельные отношения, и законодательное запрещение сгона арендаторов. Второй вариант (этап) — переход от видов арендного договора, обеспечивающих беспощадную докапиталистическую эксплуатацию арендаторов, к новым видам, вводящим эту эксплуатацию в «законные» рамки (например, от выплаты доли урожая к фиксированной арендной плате). Третий вариант (этап) — передача в собственность арендаторов или выкуп ими арендуемых участков. Типологическая привязка борьбы арендаторов к тому или иному конкретному этапу имеет важное

значение: она помогает определить, развивается эта борьба поступательно или нет, т. е. дать оценку ее действенности и тем самым в какой-то степени измерить уровень социально-политической активности арендаторов.

Насколько можно судить по официальным и исследовательским оценкам положения в области арендных отношений [20], к началу 70-х годов арендаторам в большинстве развивающихся стран Востока не удалось решить задачи первого этапа борьбы вокруг аренды. Эти задачи по необходимости должны были определять содержание выступлений арендаторов в 70-е — первой половине 80-х годов. Однако условия их реализации в этот период оказались едва ли не более неблагоприятными для арендаторов, чем в предшествующий. Выросло аграрное перенаселение с его общим угнетающим воздействием на борьбу деревенской бедноты (см. подробнее ниже, на примере малоземельного крестьянства). Продолжало ощущаться сходное по своему значению влияние аграрных реформ 50—60-х годов. Сделав часть бывших арендаторов собственниками, они одновременно резко ухудшили правовой статус тех крестьян, которые, не сумев в ходе реформ официально зарегистрироваться в качестве арендаторов, лишились в итоге юридических гарантий на случай аренды земли в будущем. Кроме того, реформам предшествовало формальное дробление земельной собственности для ее укрытия и ее частичное реальное разукрупнение, а за реформами последовало определенное ускорение перехода крупных землевладельцев к собственной запашке и утверждение в качестве господствующего вида соглашений об аренде устного краткосрочного арендного договора (чтобы перед лицом закона арендодатель выглядел предпринимателем, съемщик — нанятым на сезон сельскохозяйственным рабочим).

Все это значительно изменило состав и возможности противников в конфликтах по поводу аренды. Полуфеодальные помещики и соединенные с ними патриархальными узами арендаторы уже не являются главными фигурами в арендных отношениях, да и вообще комбинации вступающих в эти отношения социальных типов во многом не те, что до реформ. Правда, как и прежде, в составе арендополучателей есть выходцы из низшего слоя общинного крестьянства, традиционно не обладавшие правами на землю и не наделенные ею в ходе реформ. Но самая большая часть фонда арендуемых земель приходится теперь на собственников, среди которых, в свою очередь, лидируют мелкие землевладельцы, пытающиеся укрепить посредством приарендовывания устойчивость своих маломощных хозяйств [21]. Появились и совершенно новые действующие лица — хозяева, для которых аренда земли во многом равнозначна уже ее капиталистической мобилизации. Формирующееся фермерство не только не поддерживает, но и само теснит прочие группы арендаторов, неспособных конкурировать с ним в борьбе за землю [22].

Среди арендодателей — изменения еще большие. Здесь мы видим крупных собственников, перестраивающих свое хозяйство на предпринимательский лад (они приемлют арендаторов в той мере, в какой еще нуждаются в зависимой и потому гарантированной и покорной рабочей силе); зажиточных крестьян, нередко вышедших из верхней, защищавшейся обычаем от сгона прослойки дореформенных арендаторов; торговцев, отставных офицеров и чиновников, учителей, адвокатов,— короче, различных мелких абсентеистов, на которых (вследствие их многочисленности и принадлежности к политически влиятельным средним слоям) правящим режимам так же «неудобно» распространить действие реформы, как и на крупных производителей товарного продовольствия, сдающих часть земли мелкими наделами своим постоянным рабочим.

Перед лицом таких противников, органично входящих в подвергшуюся буржуазной модернизации структуру политической власти и потому способных эффективно блокировать даже ограниченные меры государства в защиту арендаторов, последние не часто осмеливаются на решительную борьбу. Усиление социальной дробности арендаторов, появление в их рядах «пятой колонны» — капиталистических фермеров осложняют организацию и единство действий. В результате в 70-е — первой половине 80-х годов арендные конфликты не приняли острого массового характера. Начинали их чаще всего землевладельцы, успешно осуществлявшие капиталистическую чистку земли либо предохранительную смену съемщиков (дабы те не почувствовали желания предъявить права на неоднократно арендуемый участок). Арендаторы, напротив, терпели, страдали и проигрывали. Иначе говоря, борьба вокруг аренды не просто завязла на первом этапе, но из-за особой слабости пореформенных арендаторов оставалась для них в большинстве случаев оборонительной и бесперспективной.

Пожалуй, только на Филиппинах она в своем развитии прошла второй и вышла на третий этап. Действительно, в 1960 г. в общем числе зерноводческих хозяйств в стране 31% составляли арендаторские, из них на $^{9}/_{10}$ — хозяйства издольщиков; к 1972 г. среди арендаторов-рисоводов удельный вес издольщиков понизился до $^{3}/_{5}$; в конце 1979 г. при некотором увеличении, сравнительно с 1960 г., доли арендующих хозяйств в общем числе зерноводческих (до 37%) удельный вес издольщиков среди арендаторов упал, по нашей оценке, до $^{1}/_{2}$[23].

Непосредственными инициаторами этих сдвигов предстают правящие группы. В 1963 г. они приняли земельный кодекс, в определенной степени стимулировавший замену арендной платы из доли урожая фиксированной рентой; в 1972 г.— декрет об аграрной реформе, на основе которого не только была ускорена смена одних форм аренды другими, но и был осуществлен принудительный выкуп государством крупных земельных владений с последующей распродажей их в рассрочку

бывшим издольщикам. Переходу к политике аграрного реформизма, несомненно, способствовали социально-классовые сдвиги на верхних этажах филиппинского общества[24]. Но не менее важной (хотя неявной, подспудной) причиной явились традиции массовых и боевых выступлений арендующего крестьянства, достигших своего пика в период партизанской войны хуков в 50-е годы, а в 60-е годы — начале 70-х годов получивших новое развитие в деятельности легальных крестьянских организаций под руководством коммунистов и других оппозиционных помещичьей олигархии общественных сил. Крестьянам-арендаторам не удалось революционным путем решить вопрос о земле; но и жестоко расправлявшееся с ними государство в конце концов вынуждено было пойти на уступки.

В целом же в 70-х — первой половине 80-х годов земельные конфликты первой группы переставали быть частными фактами деревенской жизни и подымались над уровнем робких, разрозненных попыток арендаторов отстоять свои интересы лишь после того, как арендующие крестьяне, почти повсеместно оказавшиеся в большей или меньшей изоляции от других отрядов трудового крестьянства, получали широкую поддержку со стороны прогрессивных сил. Но даже при этом, как показал, например, опыт индийского штата Западная Бенгалия, требовались очень большие усилия левых партий и контролируемых ими органов власти для активизации общественной позиции арендаторов[25], без чего невозможен переход от первого этапа борьбы вокруг аренды к последующим.

Вряд ли более велика ныне роль столкновений второй группы, вызываемых стремлением мелких крестьян-собственников расширить свое землевладение. Этот вывод основывается на объективной реальности, в определенной мере отражаемой в табл. 2. При составлении некоторых ее граф были сделаны три допущения: первое — что земельные владения крупнейших собственников распределяются полностью; второе — что они целиком отходят к испытывающей особенно острый земельный голод группе малоземельного крестьянства; третье — что за «норму» при распределении берется средняя по каждой стране величина землевладения (а она во многих районах фигурирующих в таблице стран все равно оказывается ниже величины хозяйственной площади, обеспечивающей достижение прожиточного минимума крестьянской семьи за счет собственного хозяйства). С учетом этих допущений получается, что в случае 100%-ного отчуждения владений крупнейших собственников в пользу мельчайших дополнительные земельные потребности последних были бы удовлетворены в Египте в 1980 г. и в Турции в 1973 г. примерно на 1/3, в Пакистане в 1976 г. и в Индии в 1971/72 г.— на 1/2.

Доступная нам статистика землевладения в Иране, Бангладеш и Индонезии, где она охватывает только хозяйствующих собственников, позволяет утверждать, что в этих странах ана-

Таблица 2

Возможные результаты перераспределения в некоторых странах Востока землевладения крупнейших собственников в пользу мельчайших и фактическая величина всех перераспределенных частных земель *

Показатель	Египет		Турция		Пакистан		Индия	
	1950 г.	1980 г.**	1963 г.	1973 г.	1955 г.	1976 г.	1953/4 г.	1971/2 г.
Число дворов мельчайших собственников, млн.	1,98	2,62	2,04	2,16	3,27	7,28	24,24	41,52
Их землевладение, млн. га	0,30	0,54	4,63	4,50	2,97	5,99	7,69	11,67
Дополнительные потребности их в земле, млн. га ***	1,35	1,03	6,35	7,98	9,57	11,11	53,63	58,49
То же в % к землевладению крупнейших собственников	169	314	372	303	155	202	120	213
Площадь частных земель фактически перераспределенных по реформам на указанный (в скобках) год, млн. га . .	0,74 (1978)		0,02 (1972)		0,49 (1974)		4,15 (1971)	
То же в % к землевладению крупнейших собственников в указанном (в скобках) году	93,0 (1950)		1,2 (1963)		8,0 (1955)		9,3 (1953)	

* Составлено и подсчитано по: *Гатауллин М. Ф.* Аграрная реформа и классовая борьба в Египте (конец 40-х — начало 80-х годов). М., 1985, с. 172, 190; *Морозова М. Ю.* Современная пакистанская деревня. М., 1986, с. 84; Политика и экономика современной Турции. М., 1977, с. 201 (данные о землевладении в Турции любезно предоставлены автору П. П. Моисеевым); The National Sample Survey. 8th Round: July 1954 — April 1955, Number 36, с. 64, 26th Round: July 1971 — September 1972, Number 215, с. 66—67; Rural Asia: Challenge and Opportunity. N. Y., 1978. с. 100. Крупнейшие собственники — дворы с землевладением свыше: 21 га — в Египте, 50 га — в Турции, 20 га — в Пакистане, 10 га — в Индии; мельчайшие собственники — дворы с землевладением не более: 0,42 га — в Египте, 5 га — в Турции, 2 га — в Пакистане, 1 га — в Индии (по данным приведенных источников).

** Так как египетская статистика на 1980 г. приводит данные о численности и землевладении мельчайших и мелких собственников только суммарно, все показатели на этот год для первой группы собственников взяты нами оценочно, из расчета, что на нее приходится 75% прироста за 1950—1980 гг. как совокупного числа мельчайших и мелких собственников, так и принадлежащей им совокупной площади.

*** Разность между тем земельным фондом, которым владела бы данная группа, если бы средняя величина землевладения в ней равнялась средней по стране, и реальным землевладением группы.

логичная операция привела бы приблизительно к тем же результатам. Следовательно, «проигранный» в табл. 2 довольно радикальный гипотетический вариант перераспределения земли можно рассматривать как свидетельство того, что ныне в большинстве крупнейших развивающихся стран Востока, концентрирующих основную часть сельскохозяйственного населения и земельных угодий, лишь перераспределительными мерами нельзя

надолго избавить от пауперизации даже одну (правда, самую многочисленную) часть мелкособственнического крестьянства.

Таков совокупный итог развития сразу нескольких процессов. Напомним главные из них.

Как известно, масса малоземельного и безземельного населения начала накапливаться в восточной деревне еще в доколониальную эпоху. Сокращение крестьянского землевладения и полное обезземеливание происходило затем под прямым давлением земельной и налоговой политики колониальной администрации, а также вследствие вовлечения аграрного сектора афро-азиатских стран в систему мирового капиталистического хозяйства (МКХ). В годы независимости к ослаблению аграрного перенаселения не смогли привести ни рост производительной занятости в сельском хозяйстве и за его пределами, слишком медленный в большинстве стран Востока, ни национальная политика в области земельных отношений, за редким исключением отличавшаяся крайней нерешительностью в плане выравнивания структуры собственности даже тогда, когда для этого еще имелись более благоприятные, чем в настоящее время, возможности (как, например, в Пакистане и Индии в 50-х годах). Ныне эти возможности фактически сведены до минимума, так как демографический взрыв, упадок общинно-коллективистских институтов и усиление тенденции к капиталистическому разложению крестьянства привели к значительному разбуханию массы малоземельных дворов и в то же время способствовали постоянному дроблению значительной части владений крупных земельных собственников.

Конечно, мелкие собственники, за редчайшим исключением, незнакомы с общенациональной земельной статистикой и в своих действиях отнюдь не руководствуются сделанными на основе ее анализа заключениями. И все же основная их часть более или менее отчетливо осознает, что ощутимое расширение их землевладения сопряжено с сильнейшей оппозицией всех прочих землевладельцев и что государство вряд ли позволит осуществить всеобщий уравнительный передел. Да и сама идея такого передела скорее их отталкивает, чем привлекает. Ведь и на парцеллы — а не только на крупные имения — падает тень огромной армии безземельных арендаторов и сельскохозяйственных рабочих. Страх спровоцировать безземельных на уравнительный передел оказывается для мелких собственников едва ли не столь же сильным политически сдерживающим фактором, что и страх прогневить помещиков или деревенскую верхушку. Активизация же интереса неимущих к земле может приводить к самоотождествлению владельцев парцелл с относительно «сытыми», к открытому противостоянию их безусловно «голодным».

Стихийно устанавливающийся союз с безземельными и яркие вспышки борьбы мелких собственников, направленной если не на юридическое, то на фактическое расширение их землевладе-

ния, наблюдаются только в тех районах, где еще сохранились неосвоенные государственные земли. Так, в Непале группы крестьян из перенаселенной центральной части страны устремляются в тераи (аллювиальные равнины вдоль границы с Индией), самовольно вырубают леса с ценными экспортными породами и распахивают расчищенные участки. В ответ ведомство лесного хозяйства периодически проводит кампании по пресечению порубок. Упор в них делается не на предупреждение, а на «примерное» наказание: деревни скваттеров сносятся, вложения крестьян не возмещаются, а сами отвоеванные у джунглей участки нередко отходят государственным служащим и окрестным помещикам. Но, несмотря на репрессии, крестьяне, зажатые в тисках экологического кризиса, земельного голода и докапиталистической эксплуатации и не получающие реальной помощи от государства, вновь и вновь пытаются выйти из положения путем освоения новых земель[26]. Конфликты по этому поводу стали хроническими и делают все более напряженными отношения между непальскими крестьянами и институтами власти.

Наибольшую силу в 70-х — первой половине 80-х годов приобрели конфликты третьей группы, хотя как массовое явление они тоже были ограничены определенными аграрными районами. Эти конфликты связаны с повышением ценности обладания землей по мере возрастания аграрного перенаселения и увеличения товарности сельскохозяйственного производства. Антагонизм двух мотиваций — сохранения землевладения как необходимого условия ведения собственного хозяйства, приносящего мелкие потребительские доходы, и расширения контроля над землей с целью увеличения объема реализуемых на рынке меновых стоимостей — раздувает пламя борьбы, в которой мелкие крестьяне выступают поначалу страдающей стороной, защищающей свою землю.

А покушаются на нее самые разные «соискатели». В первую очередь — это владельцы крупных (по местным меркам) предпринимательских хозяйств. Большинство из них постоянно нацелены на округление площади своих хозяйств за счет экономически слабых соседей. Значительную активность проявляет и довольно разношерстная группа лиц, объединяемых интересом к земле как к источнику ренты или спекулятивной прибыли от последующих перепродаж. Здесь и племенная аристократия, перерождающаяся в одну из фракций землевладельцев-абсентеистов; и городские перекупщики и подрядчики; и чиновники, рассматривающие землевладение как сферу извлечения дополнительных к жалованью и пенсии доходов; и бизнесмены средней руки, выбившиеся «в люди» из низов и рассчитывающие вместе с землей обрести уважение, приличествующее землевладельцу, и т. п. Наконец, значительно усилился натиск на крестьянское землевладение со стороны ТНК, их местных партнеров и государства. Последнее способствует обезземеливанию

крестьян в основном в двух случаях: когда очищает землю от мелких крестьянских хозяйств в наиболее привлекательных для корпораций районах и когда осуществляет крупные инфраструктурные проекты (нередко тоже подготовляющие почву для агробизнеса).

Динамика аграрных социальных конфликтов во многом зависит от того, какими средствами экспроприируется крестьянская собственность. Набор их довольно широк. Частные лица и корпорации практикуют скупку земли, отчуждают ее с помощью взятия в залог под ссуды (крестьяне возвращают эти ссуды годами, а то и вовсе не могут вернуть и теряют землю), отсуживают или захватывают силой не обеспеченные документами на владение участки; государство обычно прибегает к принудительному выкупу по цене ниже рыночной. Из этих средств только скупка, по крайней мере внешне, не содержит элементов насилия, вызывающих резкое недовольство крестьян. Впрочем, даже она вовсе не так безобидна в социально-политическом плане, как может показаться на первый взгляд. Ведь продающие землю разоряющиеся мелкие собственники пополняют ряды безземельных и как недавние хозяева испытывают особенно сильную неудовлетворенность своим новым положением. Следовательно, земельная сделка, вполне мирная форма, в которую выливается столкновение различных интересов по поводу земли, несет в себе потенциально конфликтное содержание и, как таковая, на свой лад способствует нагнетанию социальной напряженности в деревне.

К скупке земли наиболее часто прибегают представители сельской буржуазии и верхушки мелкой сельской буржуазии (что, конечно, не означает, будто они не пользуются другими средствами приращения своих земельных угодий). Это особенно характерно для старых перенаселенных аграрных районов с относительно высоким уровнем товарности земледелия. Здесь попытка прямой насильственной экспроприации натыкается на серьезное препятствие в виде юридически оформленного права крестьянской собственности, а значительная включенность мелких хозяйств в сферу действия закона стоимости, придавая «естественный» характер их разорению, облегчает мобилизацию земли как раз «мирным путем». Напротив, в странах и районах даже со значительной товарностью сельского хозяйства, но в то же время с долгой традицией свободной крестьянской колонизации, основанной на обычном праве, крестьянам куда труднее противостоять насильственным методам экспроприации, которые и выдвигаются здесь на первое место по частоте использования.

В широких масштабах такие методы были характерны в 70-х — первой половине 80-х годов для Таиланда и второго по величине острова Филиппин — Минданао. И там, и там масса крестьян вела хозяйство без оформления владения по буржуазным юридическим нормам [27], поэтому им трудно было бороться

с покушениями на их участки лиц, обладающих преимуществами богатства, юридической осведомленности, политических связей, военной силы. Особую роль в захвате не огражденных щитом закона земель в Таиланде играли операции с ростовщическими ссудами под залог земли, на Минданао — действия по подавлению сепаратистских выступлений мусульман-моро, после которых офицеры и дельцы присваивали земли бежавших мусульманских общин в свою частную собственность[28].

Примеры Минданао и Таиланда интересны еще и потому, что показывают возможность качественного сдвига в социально-политической ситуации, созданной оборонительной борьбой за землю. Он происходит тогда, когда атака на крестьянское землевладение со стороны аграрного производительного и (или) торгово-ростовщического капитала разрастается до фронтального наступления. На Минданао борьба с обезземеливанием растворилась в движении за создание независимого мусульманского государства. В Таиланде же оборонительные действия, подымаясь нарастающей волной, слились к середине 70-х годов в массовое крестьянское движение. В ходе него охранительная цель — защита крестьянской собственности — дополнилась такими требованиями (вернуть крестьянам утраченные участки, урегулировать арендные отношения, прекратить преследования крестьян, осваивающих государственные земли, подготовить конкретную программу помощи государства деревне, отменить чрезвычайное положение в ряде провинций страны) и для ее достижения применялись такие средства (массовые походы крестьян в города, создание Федерации крестьян Таиланда, попытки установления союза с рабочим классом[29]), что можно смело говорить о переходе тогда крестьян к наступательной борьбе, которая по диапазону своих объектов накануне поражения ее в 1976 г. соединяла в себе все разновидности движения крестьян-хозяев за землю и начинала уже выходить и за эти рамки.

Борьба за улучшение условий хозяйственного воспроизводства. Здесь выделяются две основные группы конфликтов. Столкновения, образующие первую группу конфликтов, концентрируются вокруг паразитирующих на крестьянском хозяйствовании докапиталистических экономических институтов, таких, как ростовщичество, купеческая монопсония, откупная система. Поначалу борьба против этих институтов бьет главным образом по защищающим их эксплуататорским прослойкам, совершенно чуждым деревенскому обществу либо традиционно занимавшим обособленное положение в его социальной структуре. Поэтому на первых порах возможно образование довольно широкого крестьянского фронта, включающего разные слои — от зажиточного крестьянства до сельскохозяйственных рабочих. Однако, поскольку зажиточные крестьяне в ходе борьбы не просто сбрасывают гнет докапиталистической эксплуатации, но нередко и сами превращаются в ее субъектов, солидарности

крестьянства в борьбе с внешним по отношению к нему посредническо-паразитическим капиталом сопутствует нарастание подрывающих эту солидарность противоречий между безземельными, мелкими и отчасти средними хозяйствующими крестьянами, с одной стороны, и формирующимся кулачеством, рвущимся «заместить» профессиональных ростовщиков и городских перекупщиков,— с другой.

В борьбе против докапиталистических институтов требования и конкретные акции протеста крестьян адресуются государственным органам, отвечающим за регулирование сферы обращения. Другими словами, здесь в еще большей степени, чем при массовых выступлениях в защиту крестьянской земельной собственности, налицо не столько открытое противостояние крестьянства угнетателям, сколько его попытки подтолкнуть власти к таким мерам, которые принесли бы ему ощутимую выгоду. При этом задача вовсе искоренить докапиталистические институты зачастую не ставится: не видя реальной альтернативы деятельности посредников, крестьяне готовы удовлетвориться установлением над ней жесткого контроля государства. Само государство обычно не имеет в своем распоряжении средств для создания эффективной системы организованного кредита или сбыта сельскохозяйственной продукции либо, даже при наличии крупных накоплений, не придает приоритетного значения аграрному развитию. Поэтому и ему ужесточение контроля представляется одним из лучших способов решения проблемы. Однако государство не располагает административным аппаратом, способным пресечь хищничество торгово-ростовщического капитала на местах, и с откровенной враждебностью относится к любым попыткам трудящихся масс самостоятельно добиться улучшения своего положения. В итоге эффект крестьянского давления на государство оказывается в значительной мере эфемерным: через какое-то время после того, как государство формально идет навстречу крестьянам, вновь болезненно обостряется проблема докапиталистических экономических институтов, и в целом борьба с ними приобретает циклический характер.

В этом отношении весьма характерны выступления крестьян Бангладеш против завышения ставок рыночных сборов. Ежегодно государство сдает там на откуп частным лицам право взимания сборов, установленных на деревенских рынках. Откупщики, стремясь увеличить ту часть суммы сборов, которая поступает им лично, устанавливают произвольные надбавки. Осенью 1980 г. эти вымогательства вызвали волнения в нескольких округах. Стихийно возникли выборные крестьянские комитеты, возглавившие движение; в их состав вошли и активисты созданного Коммунистической партией Бангладеш крестьянского союза. Размах, боевитость, относительная организованность кампании по неуплате рыночных сборов и использование ее участниками широкого диапазона средств борьбы

(собрания, шествия, сидячие забастовки у рыночных контор и административных зданий, полный бойкот отдельных рынков) придали движению большой резонанс. Власти были вынуждены пойти на уступки — ввели квитанции, удостоверяющие факт и размер оплаты сборов. Но так как в целом система откупов сохранилась, уже через три года по деревням Бангладеш прокатилась новая волна конфликтов, связанных со злоупотреблениями откупщиков [30].

Вторая группа конфликтов — это столкновения хозяйствующего крестьянства с государством как субъектом макроэкономического регулирования. Они стали особенно заметными с конца 70-х годов, прежде всего в центрах производства технических культур и основной массы товарного продовольствия. Их выдвижение здесь на первое место было обусловлено рядом процессов, отправной точкой которых явился энергетический кризис начала 70-х годов (и последовавшее затем общее ухудшение позиций развивающихся стран в системе МКХ), а непосредственно ударившим по крестьянам следствием — значительное сокращение объема государственного субсидирования современных средств сельскохозяйственного производства и изменение условий товарного обмена между промышленностью и аграрным сектором в ущерб последнему [31]. В результате крупные и часть средних товаропроизводителей, уже вступивших или готовых вступить на путь превращения в капиталистических фермеров, испытали ощутимое падение доходов, а многие средние и мелкие товаропроизводители, втянувшись в опосредованную рынком перестройку технологической базы хозяйства, оказались на грани разорения.

Остро ощущаемая данными группами необходимость изменения политики государства в области образования цен на рыночные факторы производства и на отдельные виды сельскохозяйственной продукции способствует их политическому объединению. В то же время инициаторы выступлений за изменение экономической политики правительства прилагают значительные усилия к максимальному расширению складывающейся на этой почве коалиции, ибо понимают, что массовость — лучшая гарантия успеха в борьбе с таким мощным противником, как государство. Поэтому конфликт с ним может сыграть роль довольно сильного амортизатора внутридеревенских противоречий.

В 70-е — первой половине 80-х годов столкновения крестьян-товаропроизводителей с государством происходили (в той или иной форме) в ряде стран Востока. Однако самыми впечатляющими они, пожалуй, были в Индии в начале 80-х годов. Тут они получили название борьбы «за вознаграждающие цены». Эта борьба уже рассмотрена в советской востоковедной литературе [32], и здесь мы остановимся только на тех ее особенностях, которые придали ей облик общекрестьянского движения, уже, казалось бы, забытого индийской деревней.

Во-первых, выступления, начавшись в районах относительно

высокой товарности земледелия (в штатах Тамилнад и Махараштра), распространились вскоре и на районы преобладания мелких потребительских хозяйств, придавленных докапиталистической эксплуатацией (например, в штате Бихар). Во-вторых, во главе выступлений стояли деревенские лидеры, довольно четко координировавшие действия крестьян на уровне округов и штатов; к этим выступлениям подключались основные политические партии, пытавшиеся осуществлять такую же координацию в масштабах всей страны. В-третьих, была предпринята попытка дать идеологическое обоснование выступлениям: Шарад Джоши, руководивший борьбой в Махараштре, выдвинул теорию эксплуатации Бхарата, т. е. деревенской, исконной и истинной Индии, «новой Англией» — городской и космополитической Индией [33]. В известной мере эта теория противопоставляла крестьянство крупной буржуазии, но еще больше она утверждала в крестьянском сознании ложное представление о непримиримой враждебности города и деревни, упрощенно понимаемых как две внутренне нерасчлененные социально-территориальные общности, и тем самым стала служить довольно эффективным средством приглушения внутридеревенских противоречий.

И все же, несмотря на отмеченные выше особенности, борьба «за вознаграждающие цены» не удержалась, да и не могла удержаться на уровне общекрестьянского движения. И не только потому, что правительство быстро пошло на уступки. Сама возможность для этой борьбы закрепиться на таком уровне исключалась по многим причинам: и из-за резких различий в степени развития передовых и отсталых аграрных районов, и из-за сильной имущественной дифференциации крестьянства, и из-за столкновения позиций политических партий, вмешавшихся в ход событий в деревне. Феномен движения во многом был порожден конъюнктурным совпадением отдельных интересов разных групп крестьянства, для удовлетворения которых требовалось преодолеть сопротивление одного (и в этом смысле — общего) противника — государства.

В то же время движение как бы зафиксировало открытое проявление к началу 80-х годов обозначившейся еще ранее тенденции к смещению акцента в крестьянских выступлениях первого потока с борьбы за землю на борьбу за улучшение условий хозяйственного воспроизводства. Эта тенденция, проявившаяся не только в Индии, возникла на стыке таких процессов, как переход к интенсивным методам сельскохозяйственного производства, усиление аграрного перенаселения и современного по типу классообразования, утверждение буржуазно-правовых норм и новых образцов потребления, достижимых только при условии прочной связи крестьянина с рынком одновременно в качестве потребителя и производителя. Заявив о себе в политическом поведении крестьян-хозяев, она оказывает возрастающее воздействие на общественную борьбу в деревне в целом. Допу-

ская временное сближение верхов и низов, хозяев и работников, она в конечном счете все-таки способствует расхождению интересов и организационному размежеванию имущих и неимущих. Объединяя же всех крестьян-хозяев в общем политическом союзе, целью которого является изменение экономической политики государства, она, с одной стороны, дает наилучшие шансы на захват лидерства в аграрных социальных конфликтах «хозяйского» потока зажиточным крестьянам, с другой — чревата конкурентной борьбой внутри этого потока, провоцируемой своекорыстными действиями кулацкой верхушки. Иными словами, указанная тенденция, действуя сейчас на арене общественной борьбы в качестве объединяющей, заключает в себе предпосылки к тому, чтобы из ведущей к внутридеревенскому межклассовому объединению превратиться в ведущую к внутридеревенскому межклассовому противостоянию.

Второй поток («пролетарский»). В борьбе сельскохозяйственных рабочих и других групп трудящихся, для которых работа по найму является одним из определяющих факторов формирования их социального облика, выделяются три основные линии конфликтов: борьба за удовлетворение требований пролетарского типа, выступления против социального угнетения и статусной приниженности, борьба за землю.

Борьба за удовлетворение требований пролетарского типа. Данные требования предусматривают улучшение оплаты и условий труда и социальное страхование рабочих. Они направлены также на сохранение и увеличение числа рабочих мест, охват занятых в сельском хозяйстве рабочих современным трудовым законодательством, признание за ними права на объединение по профессиональному принципу и на забастовку.

С начала 70-х годов требования пролетарского типа занимают как никогда важное место в выступлениях сельскохозяйственных рабочих. К этому привело общее ускорение развития аграрного капитализма в ходе «зеленой революции». В одних районах оно повлекло за собой вытеснение пахаря трактором, в других — при сохранении и даже подъеме уровня занятости — замену мужского труда низкооплачиваемым женским и детским, значительную интенсификацию труда, учащение случаев производственного травматизма.

Нехватка рабочей силы, полностью отвечающей требованиям технологически преобразующегося производства, вела к повышению ставок оплаты труда, но значимость этого повышения обесценивалась инфляцией. В первой половине 70-х годов реальная заработная плата рабочих во многих крупных странах Востока, как правило, снижалась (табл. 3).

Умножение на этой основе конфликтов, вызванных выдвижением требований пролетарского типа, имело очень важное значение для качественного подъема борьбы рабочих в целом. Объяснение здесь следующее. Во-первых, данные конфликты вво-

Таблица 3

Индекс реальной заработной платы сельскохозяйственных рабочих в странах Южной и Юго-Восточной Азии в 1966—1975 гг. (1970=100) *

Страна	1966 г.	1971 г.	1972 г.	1973 г.	1974 г.	1975 г.
Пакистан	84,0	100,0	104,0	—	—	—
Индия	86,1	103,5	93,3	80,1	66,9	69,0
Бангладеш	84,8	—	71,5	71,0	63,4	57,1
Шри Ланка	97,1	96,4	107,9	92,5	—	—
Малайзия	86,3	95,4	83,9	124,1	113,9	—
Филиппины	122,0	92,2	88,9	76,2	60,7	—

* Составлено по: Regional Workshop on Innovative Rural Organizations in the Formulation and Implementation of Agrarian Reform Measures, 10—13 May 1983. Bangkok. Draft Study on the Role of People's Organizations in Agrarian Reform. ESCAP. Bangkok, 1983, c. 6.

дят процесс образования новых социальных типов личности и общности на основе нижних пластов крестьянства в русло процесса формирования классового самосознания. Во-вторых, они нейтрализуют роль различий между социально и стадиально несхожими группами рабочих и тем самым облегчают выработку классовой солидарности между ними. В-третьих, участие в рассматриваемых конфликтах способствует усвоению сельскими трудящимися приемов борьбы, общих для всего рабочего класса, а значит, улучшает и перспективы установления взаимопонимания между промышленными и сельскохозяйственными рабочими. В-четвертых, опыт, который деревенские низы выносят из указанных конфликтов, помогает смещению их выступлений в плоскость организованной борьбы. Наконец, вне зависимости от конкретных итогов того или иного трудового конфликта все они в совокупности способствуют улучшению положения сельских трудящихся именно как лиц наемного труда. Так, в результате учащения этих конфликтов государство вынуждено осуществлять перевод трудовых отношений из области господства обычая и грубой силы в сферу действия единых юридических норм, благодаря чему и правовое положение рабочих в их отношениях с нанимателями становится предпочтительнее.

В ходе конфликтов, возникающих вследствие выдвижения требований пролетарского типа, все более часто вспыхивают забастовки. К сожалению, их статистика чрезвычайно ограниченна, так как учитываются забастовки только той части сельскохозяйственных рабочих, которая вовлекается в хозяйства, по числу занятых сопоставимые с цензовыми предприятиями в промышленности. Легко подсчитать, что стачечная борьба этой части рабочих в целом на Востоке нарастала [34]. В отношении тенденций забастовочного движения остальной (основной) мас-

сы участников конфликтов второго потока трудно прийти к определенному заключению из-за отсутствия необходимых данных. Но можно, во всяком случае, утверждать, что в районах ускоренного развития капитализма размах и напряженность этого движения усиливались. В этом смысле наиболее показательны выступления сельскохозяйственных рабочих индийского штата Пенджаб — бесспорного лидера по масштабам агротехнологической модернизации и производства товарного зерна не только в Индии, но и во всей развивающейся Азии.

Большинство сельскохозяйственных рабочих в штате составляют хариджане. Хотя с их социальным угнетением в Пенджабе далеко не покончено, все же здесь оно заметно слабее, чем во многих других штатах. В Пенджабе образовалась даже прослойка зажиточных хариджан, оторвавшаяся от их основной массы. Она нередко идет на поводу у землевладельческого лобби в законодательном собрании штата, предавая интересы хариджан-рабочих. Но в условиях Пенджаба потеря кастовых лидеров лишь благоприятствует тому, что трудовые конфликты в сельском хозяйстве штата не носят характера межкастовых столкновений (что довольно часто встречается в других районах Индии), как бы подтверждающих значение неклассовой социальной общности, все более становятся и по существу, и по форме конфликтами ярко выраженного классового типа, в которых рабочие выступают в первую очередь как единый организованный отряд работников наемного труда (хотя степень организованности еще недостаточно высока).

О том, насколько это укрепляет позиции сельскохозяйственных рабочих, свидетельствуют разнообразные данные об их забастовочной борьбе за удовлетворение требований пролетарского типа [35]. Здесь можно выделить две волны забастовок, проведенных по инициативе КПИ и приуроченных к моментам пересмотра правительством штата законодательно установленного минимума заработной платы (в 1974 и 1978 гг.). Стыковка забастовок с пересмотром минимума позволяла рабочим оказывать давление сразу по двум направлениям: на нанимателей, принуждаемых к повышению зарплаты выше еще не пересмотренного минимума, и на государство, которому сельскохозяйственные рабочие как бы напоминали о необходимости пересмотра и которое ставилось также перед другой необходимостью — учитывать при этом степень вынужденного подъема минимума нанимателями. В обеих стачечных кампаниях рабочие в целом добились успеха. Так, в 1978 г. ставки оплаты труда были в среднем подняты на 25%. Кроме того, правительству штата пришлось по настоянию рабочих возобновить выполнение заброшенной было им программы социального страхования сельских трудящихся (пенсии по старости, пособия вдовам и сиротам сельскохозяйственных рабочих).

В отсталых аграрных районах, где труд сельскохозяйственных рабочих используется почти исключительно в мелких крестьян-

ских хозяйствах, натурально-потребительских по своей направленности, либо в хозяйствах полуфеодальных помещиков, картина резко отличается от пенджабской. Например, в деревне Непала забастовочное движение вообще не получило еще заметного распространения. Здесь сильно распыленные территориально и почти не выделившиеся из крестьянской массы рабочие пытаются улучшить свое положение иными, чем их пенджабские собратья, средствами. Да и цели, руководящие их действиями, тоже иные. Рабочие стремятся не столько к повышению традиционных, упорно держащихся на одном уровне ставок оплаты труда, сколько к такому маневрированию в пределах существующих возможностей занятости, устанавливаемых как производственными потребностями, так и сохранением значительных обломков институтов традиционных гарантий, которое обеспечило бы им прожиточный минимум. Но отмечены факты и другого порядка, когда рабочие жертвуют относительным постоянством полунищенского дохода, приносимого наймом по системе харува (прикрепление работника-должника на сезон или несколько сезонов к крупному хозяйству), ради более высоких, хотя и не гарантированных заработков поденщика, положение которого имеет в глазах рабочих еще и то преимущество, что предоставляет бóльшую социальную независимость [36]. Данный вариант выхода, при его явной бесконфликтности, равнозначен попытке занять более «экономическое» положение в системе трудовых отношений, т. е. объективно сделать первые шаги по пути к выдвижению требований пролетарского типа.

Выступления против социального угнетения и статусной приниженности. Главный мотив соответствующих конфликтов — возрастающее сопротивление рабочих попыткам деревенской верхушки закрепить в рамках утверждающейся в сельском хозяйстве системы капиталистических производственных отношений унаследованные от прошлого методы внеэкономического принуждения трудящихся.

Внося ощутимый вклад в разрушение общинных институтов социальных гарантий, обуржуазивающиеся помещики и подымающееся кулачество нередко стараются при этом навязать деревенским низам те традиционные нормы поведения, которые в меняющихся социальных условиях нынешней восточной деревни приводят к их изоляции, бессилию и покорности. Апелляция к традиционной иерархии социальных статусов, соединяемая со ссылками на божественную предопределенность последних, образует идеологическое обоснование практики социального угнетения, которая в поведении эксплуататоров прекрасно уживается с буржуазной (хотя зачастую и поверхностной) рационализацией экономической деятельности. Поэтому выступления рабочих против социального гнета содержат в себе элементы антикапиталистической борьбы сельскохозяйственного пролетариата и антифеодальной борьбы крестьянства. Соединение двух видов борьбы облегчается тем, что для низкоста-

тусных сельскохозяйственных рабочих их конкретные противники — защитники системы социального гнета зачастую оказываются теми же самыми лицами, с которыми рабочие сталкиваются в трудовых конфликтах.

По частоте распространения выступления против социального гнета доминируют над конфликтами в области трудовых отношений лишь в отдельных районах. Связано это с территориальной неравномерностью разрушения общинных структур и с их собственной изначальной спецификой. Жесткое иерархическое членение деревенского общества, особо благоприятствующее окостенению архаичных форм социального угнетения, не везде сложилось, а до наших дней дожило лишь в Южной Азии и в отдельных районах Ближнего Востока (например, в Омане) и Магриба (например, в оазисах Сахары).

Борьба против социального гнета весьма разнообразна, но большинство столкновений отличает общая черта — крайняя ожесточенность, из-за чего эти столкновения способны в кратчайший срок оказать сильное революционизирующее воздействие на сознание и поведение рабочих. Вместе с тем ожесточенный характер борьбы не проходит бесследно и в том смысле, что в случае поражения рабочие могут надолго впасть в состояние глубокой политической апатии.

И мирные, и насильственные формы борьбы с социальным гнетом могут восходить к исторической практике общинного крестьянства или заимствовать опыт современных политических движений. Для нас наиболее важно выяснение объективного общественного значения выступлений. В одних случаях (как это было, например, во время борьбы низкостатусных крестьян-рамада с привилегированной прослойкой завия в Южном Тунисе[37]) достигалось не столько разрушение системы, допускающей в качестве необходимого компонента социальный гнет и наследственное неравенство статусов, сколько изменение места угнетенных в этой системе при молчаливом признании ими ее идеологии и принципов организации. В других (как это становится все более свойственным борьбе сельскохозяйственных рабочих из низших каст и племен в Индии) — рост ожесточенности конфликтов сопровождается их очищением от традиционных наслоений, все большим приближением к конфликтам классового типа, взрывающим всю совокупность норм и представлений, которыми освящалось и обеспечивалось внеэкономическое принуждение рабочих.

Приблизительно с конца 60-х годов в Индии почти повсюду (кроме, пожалуй, районов наиболее быстрого и свободного развития аграрного капитализма) происходят вспышки конфликтов, которые, внешне являясь спорадическими кастовыми, на деле сливаются в грозное крещендо классовой войны в деревне. Индийская пресса в связи с этим часто пишет о «жестокостях против хариджан»[38]. Но отмечены не столь уж редкие случаи нападений и на рабочих и издольщиков из средних

каст. Хариджане же попали в первую очередь под удар потому, что для них трагически совместилось положение традиционного неимущего, угнетаемого и неполноправного слоя с положением сельскохозяйственного пролетариата. По той же причине поводом для «жестокостей» лишь отчасти оказываются такие действия рабочих, которые могут быть непосредственно отождествлены с попытками сломать систему социального гнета. Не менее часто репрессии являются ответом на выдвижение рабочими из низших каст и племен требований пролетарского типа или претензий на землю. Однако, каковы бы ни были ближайшие цели противоборствующих сторон в конкретных столкновениях, общим фоном этих столкновений служит намерение одних сохранить, других — уничтожить социальный гнет, поскольку он в любого рода конфликтах усиливает позиции эксплуататоров и ослабляет позиции эксплуатируемых.

Борьбе за социальное освобождение индийских сельскохозяйственных рабочих присуща напряженная внутренняя динамика. Первоначально в массе своей рабочие того или иного района выступают даже не обороняющейся стороной, а бессильными жертвами. Но затем поведение этой массы начинает меняться, и сам варварский характер наказаний отдельных «строптивцев», осмелившихся предъявить требования своим высококастовым нанимателям или просто попытавшихся отстоять свое достоинство,— пытки, насилия над женщинами, публичные казни и т. д.— воспламеняет накопившееся негодование. Рабочие уже не разбегаются тотчас при появлении банд нанятых землевладельцами карателей, а оказывают им сопротивление. Одновременно активизируется деятельность всех демократических сил по защите сельских трудящихся, и рабочие живо на это откликаются. Например, в проведенных в 1977 г. под руководством коммунистов демонстрациях протеста против «жестокостей» участвовали сотни тысяч рабочих, многие из которых раньше совершенно не были охвачены организованными формами борьбы [39]. Несомненный рост стойкости низкостатусных рабочих в столкновениях с кастовым зажиточным крестьянством показал, что система социального гнета — по крайней мере в ее наиболее бесчеловечных формах — не срабатывает. В этом убеждает и само умножение «жестокостей»: в 1966 г., только по официальным данным, было 5969 соответствующих инцидентов, в 1977 г.— 10 879, в 1981 г.— 13 002 инцидента [40]. Приведенная динамика свидетельствует о том, что, с точки зрения собственников, все новые рабочие во все новых деревнях дают повод для репрессий.

Борьба за землю. В ней заметны два течения. Первое типологически приближается к борьбе за землю мелких хозяйствующих крестьян и сталкивается с теми же препятствиями. Слом традиционной социальной организации деревни во многих аграрных районах означал исчезновение нормативных способов соединения труда с землей и присвоения сельскохозяйственного

продукта. В такой ситуации, отягощенной узостью рынка труда за пределами сельского хозяйства, обзаведение хозяйством на своей земле тысячам рабочих представляется единственным залогом получения относительно надежных потребительских доходов. Многие рабочие в первом поколении внутренне не смирились с пролетаризацией; сказываются также надежды, порождаемые аграрными реформами, и воздействие традиционных представлений о неразрывной связи между обладанием землей и социальным престижем. Все это делает довольно упорным попытки части рабочих «вернуться» в крестьянское (хозяйское) состояние.

Избираемые при этом способы борьбы оказывают заметное, даже решающее влияние на оценку ее места в совокупности аграрных социальных конфликтов. Подчас рабочие пытаются закрепиться на земле, не предъявляя на нее прямых претензий. Например, в некоторых рисопроизводящих районах Филиппин, очищенных реформой 1972 г. от издольной аренды, распространяются новые системы найма, благодаря которым бывшие издольщики, ныне мелкие собственники, сокращают свои возросшие хозяйственные издержки за счет интенсификации труда нанимаемых на сезон рабочих, а рабочие, полностью отвечая за конечные результаты производства на «своих» кусочках наделов нанимателей, обретают постоянную занятость в течение бóльшей части года, возможность получения займов под залог выделяемой в виде зарплаты доли урожая и более высокий статус «почти хозяев»[41]. Часто эти рабочие считают себя арендаторами, сами нанимают поденщиков и лелеют надежду на приобретение обрабатываемых таким образом парцелл. Все это противопоставляет их основной массе рабочих, справедливо рассматривающих подобные системы как средство усиления эксплуатации наемного труда, и приводит к конфликтам не между рабочими и землевладельцами, а между рабочими, которые, будучи заворожены призраком крестьянской самостоятельности, запутываются в сетях «нового патронажа», и рабочими, в поведении которых более отчетливо проступают классовые черты сельскохозяйственного пролетариата.

Иную нагрузку несет борьба индийских рабочих — выходцев из племен (адиваси). Выступая за возвращение земель, присвоенных ростовщиками-индусами, рабочие-адиваси поначалу стремятся только к «окрестьяниванию». Но сама специфика их положения, когда захват племенной собственности сочетается с навязыванием статусной приниженности и со всякого рода произволом в отношении племен, приводит к тому, что надежда на возвращение земли постепенно становится лишь одним из мотивов выступлений. В ходе их новую силу обретают пошатнувшиеся было коллективистские традиции, устанавливаются связи солидарности с поденщиками-индусами, расширяется диапазон преследуемых целей, причем требование повышения зарплаты подчас становится главным. В целом выступления

развиваются от борьбы только за землю к борьбе комплексной и от ограниченного рамками племени коллективизма к созданию организации, которая защищала бы интересы адиваси в первую очередь как рабочих и вовлекала бы в свои ряды всех рабочих района [42].

По существу, выступления рабочих-адиваси представляют собой связующее звено между двумя течениями в борьбе рабочих за землю. Первое уже рассмотрено, кратко охарактеризуем теперь второе.

К. Маркс обратил внимание на то, какую роль в Англии XIX в. сыграло уничтожение земельными собственниками расположенных в границах их имений жилищ сельскохозяйственных рабочих: была окончательно подорвана способность рабочих к сопротивлению нанимателям, минимум зарплаты стал для рабочих «естественным законом» [43]. В деревне современного Востока не только собственное жилье, но и маленький надел, позволяющий производить часть потребляемого семьей продовольствия, образует существенный фактор укрепления социальной стойкости наемных работников. Поэтому попытки рабочих с помощью обзаведения собственным хозяйством вырваться из тисков нищеты, парализующей их силы и волю в столкновениях с землевладельцами, хотя и занимают сами по себе подчиненное положение по отношению к конфликтам, связанным с требованиями пролетарского типа, влекут за собой резко негативный «ответ» нанимателей.

Борьба за землю как за источник дополнительных к заработку доходов и средство решения жилищной проблемы отмечена в большинстве развивающихся стран Востока. При этом она может вписываться в выступления крестьян-хозяев за землю. Так было, например, в Иране, где после свержения монархии в ряде районов стихийно началась экспроприация земельной собственности крупных помещиков и так называемых акционерных обществ и были зафиксированы случаи, когда в разделе захваченных земель участвовали и поденщики [44]. Но чаще эта борьба развивается в виде особой кампании за распределение между безземельными рабочими излишков частновладельческих земель свыше установленного максимума, вызывающей нередко враждебное отношение широких масс собственнического крестьянства и тем самым как бы проводящей добавочную разграничительную линию между двумя потоками аграрных социальных конфликтов — «хозяйским» и «пролетарским».

Оппозиция мелких собственников сказывается и на результатах борьбы рабочих за излишки. Так, в Индии на конец 1983 г., т. е. спустя десять лет после принятия более радикального, чем прежде, законодательства о максимуме землевладения, из общей площади излишков, равной, по официальной оценке, 8,7 млн. га, среди безземельных было распределено всего 810 тыс. га [45]. При этом даже такое скромное распределение

стало возможным в немалой степени благодаря тому, что рабочие, руководимые коммунистами, буквально вырвали положенное по закону в тех отдельных районах, где возросшие классовая солидарность и организованность рабочих увеличили их силы в борьбе.

Говоря о борьбе сельскохозяйственных рабочих, взятой в целом, следует подчеркнуть, что она еще неравнозначна борьбе сформировавшегося класса сельскохозяйственного пролетариата, но развивается именно в этом направлении. В сравнении с борьбой хозяйствующих крестьян выступления рабочих выглядят, пожалуй, более боевыми. Не занимая еще по своему размаху главенствующего положения среди социальных конфликтов в деревне, борьба рабочих начинает выдвигаться на первый план по другому признаку — по характерным для нее темпам внутренней перестройки, сдвигов от низшей стадии конфликтов к высшим и от классово аморфных ко все более определенным требованиям и целям.

* * *

Мы рассмотрели два потока общественной борьбы в деревне развивающихся стран Востока, идущих по капиталистическому пути, и выделили при этом основные виды конфликтов в рамках каждого потока. Поставив задачу не только обобщить факты крестьянских выступлений в 70-е — первой половине 80-х годов, но и в какой-то мере просто донести эти факты до читателя, мы сознательно избрали типологию, предполагающую относительно невысокую степень абстрагирования от фактов. Естественным результатом этого явилось впечатление большой дробности конфликтов. Тем не менее и на ее фоне хорошо заметны некоторые общие черты конфликтов всех отмеченных видов.

В первую очередь обращает на себя внимание смещение аграрной социальной напряженности в область взаимоотношений различных отрядов крестьянства с государством. Оно обусловлено усилением воздействия государства на аграрный сектор. Государство пытается стимулировать одни и притормаживать другие экономические и социальные процессы в деревне, прилагает большие усилия к политической мобилизации крестьян в угодном ему направлении. Все это придает качественно новое содержание социально-политической обстановке в деревне, но вместе с тем влечет за собой противоречивые последствия.

С одной стороны, разного рода меры, нацеленные на получение недостаточно компенсируемой или вовсе не компенсируемой отдачи от сельского хозяйства, приводят к конфликтам крестьян с государством. Столкновения со столь могущественным противником играют особую роль в плане политического воспитания крестьянства: они побуждают крестьян к образованию политических союзов, охватывающих значительные массы

сельского населения по всей территории страны, т. е. к преодолению локальной ограниченности выступлений, и к поиску союзников за пределами деревни, т. е. к преодолению обособленности крестьянства в общественной борьбе. Параллельно «модернизм» противника вынуждает и крестьян подтягиваться до его уровня, осваивать новые для них средства защиты своих интересов.

С другой стороны, усиление государственного вмешательства отвлекает сельских трудящихся от проблем перераспределения экономических ресурсов внутри деревни. Внедряя на селе звенья единой системы административного управления, направляя сюда новые материально-технические средства и новых людей, распространяя новые представления (заложенные, например, в обоснованиях планов развития), государство как бы замыкает на себе внутридеревенские противоречия, создает иллюзию их полного разрешения путем совместной работы всех жителей деревни по осуществлению предлагаемых государством экономических и социокультурных программ и путем апелляций к государству как верховному беспристрастному арбитру. Одновременно усиливается жесткий контроль над деревней карательных органов государства. В этом отношении показателен опыт Филиппин 70-х — первой половины 80-х годов. Здесь аграрная реформа, наделившая землей часть бывших издольщиков в районах наиболее острых противоречий между крестьянами и помещиками, и создание всевозможных служб и программ по развитию аграрного сектора сочетались с попытками установить тотальный военно-полицейский контроль над деревней и с обработкой ее населения в духе верности идеалам «нового общества», в котором якобы нет места классовой борьбе. Хотя ни одна из преследовавшихся этими действиями целей не была достигнута в полном объеме, все же в течение ряда лет режиму удавалось держать крестьянство в рамках политической пассивности [46].

Следующая общая особенность, обращающая на себя внимание, связана с внутридеревенскими взаимоотношениями. Аграрные реформы, усиление прямого государственного регулирования, а также процессы обуржуазивания ощутимо подорвали позиции крупных землевладельцев-рентополучателей. Столкновения с ними крестьян еще могут первенствовать по напряженности, но по значимости уже отошли на второй план. Главными противниками в аграрных социальных конфликтах стали классы и группы, складывающиеся или уже сложившиеся внутри и на основе самого крестьянства: бывшая общинная верхушка — традиционно неимущие и низкостатусные группы; кулаки — сельскохозяйственные рабочие; бюрократическая сельская буржуазия (формирующаяся там, где особенно сильно огосударствление аграрного сектора) — крестьяне-производители и т. д.

Это принципиально важный сдвиг, в корне отличающий

70-е — первую половину 80-х годов от предшествующих десятилетий. Государству не удалось предотвратить возникновение (или проявление) антагонистических противоречий в пореформенной деревне; зато усилия государства по их «мирному» разрешению или хотя бы по сдерживанию внутридеревенской напряженности в известной мере явились причиной того, что глубина этих противоречий нередко не находит непосредственного выражения в развитии самих аграрных конфликтов. Кроме того, частое совмещение в руках деревенских по происхождению эксплуататорских слоев значительной части земельного фонда каждой деревни, денежного богатства, преимуществ, извлекаемых из господства в кооперативах и органах местного самоуправления, а также из контроля над уцелевшими обломками общинных институтов, позволяет этим слоям до определенных пределов манипулировать общественными настроениями эксплуатируемых сельских трудящихся, приглушать на время их недовольство. В очень большом исходном неравенстве социально-политических возможностей верхов и низов деревенского общества кроется не уступающая по своей действенности государственному вмешательству причина того, что открытые проявления общественных противоречий на деревенской почве не всегда были столь острыми, как можно было бы ожидать.

Но все же — и в этом заключается еще одна особенность рассматриваемого периода в сравнении с первыми пореформенными годами — аграрные социальные конфликты стали куда более частыми и распространились на страны, не знавшие всплеска крестьянских выступлений даже в рекордные по масштабам этих выступлений 40—50-е годы (например, на Таиланд и Судан [47]). Это само по себе свидетельствует о росте социально-политической активности крестьянства.

Естественно, уровень этой активности характеризуется не только частотой и территориальным размахом столкновений, но и их качественными изменениями, а они тоже происходили. Прежде всего, менялось соотношение стихийности и организованности в выступлениях крестьян. Правда, стихийные элементы еще преобладали. Но к их перевесу нельзя относиться лишь как к показателю незрелости, а значит, политической слабости крестьянства. Напомним ленинскую оценку: «стихийность движения есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустранимости» [48]. В деревне капиталистически развивающихся стран Востока свидетельством актуальности этой ленинской мысли является сама возросшая частота вспышек крестьянского недовольства. И слишком непримиримыми становятся противоположные аграрные социальные интересы, слишком болезненными — последствия их столкновений, чтобы эти вспышки не подталкивали крестьянство к поиску и усвоению новых форм борьбы, не благоприятствовали тем самым переходу к более организованным и сознательным действиям.

Кроме того, в 70-е — первой половине 80-х годов проявил-

ся совокупный эффект начавшихся ранее процессов, которые по-своему также способствовали все большему внедрению элементов организованности в борьбу сельского населения. Во-первых, введение государством ради стабилизации политического положения и с другими целями трудового законодательства, органов местного самоуправления, кооперативов, патронируемых властями крестьянских союзов открывает перед крестьянством новые возможности в борьбе, на какой-то срок придающие ей более мирный, но в то же время и более организованный характер. Во-вторых, стало значительно более ощутимым влияние на крестьянство общественных сил города, стремящихся установить постоянный политический контакт с различными группами сельского населения либо опереться на них ради достижения «разовых» политических целей. И хотя социальный облик этих сил, решаемые ими задачи, степень собственной и допускаемой государством активности в деревне очень различны в разных странах, все же их политико-воспитательное воздействие на крестьянство было весьма заметным.

Наконец, следует учитывать изменения, прямо отражающие усиление организованного начала в крестьянской борьбе на протяжении рассматриваемого нами периода. Возникали независимые от государства региональные и общенациональные крестьянские союзы; параллельно появлялись новые и расширяли свое влияние ранее созданные организации с более четко выраженной классовой направленностью [49]. Рост организованности, разумеется, не вел автоматически к поступательному развитию борьбы сельских трудящихся. Крестьянские организации с действительно широким социальным охватом оставались таковыми на сравнительно короткий срок, затем их деятельность подчинялась интересам какой-либо одной части крестьянства, что заканчивалось расколом и упадком влияния организации. Организации более четко выраженного классового типа в одних странах отсутствовали, в других даже при своей классовой однородности не вступали в союз из-за разногласий между партиями, под контролем которых они находились. Но и тут к 80-м годам наметились положительные сдвиги — стало осуществляться сотрудничество по отдельным конкретным вопросам ориентирующихся на разные партии классовых организаций сельских трудящихся [50].

В тесной связи с усилением организованного начала в борьбе крестьянства за свои интересы находились изменения в ее конкретных способах. Здесь обнаружились, в частности, три следующие тенденции. Во-первых, забастовка, это испытанное оружие промышленного пролетариата, примерно с середины 70-х годов стала главным средством борьбы для поденщиков во многих аграрных районах, а с учетом плантационного пролетариата,— видимо, вообще для основной массы сельскохозяйственных рабочих. Во-вторых, рабочие и особенно крестьяне-хозяева стали переносить свои выступления из деревень в города.

В-третьих, в ходе борьбы за землю возрождались глубоко архаичные по своему облику институты, ставившиеся, однако, на службу современным задачам крестьянского движения.

О первой тенденции уже подробно говорилось выше. Поэтому здесь остановимся на второй и третьей.

Под второй тенденцией мы имеем в виду заметно участившиеся в одних странах, недавно вошедшие в политическую практику крестьянства — в других, организованные походы в города многих тысяч крестьян[51]. В качестве объекта этих походов город выступает в разных ипостасях: как центр, в котором интересы крестьян только и могут получить законное обоснование в общенациональном масштабе; как средоточие разнообразных политических сил и средств информации, которым самим фактом появления густых колонн демонстрантов-крестьян сообщается ощущение жгучей неотложности деревенских проблем; наконец, как место, где можно и нужно искать союзников. Во время походов крестьянство было охвачено энтузиазмом, вызывавшимся у каждого участника сознанием своей принадлежности к огромной массе шагающих в одном строю людей. Походы играли важную роль не только в подъеме социально-политической активности крестьянства, но и в ее внутреннем качественном преобразовании; они суммировали политическую силу крестьян, обеспечивали тем самым как минимум признание общественной значимости крестьянских требований, приносили убедительное подтверждение действенности организованности и массовой солидарности.

Третья тенденция проявляется в остроконфликтных ситуациях, когда общая политическая обстановка в стране или районе подталкивает участников аграрных конфликтов к насильственным действиям. Тогда-то в арсенале борьбы крестьянства неожиданно возникают некоторые из, казалось бы, отмерших институтов общинной деревни. В качестве наиболее яркого примера можно указать на возрождение в иранской деревне после революции бонеха (традиционного института трудовой кооперации). Оно отмечено там, где крестьяне захватывали земли крупных помещиков и насаждавшихся шахским режимом акционерных обществ[52]. В данном случае бонех не только снова начал выполнять свои производственные функции, но и стал выступать также формой политического объединения, с помощью которой карательным акциям исламских властей за самовольные земельные захваты противопоставляется решимость коллектива отстоять землю. И в былые времена бонех обладал политической функцией, «умиротворяя» отношения крестьян с полуфеодальными помещиками. Но после почти двух десятилетий шахского реформизма и революционного взрыва бонех, возродившись, в политическом отношении стал играть уже иную, нонконформистскую роль.

Аналогичные явления наблюдаются не только в Иране. Почти повсюду, где крестьяне самовольно занимают земли крупных

частных собственников и государства, они обрабатывают их коллективно либо уравнительно распределяют собранный с них урожай[53]. Тем самым устанавливается неразрывная связь между способом борьбы и способом присвоения ее плодов: оба опираются на коллективизм. При этом повторение вытверженных веками форм сочетается с их приспособлением к новой функции — служить средством организации, облегчающей ведение классовой борьбы. В результате они образуют самостоятельный вклад крестьянства в практику революционного движения на современном этапе.

В целом рассмотренные выше характерные черты аграрных конфликтов в 70-е — первой половине 80-х годов позволяют утверждать, что в этот период не только значительно возросла социально-политическая активность крестьянства, но и наметился переход от одного ведущего типа открытого проявления накопившихся в деревне противоречий к другому, а именно: от разрозненных стихийных выступлений, нерёдко отмеченных еще традиционным способом действий, к массовой борьбе. Причем в ходе ее оказались взаимно увязанными две важные тенденции: одна, довольно отчетливо выраженная,— к усилению организованности крестьянских масс (главным образом под воздействием внешних по отношению к деревне политических сил); другая, более расплывчатая, слабая, но по меньшей мере не прерывавшаяся на протяжении всего периода,— к росту исторической самодеятельности крестьянства. Взаимосвязь этих тенденций имеет принципиальное значение с точки зрения перспектив включения сельских трудящихся в широкое демократическое антикапиталистическое движение: переход крестьян (в особенности их самых многочисленных, угнетаемых, пауперизированных групп) к активному историческому творчеству, с одной стороны, тем скорее, чем теснее он связан с установлением союза крестьянства с пролетариатом и иными прогрессивными силами общества и соответственно с повышением организационно-политического уровня крестьянских выступлений, с другой — сам по себе является гарантией прочности и действенности такого союза.

[1] Зарубежный Восток и современность. Т. 2. М., 1980, разд. 3, гл. IV, V; *Смиренская Ж. Д.* Крестьянство в странах Азии: общественное сознание и общественная борьба. М., 1979.

[2] См., например: *Хлыстова Е. И.* Особенности крестьянского движения в 1980—1981 гг.— Индия 1981—1982. Ежегодник. М., 1983, с. 205—211; Развивающиеся страны: нарастание классовой борьбы. М., 1983, с. 86—93.

[3] *Гордон А. В., Хорос В. Г.* Крестьянство на современном этапе национально-освободительного движения.— Революционный процесс на Востоке. История и современность. М., 1982, с. 193—197.

[4] См.: *Маркс К.* Экономические рукописи 1857—1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»). Ч. 1. М., 1980, с. 491, 480.

[5] См.: *Маркс К.* Наброски ответа на письмо В. И. Засулич.— *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 19, с. 418—419.

[6] Для подробного ознакомления с ними отсылаем читателя к работам:

Кудрявцев М. К. Община и каста в Хиндустане. М., 1971; *Collier W. L.* a. o. Agricultural Technology and Institutional Change in Java.— Food Research Institute Studies. Stanford, 1974, vol. 13, № 2; *Lizot J.* Metidja, un village algérien de l'Ouarsenis. Alger, 1973.

[7] *Демин А. И.* Современная иранская деревня. М., 1977, с. 146, 160; *Hoogland E. J.* Land and Revolution in Iran, 1960—1980. Austin, 1982, с. 91.

[8] См.: *Энгельс Ф.* Крестьянский вопрос во Франции и Германии.— *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 22, с. 506.

[9] Описание бонеха и его судьбы после реформы см.: *Hoogland E. J.* Rural Socioeconomic Organization in Transition: The Case of Iran's Bonehs.— Continuity and Change in Modern Iran. Albany, 1980, с. 161—177.

[10] В данном случае мы опирались на идею стадиальной типологии крестьянства, высказанную А. В. Гордоном и В. Г. Хоросом (*Гордон А. В., Хорос В. Г.* Крестьянство на современном этапе, с. 172).

[11] Подробнее см.: *Панарин С. А.* Страны Востока: проблема обнищания крестьянства и попытки ее решения. М., 1985, с. 21, 24, 25.

[12] Например, в Индии в 1970/71 г. удельный вес расходов на продовольствие во всех потребительских расходах составлял у безземельных сельскохозяйственных рабочих 76,8%, у мельчайших земледельцев — 76,7%; на зерно во всех продовольственных расходах — соответственно 63,0 и 65,6%, на одежду, обувь и топливо во всех непродовольственных расходах — 52,4 и 55,3% (подсчитано по: The National Sample Survey. 25th Round: July 1970 — June 1971. № 232, с. 9—13, 156, 288).

[13] См. исключительно яркий портрет именно такого «незаконченного» люмпена из штата Орисса (Индия) в работе: *Freeman J.* Untouchable: An Indian Life History. Stanford, 1979.

[14] *Braudel F.* Afterthoughts on Material Civilization and Capitalism. Baltimore, 1977, с. 7.

[15] Мы имеем в виду, что в рамках каждой общественной системы, опирающейся на данный исторический тип отношений производства, «следует — на уровне конкретно-исторического исследования — постулировать наличие... сложной совокупности социально-исторических времен».— *Барг М. А.* Категории и методы исторической науки. М., 1984, с. 68. С большой художественной силой эта и другие особенности общинной жизни показаны нигерийским писателем Чинуа Ачебе в романе «Стрела бога» (См.: *Чинуа Ачебе.* Стрела бога. Человек из народа. М., 1983).

[16] О ее значении подробнее см.: *Крылов В. В.* Особенности развития производительных сил и воспроизводственного процесса в развивающихся странах.— Экономика развивающихся стран: теории и методы исследования. М., 1976, с. 167—168.

[17] См., например, *Mencher J. P.* Viewing Hierarchy from the Bottom Up.— Encounter and Experience: Personal Accounts of Fieldwork. Delhi, a. o., 1975, с. 114—130.

[18] *Ленин В. И.* Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти».— Полное собрание сочинений. Т. 36, с. 154.

[19] Вопрос о социально-экономических предпосылках формирования этих потоков был подробно рассмотрен В. Г. Растянниковым в кн.: Зарубежный Восток и современность. Т. 2, с. 104—122.

[20] См., например, оценку Плановой комиссии Индии, согласно которой к началу 70-х годов 82% всех арендаторов в стране не обладали защищаемыми законом арендными правами (Fourth Five Year Plan 1969—1974. Delhi, [Б. г.], с. 176—177).

[21] Практически в 70-е годы только в Пакистане, Шри Ланке, Малайзии и на Филиппинах удельный вес прибегающих к приарендовыванию хозяйствующих собственников в общем числе земледельческих хозяйств и в общей хозяйственной площади был меньше соответствующих показателей для чистых арендаторов. Но и в указанных странах изменения этих показателей за период с начала 60-х по начало 70-х годов были не в пользу чистых арендаторов.

[22] Об этом косвенно свидетельствуют данные о динамике арендных отношений в Пакистане в 1960—1972 гг.: число чистых арендаторов сократилось

за этот период на 38%, полуарендаторов — только на 4%; землепользование первой группы упало более чем на 1/4, второй — увеличилось более чем на 1/3; в составе самой второй группы число мелких полуарендаторов заметно снизилось, крупных — еще более заметно увеличилось (см.: *Морозова М. Ю.* Современная пакистанская деревня: особенности социально-экономической эволюции. М., 1986, с. 96).

[23] См.: *Александров Ю. Г.* Юго-Восточная Азия: проблемы аграрной эволюции. М., 1979, с. 60; Sharing in Development: A Programme of Employment, Equity and Growth for the Philippines. Geneva, 1974, c. 474. Оценка на 1979 г. сделана на основе данных работ: Aspects of Poverty in the Philippines: A Review and Assessment. Vol. 2. [Wash.], 1980, c. 196; FAO Report on the World Census of Agriculture. Vol. 1/C. Rome, 1970, c. 160—161; *Ledesma A.* Landless Workers and Rice Farmers. Los Baños, 1982, c. 190—196.

[24] Факт этих сдвигов общепризнан, хотя в оценке их содержания мнения резко расходятся. Ср., например: *Левтонова Ю. О.* Эволюция политической системы современных Филиппин. М., 1985, с. 96—115; Marcos and Martial Law in the Philippines. Ithaca, London, 1979, c. 181—197.

[25] Не случайно, что, несмотря на значительные успехи, достигнутые левыми силами штата в ходе начатой в 1978 г. массовой регистрации издольщиков, к концу 1980 г. около половины из них так и не осмелились зарегистрироваться (см.: *Ghose A. K.* Agrarian Reform in West Bengal: Objectives, Achievements and Limitations.— Agrarian Reform in Contemporary Developing Countries L. a o., 1983, c. 116, 132).

[26] При описании непальской ситуации использованы неопубликованные материалы Г. И. Яковлева, а также наблюдения работавших в Непале английских специалистов (см.: *Blakie M. P., Cameron J., Seddon J. D.* The Struggle for Basic Needs in Nepal. P., 1979, c. 66—78).

[27] В Таиланде, например, к середине 70-х годов лицами с четко оформленными владельческими правами обрабатывалось только 4,7 млн. га, что составляло 43% всех земель под обработкой. Но и из этого количества лишь немногим более половины — 2,4 млн. га — находилось в безусловной частной собственности (*Resanond P.* Land Development Programmes in Thailand.— Rural Development in Southeast Asia. New Delhi a. o., 1979, c. 81).

[28] См.: *Luther H. U.* Peasants and State in Contemporary Thailand. Hamburg. 1978, c. 22—23; Philippines: Repression and Resistance. L., 1980, c. 248.

[29] Юго-Восточная Азия: современное политическое развитие. М., 1984, с. 220.

[30] Развернутую характеристику антифеодальной борьбы крестьян-хозяев Бангладеш, в том числе и против откупов, см.: *Щеглова А. М.* Социально-экономическая структура и классообразование в деревне Бангладеш (канд. дис.). М., 1984, с. 144—150.

[31] Так, в Индии в 1971/72 г. цена 1 кг азотных удобрений покрывалась ценой 2,4 кг пшеницы, а уже в 1975/76 г.— 3,3 кг (*Миронова Е. И.* Этапы «зеленой революции».— Индия 1981—1982, с. 73).

[32] *Хлыстова Е. И.* Особенности крестьянского движения в 1980—1981 гг., с. 205—211; Развивающиеся страны: нарастание классовой борьбы, с. 86—93.

[33] Подробнее см.: *Omvedt G.* Maharashtra: Rasta Roko, Kulaks and the Left.— Economic and Political Weekly. Bombay, 1981, vol. 16, № 48, c. 1937, 1939.

[34] Так, число забастовочных человеко-дней на одну забастовку в развивающихся странах Азии увеличилось с 955 в 1975 г. до 5970 в 1982 г. (подсчитано по: Year Book of Labour Statistics 1979. Geneva, 1979, c. 630, 635—640; Year-Book of Labour Statistics 1984. Geneva, 1984, c. 846—853).

[35] О кастовом составе пенджабских рабочих и их забастовочной борьбе см.: *Master Hari Singh.* Agricultural Workers' Struggle in Punjab. New Delhi, 1980, c. 4—6, 32—57, 75—80, 91, 139—145, 173—189.

[36] Разбор различных способов «выживания», позволяющих избегнуть прямых конфликтов, см.: *Blakie M. P., Cameron J., Seddon J. D.* The Struggle for Basic Needs in Nepal, c. 70—78.

[37] Описание этой борьбы см.: *Abu-Zahra N.* Inequality of Descent and the New National Organization in a Tunisian Village.— Rural Politics and

Social Change in the Middle East. Bloomington, London, 1972, с. 267—285. Рамада — местное название эндогамной группы малоземельных крестьян, издольщиков и поденщиков, работавших на полях завия; завия в данном случае синоним марабутов — землевладельцев, возводящих свое происхождение к пророку или местным святым, культ которых они обычно отправляют, и обладающих особо высоким статусом, который запрещает им работу в поле и браки с представителями других деревенских групп.

[38] См., например: New Age, New Delhi. 1, 8, 29.04; 6.05; 3.06; 12.08; 2,9.09.1984.

[39] Fifth Conference of Bharatiya Khet Mazdoor Union (All India Agricultural Workers' Union), Rajgir (Bihar), 16 to 19 October 1981. New Delhi, 1981, с. 23—37.

[40] *Master Hari Singh.* Agricultural Workers' Struggle in Punjab, с. 129; New Age. 7.03.1982.

[41] Подробное описание одной такой системы и отношения к ней рабочих см: *Ledesma A.* Landless Workers and Rice Farmers, с. 3—20.

[42] Показательна в этих отношениях борьба племен в округах Тхана и Бхулия штата Махараштра (Regional Workshop on Innovative Rural Organizations in the Formulation and Implementation of Agrarian Reform Measures. Draft Study on the Role of People Organizations. ESCAP. Bangkok, 1982, с. 75—76).

[43] *Маркс К.* Капитал. Т. I.— *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения, 2-е изд. Т. 23, с. 704—705.

[44] *Hoogland E. J.* Land and Revolution in Iran, с. 151.

[45] New Age. 24.06; 29.10.1984.

[46] См. в этой связи: *Левтонова Ю. О.* Эволюция политической системы современных Филиппин, с. 103—115; *Панарин С. А.* Страны Востока: проблема обнищания крестьянства, с. 116—118; Philippines: Repression and Resistance, с. 156—160.

[47] В Судане в 70-е годы крестьяне-товаропроизводители, объединенные в союз арендаторов государственных земель, вели борьбу с аграрной политикой режима Нимейри, временами принимавшую довольно драматические формы (*Weinbaum M. G.* Food, Development and Politics in the Middle East. Boulder, 1982, с. 179).

[48] *Ленин В. И.* Русская революция и гражданская война.— Полное собрание сочинений. Т. 34, с. 217.

[49] Так, удельный вес рабочих — членов пенджабского отделения Индийского союза сельскохозяйственных рабочих в общей численности пенджабских сельскохозяйственных рабочих увеличился за 1971—1979 гг. с 4 до 11%. См.: Census of India 1981. Series-1: India Provisional Population Totals. Workers and Non-Workers. [Delhi], 1982, с. 45; *Master Hari Singh.* Agricultural Workers' Struggle in Punjab, с. 26—31.

[50] Ярким примером такого сотрудничества можно считать выработку совместной аграрной программы левыми партиями Бангладеш и патронируемыми ими крестьянскими союзами в начале 80-х годов (*Щеглова А. М.* Социально-экономическая структура и классообразование в деревне Бангладеш, с. 175—177).

[51] Например, в ноябрьских демонстрациях 1974 г. в Бангкоке участвовало до 22 тыс. крестьян из 25 провинций Таиланда (*Luther H. U.* Peasants and State in Contemporary Thailand, с. 23).

[52] *Hoogland E. J.* Rural Socioeconomic Organization in Transition, с. 176—177.

[53] В 70-е годы к первому прибегали турецкие крестьяне, ко второму — индийские (адиваси) (см.: Аграрный вопрос и роль крестьянства на современном этапе национально-освободительной революции. Прага, 1978, с. 310; Regional Workshop on Innovative Rural Organizations, с. 75—76).

О. В. МАРТЫШИН

ИДЕЙНАЯ ПЛАТФОРМА АФРИКАНСКОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

26—28 февраля 1981 г. в Тунисе состоялся учредительный съезд Африканского социалистического интернационала (АСИ) [1]. Это событие вызвало интерес международной общественности. Печать многих стран и разных направлений высказывала суждения о характере и целях новой организации, о ее возможном влиянии на политическую жизнь континента. В советской прессе первые отклики на АСИ появились накануне его возникновения [2]. В них уделялось значительное внимание предыстории этой организации. Чтобы не отсылать читателя к другим источникам, воспроизведем вкратце уже описанные факты.

В Тунисской декларации, принятой учредительным конгрессом АСИ, говорилось, что первые вехи на пути создания этой организации были намечены президентом Туниса Х. Бургибой и тогдашним президентом Сенегала Л. С. Сенгором в 1972 г.[3]. На последнем заседании подготовительного комитета АСИ в Дакаре в декабре 1980 г. Сенгор указал более точную дату: 31 марта 1972 г. во время встречи двух президентов в карфагенском дворце впервые возникла мысль о необходимости подумать над подобным проектом [4]. Вероятно, речь шла о конкретных организационных мероприятиях, а сама по себе идея сближения национал-реформистских африканских партий с Социнтерном появилась раньше и, может быть, не в Африке. Е. Корендясов связывает ее с XI конгрессом Социнтерна (Истборн, июнь 1969 г.), который взял курс на активизацию деятельности европейских социалистов в Африке, налаживание контактов с африканскими партиями и их вовлечение в международное социал-демократическое движение [5]. В марте 1973 г. в Париже Л. С. Сенгор предал гласности план создания «организации африканских партий демократического социализма» [6].

Медленность, с которой осуществлялся этот проект, свидетельствовала о том, что объединение под флагом демократического социализма и тем самым открытое признание идейно-политического родства с социал-демократией Запада не отвечало традициям национально-освободительного движения африканских стран, представлениям о национальной самобытности и не

вызывало энтузиазма у большинства политических партий Африки.

В самом конце 1973 г. в коммюнике о визите в Сенегал Х. Бургибы было объявлено о созыве в январе 1975 г. в Тунисе конференции африканских социалистических партий с целью формирования постоянной организации этих партий, которая впоследствии примкнула бы к Социалистическому интернационалу [7].

Первая конференция африканских партий «по планируемому развитию в Африке и африканским путям к социализму» состоялась в Тунисе с 1 по 5 июля 1975 г. Организаторы стремились привлечь к ней максимальное число африканских партий и с этой целью с самого начала пошли на компромисс, сказавшийся в названии конференции и подтвержденный в выступлении на ней Х. Бургибы: они пригласили не только партии, объявившие себя социалистическими или провозгласившие социализм своей целью, но и партии, даже не взявшие на вооружение социалистические лозунги и ограничивающиеся в своих программных установках идеями обеспечения национальной независимости и социально-экономического прогресса с использованием государственного планирования [8].

Предложение принять участие в конференции было направлено всем правящим и легальным оппозиционным партиям Африки, за исключением коммунистических. Откликнулось на него всего около 30 партий и движений из 26 стран Африки [9]. Правящие партии Туниса и Сенегала предложили участникам встречи готовую национал-реформистскую политическую платформу, получившую развернутое теоретическое обоснование в докладе Л. С. Сенгора «За африканское перепрочтение Маркса и Энгельса», и план организационного объединения. Однако эта платформа не получила всеобщей поддержки. Попытки национал-реформистов очистить концепции африканских путей к социализму от классовой борьбы и представить в качестве существа социализма не уничтожение неравенства в рамках угнетенных наций, а преодоление разрыва между «богатыми и бедными нациями» вызвали сопротивление со стороны революционных политических движений, в частности ФНО Алжира и Конголезской партии труда. Представители этих партий с тревогой отмечали, что некоторые африканские партии подпадают под влияние европейской социал-демократии, скомпрометировавшей себя связями с интересами колониализма. Конференция ограничилась одобрением Тунисской декларации, которая в самой общей форме определяла цели и принципы развития. Постоянной организации партий, ориентирующихся на «демократический социализм», создать не удалось. Организационному комитету поручалось поддерживать связь между партиями-участницами и созвать через два года новый форум «африканских социалистов» [10].

Сближение умеренного направления африканского национа-

лизма с социал-демократией Запада продолжалось и в иных формах. В 1976 г. на XIII конгрессе Социнтерна в эту организацию была принята Социалистическая партия Сенегала (СПС)[11], а ее генеральный секретарь, президент Сенегала Л. С. Сенгор стал заместителем председателя Социнтерна. Этому предшествовало восстановление (первоначально в строго определенных властями рамках) многопартийной системы в Сенегале, которая рассматривается Социнтерном как символ веры «демократического социализма». Наличие в большинстве африканских стран однопартийных режимов служило для идеологов европейской социал-демократии основанием для обвинения их в нарушении принципов демократии и формальным препятствием для вступления правящих партий африканских стран, выступающих с позиций «африканского социализма», в Социнтерн.

В октябре 1977 г. в Тунисе был разработан проект хартии Конфедерации африканских социалистических партий (КАСП). Он послужил предметом обсуждения на встрече представителей ряда партий в Дакаре в декабре того же года. На этой встрече были представлены 11 африканских стран — Гамбия, Гвинея-Бисау, Египет, Заир, Замбия, Маврикий, Мавритания, Марокко, Сенегал, Судан и Тунис[12]. Эта встреча не освещалась в печати так широко, как конференция 1975 г. в Тунисе. Проект хартии КАСП не был опубликован в Дакаре ни до, ни после встречи. Выдержки из нее были спустя год приведены Сенгором в докладе на IX съезде СПС. Он выразил надежду, что в КАСП войдут и правящие партии Танзании, Гвинеи-Бисау, Замбии, Гамбии, обе социалистические партии Маврикия, которым координационный комитет направил соответствующие приглашения, а также ЗАНУ. Из этого можно заключить, что и на встрече в Дакаре не было единодушия, что создание КАСП не вызвало энтузиазма всех ее участников и что продолжалась работа по приобщению партий к будущей организации, идея который, как уже становилось очевидно, не пользовалась широкой поддержкой среди политических деятелей Африки.

Зато не вызывал сомнений растущий интерес Социнтерна к предполагавшемуся объединению африканских партий и стремление инициаторов КАСП сотрудничать с западной социал-демократией. Вступление СПС в Социнтерн расширяло базу деятельности последнего на Африканском континенте. В мае 1978 г. в Дакаре было проведено заседание бюро Социнтерна. Выступая на его открытии, Л. С. Сенгор обратился с просьбой помочь партиям, которые войдут в КАСП, определить свой путь к демократическому социализму.

Со времени дакарской встречи представителей 11 партий прошло 3 года, прежде чем подготовительный комитет на заседании в Тунисе в июне 1980 г. и, наконец, на заседании в Дакаре в декабре 1980 г. установил место и дату учредительного съезда организации, которую решено было назвать не Конфедерация африканских социалистических партий (КАСП),

а Межафриканский социалистический союз, или Африканский социнтерн (АСИ).

Приглашения принять участие в I конгрессе АСИ (26—28 февраля 1981 г.) были направлены двадцати с лишним партиям и национально-освободительным движениям Африки. Некоторые из них не откликнулись на это приглашение (Национальный союз африканцев Кении, Вольтийский прогрессивный союз, Габонская демократическая партия, Партия-государство Гвинея, Демократический союз малийского народа, Объединенная партия национальной независимости Замбии, Национальная партия Нигерии, ПАИГК, Патриотический фронт Зимбабве). На конгрессе было представлено лишь 17 партий и движений. Из них только 10 выступили в качестве учредителей АСИ: Национальная народная партия Ганы, Народная прогрессивная партия Гамбии, Народное объединение за прогресс (Джибути), Истикляль (Марокко), Маврикийская социал-демократическая партия, Лейбористская партия (Маврикий), Сомалийская революционная социалистическая партия, Суданский социалистический союз, Социалистическая партия Сенегала и Социалистическая дестуровская партия (Тунис). 7 организаций присутствовали в качестве наблюдателей: Социалистический союз народных сил (Марокко), Народная организация Юго-Западной Африки (СВАПО), Африканская партия независимости Островов Зеленого Мыса (ПАИКВ), Объединение Тоголезского народа, Камерунский национальный союз, Народное революционное движение Заира, Демократическая партия Республики Кот-д'Ивуар [13]. В период длительной подготовки к созданию АСИ предполагалось участие в нем садатовской Национально-демократической партии (Египет), однако ее участие было «приостановлено» после подписания А. Садатом кэмп-дэвидских соглашений [14]. Сенегальская газета «Солей» сообщала, что подготовительный комитет отказался принять ливийскую делегацию, которая будто бы приехала в Тунис для участия в конгрессе [15].

Из этих сведений ясно, что подготовительному комитету так и не удалось удовлетворительно решить проблему членства в создаваемой организации, сделать ее представительной. 10 партий-учредителей — это совсем немного для Африканского континента. Компромиссная форма наблюдателей без четко определенного статуса не меняла принципиально положения. На учредительном конгрессе их было всего семь. В какой мере они разделяли политическую платформу лидеров АСИ, оставалось неясным. Разноликость наблюдателей прямо-таки бросалась в глаза. С одной стороны, откровенно национал-реформистские партии, так и не поднявшиеся до лозунгов даже африканского «социализма» или принявшие их после колебаний и с оговорками. Эти партии демонстрировали свою солидарность с прозелитами «демократического социализма» в Африке, они давали понять, что между «планируемым либерализмом» и «де-

мократическим социализмом», по существу, нет значительной разницы, что не противоречило и установкам инициатора АСИ. С другой стороны, революционно-демократические партии, которых могло привести в АСИ только стремление расширить сферу международного сотрудничества, отнюдь не отказывались при этом от своих принципов. Не было полного идейного единодушия и среди учредителей АСИ, их программные установки существенно отличались друг от друга, в особенности по такому важному для «демократического социализма» вопросу, как формы демократии в Африке. Но их сближала общая классовая ориентация во внутренней и внешней политике.

На учредительном конгрессе АСИ с речами программного характера выступили Х. Бургиба и Л. Сенгор. Были и другие выступления. Так, представитель Суданского социалистического союза говорил об африканском социализме [16]. Но эти выступления не освещались широко в прессе, тогда как речи двух инициаторов и идейных вдохновителей объединения были полностью опубликованы в ведущих газетах Туниса и Сенегала, им придавалось первостепенное значение. В заключительном коммюнике о конгрессе говорилось, что в этих речах содержится глубокий анализ сложных африканских и мировых проблем, раскрывается сущность социалистической и демократической доктрины новой организации, обобщается опыт борьбы за создание процветающего, справедливого, демократического и свободного общества [17]. Иными словами, речи Бургибы и Сенгора рассматривались как теоретическая основа движения.

Учредительный конгресс АСИ принял два документа: Хартию Африканского социнтерна и Тунисскую декларацию [18]. В хартии говорится, что, несмотря на разнообразие форм африканского социализма, а также экономических и социальных условий в каждой стране, существует широкое согласие относительно содержания и специфики демократического социализма в Африке. Будучи убеждены в необходимости укрепления солидарности между партиями, придерживающимися принципов демократического социализма, во имя достижения национальных и общеафриканских целей, эти партии решили объединиться в Африканский социнтерн, чтобы осуществлять плодотворную и постоянную координацию действий на основе равенства и взаимного уважения.

Членами АСИ, говорилось далее, могут быть партии, подписавшие и признающие хартию, а также признанные ОАЕ африканские освободительные движения. Предусматривалось вступление в АСИ африканских организаций на правах наблюдателей. Наряду с укреплением дружественных связей и координацией политики партий-членов целями АСИ объявлялось развитие отношений с ассоциированными организациями, в частности молодежными и женскими. Особо подчеркивалась важность сотрудничества партий — членов АСИ с профессиональными союзами и сельскохозяйственными кооперативами.

Хартия определила принципиальную платформу АСИ. Члены АСИ провозгласили, что демократический социализм — это «единственный путь развития их стран и освобождения их народов от всех форм эксплуатации и отчуждения». Этот путь должен привести к построению справедливого общества, где все граждане без всякой дискриминации будут обладать равными возможностями. Создание такого общества требует, как говорится в хартии, «рациональной организации производительных сил посредством экономического планирования и справедливого распределения национального дохода».

Члены АСИ заявили также, что их уважение к личным свободам и правам основано на убеждении, что человек является высшей целью общественного развития, что свободное и сознательное участие личности в общественной жизни представляет собой сущность и конечную цель демократии и что это участие опирается на принцип разделения властей, на гарантии политических свобод, свободные профсоюзы и демократический характер деятельности их партий.

Во внешнеполитическом разделе хартии декларировались следующие принципы: солидарность с народами, борющимися за освобождение своих стран и утверждение собственного достоинства; верность неприсоединению как общей стратегии борьбы против империализма, колониализма, расизма, сионизма и других форм гегемонии, а также борьбы за развитие международного сотрудничества и установление справедливого и прочного мира между народами и государствами; продолжение борьбы за демократизацию международных отношений и установление нового мирового экономического порядка; укрепление африканского единства, межафриканского и международного сотрудничества на основе принципов, провозглашенных уставами ООН и ОАЕ. В качестве особой задачи АСИ выделено установление отношений дружбы и сотрудничества с региональными и международными организациями, руководствующимися идеалами демократического социализма.

Хартия АСИ определяет структуру объединения. Его руководящими органами являются конгресс, генеральный совет и бюро, функции которых регулируются внутренним регламентом.

Хартия заканчивается заявлением о том, что Африканский социнтерн ставит перед собой высокие цели освободить африканские страны от всякой эксплуатации, их народы от всякого отчуждения, дать возможность африканцам вновь обрести себя и что эта организация послужит средством утверждения демократического социализма.

В Тунисской декларации есть несколько положений, дополняющих хартию. В ней говорится, что борьба за национальное освобождение будет продолжаться еще долго и потребует мобилизации всех ресурсов континента. А для этого необходимо овладеть искусством руководства и организации, четко сознавая, что в ходе борьбы может возникнуть много трудностей.

Чтобы ослабить впечатление экспансии определенного политического направления, авторы декларации заявляют, что их организация «не будет орудием какого-либо идеологического крестового похода», что их демократический социализм является открытым и терпимым.

В идейно-политическую платформу этого демократического социализма Тунисская декларация вносила два существенных дополнения. Разъяснялось, что АСИ учитывает африканскую действительность во всем ее многообразии и намерен сохранять ценности африканской цивилизации. Подтверждение верности «почве» было весьма уместным в связи с некоторым недоумением в кругах африканских националистов по поводу того, что новая организация брала на вооружение идеи и имя несомненно западного происхождения.

Далее авторы декларации приоткрывали суть своей социальной платформы по вопросу, являющемуся для нее основным,— об отношениях между классами. «Мы верим,— писали они,— в конструктивное содержание существующих отношений солидарности между различными социальными слоями и в добродетельную силу диалога между ними, с помощью которого поддаются разрешению любые конфликтные ситуации». Тем самым буржуазно-реформистская линия, которую последовательно проводили в индивидуальном порядке учредители АСИ, подтверждалась и на коллективной основе.

Учредительный конгресс решил организационные вопросы. Почетным председателем АСИ был избран Х. Бургиба; Л. Сенгор стал председателем бюро. Три вице-председательских кресла были предоставлены генеральному секретарю партии «Истикляль» М. Буссете и представителям Народной национальной партии Ганы и Суданского социалистического союза. Пост генерального секретаря достался представителю Социалистической дестуровской партии Монжи Кооли.

В Африке немало политических организаций. Каково место Африкинтерна среди них? На этот вопрос нелегко было ответить, в особенности когда Африкинтерн был только еще создан. Как видно из хартии, многие цели, выдвигаемые АСИ,— национальное освобождение, укрепление независимости, обеспечение равноправия в международных отношениях и нового мирового экономического порядка, единство Африки и т. п.— не оригинальны. Все они находятся в поле зрения наиболее представительного форума африканских стран — ОАЕ. Создатели АСИ видели его особую роль в том, что он объединяет партии, а не государства. Если учесть, что большинство учредителей Африкинтерна — правящие партии, что они полностью контролируют государственный аппарат и что лишь в трех государствах, чьи партии представлены в АСИ, существует многопартийная система (Сенегал, Тунис, Марокко, причем в последнем она возникла отнюдь не на почве «демократического социализма»), станет ясна условность этой аргументации. «Почему Африкинтерн

партий, а не государств? — писала тунисская газета „Аксьон" в день открытия I съезда АСИ.— Прежде всего потому, что организация государств дублировала бы ОАЕ и другие подобные объединения. Затем потому, что АСИ хочет стать тиглем идей, центром размышлений, своего рода африканским парламентом, главными вдохновителями которого были бы партии» [19].

Сторонники АСИ подчеркивают его неправительственный характер. А. Агботон писал в «Африк нувель», что Африкинтерн представляет собой политическую силу, силу мнения, форум обмена идеями [20]. Л. С. Сенгор говорил, что именно такой характер объединения отвечает очевидной потребности коллективного размышления, постоянного и последовательного сопоставления идей и опыта. В его представлении, Африкинтерн — это «место встречи и диалога с целью лучшей координации, плодотворного сотрудничества и особенно эффективного решения проблем», стоящих перед Африкой [21].

Иными словами, АСИ был задуман как форма сплочения, мобилизации и давления со стороны определенного политического направления, ставшего именовать себя «демократическим социализмом». В этой заведомой политической направленности и предопределенности характера и рамок деятельности АСИ ни у кого не могло возникнуть сомнений. При раздающихся время от времени призывах «ко всем африканским странам преодолеть их идеологические различия, забыть все, что их разъединяет, и насаждать все то, что их сближает» (7-я сессия Генсовета АСИ, 18—20 декабря 1984) [22], «не институционализировать определенный выбор» и уважать особенности каждой страны (Л. С. Сенгор) [23] перед Африкинтерном четко ставится задача «работать во имя определенного типа развития» (Х. Бургиба) [24], «продвижения и реализации африканского демократического социализма» [25].

При этом инициаторам создания АСИ нельзя отказать в ясности не только в том, чего они хотят, но и в том, чего они не хотят, против чего они выступают. Они определяют свою цель и свой идеал не только позитивно, в форме «демократического социализма», но и негативно, путем отрицания определенных политических направлений. Или, иначе говоря, АСИ сам, в лице своих лидеров и идеологов, определил свой профиль не только непосредственно, путем разработки своей платформы, но и опосредствованно, путем выявления врагов и союзников среди других политических течений Африки.

В докладе на учредительном съезде Л. С. Сенгор сказал, что Африкинтерн был создан для того, чтобы, «с одной стороны, определиться по отношению к другим африканским политическим группам, а с другой — чтобы уточнить проблемы, требующие решения, и наиболее эффективные методы» [26]. Среди этих «групп» Сенгор прежде всего назвал «африканские страны, правительства которых считают себя марксистско-ленинскими и именуют себя „прогрессивными"». По его словам, эти прави-

тельства взяли обычай собираться перед каждой сколько-нибудь важной всеафриканской или региональной конференцией для выработки общей позиции. «Что же касается нас, считающих себя приверженцами социализма, наших соседей в центре, придерживающихся либерализма, или правых диктатур, нам следует заняться самокритикой. Несмотря на многочисленные согласования, имевшие место в среде социалистов или либералов, несмотря на инициативы, с которыми мы выступали, нам часто не хватало главного: большого замысла, который мобилизовал бы сердца и умы. Точнее, нам не хватало тщательно разработанного долговременного проекта и эффективной, хорошо продуманной стратегии, даже тактики его реализации»[27].

Уже в этих словах противопоставление «социалистов», «либералов» и «правых» «марксистам-ленинцам» довольно очевидно, хотя при желании его можно свести лишь к организационному вопросу и истолковать как призыв следовать примеру «прогрессистов» в плане сплочения и мобилизации. В дни работы I конгресса АСИ Сенгор высказался более определенно: «Мы подумали, что было бы естественным, чтобы те, кто причисляет себя к демократическому социализму, встретились и определили свои действия. Что мы и сделали. Мы ни на кого не нападали. Мы просто отмежевались от тех, кто принадлежит к Коммунистическому Интернационалу. Фактически, если не формально, мы просто продемонстрировали наши цвета»[28]. Не будем касаться фактической стороны дела. Сенгору хорошо известно, что Коммунистического Интернационала давно уже нет, как нет и какого-либо объединения африканских правящих партий, заявивших о своей приверженности марксизму-ленинизму. Идея «конспирации марксистов-ленинцев», объявление марксистами-ленинцами всех, кто стоит левее «демократического социализма», т. е. всей африканской революционной демократии с присущим ей многообразием форм, понадобились Сенгору для оправдания организационного самоопределения сторонников «демократического социализма». Но тем самым он действительно вполне убедительно продемонстрировал «цвета» АСИ. Он показал, что это объединение направлено против революционных партий и движений в сегодняшней Африке. Противодействие революционным тенденциям представляет собой одну из главных целей, которую преследовали инициаторы создания Африкинтерна, озабоченные полевением многих африканских партий и освободительных движений к середине 70-х годов.

Хотя эта цель не зафиксирована ни в хартии, ни в Тунисской декларации, она пронизывает все стороны деятельности Африкинтерна. Это делается под предлогом борьбы с коммунизмом. Председатель бюро АСИ буквально одержим идеей проникновения коммунистов в Африку. «Сейчас коммунисты объявились в Чаде, в центральной части Африки, связанной с Эфиопией на востоке и с Анголой через Конго — на юге»,— заявил Л. С. Сенгор 13 марта 1981 г. Он сообщил, будто 16 го-

сударств Западной Африки готовы подписать соглашение в области обороны, чтобы покончить с попытками «дестабилизации» континента, и прокомментировал эту до сих пор не подтвердившуюся информацию следующим образом: «Те, кто не проповедует марксизм-ленинизм или „прогрессивные“ взгляды, решили вести борьбу»[29]. Это заявление было сделано спустя две недели после учреждения АСИ. У члена бюро Социалистического интернационала, профессора социологии Женевского университета Жана Зиглера, известного своим интересом к развивающимся странам, были все основания написать в журнале «Монд дипломатик», что, по признанию самих учредителей АСИ, эта организация предназначена прежде всего для того, чтобы преградить путь коммунизму в Африке[30].

И некоторые другие цели Африкинтерна нуждаются в уточнении или конкретизации, исходя из высказываний его лидеров. Консолидировать позиции «демократического социализма» планировалось не только в Африке, но и на мировой арене. Расчет на поддержку извне, на сотрудничество с теми течениями, чьи лозунги брались на вооружение, не подлежит сомнению. Если антиреволюционность под флагом антикоммунизма была своего рода негативным стимулом к созданию АСИ, то надежда на помощь западной социал-демократии была его позитивным стимулом. В июле 1980 г. на заседании подготовительного комитета будущий генеральный секретарь Африкинтерна Монжи Кооли заявил, что, преодолев распыленность, члены организации смогут вести «обогащающий диалог с различными течениями мировой политической мысли»[31]. Высказывания других лидеров объединившихся партий придают бо́льшую ясность этому стремлению к «обогащающему диалогу». Накануне создания АСИ бывший премьер-министр Туниса М. Мзали заявил газете «Аксьон», что эта организация «позволит нам вести диалог с социалистическими странами Европы»[32], а Л. Сенгор пояснял: «...сотрудничество с государствами, причисляющими себя к демократическому социализму»[33].

Создание АСИ явилось в известной мере попыткой преодолеть застой, переживаемый африканским национал-реформизмом, обновить его идейный и пропагандистский аппарат, попытаться завоевать доверие масс. Это признавал косвенно на учредительном конгрессе Сенгор в приводившихся выше словах о том, что у африканских социалистов нет крупномасштабных планов, способных захватить воображение народа. В редакционной статье «Аксьон», приуроченной к открытию I конгресса АСИ, говорилось, что его задача заключается в том, чтобы определить цели, которые могли бы сплотить и мобилизовать африканские массы во имя служения общему идеалу[34]. На съезде СПС в декабре 1982 г. в докладе Абду Диуфа прямо признавалась необходимость «приспособиться к современной политической обстановке, выработать новый стиль борьбы, свободный от груза прошлого»[35].

Попытки обновления требовали и требуют по сей день серьезной идеологической и теоретической работы. Поскольку АСИ рассматривался как место встречи и обмена мнениями, на него в этом плане возлагались определенные надежды. Пропаганда не могла быть успешной без знания действительности, без свежего взгляда на вещи. «Моя партия ожидает от нашего движения, Африканского социнтерна, глубокого освещения реальных и специфических проблем Африки, позволяющего найти их практическое, жизненное и стойкое решение»,— заявил А. Диуф на симпозиуме, состоявшемся в Дакаре 15—19 декабря 1983 г.[36].

Функция размышления, теоретического осмысления и создания научной базы для пропаганды отводилась Африкинтерну с самого начала. «Я жду от предстоящего конгресса определения социалистической линии,— заявил Л. С. Сенгор по прибытии в Тунис в феврале 1981 г.— Речь идет о приспособлении принципа демократии к действительности, а также о том, чтобы выработать для всей Африки и для всего мира позицию в диалоге Север — Юг»[37]. Х. Бургиба еще на конференции 1975 г. в Тунисе заявил, что, по их с Сенгором мнению, пришло время подвести итоги африканского опыта. При этом предполагалось не только наметить положительные перспективы, но и показать, как «некоторые из нас» скатывались в бездну[38]. Это был явный намек на тех, кто, по словам Сенгора, называет себя прогрессистами. Неудачи некоторых прогрессивных преобразований использовались для того, чтобы представить «демократический социализм» в качестве единственно возможного пути прогресса в Африке.

Печать стран, правящие партии которых вступили в АСИ, воспевала создание этой организации как важное и многообещающее событие в африканской политической жизни. Сочувственными были отклики тех, кого Сенгор назвал либералами, т. е. представителей национально-буржуазных режимов. Некоторые из них вступили в АСИ в роли наблюдателей. Правый фланг африканской политики также готов был продемонстрировать симпатию к новой организации. Во время сессии Генсовета АСИ в Марокко в декабре 1982 г. официальная печать этой страны уделяла Африкинтерну большое внимание, характеризовала его как фактор сближения африканских народов и воспроизводила положения хартии о борьбе против империализма, колониализма, расизма и всех форм гегемонизма.

Что же касается демократической печати, она не скрывала беспокойства в связи с созданием Африкинтерна и подчеркивала его явную антиреволюционную сущность и прозападную ориентацию, его пагубное влияние не развитие межафриканских и международных отношений. Алжирский еженедельник «Революсьон африкен», орган ФНО, писал в декабре 1980 г., что движение за создание АСИ преследует цель вызвать новые по-

литические разногласия и умышленно добивается раскола между революционными и другими странами[39]. Газета «Журнал ди Ангола», посвятившая АСИ редакционную статью, назвала его «орудием диверсий». В статье говорилось, что, провозглашая себя африканской, эта организация на самом деле «несет в себе антиафриканский вирус, нацеленный на подрыв африканского единства», и объективно способствует сохранению зависимости нашего континента от империализма[40]. Конголезская газета «Этумба» характеризовала АСИ как «удобную ширму для прикрытия экспансии неоколониализма в Африке»[41]. Раскрывая подлинные намерения вдохновителей АСИ, С. Диало писал в журнале «Жён Африк», что социал-демократы стремятся расширить свою базу и выработать стратегию, чтобы противостоять согласованным действиям африканских партий и государств, дружественных СССР, особенно в рамках ОАЕ[42].

Югославская «Борба» отмечала, что АСИ может внести еще большее замешательство в и без того сложную ситуацию в Африке, отмеченную расхождениями в политическом и экономическом плане. Газета высказывала опасение, что эта организация «с узкой концепцией», которая уже в начале своего существования делит континент на «умеренные», «радикальные» и «диктаторские», на «проамериканские» и «просоветские» режимы, может способствовать углублению политических расхождений и что ее председатель будет активно содействовать проникновению на Африканский континент идей западноевропейской социал-демократии, имеющих мало общего с традициями и современным состоянием Африки[43].

На обвинения во внесении раскола председатель АСИ отвечал, будто раскол вносят те, кто считает себя прогрессистами и марксистами-ленинцами, кто в ходе совещания глав правительств ОАЕ во Фритауне (Сьерра-Леоне) в июле 1980 г. «создал свою группу, пытавшуюся навязать нам ПОЛИСАРИО в качестве 51 государства — члена ОАЕ»[44]. Отсутствие единства в ОАЕ по вопросу о судьбе населения Западной Сахары Сенгор приписывает действиям некоей мнимой группы, проискам марксистов-ленинцев. Между тем очевидно, что в поддержку ПОЛИСАРИО в ОАЕ выступили не только правящие партии, объявившие научный социализм своей идейной базой.

Африкинтерн никогда не привлекал к себе столь пристального внимания и не вызывал такой тревоги в прогрессивных кругах Африки, как в момент его создания. Широкая пропагандистская кампания и амбициозные заявления способствовали некоторой переоценке значения новой организации. Истекшие 5 лет показали, что это довольно искусственное пропагандистское учреждение, которому трудно было найти себе место на африканской политической арене. Деятельность АСИ за эти годы скромна. Вот (возможно, неполный) перечень его мероприятий.

2—4 февраля 1982 г. в Дакаре состоялась 3-я сессия Генсовета АСИ, которая подвела итоги первого года существования организации. Они были явно неутешительными. Объединение, созданное с большой помпой, оказалось инертным. Потребовалась «реанимация» бюро, по выражению одного из его членов. Выступивший на заседании А. Диуф высоко оценил вклад Х. Бургибы и Л. Сенгора в разработку теоретической базы АСИ и его организацию, но призвал «породнить теорию с практикой». Он отметил необходимость проявлять бо́льшую решимость в борьбе с апартеидом. Были предприняты усилия по расширению состава АСИ, в частности, за счет наблюдателей. Генеральный секретарь смягчил для них требования хартии, раскрыв двери организации не только для партий, стоящих на платформе «демократического социализма», но и для тех, кто ограничивается выдвижением лозунгов социальной справедливости. Сенгор заявил о готовности принять как тех, кто находится справа, так и тех, кто находится слева от АСИ. Наблюдатели участвовали в дебатах, но их статус оставался неуточненным. По существу, он распространялся на партии, стремившиеся воспользоваться возможностями сотрудничества, открываемыми АСИ, но считавшие для себя неудобным и нежелательным быть связанными его идейно-политической платформой.

В июне 1982 г. состоялось две внеочередных сессии Генсовета АСИ. Сессия, проходившая 4—5 июня в Банжуле (Гамбия), приняла заключительную декларацию, в которой отмечались причины ухудшения экономического положения африканских стран и поддерживались выдвинутые Сенгором предложения о приближении цен на сырье, производимое странами континента, к ценам на товары промышленно развитых стран и о введении 5%-ного налога на военные бюджеты всех стран мира, поступления от которого составили бы фонд для оказания помощи развитию. Было подтверждено желание включить в качестве приложения к лагосскому плану региональной экономической координации мероприятий по борьбе против наступления пустыни.

Генсовет выразил озабоченность в связи с перспективами демократии в Африке и определил свою позицию по ряду африканских и ближневосточных проблем, ставя на одну доску политику империализма, сионизма и конфликты, возникшие в рамках африканских государств. АСИ осудил экспансионистскую политику Израиля и в то же время «заговор против эритрейского народа», он высказал сожаление по поводу решения Заира восстановить дипломатические отношения с Израилем и по поводу принятия Сахарской Арабской Демократической Республики в ОАЕ.

Через несколько дней сессия Генсовета АСИ была созвана в Тунисе, специально в связи с агрессией Израиля против Ливана. Было опубликовано заявление, осуждающее истребление ливанского и палестинского населения и требовавшее немедлен-

ной и безоговорочной эвакуации израильских войск с оккупированных ливанских земель.

С 3 по 5 декабря 1982 г. в Рабате проходила 4-я сессия Генсовета. Итоговая резолюция содержала общие идеи о путях преодоления экономических трудностей в африканских странах (аграрные преобразования с целью самообеспечения продовольствием, индустриализация с упором на создание мелких и средних предприятий, межафриканское региональное сотрудничество, обращение к развитым странам с призывом довести безвозмездную помощь развивающимся странам до 0,7% стоимости их ВНП, введение 5%-ного налога на военные расходы и т. п.). Было принято решение создать комиссию АСИ по изучению проблем борьбы с наступлением пустыни.

В июле 1983 г. между правительством Туниса и АСИ было подписано соглашение о пребывании в столице Туниса штаб-квартиры Африкинтерна. 31 октября — 1 ноября того же года в Хартуме состоялась 5-я сессия Генсовета АСИ с повесткой дня: дальнейшее развитие социалистической теории и воплощение ее в жизнь в условиях Африки; укрепление сотрудничества между социалистическими партиями континента; политические, экономические и социальные проблемы африканских стран. Документы сессии не содержали принципиально новых моментов. Было одобрено предложение о проведении III конгресса АСИ в 1985 г. в Хартуме.

Декабрь 1983 г. был насыщен мероприятиями Африкинтерна; с 15 по 19 декабря в Дакаре проходил симпозиум на тему «Социализм, демократия и развитие», организованный правящей партией Сенегала. Это был международный форум, формально не связанный с АСИ и, бесспорно, выходивший за его рамки в смысле состава участников. Но направление, близкое к Африкинтерну, было представлено на нем наиболее полно, сама постановка проблемы полностью соответствовала теоретическим основам АСИ, к тому же симпозиум состоялся буквально накануне II конгресса АСИ, проведенного также в Дакаре, и воспринимался как своего рода подготовка к этому событию.

В симпозиуме участвовали 22 африканские и европейские (социалистические и социал-демократические) партии. Их политический спектр был весьма широк. Африка помимо сторонников «демократического социализма» и либерализма была представлена правящими партиями Кабо-Верде, Танзании, Конго, Алжира, Мали, а также АНК и СВАПО. Все они отстаивали свои позиции, и потому увенчавшая симпозиум Дакарская декларация содержала лишь положения, по которым удалось достигнуть общего согласия. В ней говорилось о том, что прогресс возможен лишь на путях демократии и социализма, и привлекалось внимание к тяжелому экономическому положению Африки, которое усугубляется мировым хозяйственным кризисом, неравноправным обменом, гонкой вооружений, усилением

международной напряженности и угрозой мирового ядерного конфликта [45].

II конгресс АСИ состоялся в Дакаре 19—21 декабря 1983 г. В нем участвовали 8 членов организации и 14 наблюдателей. Сокращение списка членов было вызвано переворотами в Буркина Фасо и Гане, приведшими к свержению их лидеров и ликвидации партий, выступивших в 1981 г. в качестве учредителей АСИ. Конгресс открыл президент Сенегала А. Диуф. Уделив внимание теоретическим основам африканского демократического социализма, он вновь призвал АСИ к активности, к практическим решениям.

Генеральный секретарь М. Кооли представил отчет о деятельности АСИ. Центральным пунктом повестки дня был доклад председателя Африкинтерна об общей политике, озаглавленный «Кризис 1973—1979 гг. и экономические проблемы». В значительной мере он был посвящен положению Африки в мировой экономике, борьбе за установление нового мирового экономического порядка. Доклад Сенгора был положен в основу резолюции по международным вопросам [46].

В докладе Сенгора, выступлении Диуфа, в приветственном послании Бургибы вновь были затронуты проблемы понимания Африкинтерном задач и стратегии развития, социализма и демократии. Сенгор выдвинул лозунг перехода до 1990 г. всех членов АСИ к многопартийной системе. Конгресс провел выборы руководящих органов. В их составе не произошло существенных изменений.

18—20 декабря 1984 г. в Тунисе состоялась 7-я сессия Генсовета АСИ. В докладе М. Кооли особо отмечались заслуги Сенгора в ознакомлении партий — членов Социалистического интернационала с Африкинтерном и в пропаганде идей демократического социализма в Африке. Сенгор привлек внимание к ухудшающемуся экономическому положению Африки. Ссылаясь на доклад МБРР от 1 августа 1984 г., он заявил, что африканским странам угрожает политическая, экономическая и социальная катастрофа. Для того чтобы избежать бедствия, по мнению Сенгора, Африке нужны не только техническая помощь и капиталовложения, но и планы развития, основанные на действительности и вдохновляемые идеалами демократического социализма [47].

Генсовет принял резолюцию, призванную продемонстрировать антиимпериалистический характер Африкинтерна. В ней говорилось о необходимости мобилизовать все силы для борьбы с последними бастионами апартеида, колониализма, сионизма и империализма, о поддержке СВАПО, АНК, палестинского народа с ООП в качестве его единственного законного представителя, об осуждении подрывных действий ЮАР против прифронтовых государств. Резолюция призывала африканские страны преодолеть идеологические разногласия и объединить усилия для обеспечения благосостояния и прогресса своих на-

родов. Было поддержано предложение генерального секретаря АСИ о проведении в 1985 г. в Дакаре международного симпозиума по экономическим проблемам Африки[48].

В начале июля 1985 г. в Дакаре состоялась международная конференция по проблеме демократии в Африке, организованная Социалистической партией Сенегала и Национальным институтом по иностранным делам Демократической партии США. Обсуждались два круга тем: роль партии в африканском государстве и политическое и экономическое давление, испытываемое «плюралистическими и демократическими институтами в Африке». В работе конференции активное участие принял президент Сенегала А. Диуф. Организация этой конференции по теме, традиционной для АСИ, но без его непосредственного участия, свидетельствует о том, что СПС в своей теоретической и внешнеполитической деятельности не склонна ограничиваться рамками АСИ.

III конгресс АСИ намечалось провести в Хартуме в 1985 г. Однако события внесли в эти планы поправку: режим Нимейри, выдававшего себя за сторонника «демократического социализма» и пользовавшегося поддержкой Африкинтерна, был свергнут в результате выступления народных масс. Его партия — Суданский социалистический союз, один из учредителей Африкинтерна,— распалась. Падение антинародного режима Нимейри не содействовало укреплению престижа Африкинтерна.

26—28 мая 1985 г. на о-ве Маврикий состоялась 8-я сессия Генсовета. В ней участвовали представители Египта, Маврикия, Марокко, ООП, Сенегала, Сомали, Того, Туниса, Чада. Сессия приняла ряд резолюций по положению на Африканском континенте. В них осуждалась политика ЮАР, выражалась поддержка ООП, АНК, СВАПО. Было высказано пожелание АСИ участвовать в качестве наблюдателя на ближайшем заседании министров иностранных дел стран — членов ОАЕ.

III конгресс АСИ состоялся в Рабате 7—9 апреля 1986 г. Мировая печать не уделила ему большого внимания. Помимо полноправных членов АСИ и наблюдателей присутствовали и приглашенные партии. По признаниям участников, по многим обсуждавшимся проблемам возникли разногласия, что осложнило подготовку резолюций. С отчетным докладом выступил генеральный секретарь Монжи Кооли, сложивший с себя полномочия в связи с необходимостью выполнения важных функций в Тунисе. Конгресс выразил ему признательность за проделанную работу и, отмечая его заслуги перед АСИ, присвоил ему звание почетного генерального секретаря этой организации.

Политическая резолюция и резолюция по экономическим и финансовым проблемам не содержат принципиально новых положений. Пожалуй, можно отметить некоторую радикализацию критики расистского режима ЮАР и экспансионистской политики Израиля, вообще характерную для всех заявлений по этим

вопросам, исходящим от имени АСИ после организованной Социнтерном в 1984 г. конференции в Аруше. Конгресс призвал западные державы путем применения экономических санкций положить конец скрытой поддержке южноафриканских расистов и осудил агрессию Израиля против палестинского и ливанского народов, подчеркнул наличие сговора и взаимодействия между южноафриканским расизмом и сионизмом, в частности отметил их сотрудничество в ядерной области, потребовал прекращения незаконной оккупации Намибии, выразил поддержку АНК, СВАПО и ООП.

В работе конгресса участвовали представители ООП. Было поддержано требование созыва под эгидой ООН международной конференции по Ближнему Востоку с участием постоянных представителей Совета Безопасности и «всех заинтересованных сторон, включая ООП как единственного и законного представителя палестинского народа».

Отметив критическое состояние экономики африканских стран, их растущую задолженность, ставящую под сомнение реальное значение экономической помощи, конгресс ограничился умеренной рекомендацией добиваться путем переговоров лучших условий выплаты долгов и продления их сроков, тогда как многие представители развивающихся стран открыто говорят о невозможности погашения долга и необходимости его отмены.

Социалистическая партия Сенегала и Социалистическая дестуровская партия получили полномочия обеспечить издание «Курьера АСИ». Было принято решение организовать семинар о роли женщин в социалистическом и демократическом движении в Африке. Конгресс предпринял шаги для приобретения АСИ статуса наблюдателя при ОАЕ, приветствовал создание в марте 1986 г. в Париже исследовательской группы СИ по Африке и выразил надежду, что это приведет к усилению интереса Социнтерна к Африке.

В АСИ были приняты в качестве членов Национальный союз за независимость и революцию Чада, национальное объединение независимых Марокко и Боевое социалистическое движение Маврикия, в качестве наблюдателя — так называемый Фронт освобождения Эритреи. Конгресс уполномочил бюро принять все необходимые меры «для расширения базы организации», особо подчеркнув необходимость установления с этой целью контактов с «братскими партиями» Камеруна, Кот-д'Ивуар и Того.

Вопреки заявлениям руководителей АСИ о том, что он получил «права гражданства в Африке и во всем мире», эта организация не обрела прочного места в жизни континента и, пожалуй, в истекшие 5 лет была занята тем, что доказывала свое право на существование. Она стремилась привлечь к себе внимание, высказываясь по разным вопросам. Деятельность ее свелась в основном к дебатам (но они, как правило, бывают глубже и всестороннее на менее официальном уровне), к деклараци-

ям, к постановке вопросов (хотя правящие партии, входящие в АСИ, имеют возможность не только ставить проблемы, но и не менее авторитетно решать их). Африкинтерн задался амбициозными целями в области экономики, культуры, международных отношений, охраны среды и т. п. Ясно, что он не располагает средствами для осуществления их, что голос организаций, существовавших еще до АСИ, в первую очередь ОАЕ, звучит в этих вопросах авторитетнее, представительнее, весомее.

Конечно, нельзя недооценивать активность АСИ по пропаганде «демократического социализма», мобилизации его сторонников, причем негласные действия лидеров организации, вероятно, не менее важны, чем официальные мероприятия. Но и в этом отношении АСИ выступает всего лишь в роли подсобной силы, ибо национал-реформизм, выступающий под социалистическими лозунгами, и без того был широко представлен в африканской политической жизни.

Два обстоятельства достаточно красноречиво свидетельствуют о неудачах АСИ, о его неспособности добиться подлинного признания: узкий состав и противоречивые отношения с идейным вдохновителем и патроном — Социалистическим интернационалом. «Возникающая организация объединит большое число африканских партий»,— говорил Сенгор в период подготовки к созданию АСИ [49]. «Мы хотели бы, чтобы этот Африканский социнтерн был одновременно и твердым в принципах, и открытым для самого большого числа партий»,— заявил Х. Бургиба на учредительном конгрессе [50]. В обращении ко II конгрессу АСИ Бургиба вновь подчеркнул, что идея заключалась в том, чтобы создать «политическую организацию, способную объединить максимально возможное число африканских партий вокруг общей идеи» [51].

Несмотря на все усилия, достигнуть этой цели не удалось. Число членов АСИ не растет, а сокращается в результате государственных переворотов и массовых выступлений, обнаруживших антинародный характер ряда партий — учредителей Африкинтерна. Слабым утешением явилось вступление в АСИ партии Коморский союз за прогресс. Пополнить АСИ некем. На 8-й сессии Генсовета была предпринята попытка расширить членство за счет партий, которые раньше считались скомпрометированными (Египет), не пользовались национальным признанием (Чад) или не разделяли теоретической платформы организации (Того). Компромиссный вариант с наблюдателями мало что дает. До сих пор ни один из наблюдателей не пожелал изменить своего статуса и стать полноправным участником организации.

Членство стало больным вопросом АСИ. На пресс-конференции в связи с завершением работы 7-й сессии Генсовета Сенгора спрашивали, существует ли план расширения организации. «Мы решили создать две комиссии, цель которых заключается в установлении контактов с африканскими партиями, считающими

себя социалистическими и демократическими,— ответил он. — Эти контакты будут ориентированы на Восточную Африку, а Тунис и Сенегал устанавливают контакты со странами Магриба и Западной Африки» [52].

Перспективы этих контактов, должно быть, не представлялись руководителям АСИ обнадеживающими. Во всяком случае, генеральный секретарь АСИ М. Кооли счел необходимым подправить заявление председателя Африкинтерна. Он заметил, что важно не число партий-членов, а их достоинства, что «первое требование к партиям, желающим стать членами АСИ, состоит в том, чтобы они были социалистическими и демократическими» [53]. Незначительное расширение членства на III конгрессе не меняет положения принципиально. Проблема расширения организации, по существу, ее признания в масштабах континента остается по-прежнему актуальной, об этом свидетельствуют и рекомендации съезда об установлении контактов с партиями Камеруна, Кот-д'Ивуар и Того.

Революционные силы Африки сразу выступили против создания этой организации. Что же касается партий, которым капиталистическая и прозападная ориентация лидеров АСИ вполне созвучна, большинство из них считает невыгодным столь открыто связывать себя с определенным направлением западной политики, с доктриной «демократического социализма», импортированной с Запада, и предпочитают верность традиционным формам африканского национализма.

Отношения АСИ с Социнтерном оказались не столь простыми и близкими, как можно было ожидать поначалу, и нет сомнений в том, что это вызвано в первую очередь явно обнаружившейся неспособностью АСИ повести за собой Африку.

Европейский социал-реформизм в прошлом достаточно скомпрометировал себя, выступая в поддержку политики подавления освободительной борьбы колониальных народов. Африканские политики и идеологи хорошо понимали это. Ограничимся лишь мнением одного из ведущих идеологов панафриканизма 40—50-х годов — Дж. Пэдмора. «Национальные устремления азиатов и африканцев,— писал он,— никогда не принимались серьезно в расчет европейскими социалистами до самого недавнего времени... Фактически большинство европейских социалистов смотрели на колонии как на необходимый экономический придаток западной капиталистической системы». Определив позицию европейской социал-демократии как «социалистический империализм», Пэдмор отметил вместе с тем, что среди левых групп английских и французских социалистов были и противники колониализма. «К сожалению,— разъяснял он,— они представляют точку зрения меньшинства, влияние которого на политику их партий незначительно или равно нулю, а это позволяет их коллегам из правого крыла быть партнерами в колониальной политике консервативных партий и других проколониалистских групп в парламентах Франции и Великобритании» [54]. Это писа-

лось в 1956 г., когда Дж. Пэдмора трудно было заподозрить в симпатиях к международному коммунистическому движению, когда он, подобно Сенгору и Бургибе, пытался преградить путь коммунизму в Африке, правда противопоставляя ему не скомпрометировавший себя сотрудничеством с империализмом «демократический социализм», а панафриканизм.

Сенгор тоже понимал в критические моменты борьбы за независимость проколониалистскую сущность европейской правой социал-демократии. Он вступил в СФИО (французскую социалистическую партию) в 1930 г., а в сентябре 1948 г. вышел из этой организации и в письме тогдашнему генеральному секретарю СФИО Ги Молле мотивировал этот шаг следующим образом: «Истина заключается в том, что партия рассматривает заморские территории не как цель, а как средство. В Черной Африке этими средствами очень часто являются административное давление, коррупция, шпионаж и доносы» [55]. Еще в середине 60-х годов, когда у Сенгора установились контакты с Социнтерном (он был, в частности, приглашен в качестве представителя Африки на церемонию, посвященную столетию I Интернационала), он заявлял, что «африканский социализм» не примкнет к Социалистическому интернационалу, так как последний «остается слишком европейским» и недостаточно склоняется к «новым центрам притяжения в третьем мире» [56]. Все это не помешало Сенгору на учредительном конгрессе АСИ заявить, что «деколонизация, в особенности в Африке, была в основном делом левых правительств, воодушевляемых социалистической мыслью», и с похвалой отозваться о правительстве Ги Молле [57], забыв о кровопролитных войнах в Алжире и Вьетнаме, об упорной борьбе, которую приходилось вести порабощенным народам, чтобы побудить правительства метрополий приступить к деколонизации, об уловках и ухищрениях этих правительств.

Социнтерн возник как клуб европейских социал-демократических партий и до середины 60-х годов, если не позже, таковым и оставался. Но когда крушение мировой системы колониализма стало свершившимся фактом, когда на месте «заморских территорий» появились молодые государства, а правящие партии многих из них на рубеже 50 — 60-х годов обратились к лозунгам «африканского социализма», волей-неволей пришлось приспосабливаться к новым условиям. Перестройка оказалась для Социнтерна трудным и затяжным делом. Сказывались бремя традиционной колониальной политики социал-реформистов, обычная рутина и социал-демократический догматизм. Однако к середине 60-х годов наметились известные сдвиги, возник вопрос о географическом расширении Социнтерна, о привлечении к нему развивающихся стран, в том числе стран Африки. Одним из первых шагов в этом направлении стала дискуссия о демократии и социализме в Африке, развернувшаяся в Социнтерне в середине 60-х годов [58].

В ходе дискуссии столкнулись две позиции. Догматики ут-

верждали, что демократический социализм с политическим плюрализмом является единственным путем к прогрессу для всех стран, в том числе африканских. Отсюда третирование африканских политических партий, установивших однопартийные режимы, как антидемократических и псевдосоциалистических. Более гибкие прагматики выдвинули мысль о неприменимости западноевропейских моделей демократии и социализма к развивающимся странам. Этот тезис медленно пробивал себе дорогу и привел к постановке вопроса о приеме африканских партий в Социнтерн.

Не теоретический интерес лежал в основе дискуссий и возникновения новых тенденций в Социнтерне. Речь шла о налаживании отношений с независимой Африкой, что диктовалось серьезными политическими и экономическими соображениями. Западноевропейским компаниям принадлежит бо́льшая часть иностранных капиталовложений в Африке. Расширение экономической и политической экспансии в этом районе с использованием на новой основе традиционных связей, сложившихся в эпоху колониализма, с некоторых пор стало рассматриваться деловыми кругами западной Европы не только как важный фактор повышения их конкурентоспособности в капиталистическом мире, но и как средство обеспечения политической самостоятельности Западной Европы перед лицом растущего влияния двух «сверхдержав». Европейские социал-демократы — активные сторонники этого тезиса. Сегодня социал-демократические партии Запада утверждают, что намечаемый ими союз с национально-освободительными движениями «третьего мира» и суверенными государствами, рожденными в антиимпериалистической, антиколониальной борьбе, представляет собой совершенно новый факт огромного исторического значения [59].

Не будем пространно доказывать, что африканская политика многих социал-демократических партий Европы, в частности Французской социалистической партии, сохраняет неоколониалистский характер. Ограничимся лишь одним свидетельством, достоинство которого состоит в том, что оно исходит от лица, в принципе сочувствующего Социнтерну. 31 мая 1985 г. сенегальская газета «Солей», выражающая мнения правящей партии, опубликовала интервью с Р. Дебре, автором нашумевшей книги «Революция в революции?». В прошлом один из идейных вождей «новых левых», он подверг в середине 70-х годов свои ультрареволюционные взгляды во многом разумной критике. Позднее он был советником президента Ф. Миттерана по развивающимся странам и в этом качестве посещал Африку, затем стал членом Государственного совета. Дебре разъясняет корреспондентам «Солей», что коммунизм утратил мобилизующую силу. Но в своей вновь обретенной вере в европейскую культуру и роль Франции в консолидации Западной Европы он делает и ряд реалистических замечаний, в частности, о том, что «красная угроза» — это трюк, придуманный для того, чтобы лишить Европу

самостоятельности, что эта идея процветала в обстановке истерии, созданной холодной войной [60].

Дебре не вступил во Французскую социалистическую партию. По собственному признанию, его сотрудничество с правительством Франции было основано на дружбе с Миттераном и восхищении им. По мнению Дебре, эксперимент социалистической партии разочаровал лишь идеалистов, которые не могут реально взглянуть на вещи. Об эволюции французских социалистов он отзывается с одобрением. «Прежде в социалистических рядах сказывалось влияние марксиствующей идеологии, оперирующей сущностями, которые современный социологический анализ скорее пытается дисквалифицировать (вероятно, имеется в виду прежде всего концепция классовой борьбы.— *О. М.*). Отныне ясно, что эта архаическая сторона социализма с трудом переживает испытание властью» [61].

Итак, «марксиствующая идеология» архаична, и отказ от нее следует приветствовать. Дебре признает, что с приходом к власти социалистов Франция не стала социалистической, произошла не революция, а смена власти, но он позитивно оценивает результаты правления социалистов. Однако, не будучи связан партийной принадлежностью, Дебре сохраняет некоторую свободу оценок, и порой ему не чужд реализм. Вот почему его суждения об африканской политике Миттерана представляют интерес. Корреспондент «Солей» отмечал, что этой политике недостает оригинальности, что в Чаде, например, она производит впечатление движения по кругу. Дебре признавал «преемственность» и мотивировал ее следующим образом: «...национальные интересы первенствуют во всем, а ведь очевидно, что они не меняются вместе с правительствами» [62].

Это ценное признание: социалисты понимают национальные интересы в области внешней политики так же, как их понимали до них, да и сейчас понимают правые. Социалистическая фразеология используется лишь для того, чтобы представить их в более благоприятном виде освободившимся странам.

Член бюро Социнтерна Ж. Зиглер, активно проводящий в публицистических выступлениях линию на сближение европейской социал-демократии с бывшей колониальной и полуколониальной периферией, убеждает борцов за независимость и лидеров молодых государств, что сама по себе военная или политическая победа над иностранными оккупантами или местной тиранией не уничтожает насилие со стороны мирового капиталистического рынка, не устраняет невыгодное международное разделение труда [63]. Это верно, но вызывает изумление выход, предлагаемый Зиглером: только союз с одним или несколькими крупными индустриальными странами «Центра» (Западной Европы) позволит новому государству избежать зависимости от великих держав и встать на путь ускоренной разработки собственными средствами (?) своих национальных богатств [64].

Странная логика! Каким образом «союз с индустриальными

державами Центра» может привести к самостоятельному развитию? Разве эти державы, стоят ли там у власти социалисты или правые партии (ведь в них, по удачному выражению Дебре, происходит не революция, а всего лишь смена правительств), перестали быть частью мирового капитализма, разве они заинтересованы в изменении сложившегося капиталистического международного разделения труда? Что может побудить их строить отношения с «третьим миром» на началах справедливости? Только давление (но с чьей стороны?) или конкуренция.

Именно страхом растущей конкуренции проникнуты призывы социал-демократии к союзу с бывшими колониями. Ведь независимость предоставила им право (не более того!) выбирать экономических партнеров. Политически положение бывшей метрополии перестает быть монопольным. Возможны оказание давления, угроза разрыва традиционных связей. В первые годы независимости Туниса, когда из-за помощи, оказываемой им ведущему вооруженную борьбу с Францией ФНО Алжира, тунисско-французские отношения были довольно напряженными, Х. Бургиба говорил, что в стране заинтересованы во французских капиталовложениях, но, если они не будут осуществляться в достаточных количествах, Тунису придется обратиться к США. У Туниса не было страха перед «сверхдержавой», в принципе эти партнеры были для него равны, их условия были примерно одинаковы, на стороне Франции было лишь преимущество традиционности, опыта работы в Тунисе, знания конъюнктуры.

Что же касается СССР и других социалистических государств, то они сотрудничают с развивающимися странами на более льготных для последних условиях. Вот в чем опасность «сверхдержав» не для Африки, а для капиталистической Западной Европы. Но, будучи не в силах изменить принципы своей экономической деятельности в освободившихся странах и пытаясь удерживать и расширять свои позиции там, западноевропейский капитал не может выдвинуть в свою пользу более надежного аргумента, чем: «мы хорошие, а сверхдержавы — плохие». Этот аргумент не становится более убедительным от того, что к нему подшили социал-демократическую подкладку, ибо в основе его лежат интересы не Африки, а капиталистической Европы. Об этом проговаривается и Ж. Зиглер. Выдвигая на первый план моральные соображения, потребности развивающихся государств, он добавляет: «...такой союз сегодня — единственная среднесрочная и долгосрочная гарантия сохранения независимости и суверенитета Европы перед лицом великих держав» [65].

Ну, наконец-то мы добрались до политической сути: Европе нужны источники сырья и рынки сбыта, она хочет сохранить и расширить свою традиционную зону влияния. И это также подталкивало к идее расширения Социнтерна, к развертыванию его деятельности в Африке.

В 1969 г. на XI конгрессе Социнтерна был принят документ Африканский путь к социализму. В нем критиковался «негативный антиимпериализм» в политике африканских государств и ставилась задача установления их «партнерства» с бывшими метрополиями. Документ призывал покончить с «парадоксом, когда континент, где больше, чем где-либо, говорят о социализме, беднее всех представлен в Социнтерне», и добиться «включения африканского социалистического движения в международное сообщество левых некоммунистических сил». С этой целью делался первый компромиссный шаг — утверждалось, что между теориями «демократического социализма» и «африканского социализма» нет принципиальных различий [66].

В Социнтерне состояли три африканские партии, следовавшие западным образцам,— Социалистические партии Камеруна и Мадагаскара и Лейбористская партия Маврикия. Первые две распались [67]. Ясно, что Африка практически не была представлена в этой организации. Нужен был авторитетный лидер, обладающий престижем на международной арене и близкий по своим убеждениям к правой социал-демократии. Однако принципы «демократического социализма» требовали соблюдения определенных условий — многопартийности, ставшей программным требованием Социнтерна. Фигурой, готовой и способной осуществить это требование, оказался президент Сенегала Л. С. Сенгор, один из признанных политических и идейных вождей национал-реформизма, давно связанный с СФИО и Социнтерном. Введение в 1976 г. в Сенегале ограниченной многопартийной системы распахнуло перед ним двери Социнтерна. Социалистическая партия Сенегала стала его членом в 1976 г. на XIII конгрессе, а Сенгор был избран заместителем председателя Социнтерна. Этот конгресс ознаменовался значительным обновлением руководства. Тенденции развития отношений с освободившимися странами получали поддержку, но сохранялось препятствие в виде однопартийности молодых государств Африки. Жан Ру, французский социалист, бывший советником Сенгора и посредником между ним и СФИО до вступления правящей партии Сенегала в Социнтерн, писал, что, если бы последний настаивал на том, чтобы и другие африканские партии, причисляющие себя к социализму, последовали примеру Сенгора и отказались от однопартийности, ждать пришлось бы очень долго. Предлагались компромиссные проекты. Африкинтерн не был единственным среди них. Б. Крайский высказался за создание всемирного социалистического союза, в который вошли бы Социнтерн и партии стран «третьего мира» [68].

На XIV конгрессе в Ванкувере (1978 г.) Социнтерн расширился за счет ряда партий из Азии и Латинской Америки. В заключительной части В. Брандт призвал отказаться от европоцентризма и сделать Социнтерн более интернациональным. Число африканских партий в Социнтерне пока не растет. Но формой их приобщения к социал-демократии стал Африкинтерн.

Учредители АСИ не скрывали и не скрывают своего намерения проложить дорогу в Социнтерн для африканских национал-реформистских партий. Они также руководствовались не любовью к демократическому социализму, а стремлением расширить экономическое сотрудничество со странами Западной Европы и добиться при этом лучших условий. На IX съезде СПС (1978 г.) Сенгор заявил, что вступление африканских партий в Социнтерн позволит странам «Общего рынка» изжить непонимание задач и нужд «третьего мира». Журнал «Жён Африк» писал, что АСИ, по мнению его председателя, представляет собой своего рода стажировку, которую должны пройти африканские партии, прежде чем быть допущенными в Социнтерн [69]. Сенгор полагал, что АСИ сможет определять в своей среде партии, которые станут членами Социнтерна [70]. На 4-й сессии Генсовета (декабрь 1982 г.) Сенгор предложил кандидатуры СДП (Тунис), ССНС (Марокко) и НПП (Гамбия) для вступления в Социнтерн и выдвинул идею добиваться для АСИ в целом статуса постоянного наблюдателя при этой организации. Эти предложения не встретили всеобщей поддержки. Вскоре после завершения работы сессии газета «Опиньон», орган партии «Истикляль», отметила, что члены этой партии считают Социнтерн «чуждым по своей сущности» объединением, ибо он черпает свою идеологию из европейско-христианской традиции, тогда как «Истикляль» является национальной арабо-африканской партией, опирающейся на идеи ислама. К тому же, по мнению газеты, Социнтерн не эволюционировал в должном направлении, о чем свидетельствовал его отказ принять в свои ряды ООП и исключить Партию труда Израиля. По этим причинам «Истикляль» считала возможным присутствие на заседаниях Социнтерна лишь в качестве наблюдателя [71]. Но Сенгор оставался при своем убеждении. В докладе на II конгрессе АСИ он заявил, что африканские партии должны войти в Социнтерн в таком же большом количестве, как латиноамериканские, если они хотят пользоваться там реальным влиянием [72]. В декабре 1984 г. он вновь заявил на пресс-конференции в Тунисе: «Почему бы нам не присоединиться однажды к Социалистическому интернационалу?» [73].

Однако все эти инициативы и намеки не поощрялись руководством Социнтерна. Отношения между двумя организациями явно не складывались так, как того хотели инициаторы создания АСИ. Их недовольство нашло отражение в печати. 2 февраля 1982 г. в связи с сессией Генсовета в Дакаре в газете «Солей» было помещено изложение беседы с секретарем СПС по внешним связям. Он заявил, что отношения между АСИ и Социнтерном «в настоящий момент трудные», с обидой заметил, что на учредительном съезде АСИ присутствовали только четыре европейские партии (Социнтерн, как таковой, представлен не был), и сообщил просьбу АСИ о статусе наблюдателя при Социнтерне. На другой день та же газета писала: «Кажется, отно-

шения, которые следует установить между АСИ и Социнтерном, вызывают озабоченность африканской организации».

О сложности отношений между Социнтерном и АСИ свидетельствует и то, что Социнтерн проводит в Африке свои политические мероприятия через голову АСИ. Таким мероприятием была Международная конференция по проблемам юга Африки, проходившая 4—5 сентября 1984 г. в Аруше (Танзания). Инициаторами ее созыва выступили Социнтерн и социалистическая группа депутатов Европарламента. Конференция готовилась заранее и столкнулась с трудностями. Она намечалась на 1983 г. Но в августе 1983 г. агентство Франс Пресс сообщало из Дар-эс-Салама, что конференция не состоится из-за бойкота ряда африканских стран, выступивших против участия в ней представителей Израиля. Через год конференцию все же удалось созвать. В ней участвовали 23 партии Европы и Африки, присутствовали президенты прифронтовых государств Дж. Ньерере, К. Каунда, С. Машел, К. Масире, премьер-министр Р. Мугабе, а также представители АНК и СВАПО. На этой конференции выявились новые моменты в позициях Социнтерна, прежде всего по проблемам юга Африки. Совместное коммюнике отвергло проводимую США политику «конструктивного сотрудничества» по отношению к ЮАР, осудило «увязку» намибийского вопроса с выводом кубинских войск из Анголы и заявило о готовности участников расширять дипломатическую поддержку АНК и СВАПО[74].

Можно надеяться, что это свидетельствует об изменении политики Социнтерна, о сдвиге в пользу демократических, антиколониальных сил. Такой подход позволяет внести вклад в укрепление освободительного движения на юге Африки, содействовать скорейшему решению затянувшегося и опасного кризиса, оздоровлению международной обстановки в Африке и во всем мире. Позиция Социнтерна на конференции в Аруше имела определенное положительное значение. Она послужила примером и для АСИ, высказывания которого в поддержку борющихся народов юга Африки стали более энергичными. Вопрос теперь заключается в том, чтобы вопреки сопротивлению правых кругов социал-демократии, стремящихся проводить прежнюю политику попустительства по отношению к южноафриканским расистам, осуществить на деле принципы, провозглашенные в Аруше.

Лидеры «прифронтовых государств» полностью отдавали себе отчет в сложности этой проблемы. Африканские участники отнеслись сдержанно к инициаторам конференции и проводили четкую грань между словами и делами. Дж. Ньерере, открывая конференцию, обратил внимание на материальную помощь и новые капиталовложения, которые направляются через европейские фирмы или их филиалы в ЮАР и осложняют борьбу прифронтовых государств. Критическую позицию по отношению к Социнтерну занимала в дни конференции танзанийская печать.

Газета «Дейли ньюс» отметила, что эта организация неоднородна, что некоторые ее партии входили в правительства, поддерживавшие всесторонние связи с режимом апартеида. Газета писала, что африканскую общественность интересует, прекратят ли государства, во главе которых стоят партии — члены Социнтерна, участвовать в грабеже запасов намибийского урана, поддержат ли они право народов французских «заморских территорий и департаментов» на политическую независимость, окажет ли Социнтерн нажим на тех своих членов, которые продолжают тесные контакты с ЮАР и Израилем, признает ли он право палестинского народа на самоопределение, могут ли члены Социнтерна гарантировать, что они не будут в дальнейшем вооружать расистов [75]. Африканские делегаты на конференции сумели не идентифицировать себя с Социнтерном, но они не видели смысла отказываться от заверений в солидарности со стороны последнего.

Нас в данном случае интересуют не столько результаты конференции в Аруше, сколько тот факт, что она была подготовлена и проведена Социнтерном без участия такой, казалось бы, братской организации, как АСИ. Сообщалось, что в конце апреля 1984 г. на заседании бюро Социнтерна в датском городе Сланеруне было принято решение о создании специальной комиссии по вопросам Африки, в задачу которой должно входить укрепление связей Социнтерна с близкими ему по духу партиями этого континента. Л. Сенгор, выступая на 7-й сессии бюро АСИ, говорил, что этот вопрос подробно обсуждался на конференции в Аруше [76]. Как бы то ни было, это еще одно подтверждение стремления Социнтерна к непосредственному выходу в Африку, минуя АСИ.

Наконец, имела место и прямая, правда, неофициальная попытка одного из деятелей Социнтерна отмежеваться от АСИ. Речь идет об уже упоминавшейся статье члена бюро Социнтерна Ж. Зиглера, который писал, что в Африке Социнтерн обнаруживает неспособность положить конец авантюре организации, которая называет себя АСИ. Журнал снабдил это заявление примечанием, в котором дается справка о создании АСИ и утверждается, что он не имеет никаких связей — ни организационных, ни финансовых — с Социнтерном, но тем не менее из-за того, что Сенгор является заместителем председателя Социнтерна, африканская общественность и большинство правительств убеждены, что, основывая африканскую организацию, бывший президент Сенегала получил на то полномочия от Социнтерна [77].

Лицемерие этого разъяснения очевидно. Причастность Социнтерна к замыслу и организации АСИ уже была продемонстрирована. Но следует признать, что и заявление Зиглера, и комментарии журнала должны были иметь формальные основания — что Социнтерн не делал никаких деклараций о признании АСИ, не был официально представлен на его конгрессах и т. п.

Стремление руководства АСИ влиться в Социнтерн не получало поддержки, хотя их идейное родство по реформизму не вызывает сомнений. Этому можно найти только одно объяснение. Очевидно, политический курс руководителей АСИ и их идеологические установки пользуются симпатией Социнтерна. Представители социалистических и социал-демократических партий Европы не раз заявляли об этом. Но, разочаровавшись в результатах деятельности АСИ, убедившись, что он оказался не в состоянии увлечь и повести за собой Африку, существенно расширить сферу влияния национал-реформизма прозападного толка, Социнтерн решил если не отмежеваться от этой организации, то, во всяком случае, не связывать себя с ней слишком явно. Руководство Социнтерна отлично понимает, что будущее Африки решается не только в рамках АСИ, и не хочет замыкаться в этих рамках. Нисколько не сомневаясь в лояльности АСИ, оно стремится действовать самостоятельно и расширять свое влияние помимо АСИ, пытаясь устанавливать связи и союзы, в которых эта организация потерпела неудачу.

За первые пять лет своего существования Африканский социнтерн немногого добился в распространении в Африке национал-реформизма и вытеснении революционных тенденций. Он не создал ничего принципиально нового и в идейном плане, разве что воскресил идею политического плюрализма, отвергнутую Африкой в 60—70-е годы. Речь идет о попытке экспансии политического направления, которое возникло задолго до АСИ и, по всей видимости, переживет его. Африкинтерн стал поводом для некоторой идейной мобилизации и определенного самовыражения этого направления. С чем оно отправляется в путь, что оно предлагает и рекомендует спустя четверть века после своего возникновения — вот в чем главный интерес идейной платформы АСИ, выходящий за рамки истории этой организации.

Перед АСИ ставились большие задачи: «создать теорию нашей практики» (Сенгор), а это предполагало, как он говорил раньше, «приступить к анализу негро-африканской действительности, географической, исторической, политической, экономической, социальной, культурной»; «убеждать в своей способности решать актуальные проблемы» (Диуф) [78].

Разумеется, речь шла о том, чтобы создать привлекательную политическую программу, увлечь и мобилизовать массы, внушить им доверие к руководству АСИ и его курсу. Как человек, неплохо ориентирующийся в западной социологии и многое из нее почерпнувший, Л. Сенгор проводит различие между идеологией и наукой. В идеологии он подчеркивает ее действенный, мобилизующий, политический характер. «Но что такое идеология?— спрашивал он.— Как показывает греческая этимология этого слова, это совокупность идей, которая составляет ви́дение мира, Weltanschauung, полную систему общественной и личной жизни, которую намереваются осуществить благодаря коллективным, организованным действиям» [79]. В 1975 г. в речи на Ту-

нисской конференции, явившейся первой попыткой создания АСИ, Сенгор еще в большей степени выявлял прагматический характер этого понятия: «Идеология, т. е. система ценностей, предлагаемых людям, чтобы дать им возможность преобразовать себя, преобразуя мир в соответствии с этими ценностями». Сенгор следует в данном случае за Л. Альтюсером и вполне сочувственно цитирует его мысль: «Идеология как система представлений отличается от науки тем, что практически социальная функция берет в ней верх над теоретической (или функцией познания)» [80].

Известный французский философ говорит это как психолог, наблюдатель, анализирующий определенный социальный феномен. Сенгор — как творец идеологической системы. Хотя оба они как бы исключают возможность научной идеологии, в которой практический, пропагандистский, организационный, мобилизационный аспект не противоречил бы гносеологическому и не подавлял бы его, делается это с разных позиций. То, что у Альтюсера выступает в качестве констатации социолога, у Сенгора превращается в принцип, в методологию создания идеологической системы.

Этот принцип функционировал в полную силу, когда Сенгор был главой и идеологом СПС и вышел на более широкую арену с созданием АСИ. Еще в 1961 г. в докладе на III съезде Сенегальского прогрессивного союза (позднее — Социалистическая партия Сенегала) Сенгор сказал: «Фальшивый миф — тот, который не отвечает нашим потребностям, нашей ситуации» [81]. Речь шла об отрицании вредных мифов и лозунгов, порожденных «холодной войной». Но нас интересует методология вопроса. Осуждение плохих мифов предполагает, что есть и хорошие, т. е., отталкиваясь от сенгоровского определения фальшивого мифа,— те, которые отвечают потребностям, соответствуют обстановке. Его замечание о мифах не случайно. Оно перекликается с пониманием идеологии как системы взглядов, предназначенной для осуществления реальных целей, в которой полезность доминирует над истинностью. Мифотворчество становится способом конструирования идеологии. Мы увидим, что оно в самом деле, характерно для Сенгора и других идеологов Африкинтерна. Важна не истина, а внушение выгодных мифов. Такая идеология нередко граничит с демагогией. Она строится по принципу «цель оправдывает средства». Конечно, председатель АСИ не был пионером в таком отношении к идеологии. Он шел по давно проторенному пути.

В самых общих чертах еще с 60-х годов Сенгор определял представляемую им идеологию как национальную и негро-африканскую, социалистическую и демократическую [82]. Это наиболее полная формула, которая позволяет охватить содержание теоретической платформы АСИ и выявить в ней разные пласты. Создание организации, претендующей на консолидацию «демократического социализма» в масштабах всей Африки, не приве-

ло к ослаблению националистического характера идеологии.

Утверждается, что в основе установок АСИ лежат национальные негро-африканские традиции, уникальный африканский субстрат, к которому неприменимы схемы развития, разработанные в Европе и предназначенные для Европы.

Наиболее общим выражением этих ценностей служит редко употребляемое и не имеющее эквивалента в русском языке понятие (как и его ставший уже привычным частный случай — негритюд) Africanité. Творцом его является Сенгор. В мае 1963 г. на учредительном съезде ОАЕ в Аддис-Абебе он говорил: «Это та культурная общность, которую я называю африканите. Я определил бы ее как совокупность ценностей африканской цивилизации. Предстает ли она в своем арабо-берберском или негро-африканском виде, для нее всегда характерны те же свойства страсти в чувствах, силы в выражении» [83].

Если в плане логическом негритюд выступает как частный случай африканите, то в плане историческом он предшествует этому понятию, он возник еще в 30-х годах, когда об африканите еще не было и речи. Африканите появляется лишь в 60-е годы в связи с превращением бывших колоний в независимые государства и повышенным интересом к межафриканским отношениям. Африканите представляет собой теоретически противоречивое и продиктованное политическими соображениями распространение принципов негритюда на весь Африканский континент.

Негритюд, по мысли Сенгора, «представляет собой всего лишь совокупность культурных ценностей черного мира», «черной цивилизации» или просто черный мир, черную цивилизацию. Есть, как известно, понимание цивилизации и культуры как всего того, что создано в результате деятельности человека в отличие от творений природы. Цивилизация — историческое явление, изменяющееся под воздействием всех факторов, определяющих ход истории. Сенгор этого не отрицает. Но он подчеркивает в цивилизации, в негритюде сугубо естественные, биологические моменты: «Совершенно так же, как зебра не может освободиться от своих полос, не перестав быть зеброй, так и негр не может освободиться от негритюда, не перестав быть негром. В пользу этого говорят доводы и грамматики и действительности» [84].

Наиболее полное и всестороннее определение негритюда, принадлежащее Сенгору, сводится к следующему. «Негритюд — слово, а значит, и концепция — имеет двойной смысл: объективный и субъективный. Объективно негритюд — это факт, культура. Это совокупность моральных, художественных и социальных ценностей не только народов черной Африки, но и черных меньшинств Америки и даже Азии и Океании... Субъективно это... цель, которую ставят перед собой активисты негритюда, цель воспринять ценности цивилизации черного мира, осуществлять и оплодотворять их, в случае необходимости при помощи

вклада других цивилизаций, чтобы жить в соответствии с этими ценностями самим, а также чтобы побуждать следовать им других, внося таким путем вклад новых негров в мировую цивилизацию» [85].

Вот этот-то субъективный смысл и отличает принципиально негритюд от «зебритюда» вопреки ссылкам Сенгора на логику грамматики и логику действительности. Дело не только в том, что зебра получает свои полосы всецело от природы, а черная цивилизация определяется не только и не столько цветом кожи ее носителей, но и целой совокупностью факторов общественной, а не природной жизни. Дело в том, что негритюд — это не только реальный факт, как полосы зебры, но и отношение к другим столь же реальным фактам, способ их осмысления, основа философии жизни.

Принцип негритюда отнюдь не в духовной независимости, а в подходе ко всем проблемам, в том числе и духовной независимости, с позиций расовой принадлежности. Видимо, в этом неудачном выборе точки опоры одна из причин того ставшего уже очевидным (в частности, в связи с созданием АСИ, определением его идейной платформы и превращением «африканского социализма» в «демократический социализм») факта, что духовная самостоятельность негритюда оказалась иллюзорной.

Психобиологический расовый тип, определяемый географической средой, рассматривается как основа цивилизации вне всякой связи с уровнем исторического развития. Невозможно отрицать влияние этого фактора, особенно на ранних ступенях общественной эволюции. Нельзя также забывать, что усложнение жизни общества, развитие производительных сил ведут к ослаблению воздействия природной среды, что и Африка и Европа переживали развитие, гибель и смену цивилизаций при практически неизменных естественных условиях и расовом типе.

Фундаментальными ценностями негритюда Сенгор считает «редкий дар эмоций, экзистенциальную и монистическую (unitaire) онтологию, ведущую путем мистического сюрреализма к вовлеченному в жизнь общества и функциональному, коллективному и актуальному искусству, для стиля которого характерны аналогичное образное выражение и асимметричный параллелизм» [86]. Эти качества кажутся ему уникальными и противоположными духовному складу европейцев, основе европейской цивилизации: «Индоевропеец и негро-африканец были расположены на разных полюсах — объективности и субъективности, логического разума и интуитивного разума, концепции и образа, расчета и страсти» [87]. Европейцы и американцы мыслят логически связанными схемами и концепциями, африканцы — душами, сердцами, образами. И этот разный духовный склад, по мнению сторонников негритюда, непосредственно влияет на общественную жизнь и определяет коренные различия в исторических судьбах Африки и Европы.

«Первым даром негро-африканцев является мудрость, искус-

ство жить,— рассуждает Сенгор.— Они обнаружили его тысячелетия назад и обладают им до сих пор... Эта мудрость влияет не только на жизнь отдельного человека, но и на жизнь группы, в которой человек является всего лишь звеном,— я не говорю индивид, я говорю человек. Ибо негро-африканское общество — это больше, чем коллектив, это органическая общность. Человек расцветает в нем только потому, что он получает поддержку, а он получает поддержку, потому что общество облекает его „как оболочка зерно"»[88]. В негро-африканской цивилизации «общество состоит из концентрических кругов, стоящих один над другим, от семьи до королевства, и основанных на солидарной общности труда и жизни, производства и потребления, как мы сказали бы сегодня»[89].

Те же идеи развивал в речи при открытии II конгресса АСИ Абду Диуф. Он считает доминирующей чертой социальной структуры Африки «важность и устойчивость понятия „организованных групп"» семей: «Из него вытекает стереотип африканской общежительности, тогда как речь идет скорее об общности в трех измерениях: духовном, интеллектуальном и экономическом. Таким образом, все формы жизненной борьбы, которую вела Африка на протяжении веков, при всем различии типов социально-экономической организации, характеризовались волей к объединению, к ассоциации, определенной идеей общности, представляющими собой самые основы наших цивилизаций и наших культур. Это была солидарность, в которой совокупность, целое всегда преобладали над личностью. Запад, наоборот, почти всегда культивировал гегемонию индивида над обществом. Все различия, отделяющие две сферы цивилизации, могли бы схематично быть сведены к логико-исторической динамике этой антиномии: „индивид — общество". И это почти естественно, что западная капиталистическая система нашла свою избранную землю (terrain d'election) у народов, для которых личность, индивид являются единственным источником и двигателем всякой творческой активности. Мифы о гениях и героях-одиночках чужды Африке»[90].

Все эти рассуждения объединяет одна мысль, столь характерная для негритюда и родственных ему идеологических систем: расовое, этническое, природное, изначальное преобладает над социальным, историческим. Каким образом история человечества влияет на расы и нации, лепит их социальный облик, остается совершенно невыясненным. А. Диуф упоминает о различии типов социально-экономической организации в Африке. Это важнейшая мысль, которая, казалось бы, должна была быть положена в основу любого анализа, рассчитанного на трансформацию общества, на построение социализма. Но она не получает ни малейшего развития. Капитализм возник на индивидуалистическом Западе. Всегда ли Запад был таким? Разве он не знал общинных традиций? Индивидуализм породил капитализм, или, наоборот, капитализм содействовал разрушению коллекти-

визма? На какой основе возникли на индивидуалистическом Западе социалистические идеи? Как утверждается капитализм в Африке и как он влияет на фундамент негро-африканской цивилизации? Все это остается за пределами внимания идеологов негритюда и демократического социализма, как, впрочем, и всего более широкого национал-реформистского направления африканской общественной мысли и практики. Нация, ее идеалы, цели рассматриваются как неисторическая категория и мистифицируются.

Как уже говорилось, идейная основа негритюда — расовая. Его пространное определение, данное Сенгором (ценности черного населения Африки, Америки, Азии и Океании), напоминает подход раннего панафриканизма и гарвеизма. Потребности укрепления африканского единства диктовали модификацию этой концепции. Казалось бы, для обеспечения политического единства можно было пойти путем социально-исторической аргументации, отталкиваться от общности судеб, интересов, целей, трудностей. Все эти аргументы использовались идеологами АСИ, но представлялись им недостаточными. Вот почему африканские реформисты сочли необходимым прибегнуть к старым средствам из арсенала негритюда. Тогда-то и появилась концепция африканите. Известный компромисс с «принципом зебры» очевиден. Но концепция не утратила расового, этнического характера. Она стала лишь двухрасовой и полиэтнической. Признали, что зебра, не переставая быть зеброй, имеет все же немало общего с некоторыми другими травоядными.

Выдвигается идея культурного единства всей Африки, как бы единой африканской цивилизации с двумя подвидами — негро-африканским и арабо-берберским. «В настоящее время установлено, что, несмотря на свои гигантские размеры и свой возраст, а также факторы, приведшие к многочисленным рассеяниям и отклонениям, Африке присуще определенное культурное единство» [91],— заявил Диуф.

Л. С. Сенгор многократно развивал ту же мысль: «Различия между арабо-берберами и негро-африканцами несущественны, ибо каждая группа народов представляет всего лишь аспект „первобытной Африки", пользуясь выражением великого немецкого этнолога Лео Фробениуса» [92]. Сенгор любит повторять, что судано-сахельский регион, в частности Сенегал, лежит на границе двух зон африканской цивилизации [93]. Он еще более расширяет географические пределы африканской цивилизации: «Я говорю, что Африка простирается до Ирана, охватывает весь Средний Восток с его арабами и даже с его евреями. А почему бы нет?» [94]. При этом идеолог негритюда, африканите и АСИ руководствуется вовсе не плохими соображениями. Он выступает в данном случае за укрепление связей между негритянскими и арабскими народами. Культурные и всякие иные связи между арабо-берберами и негро-африканцами не подлежат сомнению. Но утверждение о единой африканской цивилизации

далеко не бесспорно. Наличие арабской цивилизации наряду с негро-африканской совершенно очевидно. И даже если распространить Африку на весь арабский мир, как это делает Сенгор, и таким образом произвольно ввести всю арабскую цивилизацию в географические пределы Африки, вопрос о ее связях, влияниях, истоках не получит удовлетворительного решения. Арабская цивилизация и арабские народы при таком подходе оказываются отгороженными от культур, районов и народов, с которыми они были связаны исторически, географически и духовно ничуть не меньше, чем с Тропической Африкой. Арабы оказываются оторванными от Азии, а идея африканите, продиктованная стремлением преодолеть расовую ограниченность негритюда, все же оказывается узкой и непригодной для сплочения народов бывших колоний и полуколоний. Между тем все те свойства, которые Сенгор считает основополагающими для негритюда,— и эмоциональность, и склонность к интуитивному прозрению, а не логическому размышлению и расчету, и общинные традиции, и слабое развитие индивидуализма и т. п. — можно было бы найти и к востоку от Персидского залива. Эти свойства встречаются не только в Азии, но и у коренного населения Западного полушария, у народов Полинезии и Океании и даже у народов Европы. В Европе эти свойства сейчас могут рассматриваться как весьма редкий психологический склад, хотя прежде они несомненно имели большое распространение и даже господствовали на ранних ступенях исторического развития.

Превращение негритюда в африканите обнаруживает не только научную, логическую несостоятельность, но и политическую двусмысленность расово-этнического подхода к общественным проблемам, в частности к проблеме сближения и взаимодействия народов бывших колоний и полуколоний. Тем не менее этот подход по-прежнему широко применяется по соображениям политического порядка. Национал-реформизм не находит лучшего идеологического обоснования своей социально-экономической и политической платформы, чем использование расовых, этнических чувств. Вот в чем смысл сознательного смешения расовых, этнических, культурных, экономических, социальных и политических вопросов при выдвижении расового или национального момента в качестве основополагающего.

Негритюд представляет собой форму национализма на расовой основе. Африканите — это попытка вывести международную солидарность за пределы негритянской цивилизации на почве национализма. Противоречивость и зыбкость этой попытки очевидна и обусловлена классовой ограниченностью национально-буржуазных кругов. Но в родственной социально-политической среде за пределами «черного мира» эта попытка не вызывает отпора и даже встречает хороший прием, ибо там есть свой собственный эквивалент негритюда в форме арабского, мусульманского или более узкого этнического национализма.

«Национализм,— отмечает З. И. Левин,— в арабских странах

развивался в двух направлениях: на преимущественно арабо-исламской и преимущественно секуляристской основе»[95]. Оба эти направления представлены в АСИ. Традиционалистские, исламские тенденции особенно сильны в идеологии марокканской партии «Истикляль». В программе партии (1960 г.) ислам рассматривается как средство обеспечения прогресса, свободы, братства, веротерпимости, сотрудничества людей, всеобщей социальной справедливости и интересов всего общества[96]. Эти принципы побудили «Истикляль» в рамках АСИ занять особую позицию по отношению к Социнтерну. Марокканская партия не только осуждает политику СИ по отношению к Израилю, но и заявляет о несоответствии европейской социал-демократии исламским традициям.

Более модернизированный вариант национализма характерен для Социалистической дестуровской партии, одной из инициаторов и признанных лидеров АСИ. Такая линия сложилась исторически в ходе борьбы Нового Дестура со Старым Дестуром. Арабскому и мусульманскому консерватизму ветеранов тунисского национализма, сочетавшемуся с политической беспомощностью, новое поколение во главе с Х. Бургибой противопоставило идеи лаицизма, культурного синтеза и вестернизации. В полемике со старой гвардией Х. Бургиба и его последователи даже снискали себе репутацию атеистов. Стремясь подорвать арабский консерватизм, они отстаивали идею особой тунисской нации, складывавшейся под воздействием не только арабской, но и африканской, восточной и европейской культур. В этой связи бургибисты проявляли интерес к доисламскому периоду тунисской истории[97]. «Тунис, расположенный в прекрасном месте Средиземноморья, наблюдая, переживая и обогащая различные цивилизации, сменявшие друг друга, находясь между Африкой южнее Сахары и Европой, будучи частью арабо-мусульманского мира, не может не быть страной меры, реализма и синтеза,— говорил на X съезде СДП бывший премьер-министр Туниса Х. Нуира.— Мы взяли от каждого из наших многообразных контактов с историей, от каждой системы то, что больше соответствует нашему темпераменту, нашему гению и нашим устремлениям. От современности мы заимствовали строгое соблюдение либеральной системы в управлении и производстве»[98]. «Мы черпаем нашу аутентичность в нашей исламской духовности, в требованиях нашего арабизма и в том, что мы удерживаем от Запада»[99],— говорил накануне создания АСИ тогдашний премьер-министр Туниса М. Мзали.

Синтез с Западом остается одной из важнейших практических установок руководства СДП. Учреждение АСИ на платформе европейской социал-демократии — одно из его подтверждений. Что же касается идеологического оформления, то оно претерпело приблизительно с середины 60-х годов и продолжает претерпевать поныне некоторые модификации в сравнении с периодом 30—50-х годов, периодом расцвета секуляристских тен-

денций бургибизма. Став правящей партией, Дестур оценил возможности использования ислама в идеологической пропаганде. Религиозный индифферентизм сменился подчеркнутым пиететом к исламским и арабским ценностям, был вытеснен принципом современного, рационалистического толкования ислама. «Наш гуманный режим восходит к исламу ханифитского толка,— говорил один из тунисских министров в 1983 г.— В исламе он черпает все — принципы свободы, чести, терпимости, единства, солидарности» [100]. Приверженность СДП «исламу и принципам веры» была с особой силой подчеркнута на внеочередном съезде партии, состоявшемся вскоре после учреждения АСИ.

Что касается существа принципов, лежащих, по мнению сторонников «демократического социализма», в основе жизни арабских народов, то при всем несходстве сегодняшних условий и исторических судеб они практически полностью совпадают с идеями, выводимыми Л. Сенгором, А. Диуфом и др. из негритюда. «Наши традиции, очевидно, являются общинными»,— заявил Х. Бургиба в речи на I конгрессе АСИ [101]. «В отличие от других стран,— говорил Х. Нуира,— отсутствие роскошных сеньориальных замков, унаследованных от наших отцов, показывает слишком ясно, что имущественные различия никогда не были у нас ярко выраженными» [102]. Это совпадение выводов при, казалось бы, разных исходных данных свидетельствует о том, что негритюд, африканите, исламские и арабские традиции служат для идеологов АСИ всего лишь формой обоснования определенной политической платформы.

В этом смысле идеология АСИ сохраняет весь теоретический багаж «африканского социализма». Но в 70—80-е годы в сравнении с 60-ми годами, в особенности с их началом, эпохой расцвета теорий «африканского социализма», сильнее зазвучал мотив освоения достижений других стран и народов, современной науки и техники, современных форм экономической, общественной и политической жизни, которые в Африку были привнесены извне. Как говорил Сенгор в 1974 г., задача состоит в том, чтобы «сохранить верность и негритюду, который представляет собой всего лишь совокупность культурных ценностей черного мира, и также этому XX в., представляющему собой век открытой диалектики или симбиоза посредством взаимодополняемости» [103].

Исходной точкой и стержнем «африканского социализма» был тезис об исключительности исторического пути африканских народов. Теперь пробивает себе дорогу мысль о всеобщих закономерностях общественного развития, поскольку речь идет о движении к всеобщей цивилизации и использовании социального опыта других континентов. К этому сдвигу, который не следует преувеличивать (по существу, имело место скорее некоторое смещение акцентов, тезисы об исключительности и синтезе сосуществовали всегда, но прежде все подчиняла себе концепция исключительности, а сейчас на передний план выдвигается

синтез), идеологов национал-реформизма в Африке привели их политический выбор, ориентация на союз с европейской социал-демократией. Признав идейное и политическое родство с ней, надо было отказываться хоть в какой-то мере от тезиса о неподвластности Африки законам общественного развития, действующим в Европе. Негритюду и родственным ему концепциям, «африканскому социализму» был нанесен существенный урон; они как бы лишились стержня, превратились в дань традиции, в музейный реквизит, в церемониальный наряд.

Произошло то, что предвидели марксистские критики «африканского социализма». Они говорили, что отказ от «европейских путей» вообще нереален, ибо Европа, обогнав Африку и Азию в ходе капиталистического, а затем и социалистического развития, впервые в истории выявила теоретически и практически осуществила некоторые общие закономерности развития человеческого общества, что вовсе не исключает национальной специфики. Речь могла идти лишь об отношении к борющимся в развитых странах классово-политическим направлениям, к социализму и капитализму. Нежелание сделать открыто этот выбор, прикрываемое идеей национальной исключительности, особенно когда оно сопровождалось притуплением бдительности в антиимпериалистической борьбе и поисками компромисса с империализмом, на деле служило маскировкой непопулярных решений. Но выбор был сделан. Прошло время, он стал свершившимся фактом, и изменившаяся политическая ситуация потребовала для него несколько обновленной идеологической формы. Но идеям национальной исключительности был нанесен урон, их служебный, декоративный характер стал еще более очевиден. Это, видимо, почувствовали представители тех буржуазных течений в Африке, которые строят свою пропаганду исключительно на национальной самобытности. Хотя социальная и политическая платформа АСИ не может вызвать у них возражений, они предпочитают оставаться в стороне от этой организации, чтобы не запятнать чистоты своего национализма примесью европейских влияний. Такой шаг кажется им политически невыгодным. И в рамках АСИ нашлась партия («Истикляль»), которая предпочла не отождествлять себя с Социнтерном как по политическим, так и по идеологическим соображениям (верность исламским традициям).

Полное отрицание западных моделей, свойственное на первых порах «африканскому социализму», сменилось дифференцированным подходом, выявлением предпочтений среди различных политических течений и идейных школ. Анализ этих предпочтений позволяет раскрыть суть платформы АСИ и место, которое отведено в ней национальным истокам.

Самые общие идейные ориентиры АСИ в лаконичной форме были выражены Х. Бургибой в обращении II конгрессу этой организации. «Наш опыт и ежедневное соприкосновение с жизнью

наших народов показали нам, что ни так называемый научный социализм, ни либеральный капитализм не могли осуществить устремления наших народов. Вот почему мы отвергли и тот и другой и предложили в качестве альтернативы демократический социализм. Короче говоря, он ставит перед собой цель примирить два главных требования: справедливость и свободу»[104].

Формулировка Бургибы, четко отражающая позицию АСИ, не оригинальна, а взята из арсенала европейской социал-демократии, как и сам термин «демократический социализм». Она ставит точки над і в отношении к научному социализму, и ее нужно всегда иметь в виду, сталкиваясь с более обтекаемыми и примиренческими заявлениями ряда сторонников демократического социализма в Африке о теории и практике марксизма-ленинизма. Но лаконизм влечет и некоторые издержки. Более подробные и гибкие рассуждения других идеологов АСИ позволяют яснее представить себе, что им не нравится в научном социализме и каково их подлинное отношение к современному капитализму.

Более дипломатичное отношение к научному социализму характерно для Сенгора и ряда других идеологов в Социалистической партии Сенегала. Это завуалированное отрицание под флагом восприятия и творческого развития лучших его сторон при отказе от устаревших или неприменимых к Африке положений. Это особая тактика идеологической борьбы. СПС рассчитывает добиться лучших результатов без объявления войны, без лобовой атаки.

В основе такого подхода лежит утверждение о множественности социалистических теорий, каждая из которых вносит вклад в разработку общего идеала и находит историческое оправдание в реальных условиях и потребностях, породивших ее. Марксизм рассматривается всего лишь как одна из социалистических теорий, отсюда его притязания на научность объявляются весьма относительными.

«Маркс... — не весь социализм,— говорил Л. Сенгор в 1974 г.— Есть Энгельс, есть ненемецкие социалисты — французы, англичане, русские среди прочих»[105]. А. Секк, докладчик от СПС на дакарском симпозиуме 1983 г., констатировал разнообразие социалистических режимов (под которыми понимались не только социалистические страны, но и социал-демократические правительства Запада и правительства адептов африканского или «демократического социализма» в Африке, ряд революционно-демократических режимов) и спрашивал: не правильнее ли было бы говорить о социализме во множественном числе?

Вместе с тем сам он предпочитает употреблять слово «социализм» в единственном числе, имея в виду «солидное родство» по марксизму всех современных социалистических течений. «В действительности общее марксистское происхождение неоспоримо, так как все нюансы современного социализма сосуществовали в двух первых интернационалах, а разрыв начался

лишь с формированием в марте 1919 г. III Интернационала (Коммунистического)... С другой стороны, если по мере приобретения опыта в борьбе рабочих и в особых национальных условиях некоторые социалисты были подведены к тому, чтобы не признавать больше полностью доктрину исторического материализма в качестве мировоззрения, то от этого их приверженность некоторым ее элементам не ослабела. ...Наконец, солидные родственные связи устанавливаются благодаря общему стремлению социалистов к продолжающемуся развитию без эксплуатации человека человеком и на благо общества, участвующего демократическим путем в управлении на всех уровнях. Если все те, кто причислял себя к социализму в течение XIX в., во время апогея торжествующего капитализма принимали главное в марксистских тезисах, то некоторые среди них испытывали не менее сильное гуманистическое влияние так называемых утопических социалистов, и это влияние привело в конце XIX — начале XX в. к появлению ревизионистских и реформистских течений» [106].

Обращение ревизионистов и реформистов к идеям домарксистского утопического социализма представляется идеологам СПС вполне естественным. Они и сами следуют их примеру. «Мы исходим из „научного социализма" Маркса и Энгельса, каким он предстает в их экономических, политических и особенно философских трудах,— говорил Л. Сенгор в 1969 г.— Но мы свободны дополнять его идеями французских социалистов, которые вовсе не были такими „утопическими", как их называют» [107].

Итак, марксизм объявляется всего лишь частью общемирового потока социалистической мысли. Против этого нелепо было бы спорить, если бы в представлении ряда идеологов «демократического социализма» в Африке данный тезис не был продиктован стремлением утопить марксизм в потоке других социалистических течений, предать забвению тот переворот в общественной науке, который он совершил, поставив стремление к социальной справедливости на базу диалектического и исторического материализма, тот переворот в общественной практике, который он совершил, связав идею социализма с политической борьбой пролетариата. Качественный скачок, который представляло собой учение Маркса и Энгельса, синтезировавших все, что могла дать наука их эпохи, и указавших пути и методы теоретических поисков и практического претворения в жизнь социализма, игнорируется. Вот почему утопический социализм рассматривается как источник знаний не сквозь призму марксизма (кто, как не Маркс и Энгельс, умел воздать должное гениальным предвидениям своих предшественников), а рядом с марксизмом и вопреки ему. Вот почему реформизм и ревизионизм считаются не опошлением марксизма, а закономерным развитием социалистической мысли. Вот на какой основе А. Секк объявляет «дурной ссорой» теоретические расхождения между научным и демокра-

тическим социализмом («Зачем же стремиться к единообразию?»[108],— восклицает он). Вот какова цена того мнимопримиренческого отношения к научному социализму, того похлопывания марксизма по плечу, которое Л. С. Сенгор называет «африканским перепрочтением Маркса и Энгельса».

Для Сенгора не нова критика научного социализма. Ею проникнуты его наиболее известные теоретические выступления конца 50-х — начала 60-х годов: «Доклад о доктрине и программе партии», «Африканский путь к социализму» и «Теория и практика сенегальского социализма»[109]. Уже тогда критика марксизма изображалась не как полное отрицание этого учения, а как стремление «превзойти» его, отойти от его мнимой «односторонности». В 70-е годы Сенгор предложил формулу, еще более подчеркивающую определенный пиетет к марксизму и избранную им в качестве заглавия своего доклада на тунисской конференции 1975 г.: «За африканское перепрочтение Маркса и Энгельса». Впоследствии этот лозунг был дополнен или уточнен. Сенгор заговорил не только об африканском, но и о современном перепрочтении марксизма. В докладе на II конгрессе АСИ он заявил: «Как я часто повторял, нам следует всегда, во всех больших проблемах исходить из Маркса и Энгельса, но перечитывая их в духе Африки и XX века»[110].

Необходимость подобного передумывания и перепрочтения диктуется, по мнению Сенгора, тем, что «марксизм, даже подкрепленный ленинизмом, или просто социализм, которым нас потчуют наши интеллектуалы, чаще всего является лишь катехизисом для слаборазвитых стран, изготовленным марксистами-ленинцами и другими европейскими социалистами». «Вначале,— продолжает Сенгор,— этот катехизис шел не прямо из Москвы или из Пекина, а из той или иной из наших старых метрополий, из Парижа или Лондона, если не из Нью-Йорка»[111]. На I конгрессе АСИ Сенгор заявил, что слаборазвитым странам предлагалась «упрощенная версия марксистско-ленинского катехизиса», причем, как всякий катехизис, она была рассчитана не на дискуссии и размышление, а на повторение лозунгов и выполнение инструкций[112]. Что же касается самих африканцев, то, по словам Сенгора, они не читали Маркса и Энгельса, не поняли их или читали их глазами парижан. «Между тем было бы опасно довольствоваться марксизмом в пилюлях, изготовленных в Европе, в Азии или в Латинской Америке для экспорта в развивающиеся страны»[113]. К счастью, по мнению Сенгора, за последние приблизительно 30 лет появились африканские интеллектуалы, способные на африканское перепрочтение марксизма.

Таким образом, призыв к «перепрочтению» имеет не только позитивный (обратиться к источникам), но и негативный (отвергнуть «марксизм в пилюлях») аспект. Но как в том, так и в другом политические соображения превалируют над стремлением к познанию, над поисками «истинного марксизма». Признание авторитета научного социализма вызвано ростом его

влияния в Африке. Идеи Маркса, Энгельса, Ленина оказали большое воздействие на освободительное движение народов арабской и неарабской Африки, которое не ограничивалось левыми кругами, выступавшими с позиций рабочего класса, а распространилось в определенной мере и форме и на мелкобуржуазные, и на национально-буржуазные круги.

А. Днуф говорил на II конгрессе АСИ, что, хотя африканские социалисты отделяют себя от «всех версий социализма, не соответствующих основному духу африканских цивилизаций, они все же были соблазнены перспективами всеобщего социализма в той форме, в какой он был проанализирован Марксом и его эпигонами». В числе причин этого явления он назвал «колониальный капитализм с его эксплуатацией и отчуждением, который в силу противодействия вел к единственному пути, способному примирить нас с самими собой,— к социализму» [114]. При этом вырабатывалось выборочное и сугубо утилитарное отношение к научному социализму. Один из основателей баасизма, Мишель Афляк, писал в 1966 г.: «Наша нынешняя позиция в отношении марксизма более не является негативной. Мы должны использовать все, что может быть нам полезно в нашей борьбе за социализм» [115]. Л. С. Сенгор руководствуется аналогичным принципом, правда не на мелкобуржуазной основе, не лишенной радикализма, а на почве национал-реформизма. Его «перепрочтение» означает выхолащивание марксизма и использование его авторитета в интересах течения, именующего себя «демократическим социализмом», под флагом обогащения марксизма национальной спецификой.

По словам Ж. Ру, Сенгор хвалил Мао Цзэдуна за то, что тот умел «китаизировать марксизм» [116]. Сенгор предлагает «африканизировать» или «негритюдизировать» марксизм. В этот замысел можно вкладывать разное содержание. Сенгор пользуется подобной терминологией не случайно. Пафос ее в необходимости приспособить и применить общую концепцию научного социализма к особым африканским условиям. Такая задача действительно существует. Она в высшей степени актуальна для революционных сил Африки. Но Сенгор и некоторые другие идеологи АСИ подходят к ней с позиций национал-реформизма. Они не ищут в марксизме путей революционного преобразования общества. Они просто считают невыгодным открыто называть себя противниками научного социализма и, не скупясь на похвалы и признание заслуг основоположников марксизма, объявляют случайным, субъективным или устаревшим все, что противоречит их платформе. В этом и заключается «передумывание марксизма черными головами», как представляет его Сенгор.

Философская база сенгоровской критики научного социализма практически не изменилась за 20—25 лет.

Пожалуй, некоторые уточнения в этот известный уже подход вносит перечень того, что признается и что отвергается в марксизме. Пропагандистская активизация идеологов национал-ре-

формизма в связи с созданием АСИ позволяет предпринять попытку составления такого своеобразного каталога, который может быть неполным, но все же дает представление о сущности «африканского перепрочтения» основоположников научного социализма.

По Сенгору, «чтобы остаться верным негритюду, который представляет собой всего лишь совокупность культурных ценностей черного мира, а также XX веку, веку открытой диалектики или симбиоза посредством взаимодополняемости, нужно отказаться от некоторых идей Маркса, порожденных Европой середины XIX в., и попытаться дополнить их в свете реальностей XX в. и Африки, с которыми мы имеем дело» [117]. На VII съезде ПСС (1969 г.) Сенгор называл это «очищением марксистского учения от всяких шлаков, случайностей и преходящих моментов, которые не являются для него фундаментальными» [118].

К «случайностям» марксизма, отвергаемым идеологами негритюда и африканского демократического социализма, относятся атеизм (дань метафизике и «субъективная причуда», по оценке Сенгора, пользующегося в последнем случае выражением Энгельса. Теоретик Африкинтерна забыл, что он упрекал марксизм в отсутствии метафизики, а в вытеснении объективного, материального субъективным видел веление времени); вера основоположников научного социализма в логический, наблюдающий, исследующий разум, неспособный, по мнению Сенгора, проникнуть глубже внешней оболочки явлений, тогда как проникнуть в их суть, «постигнуть бога» может лишь интуитивный разум; теория классов, разработанная Марксом, марксистская теория государства; взгляды Маркса и Энгельса на частную собственность, «идея одностороннего, линейного развития», под которой, видимо, следует понимать раскрытие закономерностей движения человечества от низших стадий к высшим путям смены общественно-экономических формаций; принцип высшей фазы коммунистического общества «каждому по потребностям», относимый к «утопической стороне марксизма» [119].

Что же остается за вычетом названных «случайностей и субъективных причуд» от научного социализма? «По сути дела,— разъясняет Сенгор,— мы заимствовали у Маркса и Энгельса три идеи, относящиеся к человеку, к планированию и к социальной справедливости. Наиболее важная, основная из них — марксистская концепция человека». При этом Сенгор толкует ее в экзистенциалистском, внеисторическом и, разумеется, неклассовом плане. «Конечно,— рассуждает он,— невнимательные читатели, а таких большинство, поверили, что они нашли в трудах Маркса человека — продукт природы, судьба которого создавалась историей в ходе линейного и однозначного процесса. Человек, которого мы нашли у Маркса и Энгельса, представился нам совсем другим. Для тех, кто эмпирически рассматривает, как он живет, как это делали два социалистических мыслителя, человек — прежде всего сумма потребностей и в то

же время огромный источник физико-биологической и духовной энергии, направленной на удовлетворение своих потребностей». Именно в этом и только в этом аспекте рассматривается «знаменитая Марксова теория» отчуждения, которую зрелый Маркс рассматривал сквозь призму социальных отношений, не сводя ее всецело к личной проблеме или понимая социальное как путь к решению личной проблемы. Сенгор забывает собственное замечание о том, что на место абстрактного человека Маркс поставил капиталиста и наемного рабочего. В мифотворчестве Сенгора подобных противоречий много. Каждый раз берется то, что подходит к случаю, что способно придать правдоподобие политически тенденциозным установкам. Говоря об отчуждении по отношению к продуктам труда, к идеологии, государству и т. п., Сенгор лишает это явление социальной определенности, ибо он отбрасывает марксистское учение о классах, классовой борьбе и государстве. Он подменяет взгляды Маркса, основанные на историческом материализме, «волюнтаристской концепцией человека» [120].

«Таковы три существенные идеи, которые мы заимствовали у Маркса,— резюмирует Сенгор свое отношение к научному социализму.— Мы сделали это, потому что они представляют собой всеобщие истины, пригодные для всех стран. Тем более что первая и третья из них — волюнтаристская концепция человека и концепция социальной справедливости — соответствуют негро-африканской онтологии, как я пытался ее определить в докладе, озаглавленном „Негритюд и гуманизм XX века“» [121].

Что же марксистского в этих идеях, из которых вытравлен дух классовой борьбы и классового анализа? В такой искажающей существо марксистского подхода (волюнтаристская концепция человека) или слишком общей, абстрактной (социальная справедливость, планирование) постановке вопроса исчезает специфика марксизма, его революционная сущность, то, что сделало марксизм марксизмом. «Африканское перепрочтение Маркса и Энгельса» сводится к пропагандистской попытке выхолостить учение основоположников научного социализма, рассчитанной на неосведомленных людей.

Стремление обработать марксизм в духе реформизма наиболее ярко сказывается в представлениях об историческом процессе, об эволюции капитализма, о современном мире, проявляется ли оно в отрицании якобы однозначного и прямолинейного понимания хода истории классиками научного социализма, которое мы видели у Сенгора, или в несколько более гибких и, по видимости, в более примиренческих формах, как у Ассане Секка, выступившего от имени СПС на дакарском коллоквиуме по демократии и социализму в декабре 1983 г.

Вопреки общеизвестным фактам А. Секк утверждает, что конфликт между трудом и капиталом, возникающий из противоположности их интересов, ведет к ситуации, когда, что бы ни предпринимал капитал, прибыли его снижаются, а это ведет к

«постоянному ослаблению системы, к исчезновению (?) прибыли, влекущему автоматически (!) исчезновение капиталистического предпринимательства». Тогда, по мнению Секка, производство берет на себя публичная власть, создавая тем самым ситуацию, когда возникают «некоторые существенные социалистические черты»: государство производит не для прибыли, а в интересах общества, собственность, как и производство, становится, в свою очередь, общественной. Расширение коллективной частной собственности (акционерные общества), расширение государственного сектора в экономике и некоторое расширение государственного регулирования частной экономической деятельности рассматриваются как показатель социализации собственности. Ясно, что это возможно лишь при отрицании классового характера государства. «Разумеется,— говорит А. Секк,— государство было определено как инструмент принуждения со стороны господствующего класса, но, учитывая природу режимов представительной демократии и кризис капитализма, оно вынуждено искать поддержки избирателей, и в результате этого решения государства почти всегда оборачиваются выгодой, пусть даже минимальной, для лиц наемного труда».

Вот к каким откровенно буржуазно-реформистским выводам приводит докладчика от правящей партии Сенегала показное благодушное отношение к теории марксизма. Ясно, что оно сводится к тактике, направленной на то, чтобы избежать открытой полемики. Секк ограничился лишь упоминанием, что некоторые социалисты не разделяют мнения, согласно которому процесс нереволюционных перемен в рамках капиталистического общества может привести к социализму [122].

Воздав показную дань марксистскому диалектико-материалистическому анализу истории, А. Секк пришел к тем же выводам, что и Сенгор, который не скрывает отрицательного отношения к «однозначной и линейной» марксистской концепции развития общества. Сенгор также говорит о слиянии индустриальной системы с государством и социализации предприятий, о переходе собственности в течении 50 лет от предпринимателей к акционерам и к «техноструктуре, т. е. к группе менеджеров», о том, что под давлением масс государство изымает у предпринимателей все большую часть прибыли, руководствуясь соображениями, навеянными социализмом: увеличением национального дохода путем производительных капиталовложений в рамках плана развития и наиболее полным осуществлением социальной справедливости посредством распределения национального дохода. Он утверждает, что Ленин будто бы ошибся (и даже сам признавал это), назвав империализм последней стадией капитализма, что таковой является государственный капитализм. Сенгор еще в 60-х годах предложил новую формулу: «капитализм государства-труженика» и объявил ее социалистической [123].

Сенгор в меньшей степени, чем Секк, пользуется марксистскими категориями исторического развития, в первую очередь

категорией способа производства. Он предпочитает более расплывчатые технологические определения, смазывающие социально-исторический характер явления. Так, вместо капитализма и империализма он предпочитает говорить об индустриальной цивилизации. «Примерно 550 лет назад,— рассуждал он в 1969 г.,— Европа вступила в индустриальную цивилизацию. Всего несколько лет назад две сверхвеликие державы — США и СССР вступили в сверхиндустриальную цивилизацию. Эта цивилизация достигнет зрелости к 2000 году». В этой цивилизации стираются грани между капитализмом и социализмом. Две системы якобы сближаются, конвергируются. Сенгор выступил активным пропагандистом этой концепции, почерпнутой им из западной социологии, в частности из работ П. Тейяра де Шардена, Г. Берже, Дж. Гелбрейта. «Диалектическая истина,— говорит Сенгор,— заключается в том, что если идеологии преобразуют экономическое общество, это последнее, в свою очередь, преобразует или, как говорят другие, „подавляет" идеологии. Таким путем две крайние системы, американская и советская, сближаются и конвергируются». «Мы идем,— заявляет Сенгор,— к конвергенции индустриальных цивилизаций». Он утверждает, что использование капитала в парламентарных и коммунистических режимах становится все в большей степени одинаковым. Он повторяет вслед за Жаном Ру, что «две системы сходятся в бюрократизации определенного рода, в господстве технократии». По мнению Сенгора, это вызвано тем, что обе они основаны на специфически европейских ценностях — на верховенстве науки, техники и рыночных ценностях. Отсюда делается вывод, что «проблема XX в. не заключается ни в ликвидации классов, ни в ликвидации капитализма» [124].

Вопреки встречающимся нередко у Сенгора выпадам против европейских, сугубо материальных, ценностей речь идет о создании универсальной (планетарной) и при этом индустриальной цивилизации, которая, по мнению Гелбрейта и солидаризирующегося с ним Сенгора, превзошла социализм (в подлинно марксистском понимании слова).

Пропаганда идей конвергенции у Сенгора вовсе не означает одинакового отношения к двум системам. В сопоставлении все его симпатии на стороне капитализма. Капитализм, по его мнению, как и следовало ожидать, эволюционировал в прогрессивном и гуманном направлении. Забыв о фашизме, империалистических войнах, колониальных захватах и жестокостях, он считает возможным говорить, что за последние полтора века принуждение в Западной Европе ослабело. Предпочитая не вдаваться в исторические детали становления и экспансии индустриального капитализма, он односторонне утверждает, будто «действие политической демократии, рожденной французской революцией, благоприятствовало появлению экономической и социальной демократии и вызвало эволюцию капитала», «из промышленного он превратился в финансовый, из монополисти-

ческого в плановый». И в этом также Сенгор видит лишь элементы прогресса [125].

Что же касается реального социализма, то его исторический баланс, по мнению Сенгора, скорее негативен, а его эволюция не свидетельствует о прогрессе. Сенгор утверждает, будто вопреки марксистской теории отмирания государства в социалистических странах усиливается его принудительный характер, что там появляются новые привилегированные технико-профессиональные группы с тенденцией превращения в классы, что диктатура пролетариата якобы превратилась в секретное общество, что там, мол, не может быть демократии, и это сводит на нет даже такие положительные моменты, как дисциплина, трудовой энтузиазм, самоотверженность масс и т. д. Ему вторят другие идеологи Африкинтерна и средства массовой пропаганды [126].

Вот к чему приводит «африканское перепрочтение Маркса и Энгельса».

Национал-реформистская, буржуазная природа идейно-политической платформы партий, задающих тон в АСИ, сказывается в самом их понимании социализма. Даже в качестве далекой перспективы или программного постулата они не желают признавать, что социализм — это торжество общественной собственности на средства производства.

«Мы за средний путь,— говорит Сенгор,— за демократический социализм». На съезде Прогрессивного союза Сенегала (1969 г.) он разъяснял, между какими крайностями пролегает этот путь: «Как вы знаете, кое-кто превозносит „либеральный“ капитализм, основанный на рынке и „свободной конкуренции“, другие — „марксистско-ленинский“ социализм, базирующийся на демократическом централизме и „едином планировании“, третья группа, к которой мы принадлежим, полагает, что как свободную конкуренцию, так и единое планирование в закрытой системе невозможно осуществить, особенно в слаборазвитых странах. И эта третья группа избрала средний путь демократического и децентрализованного социализма, удовлетворяющего запросы человека». Концепция «среднего пути» распространялась не только на экономику, но и на политический строй, общественную психологию. Так Сенгор говорил о «мире, поделенном между демократическим индивидуализмом и тоталитарной стадностью» [127] (не будем отвлекать читателя демонстрацией предвзятости этих определений), как о двух крайностях, которые также подлежат преодолению на основе компромисса.

Почти дословно совпадают с Сенгором и идеи руководителей СДП. На X съезде этой партии Х. Нуира, тогдашний премьер-министр, говорил о строительстве «среднего общества, которое мы рассматриваем как лучшую формулу гармоничного сосуществования всех граждан». «Модель среднего общества» выдвигалась в качестве цели СДП. Х. Бургиба подтвердил ту же мысль в речи на I конгрессе АСИ, отвергнув «крайности»: «Ни

либерализм в различных формах, которые он приобретает на Западе или в Японии, ни социализм в его многочисленных и размножающихся формах не должны служить для нас моделью» [128].

Определения социализма, выдвигаемые идеологами АСИ, отмечены расплывчатостью, абстрактным характером постановки вопроса о социальной справедливости, смешением принципов социализма, коренных для этого явления и понятия, с практическими и конъюнктурными целями развития, отсутствием четкого представления о социализме как о способе производства, детерминирующем всю совокупность общественных отношений.

В хартии АСИ говорится, что «развитие Африки приведет к созданию справедливого общества, где все люди без всякой дискриминации будут обладать равными возможностями», и что это требует «рациональной организации производительных сил посредством экономического планирования и справедливого распределения национального дохода» [129]. Здесь как будто социализм понимается как справедливое общество с равными для всех возможностями, а рациональная организация производства путем планирования выступает как средство достижения этой цели. Однако высказывания лидеров АСИ убеждают, что идея лучшей организации производства или ее аналоги включаются в само понятие социализма.

В 1970 г., отвергая сомнения тех, кто полагал, что постоянные ссылки на социализм могут отпугнуть вкладчиков капитала, и призывая их обратиться к кодексу инвестиций, предусматривающему надежные гарантии для капитала, Сенгор заявил: «В действительности наш сенегальский социализм не представляет собой ничего иного как, с одной стороны, применение самых эффективных средств для развития производства, а с другой стороны, социальную справедливость». Эта мысль повторялась Сенгором многократно, причем иногда над ростом производства и социальной справедливостью или справедливым распределением воздвигалась высшая цель — расцвет личности [130].

Встречаются и более пространные определения. Министр иностранных дел Сенегала Мустафа Ниасс говорил об «обществе, для которого характерны справедливость, солидарность, организованный и методический труд, народное образование, развитие на основе национального суверенитета, постоянное обращение к основным ценностям цивилизации» [131]. В общей резолюции X съезда правящей партии Сенегала на основе доклада Абду Диуфа определены следующие принципы «социалистического и демократического общества»: самообеспечение продовольствием, здоровье для всех, образование для всех, справедливое распределение доходов путем полного использования людских ресурсов во всех областях национальной деятельности (для осуществления этой цели съезд считает необходимым развивать индивидуальную и коллективную инициативу для использования

всех наших ресурсов), достижения культуры для всех и, «наконец, социальная справедливость, выражающаяся в свободе для всех, равенстве перед законом и национальной солидарности» [132].

Воспроизведем и характеристику социализма, содержавшуюся в плане экономического и социального развития (1981—1986) Сенегала. «Сенегальское общество, которое мы хотим построить, является обществом социалистического общинного типа, т. е. эгалитарным, демократическим и плюралистическим. Государство будет стражем и гарантом сенегальского социализма, а план — средством его осуществления. В этом обществе производительный аппарат станет общей собственностью держателей капитала и труда, которые совместно обеспечат управление им (совместная собственность и совместное управление средствами производства)» [133]. Мнение Ж. Арно о том, что негритюд является всего лишь экзотическим прикрытием ассоциации труда и капитала, полностью подтверждается.

Для всех этих определений характерно уклонение от квалифицирующих признаков социализма. Совершенно очевидно, что социализм теснейшим образом связан со справедливостью и всесторонним общественным прогрессом, более того, только социализм способен надежно обеспечить и то и другое. Но отнюдь не всякий прогресс и не всякое понимание справедливости являются социалистическими. Социализм — это социально-экономический строй, способ производства, основанные на общественной собственности. Этот коренной принцип не только обходится молчанием идеологами АСИ, но и вытесняется рассуждениями о «совместной собственности» капиталистов и рабочих. Между тем отсутствие реальной базы в виде социалистической собственности превращает в благие пожелания и воздушные замки все рассуждения о процветании, солидарности и т. п.

В представлениях идеологов АСИ, как и большинства национал- и социал-реформистов, о социализме акцент делается на распределении, для них это не способ производства, а форма распределения. «Мы идем... к конвергенции индустриальных цивилизаций, к смешанной модели либерального и децентрализованного социализма... — импровизировал в 1969 г. Сенгор на тему, заданную Дж. Гелбрейтом.— Различия между частными и государственными предприятиями в значительной мере утратят смысл» [134]. По существу, ту же мысль воспроизвел на конференции в Тунисе 1975 г. Х. Бургиба. Он призывал «заменить священную „догму“ общественной собственности понятием общественной функции». С этой идеей гармонируют его гимн частной собственности (Бургиба считает естественным явлением, что человек отдает всю свою любовь только тому, что ему принадлежит, и объявляет частную собственность лучшим стимулом экономической деятельности) и его заверения, что «мы не имеем ни малейшего намерения экспроприировать богатых и распределить их имущество среди бедных» [135].

Это сведе́ние социализма исключительно к сфере распределения, перечеркивающее напрочь марксистские представления о том, что распределение в конечном счете определяется способом производства, формой собственности, получило четкое выражение и в докладе Х. Нуиры на X съезде СДП. «От современности,— заявил он,— мы берем точное соблюдение требований либеральной системы в делах управления и производства, что же касается нашего способа распределения, мы вдохновляемся социалистической этикой» [136].

Отвергая общественную собственность на средства производства, т. е. саму основу социализма, идеологи АСИ пытаются заполнить образовавшийся вакуум признаками, связанными с ним в той или иной мере, сопутствующими ему, но не являющимися определяющими для социализма, во всяком случае, при отсутствии социалистической собственности на основные средства производства.

Когда Сенгор в 1966 г. рекомендовал социализм как наиболее действенный метод обеспечения экономической и культурной независимости, с этим трудно было спорить. Но когда обеспечение экономической и культурной независимости, а вместе с ними и весь набор средств, применяемых с этой целью,— экономическое развитие, рациональное использование средств, планирование, кооперирование, африканизация управленческого и хозяйственного аппарата, реформы администрации, борьба с коррупцией, меры по повышению уровня образования и здравоохранения и т. п. — вводятся в само понятие социализма, ясно, что речь идет о сознательном размывании этого понятия, лишении его определенности, вытравливании из него подлинно социалистического содержания.

«Мы социалисты, т. е. мы выступаем за планируемую экономику»,— говорит Сенгор. Разве планирование может служить ныне признаком социализма? Разве к мерам государственного регулирования экономической и социальной жизни не прибегают капиталистические державы Запада или те африканские режимы, которые сам Сенгор относит к «либеральным»? Разве все страны Африки не пытаются поднять уровень социально-экономического развития, просвещения, здравоохранения (а некоторые из них достигли в ряде сфер заметных успехов в сравнении с эпохой колониализма), вовсе не прибегая к идеям социализма?

Вытравливая из социализма экономическую и социальную определенность, идеологи АСИ подменяют ее набором целей развития (экономическая независимость, преодоление отсталости, рост производства) и применяемых ими политических и социально-экономических средств (планирование, индустриализация, просвещение и т. п.).

За социализм выдается модернизация, причем осуществляемая капиталистическими методами. Социализм подменяется модернизацией. Сенгор справедливо говорил: «Представить вам

наш план — это значит дать самую ясную, последовательную и полную картину сенегальского социализма», ибо кроме попыток подъема производства и перевода его на современные рельсы в этом социализме ничего нет. Сенгор подчеркивает, что с момента подготовки первого национального плана развития в 1959 г. речь шла и по сей день идет о том, чтобы «к 2000 году, после 40 лет независимости, вступить в эпоху индустриальной цивилизации» [137]. В этом и заключается весь «сенегальский», или «демократический», социализм. В резолюции X съезда Социалистической партии Сенегала говорится: «Наша страна неоспоримо вовлечена сегодня в процесс общей модернизации своей экономической системы, руководствуясь сенегальским социализмом» [138]. Модернизация — главное, социализм — идеологическое обеспечение.

З. И. Левин удачно определяет цели «бургибизма», идеологии и политики СДП как «превращение Туниса в современное государство с помощью современных средств по французскому образцу прогрессивного развития [139]. В интервью тунисской газете «Аксьон» в 1981 г., в дни I конгресса АСИ, Сенгор говорил о «команде молодых сенегальских технократов, впрочем социалистов», управляющих страной без него. Наиболее здравые и трезвые мысли возникают у Сенгора не когда он в сознании собственной важности как ведущего теоретика АСИ вещает о «демократическом» социализме, а мимоходом, в непринужденной беседе. Ныне всякий серьезный социалист не может не быть технократом в хорошем смысле этого слова, т. е. в совершенстве владеть научными методами производства, политики, управления. Но «команда», пришедшая на смену Сенгору в Сенегале, по его собственной оценке, состоит из технократов, являющихся социалистами лишь впрочем. Это удачное определение («технократы, впрочем социалисты») подходит и для характеристики «демократического» социализма АСИ. Он сводится к индустриализации, к модернизации по западному, т. е. капиталистическому, образцу и, «впрочем», широко пользуется социалистической фразеологией.

Одно из пропагандистских средств снижения социального накала проблемы справедливости идеологи АСИ видят в искусственном противопоставлении, сталкивании требований или интересов справедливости и эффективности, экономического роста. На второй день работы I конгресса АСИ тунисская газета «Аксьон», орган правящей партии, под лозунгом «Социализм в условиях свободы» на первой странице крупным шрифтом набрала два изречения: «Если социализм представляет собой социальную справедливость, он должен обеспечить изобилие» (Бургиба) и «Не может быть социальной справедливости в нищете» (Сенгор) [140]. Это была своеобразная заставка к программным речам двух основоположников АСИ.

Что социализм должен создать изобилие, очевидно. Что не может быть социальной справедливости в нищете, при всей

броскости этой фразы, неверно. Конечно, стремиться нужно не к нищете, а к национальному богатству. Но справедливость, в том числе и социальная, необходима и возможна не только в богатстве, но и в нищете. В нищете она даже важнее, чем в богатстве. В условиях голода и неурожая справедливое распределение — проблема более насущная, чем в условиях изобилия. Сенгор не может этого не знать. И если он выдвигал эту мысль в докладах не только на I, но и на II конгрессе АСИ, то это потому, что в ней заключена стратегическая и идеологическая установка АСИ и всего африканского национал-реформизма: прежде добьемся изобилия, экономического роста, а потом будем думать о справедливости. Но это означает, что изобилие будет создаваться на основе или посредством социальной несправедливости, т. е. путем капиталистической модернизации, к нему и стремятся лидеры АСИ.

Проблема противоречия между экономической эффективностью и социальной справедливостью вполне реальна. Она стоит перед всеми политическими направлениями в Африке. Ныне и революционным силам ясно, что экономическое развитие не может быть принесено в жертву поспешному и неподготовленному осуществлению принципов социализма, что это губит не только экономику, но и социализм, приостанавливая всякое развитие. Но никто в Африке не сформулировал эту антитезу так жестко и так однозначно в пользу экономического роста любыми средствами, т. е. на основе капитализма, как идеологи АСИ. Даже несоциалистическая Демократическая партия Габона устами своего лидера Омара Бонго говорит об обществе, «которое сочетает справедливость с эффективностью и исключает как демагогию, так и несправедливость» [141].

В речи на конференции 1975 г. в Тунисе Х. Бургиба сам ненароком приоткрыл и социальный смысл, и демагогический характер позиции АСИ. «Как осуществить социальную справедливость, не прибегая к принуждению?— спрашивал он.— Иными словами, как обеспечить рост производства, чтобы придать социальной справедливости реальное содержание?» [142]. Но ведь это совсем не одно и то же. Подмена тезиса бросается в глаза и все проясняет. Мысль о невозможности придать социальной справедливости реальный смысл в условиях нищеты и отсталости оправдывает нежелание прибегнуть во имя справедливости к принуждению. Идеологов АСИ больше всего волнует, как бы не быть несправедливыми по отношению к имущим, и предлагается логичное решение: когда будет достигнуто изобилие, появятся ресурсы, позволяющие как-то удовлетворить потребности трудящихся, не прибегая к принуждению по отношению к имущим, а может быть, имущие и сами пожелают поделиться частью избыточного продукта. Вот тогда-то и придет время социальной справедливости.

Сенгор откровенно перечеркивает социальный вопрос в современной Африке или, во всяком случае, исключает его из своего

«демократического» социализма, не только выдвигая тезис «справедливость невозможна при нищете», но еще и следующим образом. По его собственному признанию, примерно с 1950 г. он повторяет: «Социализм больше не заключается в том, чтобы упразднить неравенство между классами внутри нации, его цель — упразднить неравенство, существующее между капиталистическими и пролетарскими нациями» [143].

Выступая в 1974 г. в Браззавиле, он несколько смягчил эту формулу в расчете на аудиторию, признающую положения марксистско-ленинской теории о классах и классовой борьбе. Он сказал, что социализм не может больше сводиться к ликвидации неравенства внутри нации, но должен включать в себя и устранение неравенства в международном плане, т. е. между богатыми и бедными нациями [144]. Но «в своем кругу», среди национал-реформистов, в докладе на I конгрессе АСИ и по прибытии в Тунис накануне этого события он воспроизвел свою формулу в классической чистоте: «Я не перестаю повторять, главная проблема для подлинного социализма второй половины XX в. состоит не в том, чтобы уничтожить неравенство между „социальными группами“ в рамках нации, а в том, чтобы уничтожить неравенство между развитыми и слаборазвитыми (я не говорю „развивающимися“) странами» [145].

На чем основано это противопоставление? Почему решение проблемы «богатых и бедных» наций должно исключать упразднение классовых противоречий внутри нации? Постановка вопроса о преодолении разрыва между «Севером и Югом» оправдана, хотя нуждается в уточнении социальной позиции. Если на место «богатого Севера» поставить империалистические державы, продолжающие эксплуатировать бывшие колонии, то вполне логично было бы заявление, что общенациональное противоречие с империалистическими монополиями влияет на решение внутренних классовых противоречий и в некотором смысле отодвигает их на второй план. Но зачем же снимать эту проблему целиком и сводить социализм лишь к решению противоречия «Север — Юг»? Зачем же объявлять социализмом борьбу за реальное равноправие в международных отношениях, за экономическое развитие? Они представляют собой важнейшие цели, осуществления которых должен добиваться социализм, но сами по себе социализмом они ни в коей мере не являются. С таким же успехом можно было бы объявить социализмом борьбу за мир или охрану окружающей среды — тоже важнейшие задачи, стоящие перед африканскими народами.

Сенгор называл планирование социалистическим принципом, но он же подчеркивал, что в Сенегале «речь всегда идет о *частичном планировании,* которое не отрицает рынок, но пытается его интегрировать» [146] (курсив мой.— *О. М.*). На этом планировании, как и на всей экономической политике АСИ, лежит печать его понимания социализма, из которого изымается или низводится на самое последнее место уничтожение классовой

эксплуатации. По удачному определению Бешира Шуру, «эта политика (речь идет о Тунисе.— *О. М.*), которой, впрочем, следуют многие другие развивающиеся страны, характеризуется смешением развития и роста и почти болезненной одержимостью всем количественным в ущерб качественным аспектам; довольствуются разговорами об увеличении валового национального продукта, капиталовложений, числа школ, но мало говорят или совсем не говорят о распределении богатств между членами общества»[147]. За методы перераспределения богатств выдаются налоговая система, меры по социальному обеспечению, просвещению, здравоохранению, созданию рабочих мест, т. е., по существу, все социально-экономические функции государства, которые могут в определенных пределах улучшить жизнь трудящихся, но неспособны изменить общественный строй, если не посягают на частную собственность. А этого решительно не хотят делать сторонники «демократического социализма» из АСИ. Их социализм предполагает расцвет частного предпринимательства, укрепление национального капитализма.

Среди проблем, которые призван был решить план экономического развития Сенегала (1969—1973), Сенгор на первом месте назвал «поощрение сенегальских предпринимателей, сенегализацию кадров частного сектора». Говоря о задачах плана развития на новый период, он заявлял: «Правительство убеждено, что все средства должны быть пущены в ход, чтобы вырастить сенегальских деловых людей, помочь им начать дело и эффективно содействовать им в дальнейшем. Что касается создания смешанных обществ — между государством и частными лицами, между сенегальцами и иностранцами,— это одно из направлений нашей политики. Но участие государства должно быть лишь временным, в ожидании того момента, когда национальные предприниматели сумеют его заменить. Ибо вне пределов крупных предприятий, составляющих основу хозяйства, которые национализируются в демократических государствах (в сфере водоснабжения, энергетики и транспорта), роль государства должна сводиться скорее к инициативе, поощрению и контролю, чем к управлению промышленностью. В обширной области банковской и кредитной политики мне кажется важным, чтобы между банкирами и правительством установилось постоянное согласие»[148].

Вот четкое изложение экономической стратегии АСИ.

В области международных отношений национал-реформистский характер политической платформы АСИ проявляется не менее ярко, чем во внутренней политике. Экономические проблемы международных отношений ставятся лидерами АСИ с достаточной остротой и во многом верно. Но четкому пониманию капиталистической природы кризисных явлений в мировой экономике и эксплуатации развивающихся стран посредством неравноправного обмена не соответствует их политический анализ обстановки. Кто эксплуатирует развивающиеся страны, с

кем ведется борьба за новый экономический порядок, намеренно затушевывается. Вместо констатации антагонизма между «третьим миром» и мировым империализмом возникает искусственная концепция борьбы «Севера и Юга», конфликта между «богатыми и бедными» нациями, в которой и капитализм и социализм оказываются на одной стороне.

Этот тезис, как и многие другие реакционные установки АСИ, получил наиболее яркое выражение у Л. С. Сенгора. «Страны периферии,— говорил он в 1975 г.,— разгадали *новое* „главное противоречие“ — богатые страны и бедные страны»... Та же мысль повторялась и в докладе на I конгрессе АСИ: «Вот почему я настаиваю на цели, которая представляет собой, точно говоря, не упразднение борьбы классов, а упразднение посредством преодоления борьбы широт: Севера и Юга» [149].

Идеологи АСИ, конечно, не могут пройти мимо неоднородности «Севера», противоречий, определяющих отношения между его составными частями. Но характер этих противоречий они представляют в совершенно искаженном виде. Это не противоположность двух систем — социализма и капитализма, не борьба против империализма, основанного на эксплуатации трудящихся в своих странах и эксплуатации бывшей колониальной и полуколониальной периферии в международных масштабах, а борьба за влияние между Востоком и Западом, между «тоталитаризмом» и «парламентскими демократиями». Вся фальшь и бессодержательность национал-реформистского понимания социализма сказывается в этом неумении или нежелании выявить социалистические и антисоциалистические силы на мировой арене. Более того, этот псевдосоциализм ведет к притуплению антиимпериалистических тенденций, свойственных патриотическим слоям национального капитала, ибо он пренебрегает реальными возможностями создания широкого международного антиимпериалистического фронта и ориентирует в конечном счете не на борьбу, а на сотрудничество с империализмом.

Противоборство социализма и капитализма идеологи АСИ подменяют соперничеством Запада и Востока. Это противоборство, с их точки зрения, не только не способствует утверждению суверенитета развивающихся стран, но и, наоборот, представляет для них угрозу, ибо оно ведется и за влияние в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Вот ключ к пониманию расстановки сил на мировой арене идеологами АСИ.

В мае 1978 г., выступая на открытии заседания бюро Социнтерна в Дакаре, Сенгор заявил, что сверхдержавы перенесли борьбу между собой из Азии на африканскую почву, что Восток и Запад, используя кубинцев и африканцев, ведут между собой борьбу, направленную на политическое и экономическое порабощение африканских народов, на искоренение их культурной самобытности. При этом, по его утверждению, Восток применяет для достижения своих целей самые эффективные и современные средства, включая и военные действия, тогда как

Запад ограничивается тирадами. В беседе с корреспондентом «Аксьон» в дни I конгресса АСИ Сенгор развивал приблизительно ту же мысль: «Как вы знаете, с окончания второй мировой войны идет борьба между Западом и Востоком, международным коммунизмом и парламентскими демократиями. Эта борьба продолжается в иных формах и на других полях сражений, после войны она переместилась из Азии в Африку» [150]. Наконец, на пресс-конференции в связи с завершением II конгресса АСИ Сенгор утверждал, что конфликт Запад — Восток после окончания войны в Индокитае переместился на Ближний Восток и в Африку, что именно им вызваны многочисленные очаги напряженности в этих двух районах (арабо-израильский конфликт, Западная Сахара, Чад, Африканский Рог и т. п.) и что эта борьба за мировое господство, без сомнения, служит препятствием для развития континента [151].

Глобальный характер конфликта между социализмом и империализмом не вызывает сомнений. Весь вопрос в том, каково его значение для развивающихся государств и каковы их роль и место в этом конфликте. И этот вопрос служит водоразделом в международной политике между революционными и реформистскими, тяготеющими к компромиссу с империализмом политическими силами в Африке. Для революционных представителей африканского национально-освободительного движения аксиома, что социалистические революции ослабили фронт империализма и принесли сперва надежду, а потом и реальную помощь колониальным народам, что в борьбе с империалистической, колониальной или неоколониальной эксплуатацией, против империалистического политического и военного вмешательства их интересы совпадают с интересами социалистических государств и они являются естественными союзниками. А правые круги национал-реформистов в лице Л. С. Сенгора противопоставляют этому тезис о борьбе двух систем или двух сверхдержав за мировое господство, о разных империализмах, а исход этой борьбы, с их точки зрения, в лучшем случае безразличен для Африки.

Выступая в 1975 г. на конференции в Тунисе, Сенгор дал, по его собственному определению, «достаточно вольное толкование» высказываний египетского экономиста Самира Амина о социализме. По мнению С. Амина, «социалистическое решение требует идеологического разрыва с грудой социал-демократического хлама и освобождения от влияния империалистов». Сенгор, по его словам, «желающий быть менее предвзятым», предлагает свою формулу: «Социализм требует идеологического разрыва со всякими „поучениями“ центра, являются ли они „марксистско-ленинскими“ или „социал-демократическими“, освобождения стран периферии от всякого империализма, как слева, так и справа» [152].

Борьба против реального империализма, который осуществлял колониальное господство, а ныне продолжает эксплуатировать развивающиеся страны неоколониалистскими методами,

подменяется отстаиванием независимости континента от посягательств Запада и Востока, или двух сверхдержав, которые якобы одинаково стремятся к мировому господству. Очаги напряженности в Африке объясняются не противодействием империализма национально-освободительному движению, не его вмешательством во внутренние дела африканских государств, не насаждением и поддержкой неоколониальных режимов, а соперничеством Запада и Востока.

Сенгор прямо-таки одержим идеей «империализма слева» проникновения в Африку «международного коммунизма». Если в официальных выступлениях в качестве председателя АСИ ему приходится сдерживаться, то в частных интервью он дает волю чувствам. Так, накануне I конгресса АСИ Сенгор заявил в Париже, что «Каддафи является самым активным агентом международного коммунизма, хотя и называет себя „арабом“ и „мусульманином“, что „за ПОЛИСАРИО также стоит международный коммунизм“»[153]. Продолжение колониальной и неоколониальной эксплуатации и в связи с этим естественность и неизбежность национального сопротивления предаются забвению.

Характерно, что в перечне очагов напряженности в Африке, данном Сенгором в декабре 1983 г., нет Намибии, ЮАР, «прифронтовых государств», живущих под постоянной угрозой вооруженных провокаций со стороны южноафриканских расистов.

Что создает эту напряженность? Перенесение конфликта между Востоком и Западом на африканскую почву или сохранение режима апартеида, поддерживаемого империалистическими кругами Запада? Кстати сказать, участники конференции в Аруше, организованной, как уже говорилось, Социнтерном без участия АСИ и Сенгора, отказались «рассматривать проблемы юга Африки в контексте борьбы между Западом и Востоком» и осудили «политику США, фактически усиливающую южноафриканский расизм», о чем сам Сенгор сообщал на 7-й сессии Генерального совета АСИ[154].

Концепция соперничества между Западом и Востоком искажает действительную расстановку сил в той борьбе, которая ведется в Африке и вокруг Африки. Нейтралитет в этом «соперничестве» оказывается мнимым, и сами идеологи АСИ нет-нет да и проговариваются об этом. Еще в 1958 г. в беседе с французским журналистом Р. Стефаном Х. Бургиба призывал африканские страны держаться заодно со «свободным миром», а западные державы противиться попыткам отколоться от них[155].

Спустя более 20 лет Л. С. Сенгор высказывался менее пространно и конкретно, но совершенно в том же духе, что и Х. Бургиба. В упоминавшемся интервью 1981 г. в Париже, отметив, что взаимозависимость является реальностью современного мира, он прибавил: «Мы в Сенегале выбрали лагерь демократии, что не означает всегда(!) лагерь Запада»[156]. Ясно, что «лагерь демократии» — это синоним того самого «свободного мира», о котором говорил Бургиба. Общие суждения такого рода встреча-

ются редко, но те же мысли, то же стремление «склониться к Западу» проявляется в оценке конкретных политических ситуаций. Л. С. Сенгор выражал сожаление, что представители африканских государств (в том числе Сенегала) на конференции в Лагосе в августе 1979 г. проголосовали за вывод французских войск из Чада, он упрекал Запад, и в особенности США, за «отказ вооружить Марокко», он расценивал как «положительную сторону» политики Р. Рейгана его готовность быть более активным перед «напором коммунизма в Африке». Он заявил в 1981 г., что, «если бы это оказалось необходимым, Сенегал пошел бы на присутствие американских войск на своей территории (французские войска присутствуют там постоянно. — *О. М.*), чтобы противостоять империализму, ливийскому или какому-либо другому» [157].

Империализм понимается идеологами АСИ односторонне и однозначно, не как высшая и последняя стадия капитализма, связанная с интенсификацией и новыми формами эксплуатации колониальных или, в современных условиях, бывших колониальных территорий, а как синоним колониальных захватов, экспансии. По словам Сенгора, «империализм совпадает с колониализмом». «Холодная война,— говорил Л. С. Сенгор в 1961 г. на сессии ООН,— всего лишь выражает фундаментальное зло, которое мы должны пресечь в корне. Это зло — империализм великих держав... империализм Европы. С эпохи Возрождения Европа, опьяненная своими научными успехами и техническими изобретениями, воодушевлялась стремлением к господству. Пришествие социализма не ослабило этой воли к завоеваниям. Корень зла заключается в дихотомическом, манихейском духе Европы» [158]. Внеисторическое понимание империализма ведет Л. С. Сенгора к беспочвенным обвинениям социалистических стран в империализме, к уже упоминавшимся рассуждениям об империализме справа или слева, «с Востока или с Запада», к иллюзиям возможности отказа империалистических держав от эксплуатации бывшей колониальной периферии без изменения природы их социально-экономического строя. Этот наивный расчет сказывается не только в оценке современного империализма и его отношений с развивающимися странами, но и в политическом курсе на сотрудничество, компросисс с империализмом, в реформистской, умеренной позиции в конфликте между капитализмом и бывшими колониями и полуколониями.

Как и все политические представители «третьего мира», идеологи АСИ выступают за новый международный экономический порядок. Это положение зафиксировано в хартии АСИ. В качестве конкретных шагов выдвигаются сближение цен на сырье, поставляемое развивающимися странами, с ценами на товары промышленно развитых стран, а также перераспределение доходов в международных масштабах путем увеличения безвозмездной помощи развивающимся странам со стороны промышленно развитых стран до 0,7% валового национального про-

дукта последних и введения 5%-ного налога на оборонные ассигнования членов ООН с использованием полученных средств на нужды развивающихся государств. Эти меры были выдвинуты Л. С. Сенгором в докладе на учредительном конгрессе АСИ и одобрены 3-й и 4-й сессиями Генсовета Африкинтерна, состоявшимися в июле и декабре 1982 г. Мысль эта не оригинальна и не нова. Еще в декабре 1964 г. Л. С. Сенгор ссылался на проект французского экономиста Андре Филипа, предложившего «в рамках планирования мировой экономики» изымать 1% доходов «богатых» стран в пользу «бедных» стран.

План изменения международных экономических отношений, выдвигаемый АСИ, страдает двумя существенными пороками, непосредственно связанными с пониманием современного империализма и неоколониализма. Во-первых, под «богатыми» понимаются социалистические и империалистические, неоколониалистские державы, хотя их отношение к развивающимся странам принципиально отличается. Империалистические государства десятилетиями или веками грабили и эксплуатировали страны Азии и Африки. Даже те из них, которые не владели формально колониями, принимали и принимают активное участие в обогащении за счет слаборазвитых стран через национальные монополии и транснациональные корпорации. По отношению к ним международное перераспределение доходов явилось бы актом справедливости. Что же касается социалистических государств, то они никогда не участвовали в эксплуатации развивающихся стран, сотрудничают с ними на принципах равноправия и оказывают им посильную бескорыстную помощь. Распространение на них своего рода налога в пользу развивающихся стран никак нельзя рассматривать как компенсацию за противоправное обогащение в прошлом.

Во-вторых, предложенный проект останется благим пожеланием, пока не будут разработаны эффективные меры его осуществления, исходящие из реальности. Если учитывать природу современного империализма, ясно, что любые меры по изменению созданных им международных экономических отношений возможны лишь путем оказания на него давления и борьбы с ним. Однако именно этого АСИ избегает, прикрывая свою нерешительность и стремление выторговать уступки у империалистических держав сомнительными «теоретическими» соображениями. Для лидеров Африкинтерна единственный путь установления нового международного экономического порядка — диалог между «Севером и Югом» под эгидой ООН. Путь, безусловно, правильный, соответствующий нормам международного права, но обреченный на поражение, если его абсолютизировать, если все сводить к диалогу, забывая, что для него нужно создать условия, что и сам диалог, и подготовка к нему представляют собой борьбу антагонистов.

В докладе на III съезде ПСС (1961 г.) Л. С. Сенгор приводил слова Х. Бургибы о задачах, стоящих перед странами кон-

тинента после провозглашения независимости. «Драма Африки как целого состоит, во всяком случае в настоящий момент, в ее небытии. Множество государств, лишенных структуры и традиций, только что возникло из небытия, в котором их держала колонизация. У этих государств прежде всего одна насущная забота — существовать. Чтобы сделать это, им нужно пройти определенные этапы, если их называют неоколониалистскими, неважно. У этих государств нет выбора между неоколониализмом и независимостью в условиях процветания, у них есть выбор между одним неоколониализмом и другим... Следует это признать. Нужно помочь им найти наименее вредный неоколониализм, тот, который позволит им благодаря их собственной бдительности, их сплоченности и помощи их друзей из третьего мира легче подняться по ступеням, которые ведут к подлинной независимости». Сенгор привел эту мысль, потому что он полностью с ней согласен. «Вот что,— замечает он,— оправдывает наш первоочередной выбор» [159].

Итак, путь к свободе лежит только через неоколониализм. Задача состоит лишь в выборе лучшего варианта неоколониализма. К этому, в сущности, по откровенным высказываниям Х. Бургибы и Л. С. Сенгора в 1961 г., и сводится вся свобода. Согласно основателям АСИ, время перехода от неоколониализма к подлинной независимости остается неясным. Создается впечатление, что и четверть века спустя это время все еще не наступило. Столь откровенные высказывания теперь уже не встречаются. Но идеей, так четко сформулированной Х. Бургибой и поддержанной Л. С. Сенгором в 1961 г., проникнуты все путаные и противоречивые суждения идеологов АСИ о современном империализме.

И сейчас речь идет не о борьбе с неоколониализмом, а о выборе лучшего неоколониализма, хотя об этом предпочитают не говорить открыто. Такова стратегия АСИ через 25 лет после провозглашения независимости. И то, что говорил Сенгор в самом начале этого периода, как и прежде, служит ключом к пониманию этой стратегии. «Нам навязывается выбор не между зависимостью и „полной“ независимостью, которой не существует, не между изоляцией и сотрудничеством с Европой, без которого ни одно африканское государство не может обойтись,— разъяснял Л. С. Сенгор.— Выбор состоит между двумя формами сотрудничества: со старым колониализмом Западной Европы, который деколонизуется, или с неоколониализмом двух великих держав, которые представляют собой растущую силу. Точнее, речь идет о том, чтобы, никого не исключая, установить приоритет в сотрудничестве... История — это быстрая и несомненная смерть старого колониализма, это мощное утверждение неоколониализма двух великих держав» [160].

Перечеркнув альтернативу подлинной независимости и сведя любую внешнеполитическую ориентацию лишь к смене колониализма, Сенгор делает затем свой выбор. Он состоит в том, что-

бы сохранить связи (а с ними и зависимость), сложившиеся в колониальное время. В речи, произнесенной в 1961 г. в Лагосе, Сенгор приводит три аргумента в пользу этого выбора: 1) в истории нельзя плыть против течения, не рискуя утонуть; 2) вчерашний колонизатор превратился сегодня в честного партнера; 3) «сменить партнера — значит ввести на наш континент холодную войну, от которой Африка не выиграет, а, наоборот, проиграет»[161]. По существу, это тот же тезис о выборе наименее вредного варианта неоколониализма, только выраженный на сей раз в эвфемической форме. Старый колониальный партнер не называется неоколониалистским, но он не перестает быть таковым оттого, что границы распространения неоколониализма перекраиваются для обеления определенного политического курса, что из него произвольно исключаются классические колониальные державы и столь же произвольно включается Советский Союз. И вся та линия на сотрудничество с крупнейшими капиталистическими странами Европы, с бывшими метрополиями, которая настойчиво проводилась и проводится ведущими партиями АСИ, все их призывы дополнить «первичную солидарность» африканцев и всего «третьего мира» «вторичной солидарностью» с Европой, все усилия, направленные на то, чтобы отстаивать эту идею в Европе, вся проповедь Еврафрики, встречающая на Западе поддержку отнюдь не только социал-демократов, но и монополистических кругов, представляют собой продолжение политики выбора «лучшего неоколониализма», противоречащей курсу на борьбу со всяким империализмом и неоколониализмом.

Идейно-политическая платформа АСИ представляет собой очередной вариант национал-реформизма, прикрывающегося лозунгами «демократического социализма». В ней нет новизны и серьезной теоретической проработки. Нет анализа опыта 25-летнего развития африканских стран в условиях независимости. По коренным проблемам социальной структуры, сущности социализма не сказано ни одного нового слова в сравнении с началом 60-х годов, эпохой зарождения «африканского социализма». Социализм по-прежнему сводится к экономическому росту и «равенству возможностей» при полном исключении духа классовой борьбы и преодоления классовых противоречий. Такая интерпретация социализма практически полностью совпадает с установками африканских национал-реформистских партий, не берущих на вооружение социалистические лозунги, и открывает все шлюзы для беспрепятственного развития капиталистических отношений.

Пожалуй, единственное принципиальное новшество платформы АСИ состоит в усилении влияния буржуазной реформистской идеологии, сказавшемся в общем крене к Западу, признании универсальности «демократического социализма» с плюралистической демократией и в некотором видоизменении идеи национальной исключительности. Но это не привело к ослаблению

социально-политического консерватизма африканского национал-реформизма. Скорее наоборот. Если в области внутренней социально-экономической политики идет в основном лишь количественное нарастание капиталистических элементов, то во внешней ориентации позволительно говорить о попытке сделать качественный скачок. Очевидно стремление противопоставить одни африканские страны другим, изолировать революционные правительства и движения, воспрепятствовать сближению африканских государств со странами социализма и вместо этого связать их с капиталистическими монополиями. Ясно, что это затрудняет борьбу за новый экономический порядок, необходимость которого сознают идеологи АСИ, ослабляет движение неприсоединившихся государств, а вместе с тем и их возможности позитивно влиять на развитие международных отношений, служить важным фактором мира. Позицию руководства АСИ отнюдь нельзя считать неизбежной и типичной для всякого национал-реформизма в развивающихся странах. Но такова, безусловно, тревожащая эволюция партий, задающих тон в АСИ, которые, бросаясь в объятия неоколониалистских держав, рискуют полностью исчерпать свой антиимпериалистический потенциал.

Достойно сожаления и то, что АСИ до сих пор не занял активной позиции в борьбе за мир и разоружение, за предотвращение переноса гонки вооружений в космос, что он пренебрегает уникальной исторической возможностью сплочения всех сил, выступающих за мирное сосуществование и разрядку, и не солидаризировался с новыми конструктивными внешнеполитическими инициативами стран социализма. В этом смысле АСИ отстает от Социнтерна, его пока практически не затронули позитивные сдвиги, наметившиеся в последние годы во внешнеполитической платформе этой организации и проявившиеся, в частности, на XVII конгрессе Социнтерна в Лиме.

Организации, как и люди, не стоят на месте. В АСИ, как отмечалось, нет полного единства. Там возможна борьба мнений. Само сближение с социал-демократией Запада неоднозначно. В ней также есть разные течения и разные взгляды на внутренние и международные проблемы. Нельзя забывать и о тех уроках, которые преподает и будет преподавать впредь африканским странам империализм. Усиление неоколониальной эксплуатации и обострение объективных противоречий между горсткой международных монополий и бывшей колониальной периферией, особенно в связи с кризисными явлениями в капиталистической экономике 70-х—80-х годов, является непреложным фактом. Проблема долга и ухудшающиеся условия торговли с капиталистическим миром и «помощи» с его стороны никому не дают об этом забыть. Не случайно эти мотивы настойчиво звучат в документах АСИ. По-прежнему следуя курсом, навязываемым развивающимся странам МВФ и МБРР, партии — члены АСИ в резолюции по экономическим и финансовым проблемам, приня-

той на его III конгрессе, уже выразили сомнение, оказала ли помощь монополий за последние десятилетия благотворное воздействие на экономику Африки. Недовольство политикой неоколониализма нарастает. Попытки отстаивать национальные интересы будут подталкивать к антиимпериализму. Если деятельность АСИ не заглохнет, к некоторому обновлению, во всяком случае в нюансах, может привести смена лидеров. Пока же следует признать, что АСИ выступил с платформой, не содействующей консолидации прогрессивных сил Африки. Видимо, в этом одна из причин прохладного приема, который был оказан на континенте этой новой организации, и более чем скромных результатов ее деятельности за первое пятилетие своего существования.

[1] Официальное название — Межафриканский социалистический союз. В печати получило распространение название Африканский социнтерн, или Африкинтерн.

[2] *Корендясов Е.* Социнтерн в Африке.— Правда. 22.02.1981; *Мидцев В.* Кому нужен африканский мини-социнтерн.— Новое время. 1981, № 4.

[3] L'Action. Tunis, 01.03.1981.

[4] L'Action. 26.02.1981; Special L'Action. Congrès constitutif de l'Interafricaine socialiste (Tunis, 26—27—28 février 1981), с. 1.

[5] *Корендясов Е.* Социнтерн в Африке.

[6] Le Monde. P., 24.03.1973.

[7] Le Monde. 30—31.12.1973.

[8] Le Monde. 03.07.1975.

[9] *Мидцев В.* Кому нужен африканский мини-социнтерн, с. 19.

[10] Le Monde. 03, 08.07.1975.

[11] До 1976 г. правящая партия СПС называлась Прогрессивный союз Сенегала (ПСС).

[12] Азия и Африка сегодня. М., 1978, № 4, с. 23.

[13] Данные о приглашенных и участниках систематизированы Л. М. Садовской (Институт Африки АН СССР).

[14] New African. L., 1981, May, с. 29.

[15] Le Soleil. Dakar, 27.02.1981.

[16] L'Action. 27.02.1981.

[17] L'Action. 01.03.1981.

[18] Там же.

[19] Special L'Action. 26.02.1981, с. 8.

[20] Afrique nouvelle. P., 1983, № 1799, с. 8.

[21] Special L'Action. 26.02.1981, с. 1.

[22] L'Action. 21.12.1984.

[23] Special L'Action. 26.02.1981, с. 1.

[24] L'Action. 27.02.1981.

[25] L'Action. 21.12.1984.

[26] L'Action. 27.02.1981, с. 7.

[27] Там же.

[28] L'Action. 28.02.1981.

[29] New African. L., 1981, May, с. 29.

[30] Le Monde diplomatique. 1982, October, с. 2.

[31] Special L'Action. 26.02.1981, с. 7.

[32] L'Action. 20.02.1981, с. 7.

[33] L'Action. 21.12.1984, с. 2.

[34] Special L'Action. 26.02.1981, с. 1.

[35] Le Soleil. 11, 12.12.1982.

[36] Le Soleil. 20.12.1983.

[37] L'Action. 24.02.1981.

[38] Special L'Action. 26.02.1981, с. 2.
[39] Цит. по: New African. 1981, May, с. 29.
[40] Journal di Angola. Luanda, 23.03.1981.
[41] Цит. по: *Высоцкая Н. И.* Специфика воздействия социал-демократии на межафриканские отношения.— Актуальные проблемы межафриканских отношений. М., 1983, с. 238.
[42] Jeune Afrique. 1981, № 1084, с. 30.
[43] Борба. Белград, 10.03.1981.
[44] Le Soleil. 02.03.1981.
[45] Le Soleil. 19.12.1983.
[46] Le Soleil. 21, 22.12.1983.
[47] L'Action. 20.12.1984.
[48] L'Action. 21.12.1984.
[49] Special L'Action. 26.02.1981.
[50] L'Action. 27.02.1981.
[51] Le Soleil. 20.12.1983.
[52] L'Action. 21.12.1984.
[53] Там же.
[54] *Padmore G.* Pan-Africanism or Communism. L., 1956, с. 320—321.
[55] *Senghor L. S.* Pour une relecture africaine de Marx et d'Engels. Dakar — Abidjan, 1976, с. 40.
[56] *Rous J.* Léopold Sédar Senghor. La vie d'un president de l'Afrique nouvelle. P., 1967, с. 123.
[57] L'Action. 27.02.1981.
[58] См.: Социалистический интернационал и демократия в Африке.— Советское государство и право. М., 1967, № 3, с. 136—140.
[59] *Zigler J.* Crise dans l'International Socialiste.— Le Monde diplomatique. 1982, Octobre, с. 2.
[60] Le Soleil. 31.05.1985.
[61] Там же.
[62] Там же.
[63] Le Monde diplomatique. 1982, Octobre, с. 2.
[64] Там же.
[65] Там же.
[66] *Корендясов Е.* Социнтерн в Африке.
[67] *Мидцев В.* Кому нужен африканский мини-социнтерн, с. 18.
[68] Le Soleil. 16.12.1976.
[69] Jeune Afrique. 1981, № 1084, с. 31.
[70] Le Soleil. 02.03.1981.
[71] Opinion. 07.12.1982.
[72] Le Soleil. 21.12.1983.
[73] L'Action. 21.12.1984.
[74] La nouvelle marche. 07.09.1984.
[75] Daily News. Dar-es-Salaam. 04, 06.09.1984.
[76] L'Action. 20.12.1984.
[77] Le Monde diplomatique. 1982, Octobre, с. 2.
[78] L'Action. 27.02.1981; *Senghor L. S.* Paroles. Dakar—Abijan, 1975, с. 46; Le Soleil. 16, 17. 18.12.1983.
[79] *Senghor L. S.* Liberté 4. Socialisme et planification. P., 1983, с. 388.
[80] *Senghor L. S.* Pour une relecture africaine de Marx et d'Engels. Dakar—Abidjan, 1976, с. 10, 30.
[81] *Senghor L. S.* Liberté 4, с. 73.
[82] См. его работы: Liberté 4, с. 388; Pour une relecture, с. 40, 55.
[83] *Senghor L. S.* Liberté 4, р. 108—109. О негритюде см. работы: *Ерасов Б. С.* Тропическая Африка и проблема культуры. М., 1972; *он же.* Социально-культурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1982; *Мосейко А. Н.* Негритюд в современной философско-эстетической и теоретико-литературной борьбе в странах Тропической Африки.— Теории, школы, концепции. Художественный процесс и идеологическая борьба. М., 1975; *Летнев А. Б.* Общественная мысль в Западной Африке 1918—1939. М., 1983, с. 169—181.

[84] *Senghor L. S.* Pour une relecture, с. 47; *он же.* Liberté 4, с. 389, 401.
[85] *Senghor L. S.* Paroles, с. 7—8.
[86] Там же, с. 9.
[87] Там же, с. 21.
[88] Там же, с. 27—28.
[89] *Senghor L. S.* Pour une relecture, с. 61.
[90] Le Soleil. 20.12.1983.
[91] Там же.
[92] Le Soleil. 21.12.1983.
[93] *Senghor L. S.* Pour une relecture, с. 34.
[94] L'Action. 27.02.1981.
[95] *Левин З. И.* Развитие арабской общественной мысли. М., 1984, с. 55.
[96] Там же, с. 190; Ислам в истории народов Востока. М., 1981, с. 65.
[97] *Левин З. И.* Развитие арабской общественной мысли, с. 73—74.
[98] L'Action. 06.09.1979.
[99] L'Action. 19.02.1981.
[100] См.: *Левин З. И.* Развитие арабской общественной мысли, с. 74—75.
[101] L'Action. 27.02.1981.
[102] L'Action. 06.09.1979.
[103] *Senghor L. S.* Pour une relecture, с. 47.
[104] Le Soleil. 20.12.1983.
[105] *Senghor L. S.* Pour une relecture, с. 41.
[106] Le Soleil. 26.12.1983.
[107] *Senghor L. S.* Liberté 4, с. 398.
[108] Le Soleil. 26.12.1983.
[109] Подробнее см.: *Мартышин О. В.* Социализм и национализм в Африке. М., 1972, с. 174—181.
[110] Le Soleil. 21.12.1983.
[111] *Senghor L. S.* Pour une relecture, с. 7.
[112] L'Action. 27.02.1981.
[113] *Senghor L. S.* Pour une relecture, с. 8, 38.
[114] Le Soleil. 20.12.1983.
[115] Цит. по: *Левин З. И.* Развитие арабской общественной мысли, с. 128.
[116] *Rous Jean.* Leopold Sedar Senghor. P., 1967, с. 123.
[117] *Senghor L. S.* Pour une relecture, с. 47.
[118] *Senghor L. S.* Liberté 4, с. 398.
[119] *Senghor L. S.* Pour une relecture, с. 48—50; *он же.* Liberté 4, с. 398—399.
[120] *Senghor L. S.* Pour une relecture, с. 42—44, 47.
[121] Там же, с. 47.
[122] Там же.
[123] *Senghor L. S.* Liberté 4, с. 75, 76.
[124] Там же, с. 75—76, 406, 444.
[125] Там же, с. 75, 211, 441.
[126] См., например, передовицу газеты «Солей» от 22.12.1983.
[127] *Senghor L. S.* Paroles, с. 48; *он же,* Liberté 4, с. 397.
[128] L'Action. 06.09.1979; 27.02.1981.
[129] L'Action. 01.03.1981.
[130] *Senghor L. S.* Liberté 4, с. 202, 398—399, 528.
[131] Special L'Action. 26.02.1981, с. 7.
[132] Le Soleil. 11, 13.12.1982.
[133] Le Soleil. 26.12.1983.
[134] *Senghor L. S.* Liberté 4, с. 444—445.
[135] *Bourguiba H.* Augmenter le production et enrayer l'explosion demographique. Tunis, 1970, с. 22; *он же.* Obligations nationales et action etudiantine. Tunis, 1970, с. 9; *он же.* Role determinant des sciences et du technologie dans le progres des nations. Tunis, 1973, с. 21; Special l'Action. 26.02.1981, с. 2.
[136] L'Action. 06.09.1979.
[137] *L. S. Senghor.* Pour une relecture, с. 55; *он же.* Liberté 4, с. 7.
[138] Le Soleil. 13.12.1982.
[139] *Левин З. И.* Развитие арабской общественной мысли, с. 73.
[140] L'Action. 27.02.1981.

[141] Le Soleil. 21.12.1983.
[142] Special L'Action. 26.02.1981, c. 2.
[143] *Senghor L. S.* Liberté 4, c. 191.
[144] *Senghor L. S.* Pour une relecture, c. 49.
[145] L'Action. 24, 27.02.1981.
[146] *Senghor L. S.* Liberté 4, c. 407, 555—556.
[147] *Chourou B.* Développement et pauvreté.— Information Economique Africaine. Tunis, 1981, № 131, c. 8.
[148] *Senghor L. S.* Liberté 4, c. 403, 646.
[149] *Senghor L. S.* Pour une relecture, c. 24; L'Action. 27.02.1981.
[150] L'Action. 28.02.1981.
[151] Le Soleil. 22.12.1983.
[152] *Senghor L. S.* Pour une relecture, c. 24.
[153] Le Soleil. 23.02.1981.
[154] L'Action. 20.12.1984.
[155] *Stephane R.* La Tunisie de Bourguiba. Sept entretiens avec le President de la Republique Tunisienne. P., 1958, c. 31, 35.
[156] Le Soleil. 23.02.1981.
[157] Там же.
[158] *Senghor L. S.* Liberté 4, c. 62.
[159] *Senghor L. S.* Liberté 4, c. 83.
[160] *Senghor L. S.* Liberté 4, c. 83—84.
[161] Там же, c. 48.

С. Л. АГАЕВ

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИРАНА В 1981—1985 гг.

1981 год — важная веха в послереволюционном развитии Ирана. Если отставка в ноябре 1979 г. светского кабинета Мехди Базаргана стала крупным этапом на пути установления в стране непосредственного правления шиитского духовенства, то смещение в июне 1981 г. президента Абольхасана Банисадра привело к завершению этого процесса. Допустив в свое время к исполнительной власти светских деятелей, бывших противниками прямого политического господства религиозных кругов и в то же время сторонниками дальнейшего капиталистического развития страны, духовенство получило возможность представлять народу свою борьбу с ними как защиту интересов трудящихся, завоеваний антимонархической и антиимпериалистической революции января 1978 — февраля 1979 г. и в конце концов целиком взять бразды государственного правления в свои руки. Согласно принятой в декабре 1979 г. конституции, это правление основывалось на принципе «велаяте факих», по которому верховная политическая власть в Исламской Республике Иран пожизненно закреплялась за духовным вождем иранских шиитов аятоллой (имамом) Рухоллой Мусави Хомейни. Теократический характер нового режима нашел отражение и в создании Совета по наблюдению за осуществлением конституции, состоящего из богословов и призванного контролировать деятельность всех органов власти с точки зрения ее соответствия исламским нормам.

В сентябре 1981 г. президентом страны был избран ходжат-оль-эслам (второй по значению духовный титул) Али Хосейни-Хаменеи. Все другие руководящие посты также заняли либо религиозные лидеры, либо безраздельно преданные им светские деятели. Впервые взяв на себя ответственность за непосредственное руководство государственным правлением, духовенство проводило в жизнь свою политику не только через широкую сеть мечетей, но и через такие «революционные институты», как «исламские революционные комитеты», «исламские революционные трибуналы», Корпус стражей исламской революции и т. д. Особое место среди них занимали образовавшаяся весной 1979 г. Исламская республиканская партия (ИРП), ведущая политиче-

ская организация духовенства, и созданная под ее эгидой неофициальная сеть фанатично настроенных банд погромщиков, именовавших себя членами «партии Аллаха» (хезболлахами) В качестве важнейшего канала разрядки революционной энергии масс использовалась начавшаяся в сентябре 1980 г. и продолжающаяся до сих пор война с Ираком, ежедневно уносящая десятки и сотни человеческих жизней [1].

Переход к прямому и безраздельному политическому господству духовенства сопровождался ожесточенными уличными столкновениями между сторонниками и противниками президента Банисадра (в июле 1981 г. бежал во Францию). Особенно активную борьбу с правящими религиозными кругами развернула военизированная молодежная организация «Борцы за святое дело иранского народа» (моджахедины), стоявшая в свое время в первых рядах антишахского движения и выступавшая за переход страны на путь национально-демократического развития. Однако уже к началу 1982 г. властям удалось резко ослабить размах вооруженной борьбы моджахединов, а к концу того же года ликвидировать значительную часть их подпольных ячеек.

По мере достижения более или менее существенных успехов в подавлении оппозиции в рядах все сильнее укрепляющего свою власть исламского движения еще острее, чем прежде, стали обнаруживаться разногласия по некоторым основополагающим вопросам текущей и долгосрочной политики. С ликвидацией (или самороспуском) почти всех светских политических партий и организаций многие оставшиеся нерешенными общественные противоречия, социально-классовые и корпоративно-групповые конфликты сосредоточились в рамках одного движения — клерикального.

В бурных водах политической жизни Ирана теперь очень многое зависело от того, на гребне какой волны несло того или иного деятеля в данный момент. Личные и групповые интересы приобретали подчас настолько самодовлеющий характер, что одно и то же официальное лицо в течение весьма короткого времени могло, исходя из сиюминутных настроений и задач, выступать в качестве сторонника то «жесткого», то «умеренного» курса, быть в лагере то «консерваторов», то «прогрессистов». Это настолько осложняло и без того запутанную политическую борьбу, что провести какой-то водораздел между отдельными течениями в правящем лагере можно было только по их отношению к основному вопросу политической жизни Исламской Республики Иран — принципу «велаяте факих», который в широком смысле трактовался в исламском праве как «руководство наставника-опекуна».

Все сторонники хомейнистской интерпретации этого принципа, согласно которой он распространялся и на область государственного управления, считались последователями «курса имама», однако степень приверженности этому курсу определялась тем, кого те или иные последователи хотели бы видеть в каче-

стве преемника Хомейни. Последний, согласно все чаще распространявшимся слухам, из-за состояния своего здоровья мог посвящать государственным делам не более одного-двух часов в день и время от времени позволял себе длившиеся до трех недель «периоды затворничества», как он сам их называл [2]. Престиж, которым все еще пользовался имам, слабел день ото дня, не переходя в то же время ни к одному из его соратников. Отрезанные от народа волной организованного ими же в 1981—1982 гг. террора, приверженцы Хомейни проявляли серьезные колебания в вопросе проведения в жизнь тех положений исламской конституции 1979 г., в которых излагался порядок назначения его преемника. Конституция предусматривала две возможности — избрание одного духовного лица, пользующегося всеобщим признанием, или создание Советом экспертов (исламских законоведов) коллегиального «руководящего совета» из трех-пяти человек. Соответственно этому среди приверженцев принципа «велаяте факих» возникли две основные фракции.

Наиболее твердые последователи Хомейни выступали за избрание еще при жизни имама одного духовного лица в качестве его преемника. Среди этих деятелей выделялись ходжат-оль-эслам Хашеми-Рафсанджани и аятолла Монтазери. Оба негласно считались членами семьи имама (в Тегеране говорили шепотом, что первый — сводный брат Хомейни, а второй — муж его сестры [3]). Но их влияние крылось не в безоговорочной поддержке имама (такую поддержку он никому не оказывал), а в осуществляемом ими контроле над мечетями, ключевыми постами в правительстве, различных исламских органах и Исламской республиканской партии (хотя она фактически не существовала как политическая организация, а представляла собой лишь группу лиц зачастую с диаметрально противоположными взглядами).

49-летний Хашеми-Рафсанджани еще раньше сосредоточил в своих руках ключевые посты председателя меджлиса и представителя Хомейни в Высшем совете обороны. После того как в июне 1981 г. ходжат-оль-эслам Хосейни-Хаменеи был тяжело ранен в результате покушения, Хашеми-Рафсанджани долгое время замещал его на посту руководителя пятничных молитв в Тегеране. Человек, занимающий этот пост, приобретал громадное политическое влияние, поскольку его проповеди на массовых молениях в Тегеранском университете каждую пятницу (священный день отдохновения у мусульман), автоматически публиковались во всех крупных газетах страны и транслировались целиком по общенациональному радио и телевидению. Вступление на этот пост стало в свое время важной вехой на пути Хосейни-Хаменеи к президентскому креслу [4].

60-летний аятолла Монтазери, ученик Хомейни, бывший ранее руководителем пятничных молитв в Тегеране и затем в Куме, считался как в Иране, так и за рубежом «наследным принцем» при имаме. Последний, по существу, сам способствовал

распространению такого мнения тем, что выразил Монтазери большое доверие, предоставив ему широкие полномочия в вопросах, связанных с делами регулярной армии, Корпуса стражей исламской революции и других органов безопасности, а также «исламских революционных трибуналов». Хомейни даже довел до всеобщего сведения свое обыкновение советоваться с Монтазери как с высшим авторитетом в области религии [5], вызвав тем самым замешательство среди своих коллег в духовной иерархии, придерживавшихся противоположного мнения и относившихся к Монтазери в лучшем случае снисходительно. Человек низкого роста (около полутора метров), лишенный ораторского блеска, но одаренный значительной дозой крестьянской мудрости, держащийся мягко и доверительно, он показал себя в начале политической карьеры ярым сторонником экспорта «исламской революции» (особенно в Афганистан) и крайних мер в области внутренней политики [6]. Однако чем дальше, тем больше он проявлялся в качестве деятеля, более всего заботящегося о повышении престижа режима [7].

Другую фракцию сторонников принципа «велаяте факих» возглавляли 41-летний президент ходжат-оль-эслам Али Хосейни-Хаменеи и 40-летний премьер-министр Мир Хосейн Мусави-Хаменеи [8]. В основе их расхождений с первой фракцией в общем и целом лежало личное и групповое соперничество в борьбе за доминирующие позиции в политическом руководстве. Недовольные отведенной им номинальной ролью в управлении государством, они выступали против того, чтобы у Хомейни был один преемник [9]. Возглавляемая ими фракция, к которой иногда примыкал и председатель Верховного суда аятолла Абдолькерим Мусави-Ардебили [10], в целом добивалась усиления роли исполнительной власти в управлении страной. Это подчас способствовало сближению их позиций со взглядами прямых противников «курса имама» [11], выступавших против распространения принципа «велаяте факих» на государственное правление.

Среди сторонников «курса имама» существовала еще одна, полусамостоятельная группировка, примыкающая к ИРП и называвшая себя Организацией моджахединов исламской революции (ОМИР). Образовавшаяся в 1979 г. в результате слияния нескольких экстремистских исламских групп, эта организация в дальнейшем в политических целях иногда даже требовала уменьшения вмешательства духовенства в вопросы управления страной. В 1981 г. она вступила в серьезный конфликт с ИРП, угрожая проведением самостоятельного курса действий. Президент Хосейни-Хаменеи, став руководителем ИРП, вынужден был пойти на компромисс с ОМИР, предоставив ей в меджлисе и правительстве несколько министерских постов, причем в основном таких, на которые ложилась трудноразрешимая задача восстановления экономики [12]. К руководству ОМИР принадлежали министр нефти Мохаммед Гарази и государственный министр по административным вопросам, а затем министр тяжелой про-

мышленности Бехзад Набави. Однако в последующей внутриполитической борьбе «моджахедины исламской революции», по существу, не сыграли сколько-нибудь существенной роли.

Из огромного множества оппозиционных режиму светских организаций к концу 1981 г. сохранилось лишь возглавлявшееся бывшим премьер-министром Мехди Базарганом Движение за свободу Ирана, представленное в меджлисе пятью депутатами. Стремясь поставить под контроль этот последний бастион инакомыслящих мирян в государственном аппарате, исламские активисты уже с октября 1981 г., т. е. в дни наиболее ожесточенной борьбы с вооруженной оппозицией, начали преследование парламентской фракции базаргановской группировки. В качестве повода было использовано выступление Базаргана против массовых казней членов организации моджахединов. Депутаты от ИРП устроили ему обструкцию в меджлисе, а погромщики из «партии Аллаха» вышли на демонстрации с требованием его смерти. Расправу над бывшим премьером предотвратила неопределенная позиция, занятая имамом. Спустя два дня после выступления Базаргана в парламенте, когда Хомейни приводил к присяге ходжат-оль-эслама Али Хосейни-Хаменеи в качестве третьего президента Исламской Республики, среди присутствовавших при церемонии раздались крики: «Смерть Базаргану!», «Смерть либералам!». Хомейни, однако, хранил молчание, никак не реагируя на это. И хотя в те дни группа членов и сторонников ИРП вне парламента направила в меджлис петицию с требованием изгнать из него Базаргана и четырех других членов возглавляемого им Движения за свободу Ирана, базаргановская фракция после перерыва в два с лишним месяца вновь вернулась к участию в заседаниях парламента [13].

В условиях ликвидации практически всех светских политических движений и течений наиболее значительная оппозиция «курсу имама» исходила из религиозных кругов. Истоки обнаружившихся среди шиитского духовенства расхождений уходили своими корнями в классовое происхождение и прежние социальные связи двух его главных групп — кумского и мешхедского. Кум, отчасти благодаря своему местоположению в центре страны, привлекал к себе студентов из деревень и вообще сельской местности. Поэтому многие священнослужители, закончившие богословские школы в Куме, происходили в основном из более бедных семей и оценивали положение вещей в стране с относительно радикальной или популистской точки зрения. Напротив, Мешхед, расположенный на северо-востоке Ирана, считающийся более священным местом, чем Кум (поскольку в нем находится гробница имама Резы, единственного шиитского святого, похороненного в Иране), по традиции был базой самых богатых и влиятельных религиозных династий. Муллы, учившиеся в богословских школах Мешхеда, происходили в основном из семей богатых землевладельцев и крупных торговцев и потому придерживались более консервативных позиций [14].

Такое деление носит, разумеется, условный характер — тем более применительно к периоду после свержения шахского режима и прихода к государственной власти духовенства, в результате чего произошло определенное сближение социально-экономического положения отдельных группировок религиозных деятелей. Показательно, что, хотя большая часть земельных владений по-прежнему находилась в руках крупных помещиков, почти треть их в результате «революционных конфискаций» так или иначе оказалась в руках духовенства. Конечно, в среде и кумских, и мешхедских религиозных деятелей, как и раньше, сохранялось значительное имущественное неравенство. Но основную оппозицию все еще сохраняющимся радикально-популистским тенденциям духовенства центральных районов Ирана, ближе других пробравшегося к браздам правления в стране, составляли религиозные деятели — выходцы из окраинных провинций, где они традиционно были тесно связаны с богатыми землевладельцами и крупными торговцами.

Не случайно среди духовенства главной оппозиционной силой в отношении Хомейни стало тайное общество Ходжатие, или, как его еще называли, «Общество антибехаитов»[15]. Оно было основано в 50-х годах в Мешхедском богословском центре аятоллой Махмудом Халаби. Ярый противник бехаизма, он утверждал, что это отколовшееся некогда от исламской религии «еретическое» учение представляет главную опасность для «истинной веры» и всего мусульманского общества в целом. Исходя из такой посылки, Ходжатие сосредоточило основную свою деятельность на открытых дискуссиях с бехаитами, многих из которых ему удалось вернуть в «лоно ислама». Успехи Халаби и его соратников в этом деле позволили обществу приобрести большую популярность и распространить сферу своего влияния на многие другие города, в том числе Тегеран, а также на сельские районы.

Отказываясь от активной политической борьбы, общество Ходжатие смогло избежать каких-либо гонений и преследований со стороны шахских властей. Более того, оно во многих случаях шло на активное сотрудничество с монархическим режимом. Такая позиция базировалась на мнении, что из двух зол — бехаизма и «незаконного» светского правления — бо́льшим является первое и для противостояния ему можно и нужно использовать второе. Терпимому отношению режима к обществу способствовало и то, что, подменяя активную борьбу с шахской диктатурой молитвами и пассивным ожиданием установления «законной» власти 12-го имама, оно воздерживалось от какой бы то ни было критики внутренней и внешней политики шаха, в том числе тех ее аспектов, которые облегчали проникновение в страну «антиисламской» западной культуры.

В отличие от Хомейни и его сторонников члены Ходжатие во главе с Халаби не только игнорировали социально-политические аспекты шиизма, но и вообще старались отделять религию от

политики. Считая главным для себя разработку чисто богословских проблем, они делали упор на необходимость неукоснительного отправления культа и строгого следования нормам шариата, в особенности в вопросах положения женщин. Признавая принцип «единства бога», общество Ходжатие практически не затрагивало проблему взаимоотношений Аллаха и «тагута» (сатаны, антипода бога), тогда как, по убеждению Хомейни и его последователей, всякий, кто не проклял тагута и отказывается от борьбы с ним, не может считаться «истинным мусульманином».

Если, согласно хомейнистам, вера в Аллаха — обладателя сверхъестественной силы способна одолеть любое, самое мощное земное оружие, то члены Ходжатие решали вопрос о соотношении божественной и земной силы со слишком рационалистических позиций. В дни антишахской борьбы Халаби писал о невозможности бороться с вооруженной до зубов шахской армией, а всех тех, кто призывал народ к активным действиям, уповая на помощь Аллаха, обвинял в бессмысленном пролитии крови. Это в конце концов вызвало брожение в обществе Ходжатие, многие члены которого, приняв сторону Хомейни, вступили в антишахскую борьбу.

В первое время после победы февральского вооруженного восстания 1979 г. Ходжатие переживало глубокий кризис. Многие его члены требовали от Халаби и других руководителей общества признания ошибочности проводившегося в дни революции курса. В обществе начался раскол, возникло несколько группировок. Однако по мере стабилизации исламского режима и усиления антидемократических аспектов его политики Ходжатие стало возрождаться, а его поредевшие ряды пополнились новыми членами. В 1982 г. около 50, а к 1983 г. около 60 депутатов меджлиса открыто или скрытно проводили линию нелегально действующего руководящего бюро общества во главе с Халаби [16]. Значительное число тех, кто ранее формально перестал быть членом Ходжатие, продолжали заниматься активной общественной деятельностью, придерживаясь того же политического курса. Многие наблюдатели считали, что именно члены Ходжатие, которые ранее никогда не высказывали негативного отношения к деятельности Базаргана и Банисадра, а главную опасность для ислама после революции усматривали в коммунизме и политике СССР, были инициаторами перехода к антикоммунистической политике, а затем и расправы с Народной партией Ирана. Из подобных фактов делался вывод, что Ходжатие является сторонником сближения с Западом и усиления репрессивного характера государства [17].

Основные расхождения между последователями Хомейни и членами Ходжатие с самого начала упирались в такой насущный политический вопрос, как проблема руководства страной, причем толкование его облекалось в религиозные постулаты. И те и другие считали, что на земле может быть только один «за-

конный» правитель — 12-й имам Махди, пришествие которого наступит тогда, когда зло и коррупция достигнут апогея. Но если последователи Хомейни утверждали, что до тех пор обществом должны управлять наиболее видные религиозные наставники, способные начать после злодеяний шахского режима восстановление «исламской социальной справедливости», то, согласно Ходжатие, всякие попытки борьбы с коррупцией отдаляют приход 12-го имама, поэтому их надо всячески избегать. Это означало не только почти открытую поддержку интересов зажиточных слоев населения, но и едва завуалированное отрицание такой интерпретации принципа «велаяте факих», при которой в обществе утверждалась власть Хомейни как «заместителя» или «помощника» 12-го имама [18].

Утверждая, что духовенству не следует принимать непосредственное участие в управлении государством, что оно должно действовать лишь в качестве «стража нравственности» общества [19], члены Ходжатие на практике, однако, проникнув в некоторые министерства и религиозные суды, а также в управление по борьбе с коррупцией, именно через эти органы власти старались проводить в жизнь свои идеалы. По некоторым данным, члены общества приобрели значительное влияние и в ИРП. Уже с весны 1982 г. сторонники Ходжатие начали открыто выкрикивать оппозиционные лозунги на пятничных молитвах и других общественных сборищах. Они требовали решения вопроса о преемнике Хомейни в Совете экспертов после его смерти и настаивали на замене единоличного правления системой коллективного руководства. Наряду с этим Ходжатие противилось любым социальным преобразованиям, способным затронуть интересы зажиточных слоев населения.

Общество Ходжатие пользовалось скрытой (а иногда и открытой) поддержкой самых видных и влиятельных представителей шиитской иерархии — великих аятолл, имевших своих последователей во всех провинциях и районах страны. Будучи в целом выразителями интересов крупного торгово-предпринимательского капитала, они неоднократно высказывались за либерализацию экономической политики, против прямого вмешательства государственной власти в хозяйственную жизнь, за ограничение полномочий «исламских революционных комитетов» и «исламских революционных трибуналов», затруднявших «нормальную» предпринимательскую деятельность. Не выступая против общего курса на исламизацию общественно-политической жизни страны и семейного уклада граждан, поскольку проведение этого курса закрепляло руководящую роль духовенства в обществе, большинство великих аятолл вместе с тем ратовало за более прикрытое и менее непосредственное участие религиозных деятелей в государственном управлении. И не выступая практически единым фронтом, они тем не менее занимали сходные позиции, когда речь заходила о противодействии монопольному правлению Хомейни.

Наиболее активные деятели высшего духовенства уже в первые два года после свержения шахского режима вызвали своими действиями немилость имама. Великий аятолла Казем Шариат-Мадари, самый откровенный противник политики Хомейни, еще с начала 1980 г. фактически находился под домашним арестом в Куме; в 1981 г. ему даже отказали в заграничном паспорте для паломничества в Мекку. Летом того же года аятолла Хасан Куми после выступления в одной из мечетей Мешхеда с критикой «стражей исламской революции» подвергся за это публичным оскорблениям, а затем взят под постоянный надзор. Аятолла Аболькасем Хои вызвал неудовольствие Хомейни главным образом тем, что оспаривал его право называться «великим аятоллой» и в письмах к нему использовал обычно титул «ходжат-оль-эслам».

Только двое великих аятолл — Шахабеддин Мараши-Наджафи и Мохаммед Реза Гольпаегани — официально все еще пользовались относительным расположением имама, поскольку не часто позволяли себе открыто вмешиваться в дела государственного управления. При этом было известно, что Мараши-Наджафи в целом более лояльно, нежели Гольпаегани, относится к режиму и лично Хомейни.

Каждая противоборствующая группировка имела довольно активных сторонников, в том числе среди «стражей исламской революции» и членов «исламских революционных комитетов». В этих условиях в политической жизни страны существенную роль стал приобретать аятолла Мохаммед Махдави-Кяни, который, заняв сразу после свержения шахского режима пост главы Центрального исламского революционного комитета и оставаясь бессменным руководителем «ревкомов», всегда пользовался также значительным авторитетом в руководстве Корпуса стражей исламской революции. Росту влияния аятоллы способствовали и его старания стоять над противоборствующими лагерями. Правда, будучи назначен в начале сентября 1981 г. премьер-министром, он спустя полтора месяца подал в отставку в знак протеста против законопроекта об аграрной реформе, встав в этом вопросе на сторону великих аятолл и группирующихся вокруг общества Ходжатие антихомейнистских кругов. В последующем Махдави-Кяни даже позволял себе выражать недовольство по поводу того, что вся власть в стране «сконцентрирована в одних руках». В конце 1982 г. он был избран руководителем Ассоциации борющегося духовенства Тегерана, одной из самых крупных религиозно-политических организаций, которая постоянно проводила линию, независимую от Исламской республиканской партии. В целом он считался деятелем, стоящим вне какого бы то ни было лагеря, но в то же время союзником «консервативного центра» [20].

Усиление противоречий в рядах правящего духовенства побудило имама пойти на то, от чего он упорно отказывался в период нахождения у власти премьер-министра Базаргана и пре-

зидента Банисадра,— встать на путь централизации руководства всеми органами безопасности. Еще зимой 1981 г. Хомейни поручил аятолле Монтазери разобраться в обнаружившихся в рядах Корпуса стражей исламской революции проявлениях «различных идеологических и политических тенденций». В середине ноября того же года в тегеранской прессе было опубликовано письмо Монтазери одному из его ближайших помощников из числа религиозных деятелей, которому он перепоручил выполнение распоряжения Хомейни — встретиться с членами совета командования Корпуса и принять меры по урегулированию возникших в нем «внутренних трений». Никаких других подробностей не сообщалось. Но, судя по некоторым данным, именно с этими «внутренними трениями» была связана постановка 20 апреля 1982 г. в меджлисе вопроса о создании министерства по делам Корпуса стражей исламской революции. В начале ноября того же года меджлис одобрил соответствующий законопроект [21].

Одним из проявлений внутренней борьбы в правящем лагере стал также вопрос об «исламских революционных комитетах». 20 апреля 1982 г. аятолла Махдави-Кяни после встречи с Хомейни сообщил корреспондентам, что меджлис намерен подчинить эти комитеты министерству внутренних дел, в ведение которого указом Хомейни накануне были переданы полиция и жандармерия. Действительно, вскоре парламент дал указание министерству разработать устав «ревкомов». Сам Махдави-Кяни, как видно, сильно сопротивлялся этому решению Хомейни. 27 июля 1982 г. в интервью газете «Кейхан» он заявил, что «ревкомы» и в будущем останутся «самостоятельной силой, подчиненной лишь духовенству». В противовес указанию меджлиса о разработке устава, Махдави-Кяни дал собственное определение их задач: борьба с контрреволюцией, контрабандой, нарушениями исламских норм жизни, спекуляцией и дороговизной. А в самом начале августа (очевидно, под давлением со стороны приверженцев Хомейни) аятолла неожиданно подал в отставку с поста руководителя «ревкомов». Спустя неделю указом имама на его место был назначен министр внутренних дел ходжат-оль-эслам Натег-Нури. Однако Махдави-Кяни сумел сохранить за собой два важных поста — члена Совета по наблюдению за осуществлением конституции и генерального секретаря Ассоциации борющегося духовенства Тегерана.

Таким образом, уже к осени 1982 г. твердые сторонники Хомейни окончательно упрочили свое верховенство почти во всех государственных органах, и в особенности в службе безопасности. В полиции и жандармерии была проведена путем арестов и казней основательная чистка, после чего они стали активно использоваться и для борьбы с автономистским движением в Курдистане, где действовали бок о бок со специальными батальонами «кровной мести Аллаха», созданными из рядов Корпуса стражей исламской революции. Для координации действий Кор-

пуса, «ревкомов», полиции и жандармерии был создан объединенный штаб — Совет национальной безопасности. Одновременно в целях централизации всей военно-политической и административно-хозяйственной жизни по всей стране стали создаваться под контролем генерал-губернаторов и руководителей пятничных молитв координационные советы «исламских революционных институтов» — «стражей», «ревкомов» и «ревтрибуналов», Фонда обездоленных, Фонда павших, организации «Священная созидательная война» и др.

При этом особенно большое внимание было уделено Корпусу стражей исламской революции — основному карательному органу, призванному беспощадно расправляться со всеми неугодными режиму политическими силами. Стремясь, по словам президента Хосейни-Хаменеи, «влить новую жизненную струю» в деятельность «стражей», правящее духовенство запретило им участие в любых политических партиях и организациях, в том числе и исламских; при обнаружении в Корпусе лиц левых убеждений их немедленно расстреливали. В результате подобных мер власти смогли добиться заметного повышения дисциплины в Корпусе и резко ослабить разногласия между различными противоборствующими группировками. В идейно-политическом управлении Корпуса, ответственном за исламскую подготовку его кадров, было занято более 250 служителей культа; кроме того, значительное их число находилось непосредственно в частях и соединениях, которые благодаря стараниям правящего духовенства по своей боевой мощи практически не уступали регулярной армии. Со временем в Корпусе, численность которого составляла, по различным оценкам, от 150 тыс. до 250 тыс. человек, фанатично преданных Хомейни, были созданы артиллерийские и бронетанковые части и началось формирование авиационных; в будущем предполагалось и создание военно-морских частей. В ряды «стражей» по-прежнему брались молодые люди (в том числе и девушки) старше 16 лет, имеющие рекомендации от священнослужителей или исламских ассоциаций и других религиозных обществ. Корпус владел несколькими радио- и телепрограммами, более чем 10 газетами и журналами [22].

Меры по сосредоточению государственного управления в руках немногочисленного высшего духовенства из сторонников Хомейни проводились таким образом, что внешне они представлялись не столько как проявление борьбы за власть между отдельными фракциями правящего лагеря, сколько как действия, направленные на упрочение господства всего духовенства в целом. Именно поэтому сторонникам Хомейни не пришлось столкнуться в данном случае с активным противодействием соперничающих с ними группировок. Аналогичным образом осуществлялись и мероприятия по дальнейшей исламизации всей общественно-политической жизни, и в частности системы образования. Более того, эти мероприятия (в особенности закрытие еще в

1980 г. вузов и университетов) пользовались подчас прямой поддержкой представителей других фракций.

В сентябре 1981 г. к занятиям наряду со школьниками приступили студенты педагогических и медицинских вузов и факультетов, предварительно продефилировавшие по улицам с лозунгами в поддержку режима. Ведущие руководители страны, и в том числе аятолла Хомейни, обратились к учащимся с посланиями, в которых выразили надежду на то, что обучение в иранских учебных заведениях будет проходить в рамках исламских традиций, без ориентации «на Запад или Восток».

В начале декабря 1981 г., выступая перед руководителями пятничных молитв, работниками радио и телевидения, а также группой мусульман из стран Юго-Восточной Азии, Хомейни еще раз сформулировал основные принципы образовательной политики исламского режима. Иранские мусульмане, сказал он, не могут позволить лицам «западной ориентации» работать в системе просвещения и вносить «западную развращенность» в университеты, где образование должно быть организовано в соответствии с принципами Корана и где наряду с изучением других дисциплин обязательно должно проводиться религиозное воспитание. Руководителям пятничных молитв имам рекомендовал «учить народ» и требовать от него оставаться активным до тех пор, пока исламские принципы не будут полностью проведены в жизнь.

Спустя неделю член штаба «культурной революции» Ирана Джелаледдин Фарси сообщил в интервью агентству Парс о разработке «плана перевоспитания» в течение трех лет тысячи университетских профессоров с целью их «дальнейшего служения стране».

С начала февраля 1982 г. после почти двухлетнего бездействия постепенно начали открываться многие вузы и университеты. Возобновление их деятельности было приурочено к третьей годовщине возвращения Хомейни из эмиграции и расценивалось как отклик на призыв имама «мобилизовать усилия» на внедрение исламских методов преподавания. Но занятия в большинстве высших учебных заведений начались только в декабре. В посланиях аятоллы Монтазери и президента Хосейни-Хаменеи к студентам по этому случаю говорилось, что «империалисты — враги революции» превратили университеты в центры по «ликвидации культуры», «бастионы контрреволюции» и неисламских действий; однако члены «партии Аллаха» сорвали «эти демонические заговоры» и превратят их в центры «исламской революционной мысли».

При приеме в высшие учебные заведения предпочтение отдавалось тем, кто участвовал в антишахской борьбе в рядах исламского движения. Для поступления в университеты требовались рекомендации от какого-либо исламского общества или ассоциации. Это означало, что атеисты, а также члены организаций, стоящих на атеистических позициях, не могут получить

высшее образование. Соответствующие положения были узаконены летом 1982 г. директивой премьер-министра.

Одновременно с целью узаконить существование исламских организаций премьер издал директиву об их полномочиях. Согласно ей, все исламские организации промышленных и торговых предприятий, вузов, жилых кварталов и деревенских общин должны выполнять свои функции строго в соответствии с законами ислама и законоположениями Исламской Республики, в частности, препятствовать проникновению на объекты «оппортунистических элементов», «противников режима», «агентов империализма» и всех тех, кто не сознает высокую миссию пропаганды ислама. В директиве указывалось также, что исламские общества и ассоциации должны создаваться на основе принципа добровольности. На деле же они повсюду насаждались сверху, причем не только руководители, но и даже некоторые их члены присылались властями. В этой связи летом 1982 г. на ряде предприятий прошли забастовки, о которых иранская пресса не упоминала: рабочие выступали за создание рабочих комитетов, а не исламских обществ.

Действия властей явно свидетельствовали о курсе режима на полную исламизацию всех сторон общественно-политической жизни страны. Иран является единственным государством в мире, где все стороны жизни проникнуты религией, постоянно похвалялись его руководители; революция, говорили они, останется непобедимой до тех пор, пока религия и политика будут неотделимы друг от друга.

В августе 1982 г., вслед за очередным указанием Хомейни об исламизации законодательства, Верховный суд специальным циркуляром обязал все суды и прокуратуры пользоваться только законами, соответствующими канонам ислама. Судьи, которые в своей практике до сих пор применяют неисламское законодательство, отмечалось в циркуляре, будут привлекаться к ответственности в соответствии с принципами ислама. В сложных случаях судьям надлежит консультироваться с богословами и даже с членами Совета по наблюдению за осуществлением конституции. По указанию имама, при нехватке судей ими могли становиться ученики богословских школ, разумеется, придерживавшихся хомейнистских концепций. Это фактически затрудняло работу богословских учреждений, не разделявших взглядов Хомейни и его ближайшего окружения, и вынуждало их к перестройке в соответствии с этими взглядами.

Твердые сторонники имама и прежде настойчиво предупреждали верующих, что следовать учениям таких религиозных деятелей, как Шариат-Мадари, Куми и Хои,— это «харам», преступление против религии. С весны же 1982 г. печать начала потихоньку проводить мысль о необходимости чисток среди духовенства. Первой об этом осторожно высказалась газета «Кейхан», затем — орган ИРП «Джомхурийе эслами». Последняя выступила с призывом выяснить, к каким богословским школам при-

надлежат «коррумпированные духовные лица», под которыми подразумевала арестованных в те дни нескольких религиозных деятелей. Тем самым миллионам верующих подспудно навязывалась мысль о том, что школы всех великих аятолл, кроме Хомейни, являются коррумпированными.

Кампания против «коррумпированных духовных лиц» поначалу как будто имела отношение не к великим аятоллам — противникам единоличного правления Хомейни, а к светскому лицу — бывшему директору-распорядителю иранского радио и телевидения (1979 г.) и министру иностранных дел (1979—1980) Садеку Готбзаде. 11 апреля 1982 г. в тегеранской печати было опубликовано заявление «исламского революционного трибунала» вооруженных сил о раскрытии очередного заговора с целью свержения режима Исламской Республики и аресте его участников. Согласно заявлению, одним из организаторов заговора был Готбзаде, вступивший в контакты с представителями монархистских, националистических и других антиправительственных организаций, тесно связанных с заграницей. Заговорщики, отмечалось в заявлении, намеревались убить аятоллу Хомейни, а также совершить покушения на членов Высшего совета обороны Ирана.

Из последующих сообщений выяснилось, что власти давно уже следили за деятельностью Готбзаде, прослушивали и записывали на пленку все его телефонные разговоры. Утверждалось, что арестованные заговорщики (около 45 человек), намеревавшиеся взорвать резиденцию Хомейни со всем прилегающим кварталом из 20 тыс. жителей, были тесно связаны с ЦРУ, Израилем и семьей Пехлеви, которые снабжали их оружием [23]. Появились также сведения об участии в заговоре ряда духовных лиц, в том числе руководителя молитв одной из тегеранских мечетей, а также зятя аятоллы Шариат-Мадари Ахмада Аббаси [24]. Все эти сведения, согласно официальным сообщениям, были получены властями в ходе допросов арестованного Готбзаде.

Вечером 19 апреля иранцы получили возможность увидеть на экранах своих телевизоров самого Готбзаде, который теперь был представлен как главный организатор заговора. Он признал не только этот факт, но и многое другое: установление контактов с аятоллой Шариат-Мадари, рядом других представителей духовенства и армейского офицерства, намерение уничтожить резиденцию Хомейни (но не его самого), а затем ликвидировать высшее руководство страны и различные исламские институты. Западная печать, не подвергая сомнению сам заговор, рассматривала «спектакль с признанием Готбзаде» как свидетельство стремления иранских властей окончательно ликвидировать движение сторонников Шариат-Мадари в Иранском Азербайджане, а его самого полностью лишить возможности воздействия на решение стоявшего тогда на повестке дня вопроса о преемнике имама и таким путем «предостеречь» других великих аятолл [25].

И действительно, уже 20 апреля богословская школа Кума

выступила с предложением лишить Шариат-Мадари звания великого аятоллы, хотя в соответствии с шиитскими традициями это можно было сделать только с согласия всех остальных великих аятолл. Предложение кумских богословов было сразу же поддержано представителями духовенства других городов, а также многими религиозно-политическими деятелями, в том числе председателем меджлиса ходжат-оль-эсламом Хашеми-Рафсанджани. Одновременно Ассоциация борющегося духовенства Тебриза, заклеймив позором «агента колониализма» Шариат-Мадари, «коррумпированного самозванца» Готбзаде и других деятелей из группы «малых шайтанов», призвала всех жителей Иранского Азербайджана принять участие в назначенных на 21 апреля массовых демонстрациях протеста против сговора «колониалистов с их внутренними агентами».

Как выяснилось позже, еще за несколько дней до этого резиденция Шариат-Мадари в Куме была занята «народом», разоружившим его телохранителей. Опровергая соответствующие слухи, Хашеми-Рафсанджани заявил, что резиденция Шариат-Мадари находится под защитой отряда «стражей исламской революции», размещенных там якобы по собственной просьбе аятоллы с целью воспрепятствовать возможному нападению.

21 апреля во многих городах страны состоялись демонстрации, участники которых осудили антиправительственный заговор, подтвердили свою поддержку «курса имама» и высказались за лишение Шариат-Мадари звания великого аятоллы. На улицах Тебриза демонстранты несли портреты Хомейни и скандировали: «Шариат-Мадари, народ Азербайджана умрет, но не примет тебя». В некоторых городах в знак солидарности с демонстрантами были закрыты базары и магазины. На состоявшихся в тот день митингах, а также во время пятничных молитв 23 апреля Шариат-Мадари был обвинен в связях с шахской охранкой САВАК, саботировании исламского движения и даже в обращении к США за финансовой помощью. Ассоциация борющегося духовенства Тегерана заявила, что отныне не признает его религиозным лицом. Заявление подписали генеральный секретарь ассоциации аятолла Махдави-Кяни, президент страны ходжат-оль-эслам Хосейни-Хаменеи, председатель меджлиса ходжат-оль-эслам Хашеми-Рафсанджани и другие видные представители духовенства.

В конце апреля — начале мая, по свидетельству очевидцев, в Тебризе происходили вооруженные столкновения между сторонниками Шариат-Мадари и войсками центрального правительства. В ходе этих столкновений погибло более трехсот человек.

К июню 1982 г. генеральная прокуратура закончила следствие по делу Готбзаде. Спустя два месяца он был предан суду военного трибунала вместе с рядом других военных и гражданских лиц. Поступить таким же образом с Шариат-Мадари власти не решились. Что касается его зятя А. Аббаси, то после личного

обращения Шариат-Мадари к Хомейни и председателю военного трибунала ходжат-оль-эсламу Рейшахри вынесенный ему пятилетний срок тюремного заключения был сокращен до восьми месяцев с последующим десятилетним домашним арестом [26].

14 августа 1982 г. в тюрьме Эвин состоялось судебное заседание, транслировавшееся по телевидению [27]. Помимо обвинения в руководстве организацией заговорщиков под названием «Спасение иранской революции» Готбзаде инкриминировались связи с различными другими «контрреволюционными» группами, некоторыми иностранными государствами (в частности, называлась Саудовская Аравия, хотя последняя отрицала свою причастность к заговору) и дельцами (например, аргентинцем Виктором Вильялоном, якобы передавшим обвиняемому 60 тыс. долл.). Лишенный в соответствии с исламскими нормами возможности иметь адвоката, Готбзаде должен был защищаться сам. Он заявил, что готов принять любое наказание, на которое будет осужден, но отрицал «намерение свергнуть исламскую Республику и убить имама Хомейни».

Судебное заседание было продолжено 16 и 22 августа. Готбзаде отверг обвинения в связях с оппозиционными режиму ханами кашкайских племен и в получении денег из-за границы. К тому времени, по неофициальным сообщениям, в тюрьме Эвин за предполагаемую причастность к заговору было уже осуждено и частью расстреляно около 70 человек, в том числе восемь бывших офицеров дворцовой охраны покойного шаха [28]. Готбзаде, еще недавно бывший «правой рукой» Хомейни, до последних дней надеялся, по сообщениям иностранных информационных агентств, на пощаду. Но просчитался.

В первой половине сентября 1982 г. состоялось последнее заседание суда, за закрытыми дверями, длившееся всего 23 минуты. Готбзаде был признан виновным в заговоре с целью убийства Хомейни и свержения режима и приговорен к смертной казни. В последнем слове он постарался привлечь внимание судей к своей прошлой антикоммунистической и антисоветской деятельности, за которую-де ему теперь мстят «советские агенты в исламском руководстве». Готбзаде также попросил о конфиденциальной беседе с Хомейни, чтобы «сказать ему правду, а именно что он превращается в марионетку своего окружения» [29]. Однако ему было отказано.

Вечером 15 сентября вопрос о судьбе Готбзаде обсуждался в резиденции Хомейни. По сообщению газеты «Таймс», среди тех, кто настоятельно убеждал имама пощадить своего «заблудшего приверженца», были бывший премьер-министр Базарган и член Совета по наблюдению за осуществлением конституции аятолла Махдави-Кяни, поддержанные сыном Хомейни Ахмадом. В числе высказавшихся за незамедлительную казнь было несколько влиятельных священнослужителей, в частности председатель Верховного суда аятолла Мусави-Ардебили. Незадол-

го до того как отойти ко сну, примерно в час ночи, Хомейни, наконец, санкционировал казнь, заявив, что «законы ислама должны исполняться». На следующий день, 16 сентября, приговор был приведен в исполнение [30].

Французская «Эко» от 17 сентября писала: «Готбзаде пал жертвой той самой власти, в создании которой он принимал немалое участие. Его главная ошибка состояла в том, что он принадлежал к таким иранским деятелям, как Банисадр, которых в исламском Иране называют „иностранцами“. От их славы до их падения прослеживается путь радикализации исламского режима, постоянно убыстряющийся процесс устранения всех тех, кто не является сторонником самых крайних религиозных догм».

Волна репрессивных акций коснулась и священнослужителей среднего звена, недовольных активным вмешательством духовенства в политическую жизнь и характером устанавливавшегося в стране исламского режима. В апреле 1984 г. в этой связи тайно эмигрировал из Ирана в Ирак известный религиозный деятель, бывший сподвижник Хомейни (женатый на сестре президента Хосейни-Хаменеи) ходжат-оль-эслам Али Техрани. Своим отъездом он хотел выразить протест против «диктаторского режима» и «продолжения войны с Ираком». На пресс-конференциях и в выступлениях по багдадскому радио и телевидению Техрани, в частности, заявил, что с момента прихода Хомейни к власти в Иране было казнено около 50 тыс. человек и что «признания» руководителей Народной партии в «шпионаже» в пользу СССР несомненно были вырваны с помощью «зверских пыток». Он призвал мусульманские страны, все миролюбивые государства разорвать всякие отношения с Исламской Республикой Иран. Спустя год нелегальным путем перебралась в Ирак и жена Техрани с пятью детьми.

Укрепляя свои позиции в борьбе с соперничающими группировками, Хомейни и его приверженцы старались в то же время не терять поддержки широких масс. Об этом свидетельствовала, в частности, позиция, занятая имамом в начале 1982 г., когда Совет по наблюдению за осуществлением конституции блокировал утвержденный меджлисом правительственный законопроект о городских землях. Правительство стремилось взять под контроль вопросы городского и жилищного строительства, для чего настаивало на национализации городских земель или выкупе их у частных владельцев. Тем самым правительственные круги намеревались упорядочить цены на землю, дабы, как говорил Хашеми-Рафсанджани, не уподоблять ее товару. На состоявшейся 22 февраля встрече с президентом, премьер-министром, председателями парламента и Верховного суда Хомейни заявил, что Совет не должен вмешиваться в дела меджлиса и не может блокировать утвержденные им законы. Тем самым имам фактически предоставил исполнительной власти право осуществить закон о городских землях, невзирая на мнение Совета, что не могло не привести к дальнейшему обострению про-

тиворечий в высшем звене духовенства и более острому размежеванию сил в стране.

Такая позиция Хомейни дала повод сторонникам проведения в жизнь давно стоявшей на повестке дня аграрной реформы вновь поднять этот вопрос. Принятые еще весной 1980 г. постановления предусматривали распределение между крестьянами не только земель, принадлежавших государству и бежавшим из страны помещикам, но и других крупных земельных владений. Однако практически отчуждение крупного землевладения не производилось, а после начала в сентябре того же года войны с Ираком действие соответствующих постановлений было приостановлено и официально.

Спустя год правительство разработало новый, менее радикальный законопроект о реформе, лишь в редких случаях допускавший выкуп части крупной земельной собственности. Однако, несмотря на умеренный характер, он был встречен в штыки значительной частью высшего духовенства, всячески препятствовавшего его представлению на обсуждение меджлиса. В стенах парламента против него активно выступили члены общества Ходжатие. Великие аятоллы, в том числе Гольпаегани и Мараши-Наджафи, заняли позицию, фактически дававшую возможность их сторонникам в Совете по наблюдению за осуществлением конституции заблокировать законопроект. Аятолла Гольпаегани разослал по всей стране письма, в которых предупреждал, что отчуждение земли и имущества частных владельцев является «антиисламским актом». Выступавшие в защиту законопроекта твердые последователи Хомейни (аятолла Монтазери, ходжат-оль-эслам Хашеми-Рафсанджани и др.) исходили из необходимости сохранить начавшую таять поддержку народом исламского режима.

В условиях противоборства двух группировок в правящем лагере Хомейни предпочел занять свою обычную в таких случаях «нейтральную» позицию. В начале января 1982 г. президент Хосейни-Хаменеи, выступая перед представителями организации «Священная созидательная война» из провинции Хорасан, призвал к «благоразумию и осторожности» в том, что касается перераспределения земель. Президент предостерег всех тех, кто мнит себя или хочет казаться «бóльшими революционерами, нежели имам». Но добавил, что в принципе Хомейни отнюдь не против аграрной реформы, как таковой, и в «подходящее время» поднимет соответствующий вопрос.

Когда наконец после ожесточенных дискуссий в марте 1982 г. закон был принят и передан на одобрение Совета по наблюдению за осуществлением конституции, последний счел его противоречащим исламским канонам, как нарушающий «священный» принцип частной собственности. Хотя Хомейни после этого вновь заявил, что высшим законодательным органом страны является меджлис и именно он должен решать вопросы принятия законопроектов, одобренный парламентом закон об аграр-

ной реформе так и не проводился в жизнь. Ничего не изменило в этом отношении и принятое в ноябре того же года кабинетом министров решение о создании на пятилетний срок министерства земельной реформы [31].

Другой законопроект, в принципе одобренный Хомейни еще в ноябре 1981 г., но затем тоже вызвавший жаркие споры в меджлисе, касался предусмотренной конституцией национализации внешней торговли. Принятый наконец в мае 1982 г. меджлисом закон уже 1 июня был заблокирован Советом по наблюдению за осуществлением конституции, который и его счел противоречащим исламским нормам. Большинство представителей духовенства в Совете выступали за то, чтобы сохранить все экспортно-импортные операции в руках частного капитала.

В последующем Совет по наблюдению за осуществлением конституции еще дважды отклонял представленные ему меджлисом новые варианты закона о национализации внешней торговли (последний раз в мае 1984 г.), несмотря на множество поправок, в соответствии с которыми частные компании получали возможность вести некоторые импортные операции под контролем государства. Совет вновь подтвердил свое мнение, что государственная монополия над внешней торговлей противоречит исламскому праву.

Терпимая позиция Хомейни в отношении проведения в жизнь аграрной реформы, затрагивавшей жизненные интересы широких слоев трудящихся, а также в отношении законопроекта о национализации внешней торговли, на которой ее сторонники настаивали в основном ради стабилизации экономического положения страны, во многом объяснялась резко ожесточившимися в то время спорами вокруг вопроса о преемнике имама.

В середине февраля 1982 г. было сделано официальное сообщение о том, что Хомейни отменил все свои дела на ближайшие две недели. Поскольку этому сообщению предшествовало сообщение о создании «руководящего совета» из трех высших духовных лиц — Монтазери, Мараши-Наджафи и Гольпаегани,— в Иране и за его пределами мгновенно распространились предположения о том, что имам умер или при смерти [32]. С 18 февраля Хомейни неоднократно лично опровергал слухи о плохом состоянии своего здоровья.

А 19 февраля официальный представитель правительства опроверг и сообщение о создании «руководящего совета». Соответствующий вопрос, сказал он, будет решен референдумом в апреле — мае 1982 г. Но это опровержение было воспринято наблюдателями как новое подтверждение глубокого раскола в правящем лагере, а сам факт предполагаемого создания «руководящего совета» — как выражение намерения Хомейни и в этом вопросе пойти на уступку своим оппонентам. До этого считалось само собой разумеющимся, что преемником имама станет аятолла Монтазери. В последний год находившиеся под государственным контролем печать, радио и телевидение, а

также расклеиваемые в Тегеране плакаты всячески прославляли аятоллу Монтазери — «надежду имама и народа». Портреты с его изображением можно было видеть повсюду рядом с чуть большими портретами имама. Более того, средства массовой информации одно время даже величали Монтазери «великим аятоллой».

Однако большинство наблюдателей недооценило способности имама к маневрированию. Выраженное им вскоре согласие на избрание Совета экспертов, призванного решить вопрос о преемнике, отнюдь не прояснило его действительных намерений в отношении наследования верховной власти — будет ее носителем один человек или «руководящий совет» из трех-пяти лиц. Правда, сын имама Ахмад Хомейни в интервью газете «Эттелаат» 29 апреля 1982 г. заявил, что вся жизнь аятоллы Монтазери, и особенно его борьба с прошлым режимом, свидетельствует о том, что он является единственным человеком, который может в будущем стать верховным руководителем Исламской Республики Иран и олицетворением высшей религиозной власти в стране.

Выборы в Совет экспертов, первоначально планировавшиеся в июле, затем были перенесены на 10 декабря 1982 г. Число членов Совета с согласия Хомейни было решено увеличить с 75 до 83, что, по мнению журналистов, явилось еще одним отражением борьбы противоборствующих группировок в иранском руководстве. Подавляющее большинство кандидатур было выдвинуто Кумским богословским центром, рекомендации которого подлежали утверждению Советом по наблюдению за осуществлением конституции.

Накануне выборов в стране развернулась шумная пропагандистская кампания, начало которой положил Хашеми-Рафсанджани. Он утверждал, что народ хочет видеть на посту преемника Хомейни только аятоллу Монтазери. По телевидению была показана серия интервью и бесед с простыми иранцами и представителями духовенства, которые «единодушно» заявляли, что лучшей властью для иранского народа является власть духовенства. Сам Монтазери по случаю предстоящих выборов в Совет обратился к народу с посланием, в котором назвал эти выборы благоприятной возможностью для срыва заговоров против Исламской Республики, и призвал население к «массовому голосованию» во имя «увековечения исламской революции».

Центральным пунктом предвыборной кампании явилось послание Хомейни к иранскому народу. Он указал на исключительную важность создания Совета экспертов как государственного органа, призванного осуществлять руководство всеми остальными органами Исламской Республики. «Если правительство будет продолжать действовать в отсутствие Совета экспертов, то оно станет правительством сатаны»,— заявил имам. О преемниках он ничего не сказал, но призвал население принять самое активное участие в выборах.

Кстати сказать, для обеспечения массового участия в голосовании возрастной ценз избирателей был снижен до 15 лет. Всем иранцам при регистрации в избирательных участках ставился штамп в паспортах, который давал возможность получать купоны на топливо, продовольственные и промышленные товары, распределяемые через мечети, и являлся одним из решающих факторов при трудоустройстве и поступлении в учебные заведения.

По официальным данным, в выборах приняло участие 98% лиц, имеющих право голоса [33]. Премьер-министр Мусави-Хаменеи и министр внутренних дел Натег-Нури объявили эти результаты своего рода референдумом в поддержку Исламской Республики и демонстрацией «отличных отношений, существующих между народом и имамом Хомейни». Подобной активности населения, утверждали они, не наблюдалось со времени проведения референдума об установлении в стране Исламской Республики. Но, хотя состав Совета экспертов, судя по всему, оказался вполне благоприятным для сторонников Хомейни, его первое заседание было созвано только спустя семь месяцев после выборов.

Вскоре внимание группировок, соперничавших с последователями «курса имама», переключилось на неожиданное изменение в этом курсе, впервые откровенно и прямо выраженное публично самим его носителем. 7 декабря 1982 г. Хомейни направил в адрес Верховного суда и генерального прокурора Ирана послание, в котором обращал внимание на такие «антирелигиозные акты, подрывающие престиж Исламской Республики», как «произвол» в вопросах распределения земель и конфискации имущества «уважаемых людей», нарушение неприкосновенности жилища, аресты и другие ущемления свободы личности [34]. Организация генеральной инспекции, отмечал имам, должна как можно скорее провести необходимые расследования, предать суду и наказать лиц, допустивших эти «акты произвола», и проинформировать его, Хомейни, и Верховный суд о результатах расследования и принятых мерах. По некоторым данным, автором этой «программы либерализации из восьми пунктов», как назвала послание Хомейни западная печать, был Хашеми-Рафсанджани [35].

На следующий день генеральный прокурор исламской революции издал указ, запрещающий всем «революционным» органам, включая «ревкомы» и Корпус стражей исламской революции, производить аресты, обыски в домах, замораживание денежных вкладов в банках и конфискацию имущества без ордера судебных властей. Спустя пять дней генеральный прокурор страны обвинил в нарушении законов и членов «партии Аллаха». Эта неофициальная политическая организация, тесно связанная с ИРП, к тому времени приобрела довольно четкую структуру и даже была снабжена мотоциклами, конфискованными у сыновей бывших деятелей шахского режима, бежавших

за границу. Заявление генерального прокурора было чуть ли не первым критическим выступлением официальных властей в адрес «партии Аллаха» со времени ее создания.

Все это было не кратковременной кампанией, а долгосрочной политикой. Созданный вскоре Центральный штаб по выполнению указа имама о соблюдении законности и исламского законодательства сразу же приступил к исполнению возложенных на него обязанностей. В конце декабря 1982 г. на очередном заседании Штаба с участием председателя Верховного суда аятоллы Мусави-Ардебили, премьер-министра Мусави-Хаменеи и Ахмада Хомейни было принято решение отстранить от исполнения обязанностей прокурора Кума, заместителя министра внутренних дел по административным и финансовым вопросам, представителя прокуратуры в тегеранском муниципалитете и некоторых других должностных лиц. Их дела по обвинению в «неисламском» обращении с людьми, незаконном задержании сотрудников своих аппаратов и т. п. были переданы в исламский дисциплинарный суд. Кроме того, Штаб направил в различные районы Ирана 20 делегаций в составе известных юристов и представителей исполнительной власти с целью проведения расследований совместно с руководителями пятничных молитв относительно случаев превышения власти и нарушения законов. Штаб сообщил, что все «желающие жаловаться» могут обращаться в его офис, расположенный в центре Тегерана.

На этом имам не остановился. 3 января 1983 г. в выступлении на встрече с министром исламской ориентации Мохаммедом Хатеми, транслировавшемся по тегеранскому радио, Хомейни заявил: «Я слышал, что государственные учреждения требуют от людей, которые хотят поступить на работу, заполнения анкет, содержащих вопросы об их идеологических и политических взглядах. Я объявляю, что эти анкеты не следует распространять и, если некоторым людям было отказано в приеме на работу на основе их ответов на эти вопросы, дела их следует изучить заново. Эти анкеты незаконны, и такие вопросы не следует задавать в качестве критерия для найма людей на работу». Это означало прекращение идеологической проверки огромной армии государственных служащих. В ходе проводившихся ранее многочисленных чисток в министерствах и других ведомствах работники, заподозренные в оппозиции исламскому режиму или даже безразличном отношении к нему, увольнялись или понижались в должности.

9 января 1983 г. английская «Санди Таймс» писала, что Хомейни пытается умиротворить иранские средние слои, проводя кампанию «либерализации», которая в случае ее полного успеха может изменить ход «исламской революции». Газета сообщала, что по приказу имама в Англию, Францию и США направлены эмиссары с целью убедить эмигрировавших туда иранских технократов и бизнесменов возвратиться в Иран. По словам депутата меджлиса Абдоллаха Шейбани, после революции

страну безвозвратно покинуло около 2500 специалистов (действительное число, очевидно, было гораздо больше). С целью добиться их возвращения официальные правительственные лица и многие представители духовенства постоянно публично подчеркивали, что исламское правительство отнюдь не против частных капиталовложений и что всякие противоположные утверждения исходят от врагов Исламской Республики, пытающихся воспрепятствовать притоку в страну частных капиталов.

Аналогичным образом власти надеялись решить, в частности, проблему нехватки врачей. По официальным статистическим данным, в Иране в то время работало 15 тыс. врачей, тогда как в США медицинской практикой занималось 16 тыс., а в Западной Европе — 5 тыс. иранских врачей. В начале 1983 г. иранские власти направили в ряд западноевропейских стран, в том числе в Англию и ФРГ, группы «охотников за головами», активно занявшихся вербовкой специалистов, обещая им комфортабельную жизнь и право свободно вести дела в условиях «порядка и безопасности».

С целью оказать давление на иранских эмигрантов меджлис 11 января 1983 г. принял закон, в соответствии с которым правительство получило право конфисковывать имущество тех из них, кто в течение двух месяцев не вернется на родину. Закон обязывал всех покинувших страну до и после революции и имеющих недвижимость в Иране (таких насчитывалось около 1 млн.) лично обратиться к иранским властям за получением документа, подтверждающего их права на владение собственностью. По истечении указанного срока правительство могло продать эту собственность или сдать ее в аренду. Этот шаг был предпринят вслед за заявлениями иранских официальных лиц, в том числе Хомейни, о том, что эмигранты могут беспрепятственно вернуться домой и заниматься своими делами. Однако уже 19 января 1983 г. Совет по наблюдению за осуществлением конституции объявил, что закон об имуществе «беженцев» не соответствует конституции и исламским принципам.

Таким образом, посягательство на частную собственность отвергалось даже в качестве средства давления. Показательно, что Хомейни на этот раз высказался в поддержку Совета, а не меджлиса. Выступая 24 января 1983 г. перед депутатами меджлиса, он сказал, что иранский парламент — лучший в мире; однако следует позаботиться о том, чтобы не принимать законы, которые могут быть отклонены Советом по наблюдению за осуществлением конституции.

Это выступление Хомейни еще раз использовал для популяризации своей новой политики «либерализации», одно из проявлений которой видел в том, что правительство не должно оказывать «ненужного нажима на народ», например, посредством введения необоснованных налогов или проведения безосновательных арестов.

Тем не менее в феврале 1983 г. власти обрушили кровавые

репрессии на Народную партию Ирана, а в мае того же года объявили о ее запрете. При этом был предпринят также ряд враждебных акций в отношении посольства СССР в Тегеране. Хотя официальная политика правительства по-прежнему выражалась лозунгом «Ни Восток, ни Запад», в ходе транслировавшегося по телевидению судебного разбирательства по делу активистов Народной партии был выдвинут новый лозунг: «Англия — плохо, Америка — еще хуже, чем Англия, а Советский Союз — хуже их обоих».

Весной 1983 г. резко активизировались и репрессии против членов «еретической» секты бехаитов. Подстрекаемые духовенством толпы фанатиков оскверняли святыни секты, обвиняемой либо в «шпионаже» в пользу иностранных держав, либо в «развращенности». К маю 1983 г. число казненных членов секты дошло до 140 (среди них были и женщины, отказавшиеся перейти в ислам), а содержащихся под арестом — несколько сотен. Комиссии ООН по правам человека и Третьему комитету Генеральной Ассамблеи ООН стали известны и случаи смерти узников от физических пыток, а также их исчезновения.

В связи с тем что в некоторых слоях населения объявленная имамом «программа либерализации» была воспринята как признак послабления мер в области исламизации общественной жизни (так, в богатых кварталах Тегерана появились женщины с едва прикрытой головой и накрашенными губами), с весны 1983 г. в стране была развернута новая кампания против «распущенности»[36]. Ее проявлениями, по определению министра внутренних дел ходжат-оль-эслама Натег-Нури, считались «экстравагантная одежда, нарушения женщинами законов ислама, прослушивание в общественных местах и продажа звукозаписи вульгарной музыки». 9 марта в печати было опубликовано заявление прокурора Тегерана с предупреждением против нарушений «канонов веры» в общественных местах. В частности, запрещалось «организовывать в арендуемом помещении свадебные празднества с музыкой и совместным присутствием мужчин и женщин, создавать игорные и публичные дома». Такого рода действия рассматривались как «контрреволюционные», характерные для тех, кто «идет по пути империализма»; уличенные в них подлежали заключению в тюрьму Эвин и наказанию согласно «законам ислама».

Таким образом, высшее руководство Исламской Республики Иран в 1982 — первой половине 1983 г. постепенно удовлетворило практически все требования общества Ходжатие как в социально-экономической, так и в политической области. Одновременно последователи Хомейни продолжали укреплять свои позиции в общественно-политической жизни страны, в частности в руководстве Исламской республиканской партии.

На проходившем с 10 по 15 мая 1983 г. первом съезде ИРП с большой речью выступил генеральный секретарь партии президент республики ходжат-оль-эслам Хосейни-Хаменеи. Назвав

этот съезд беспрецедентным форумом в истории ислама, он сформулировал принципы деятельности ИРП следующим образом: участие народа в политической жизни, популяризация главенствующей роли имама Хомейни и поддержание этой роли как опоры революции, расширение знаний народа в области исламского учения, повседневное политическое руководство народом, направляющая роль в мобилизации исполнительных органов на осуществление целей революции, разъяснение этим органам необходимости внимания к нуждам «обездоленных», с тем чтобы избежать серьезных трудностей на пути развития «исламской революции», достижение политической, экономической и культурной независимости, оказание помощи «обездоленным» во всем мире, исламизация всех законов и системы безопасности.

Работа съезда весьма скупо освещалась в иранской печати, в том числе в партийном органе — газете «Джомхурийе эслами». В частности, ничего не говорилось о двухлетней политической программе, которую должен был обсудить и принять съезд. Центральное место в его работе, судя по всему, заняли организационные вопросы: выборы Арбитражного совета из 5 человек и Центрального совета из 30 человек. В оба органа вошли и Хашеми-Рафсанджани, и Хосейни-Хаменеи. Но при выборах в Центральный совет (число духовных лиц в нем, кстати сказать, было увеличено почти в два раза) председатель меджлиса получил наибольшее число голосов — больше даже, чем президент. Это было тем более важно, что пост генерального секретаря партии ликвидировался.

14 июля 1983 г. руководство Ирана сочло возможным наконец провести заседание Совета экспертов. На заседании, состоявшемся в здании меджлиса, Ахмад Хомейни передал Совету папку, скрепленную запломбированной проволокой и лентой в национальных цветах (зеленый — белый — красный) и запечатанную сургучной печатью. Чтение приложенного к папке письма имама ходжат-оль-эслам Ахмад Хомейни сопровождал рыданиями. Не удержались от слез и слушатели, когда поняли, что речь идет о завещании Хомейни, подлежащим обнародованию после его смерти.

Стало окончательно ясно, что Совет экспертов не примет решения по существу проблемы, т. е. не будет выбирать нового «вождя». 18 июля 1983 г., избрав своим председателем руководителя пятничных молитв Кума ходжат-оль-эслама Мешкини, а его заместителем — председателя меджлиса ходжат-оль-эслама Хашеми-Рафсанджани, Совет экспертов закончил работу.

Таким образом, твердые последователи Хомейни закрепили свои позиции, хотя сам имам, не желая, помимо прочего, заострять внимание на возможности своей близкой кончины, предпочел отложить решение вопроса о преемнике. Но такой подход к делу вполне устраивал и общество Ходжатие, полагавшее, что после смерти имама ему будет легче добиваться своей цели.

Однако Хомейни и его ближайшее окружение, осуществляя все те требования Ходжатие, которые в принципе не шли вразрез с их собственными установками, отнюдь не собирались уступать ему в таком жизненно важном для них вопросе, как сохранение в силе самого принципа «велаяте факих» в его хомейнистской интерпретации. Использовав Ходжатие (так же как в свое время правительство Базаргана и президента Банисадра) в качестве прикрытия для своего отказа от проведения в жизнь неоднократно провозглашавшихся ранее широковещательных социальных программ, имам и его приверженцы сразу же начали кампанию по дискредитации общества в глазах широких масс. Особенно бурный характер она приняла в середине июля, когда окончился пост мусульман в священный месяц рамазан.

Нужно было показать массам, что исламский режим стоит на страже именно их интересов. В связи с беспрецедентным ростом цен на черном рынке власти в очередной раз обрушились с гневными нападками на «бессердечных укрывателей продовольствия и спекулянтов» (последняя кампания такого рода имела место летом 1982 г., когда было закрыто около 20 тыс. лавок) [37]. Генеральный прокурор страны обещал «предотвратить всяческие злоупотребления» и гарантировать населению «социальную справедливость». Прокурор Тегерана по особым вопросам ходжат-оль-эслам Саид пригрозил, что спекуляция и укрывательство товаров повлекут за собой «суровые наказания», вплоть до смертной казни. «Это не просто слова, мы действительно сделаем это»,—добавил он. Высказывались намеки и в адрес членов Ходжатие, не упускавших случая напомнить слова пророка Мохаммеда (бывшего в свое время купцом) о том, что торговцы «пользуются особой милостью божьей».

18 июля 1983 г. правительство опубликовало директиву по «борьбе с укрывателями и спекулянтами», значение которой усматривалось в том, чтобы «предотвратить подрыв экономики контрреволюционерами, оппортунистами и спекулянтскими элементами». Однако начавшаяся кампания чистки «экономических террористов» затронула главным образом средних и мелких торговцев, многие из которых были оштрафованы, брошены за решетку или подвергнуты публичной порке; стали известны также два случая вынесения смертного приговора [38]. В то же время постоянно циркулировавшие в Иране и за границей слухи о переводе ближайшими помощниками Хомейни (в том числе президентом, председателем парламента и даже сыном имама) крупных денежных сумм в европейские банки либо объявлялись ложными, либо замалчивались [39]; ничего не сообщалось и об оглашенном властями ФРГ факте контрабандного ввоза в эту страну 1,7 кг опиума зятем имама и свояком Ахмада Хомейни Садеком Табатабаи.

31 июля 1983 г., в самый разгар очередной кампании против укрывателей и спекулянтов, подали в отставку министр торговли Хабиболла Асгароулади-Мосальман и министр труда и соци-

альных дел Ахмад Тавакколи. Будучи твердыми сторонниками «свободного» рыночного хозяйства и частного предпринимательства, оба они постоянно ставили премьеру в вину «социалистические» и «дирижистские» наклонности и с самого начала оказывали препятствия проведению каких-либо социально-экономических преобразований [40]. Поскольку же и тот и другой подозревались в связях с обществом Ходжатие, то этот первый со времени сформирования кабинета Мусави-Хаменеи случай отставки министров самым прямым образом сыграл на руку сторонникам Хомейни. На следующий день отставка была принята, а в конце августа меджлис одобрил кандидатуры новых министров, предложенные премьером, на освободившиеся посты.

Нападки на общество Ходжатие, ставшее очередным «козлом отпущения» для сторонников имама, приняли настолько широкий характер, что сразу после отставки двух министров оно было вынуждено выступить с заявлением о «временном прекращении» своей деятельности. Тем не менее некоторые противники общества не были удовлетворены. Депутат меджлиса Али Акбар Хамидзаде заявил корреспонденту «Эттелаат», что Ходжатие «должно объявить о самороспуске, а не о временном прекращении деятельности», и призвал к тому, чтобы некоторых его членов привлекли к суду.

Однако бурная кампания против Ходжатие быстро сошла на нет, не вызвав репрессий, подобных тем, которые последовали за делом Готбзаде — Шариат-Мадари. Возникшие в Исфахане и некоторых других городах вспышки вооруженных столкновений между последователями «курса имама» и сторонниками Ходжатие были поспешно пресечены благодаря посредничеству Хашеми-Рафсанджани и других уполномоченных Хомейни. 29 августа 1983 г. в интервью газете «Кейхан» генеральный прокурор исламской революции ходжат-оль-эслам Хосейн Мусави-Табризи заявил, что общество сможет возобновить свою деятельность, если получит разрешение в министерстве внутренних дел.

В этих условиях не только у иностранных наблюдателей, но и у большей части иранского духовенства вызвал недоумение тот факт, что имам ни разу не призвал к ответственности бывшего премьер-министра Базаргана, продолжавшего, несмотря ни на что, выступать с публичной критикой режима. Редко показываясь на людях и отказываясь разговаривать с иностранными журналистами, Базарган использовал трибуну парламента для осуждения нарушений свобод в Иране и перехода режима «на путь, ведущий к деспотизму» [41]. 1 августа 1983 г. он направил Хомейни письмо, в котором говорилось, что самая страшная трагедия Ирана послереволюционного периода состоит в том, что народ потерял надежду. Базарган просил имама найти какой-то выход из положения, однако ответа на свое письмо он не получил [42]. Но 29 августа генеральный прокурор исламской революции Мусави-Табризи в упоминавшемся выше интервью

заявил, что критика Движения за свободу Ирана в адрес режима не вызывает недовольства властей, так как ведется на законном основании и необходима для Исламской Республики.

Однако «пряник», как обычно, соседствовал с «кнутом». Проправительственная печать сравнивала выступления Базаргана с иракскими бомбардировками, а Движение за свободу Ирана называла «проамериканской» организацией. В конце октября около трехсот вооруженных людей напали на ее штаб-квартиру в Тегеране, устроили там погром и избили двух партийных функционеров. Когда один из них, депутат меджлиса Хашем Саббагиян, выступил 1 ноября в парламенте с речью, в которой начал говорить об этом нападении, ему не дали закончить выступление под предлогом того, что он якобы превысил регламент. Намеченный ранее Движением за свободу Ирана семинар по теме «Свободные выборы» был запрещен распоряжением министра внутренних дел (имелись в виду выборы в новый парламент, поскольку истекал срок полномочий его предыдущего созыва, избранного в 1980 г.) [43].

Выборы, назначенные на 15 апреля 1984 г., должны были проводиться в условиях запрета практически всех оппозиционных сил — от левых организаций до группировки Банисадра — и потому не могли стать не чем иным, как демонстрацией верности правящей верхушке (хотя и в ней сохранялись противоречия между «консерваторами-ортодоксами» и «прогрессистами-прагматиками»). Если в 1980 г. на 270 депутатских мест претендовало более 3300 кандидатов, то теперь на то же число мест было выдвинуто чуть более 1500 кандидатур. Но и они были подвергнуты самой тщательной проверке со стороны различных органов — полицейских, разведывательных и контрразведывательных, юридических, судебных и др. В результате численность кандидатов еще более сократилась.

Все это, однако, не мешало религиозному руководству, высшим должностным лицам, средствам массовой информации представлять новые выборы как благоприятную возможность для каждого иранца оказаться сопричастным к процессу принятия решений. Что же касается самих избирателей, то многие из них считали нужным участвовать в голосовании лишь для того, чтобы получить соответствующую печать в удостоверении личности.

Накануне выборов Хомейни неожиданно проявил намерение несколько потеснить духовенство в пользу «специалистов в различных областях знаний, которые необходимы стране так же, как и сведущие улемы, компетентные в религиозных и политических заветах ислама». По его указанию главным исламским группировкам было запрещено выставлять официальные списки кандидатов. Он заявил также, что избирателям следует голосовать за наиболее «подходящего» кандидата, независимо от его партийной принадлежности. Это, в частности, открывало путь для участия в выборах на внепартийной основе и для членов

базаргановского Движения за свободу Ирана, но они отказались выставить свои кандидатуры ввиду отсутствия «гарантий безопасности и свободы действий тех кандидатов, которые не поддерживают правительство».

По официальным данным, оглашенным 18 апреля министром внутренних дел Натег-Нури, в выборах приняло участие от 60 до 70% избирателей. Но результаты голосования были объявлены тогда только по 82 избирательным округам; в 75 остальных округах был проведен второй раунд выборов ввиду жалоб, поступивших со стороны кандидатов в Совет по наблюдению за осуществлением конституции, в функции которого, помимо прочего, входило утверждение результатов голосования.

Открытие сессии парламента, в составе которого число депутатов с университетским образованием значительно увеличилось по сравнению с предыдущим созывом, состоялось 28 мая 1984 г. 17 июня председателем парламента был вновь избран ходжат-оль-эслам Хашеми-Рафсанджани.

Избрание парламента стало новым этапом в борьбе между различными группировками правящего лагеря.

В июле 1984 г. премьер-министр Мусави-Хаменеи, стремясь обеспечить бо́льшую свободу действий правительству, которому прежде часто приходилось конфликтовать с парламентом, поставил в меджлисе вопрос о доверии кабинету. Свой шаг он мотивировал необходимостью продемонстрировать, что его правительство пользуется поддержкой вновь избранного меджлиса.

Накануне дебатов по вопросу о вотуме доверия кабинету в Тегеране состоялась целая серия выступлений членов «партии Аллаха». В ходе организованных ими шествий на центральных улицах Тегерана выдвигались требования более строгого соблюдения норм шариата, особенно тех из них, которые касаются обязательного ношения женщинами исламской одежды. А группы праздношатающихся хезболлахов избивали женщин, которые, по их мнению, были одеты не так, как следовало, или просто не полностью прятали волосы под покрывалами.

Трудно установить, какие именно группировки в правящем лагере имели отношение к этим выступлениям, бывшим, по существу, политическими маневрами, предпринятыми перед началом дебатов в меджлисе. Дело в том, что накануне парламентских выборов власти с целью продемонстрировать стабильность режима пошли на смягчение ряда ограничений в области культурной жизни. По радио начали транслироваться симфонии Бетховена, а отупляюще знакомая теледиета пропагандистских и религиозных передач временами стала оживляться пьесами из жизни героев доисламской истории Ирана. Были ослаблены преследования женщин, недостаточно закутанных в чадру, как и хозяйничанье на улице бородатых хезболлахов. В результате некоторые осмелевшие женщины начали безнаказанно щеголять в чулках телесного цвета и пользоваться косметикой.

25 июля правительственные круги организовали митинг, на

который, однако, собралось небольшое по обычным меркам число людей. На митинге выступил один из членов Совета по наблюдению за осуществлением конституции, занимавший сравнительно умеренные позиции в отношении соблюдения норм шариата, касающихся стиля одежды. Он осудил шествия и эксцессы хезболлахов как не санкционированные соответствующими органами власти. Участники митинга приняли резолюцию, в которой решительно осудили любые попытки ослабить позиции правительства, в том числе путем незаконной узурпации его прерогатив и функций, в частности, в вопросах наблюдения за стилем одежды.

Осудив, таким образом, проявления насилия, правительственные круги вместе с тем решили показать, что по-прежнему поддерживают процесс исламизации: спустя несколько дней они организовали по всей стране мирные демонстрации осуждения «нескромно одетых женщин». Предвыборные веяния либерализации сменились новой кампанией ужесточения контроля за соблюдением исламских норм.

12 августа меджлис подавляющим большинством голосов выразил доверие главе правительства Мусави-Хаменеи. Здесь сказались, по-видимому, результаты речи Хомейни от 9 августа, в которой он призвал депутатов меджлиса к «умеренности» и подчеркнул необходимость единства всех политических сил страны [44].

Но 14 августа меджлис после двухдневных дебатов неожиданно выразил недоверие пяти министрам (обороны, промышленности, культуры и высшего образования, просвещения, здравоохранения), сместив таким образом почти четвертую часть кабинета. Характерно, что четверо из этих пяти министров занимали свои посты с момента сформирования кабинета Мусави-Хаменеи. Тем самым был вызван правительственный мини-кризис, казалось бы, нежелательный для высшего руководства страны. Так, председатель парламента Хашеми-Рафсанджани за несколько минут до начала голосования призвал своих коллег оставить всех членов правительства на их постах. «Реорганизация кабинета министров,— сказал он,— ослабит страну на критически важном этапе войны с Ираком» [45].

Однако на деле все это было лавированием, скрывающим подспудные политические интриги. Показательно, что в ходе дебатов, предшествовавших голосованию, подвергались критике лишь некоторые аспекты руководства большинства смещенных министров, но практически не ставилась под сомнение сама политика министерств. Немалое значение имело и то обстоятельство, что почти все смещенные министры так или иначе поддерживали в прошлом связи с обществом Ходжатие [46].

Последующее развитие правительственного мини-кризиса удивило тех наблюдателей, которые поначалу расценили акцию меджлиса как удар по позициям премьер-министра Мусави-Хаменеи. С самого начала настораживало то обстоятельство, что

одновременно с увольнением пяти министров парламент выразил доверие предложенным премьером двум кандидатам на вакантные министерские посты и одному — на создаваемый пост «министра информации» (т. е. разведки). В задачу последнего (им был назначен бывший прокурор иранских «военных революционных судов», известный сторонник жесткого исламского курса, ходжат-оль-эслам Мохаммади Рейшахри) входила централизация всей разведывательной службы Ирана как внутри страны, так и за рубежом. Создание такого министерства мотивировалось тем, что сбор разведывательной информации был до тех пор одной из слабых сторон аппарата Исламской Республики [47].

Другим фактом, свидетельствовавшим, что акция меджлиса оказалась на руку премьер-министру, было то, что уже спустя несколько дней после решения парламента Мусави-Хаменеи назначил на освободившиеся пять министерских постов своих ближайших политических союзников — в качестве временно исполняющих обязанности министров. И хотя в последующем, накануне представления на одобрение меджлиса новых кандидатур, некоторые из произведенных ранее назначений были изменены, среди наблюдателей тем не менее еще больше укоренилось представление, что постановка премьером вопроса о вотуме доверия была направлена на то, чтобы избавиться от своих политических противников.

В целом перестановки в кабинете министров были расценены как завершающий этап консолидации сил сторонников Хомейни. Среди западных дипломатов и наблюдателей в Тегеране тогда возникло предположение, что три ведущих государственных деятеля — Хашеми-Рафсанджани, Хосейни-Хаменеи и Мусави-Хаменеи — достигли между собой согласия по разделяющим их вопросам борьбы за власть и установили в стране правление по типу триумвирата [48].

В те же августовские дни 1984 г. была проведена вторая сессия Совета экспертов (которая вызвала очередную волну слухов о серьезном заболевании имама) [49]. Но выборы преемника Хомейни и на этот раз не состоялись. По сообщениям же западной печати, в завещании имама его преемником назывался аятолла Монтазери [50]. Хашеми-Рафсанджани вновь публично заявил, что Монтазери «обладает качествами, необходимыми для того, чтобы стать следующим религиозным вождем Ирана». Между тем многие наблюдатели полагали, что наиболее влиятельным духовным лицом после Хомейни является сам Хашеми-Рафсанджани, хотя, будучи только ходжат-оль-эсламом, т. е. религиозным деятелем среднего ранга, он имел мало шансов быть назначенным «верховным вождем» [51]. Основанием для такого вывода являлось то, что с тех пор именно Хашеми-Рафсанджани стал выступать в качестве основного проводника новой линии имама на «умеренность» и «сдержанность».

Выступая 1 сентября 1984 г. перед членами Совета по наб-

людению за осуществлением конституции, Хомейни выразил недовольство существующей среди духовенства тенденцией вмешиваться в решение политических и административных вопросов страны в ущерб их религиозным обязанностям. Призвав духовенство предоставить более широкий простор действий премьер-министру и другим государственным деятелям, Хомейни весьма откровенно объяснил свое отношение к этому вопросу: необходимо позаботиться о том, чтобы в один прекрасный день народ не стал критиковать духовных лиц как «никчемных людей», которые совершают те или иные поступки вразрез с тем, что они проповедовали. Нельзя игнорировать обвинения в религиозной диктатуре, добавил имам.

7 сентября 1984 г. в ходе пятничной молитвы на территории Тегеранского университета, где руководители Исламской Республики обычно говорили об основных направлениях политики страны, Хашеми-Рафсанджани пошел еще дальше, позволив себе выступить с необычайно откровенными критическими замечаниями в адрес хезболлахов, обычно в полном составе являвшихся на подобные сборища, и других активных поборников ислама. Опираясь на ствол винтовки, Хашеми-Рафсанджани сказал, что стать хезболлахом вовсе не равносильно тому, чтобы позволить себе быть неопрятным, носить грязную, мятую одежду, нечищеную обувь и отращивать косматую бороду. Он напомнил о постоянно соблюдавшейся пророком Мохаммедом чистоте и опрятности. Отметив, что Хомейни действительно рекомендовал правоверным мусульманам не бриться, он обратил тем самым внимание тысяч своих слушателей на то, что сам гладко выбрит и носит лишь небольшие аккуратные усики. Председатель меджлиса поразил собравшихся своим призывом прекратить развешивание в комнатах и на каждом окне общественных зданий портретов имама. Лейтмотивом всей его речи была следующая мысль: «Нашему обществу необходимо проявлять несколько бóльшую сдержанность».

В последующем с аналогичными высказываниями выступали и другие высокопоставленные деятели Исламской Республики. Так, 23 апреля 1985 г. президент Хосейни-Хаменеи, еще четырьмя днями ранее благословивший на пятничной молитве проходившие тогда в Тегеране ежедневные демонстрации членов «партии Аллаха», после встречи с Хомейни сделал заявление о необходимости их немедленного прекращения. Демонстранты, подстрекаемые, очевидно, оппозиционными имаму кругами, в течение десяти дней устраивали беспорядки на улицах, преследуя женщин, одетых в неисламскую одежду, запугивая тех молодых людей, чьи волосы казались им слишком длинными, и буквально вытаскивая людей из кафе. Президент призвал хезболлахов уделять главное внимание борьбе не с «аморальным поведением» сограждан, а с оппозиционными режиму организациями.

Выступления Хомейни, Хашеми-Рафсанджани и других деятелей, по существу, были первыми за многие годы критически-

ми высказываниями крупнейших представителей стоящих у власти религиозных кругов, более свойственными деятелям открытой или скрытой оппозиции. В какой-то мере они играли на руку затаившимся членам общества Ходжатие. Но по своей сути подобные высказывания означали возврат к позициям, которые имам занимал еще до свержения монархии и в первые месяцы пребывания у власти правительства Базаргана. Собственно говоря, Хомейни и в последующие годы в своих выступлениях старался придерживаться мысли о том, что духовенство не должно слишком открыто вмешиваться в государственные дела, и только опасность полного отстранения религиозных деятелей от власти, возникшая в результате союза президента Банисадра и моджахединов, заставила его отойти от этой идеи. Теперь же такая опасность была устранена. А наметившийся возврат Хомейни к прежним позициям шел в унисон с критическими выступлениями возглавляемого Базарганом Движения за свободу Ирана — единственной в стране легальной оппозиционной группировки.

Показательно, что как раз в это время, в сентябре 1984 г., Базарган опубликовал политический обзор «Иранская революция в двух движениях», в котором утверждал, что все беды Ирана проистекают от прискорбной склонности религиозных деятелей монополизировать власть. Он пошел еще дальше, заявив, что всю ответственность за такое положение несет имам Хомейни, выкроивший по своей мерке режим, который не является «ни демократическим, ни фашистским», а представляет собой разнородный ансамбль, сохраняющийся только благодаря ему, Хомейни. Многие обратили внимание на то, что в заголовке обзора, выпущенного двумя изданиями общим тиражом до 100 тыс. экземпляров и продававшегося во всех книжных магазинах Тегерана, революция не была названа «исламской» [52].

Публикация Базаргана вызвала ярость радикально настроенных сторонников исламизации, в частности генерального прокурора Тегерана Асадоллы Ладжеварди. Близкие к нему «стражи исламской революции» подожгли дом сына Базаргана. А 11 февраля 1985 г., во время празднования шестой годовщины свержения шахского режима, около трехсот погромщиков ворвались в штаб-квартиру Движения за свободу Ирана и сорвали проходившее там собрание, на котором бывший премьер должен был выступить с докладом о революции. По просьбе Базаргана в дело вмешался аятолла Монтазери, не колеблясь потребовавший положить конец преследованиям группы «либералов», которая, как он сказал, так же законна, как и другие исламские группировки [53]. Силы охраны порядка были вынуждены увести Базаргана от бесчинствующей толпы, успевшей к тому времени избить нескольких его близких сотрудников.

Новые веяния в политической жизни страны проявились и в затеянной аятоллой Монтазери пробе сил в борьбе с Ладжеварди, который почти пять лет был душой и главным вдохновителем репрессий. Будучи начальником тюрьмы Эвин, Ладжевар-

ди превратил ее в некое государство в государстве и систематически выступал против попыток Высшего юридического совета (в составе пяти религиозных деятелей) нормализовать судебные процедуры, приведя их, согласно конституции, в соответствие с нормами ислама. В качестве генерального прокурора Тегерана Ладжеварди особенно враждебно относился ко всем случаям освобождения политических заключенных. Этот, как его называли многие иранцы, «тегеранский мясник» был нейтрализован в два приема: в октябре 1984 г. он был снят с поста начальника тюрьмы Эвин, а в феврале 1985 г. — отстранен от обязанностей генерального прокурора Тегерана [54].

Однако победа, одержанная аятоллой Монтазери, была непрочной и неполной. Ладжеварди, хотя и ослабленный, остался в судебной иерархии и сохранил мощную поддержку экстремистски настроенного крыла «стражей исламской революции». Хотя с тех пор ни один смертный приговор не мог быть приведен в исполнение без согласия Высшего юридического совета, многие прокуратуры и «исламские революционные трибуналы» ускользали от контроля центральной судебной власти и самовольно продолжали свою репрессивную деятельность. Вообще процесс насаждения новых институтов исламской юстиции проходил крайне болезненно ввиду двойственной позиции Хомейни, в частности отклонившего предложение Монтазери о крупной амнистии политических заключенных, хотя речь шла в основном о женщинах и детях. Сменившие Ладжеварди на двух его постах религиозные деятели продолжали ту же политику массовых казней, число которых если и уменьшилось, то только в связи со значительным ослаблением организованной оппозиции [55].

Что касается вопросов социально-экономической политики, то в данном случае Хомейни решительно и, главное, открыто продолжал избранный ранее курс. 26 августа 1984 г., после того как Совет по наблюдению за осуществлением конституции в очередной раз отклонил парламентский закон о национализации внешней торговли, он выступил с заявлением, которое окончательно решило продолжавшийся более трех лет спор из-за того, кому должна принадлежать сфера внешней торговли страны — государству или частным торговцам — в пользу последних. Отметив их роль в свержении шахского режима, имам сказал членам кабинета: «Вы должны служить угнетенным, которые служат вам... Сделаем базар нашим партнером. Делами, которыми не в состоянии заниматься базар, должно заниматься правительство. Не мешайте базару заниматься теми делами, которыми он может. У народа не следует отбирать свободу» [56].

Это заявление западные дипломаты в иранской столице, согласно сообщению агентства Рейтер от 29 августа, расценили как «выступление против дальнейшего установления государственной монополии, за свободное предпринимательство», как «важное событие, которое, вероятно, определит будущий курс исламской революции в Иране». Хотя обсуждение вопроса могло

в будущем возобновиться, заявление Хомейни, по мнению дипломатов, должно было стать «мощным оружием в руках противников государственной монополии». Обратив внимание на то, что оно «идет вразрез с разделом конституции, поощряющим национализацию внешней торговли», они отметили, что «конституция была разработана вскоре после революции, когда левые все еще играли важную роль в иранской политической жизни, в которой ныне господствует духовенство».

Спустя несколько дней, 1 сентября 1984 г., выступая перед членами Совета по наблюдению за осуществлением конституции, Хомейни высказался против политики наказаний «за прежние грехи» — во времена прежнего режима, в том числе по обвинению в «спекуляции или обмане». Подобные наказания, сказал он, противоречат исламу и божьей воле. Таким образом, мошенники и нувориши шахского периода получили прощение именем Аллаха.

19 сентября 1984 г., выступая на совместном заседании кабинета министров и Высшего юридического совета, председатель Верховного суда аятолла Мусави-Ардебили высказался относительно выполнения статьи 49 конституции, которая предусматривала, что состояние, приобретенное кем-либо путем ростовщичества, насильственного захвата, взяточничества, хищения, кражи, азартных игр, злоупотреблений вакфным имуществом, продажи необработанных земель и имущества, не принадлежащего частным лицам, открытия «злачных мест» и другими незаконными путями, государство обязано отбирать и возвращать законным владельцам, а при неустановленности таковых — национализировать. Председатель Верховного суда признал, что Высший юридический совет пока не принял окончательного решения по вопросу выполнения этой статьи.

Таким образом, те положения конституции, которые касались владельцев собственности, в течение пяти лет со времени ее принятия так и не получили однозначной интерпретации для их практического претворения в жизнь. В то же время исламские власти, в том числе и сам Хомейни, сразу после оглашения «программы либерализации из восьми пунктов» открыто и прямо говорили о начале периода «стабильности и безопасности», сменившего период «революционной ситуации», о необходимости положить конец «произвольным арестам и незаконным конфискациям», строго соблюдать «священный принцип» частной собственности. Многие из национализированных ранее промышленных и других предприятий, а также земельных владений были возвращены их прежним владельцам [57]. Если после свержения шахского режима имам не раз пренебрежительно говорил, что «экономика важна для слов» и вообще «является предметом, годным лишь для животных» [58], то теперь он постоянно повторял, что без поддержки торговцев над Исламской Республикой «нависла бы угроза краха» [59]. Несмотря на финансовые трудности, правящие круги не скупились на предоставление га-

рантированных правительством банковских займов для содействия процессу развития промышленности в частном секторе, и тот развил бурную деятельность на фоне дремлющего или замирающего государственного сектора.

Целям поощрения частных капиталовложений служил и принятый меджлисом закон о трудовых отношениях[60]. Закон разрешал детский труд, если контракт подписан родителями или опекуном ребенка; он фактически лишал трудящихся прав на забастовки, создание независимых профсоюзов, страхование от несчастных случаев на производстве, получение пенсии, гарантированного отдыха, сохранял неравенство женщин с мужчинами, не предусматривал право на пособие по беременности и т. д. С помощью содержащейся на предприятиях вооруженной охраны беспощадно подавлялся даже малейший протест по профессиональным, политическим и идеологическим мотивам.

Весной 1985 г. в правительственных кругах возник план продажи рабочим акций государственных промышленных предприятий. Проводимое до революции шахским режимом такое же мероприятие, как известно, имело ограниченный характер и практически ничего не дало рабочему классу. Иностранные наблюдатели расценили новый план исламских властей не только как меру, осуществление которой поможет правительству поглотить избыточную ликвидность и восполнить налоговые поступления, сократившиеся вследствие снижения цен на нефть, но и как еще один шаг в направлении поощрения частного предпринимательства и уменьшения государственного контроля над экономикой, как очередной признак начавшегося ранее поворота вспять процесса национализации экономики.

Естественно поэтому, что рабочие весьма настороженно и даже критически отнеслись к плану властей. На совещании представителей рабочих высказывались опасения, что инвеститоры из зажиточных слоев захватят подавляющее большинство акций и вернут страну к капитализму дореволюционного типа. Даже представитель Центрального совета союза рабочих, официального профцентра страны, Х. Камали, возглавляющий комитет по труду в парламенте, заявил, что, «прежде чем поглощать ликвидность частного сектора путем распродажи акций, необходимо рассмотреть вопрос о законности его капитала». Вполне обоснованно опасаясь, что отсутствие средств не даст им возможность приобрести акции предприятий, рабочие предлагали, чтобы государственная организация социального обеспечения скупала акции от их имени или предоставляла им соответствующие кредиты, которые могли бы выплачиваться за счет сверхурочных.

Крестьяне к тому времени все еще пребывали в ожидании перераспределения помещичьих земель. Парламент, неоднократно заявлявший, что разрабатывает новые предложения по аграрной реформе, 19 мая 1985 г. наконец утвердил законопроект, касавшийся, однако, лишь урегулирования споров относи-

тельно крупных земельных имений, подвергшихся разделу после февраля 1979 г. Принятый закон предоставил крестьянам права на захваченные ими земли, но разрешил крупным землевладельцам, избежавшим в свое время перераспределения земель, сохранить за собой свои владения. По сообщению должностных лиц, в результате принятия этого закона должны были выиграть примерно 600 тыс. крестьян, захвативших около 630 тыс. га земли, ранее принадлежавших 5,3 тыс. землевладельцам, большинство которых бежало из страны. Ранее крестьяне не имели юридических прав на эти земли, и неуверенность в праве на них способствовала миграции в города, в результате чего население Тегерана увеличилось почти вдвое, а многих других городов — в 6—10 раз [61].

Основная забота имама, как и прежде, сводилась к сохранению единства и согласия в высших эшелонах исламской власти, с одной стороны, и предотвращению конфликтов между правящими кругами и народом — с другой. «Верхи» он постоянно призывал «не опускаться до групповщины и личного соперничества», ценить «божью благодать, снизошедшую на страну», а «низы» — «полностью поддерживать правительство», протягивать ему «руку дружбы и помощи». Согласие между народом и правительством, говорил Хомейни, не может быть нарушено ничем, даже несмотря на то, что у них непременно должны быть «братские претензии друг к другу». Когда же поднимался вопрос об уровне жизни народа, имам просто отметал разговоры на эту тему. Так, выступая 6 мая 1985 г. в своем доме на собрании духовенства по случаю религиозного праздника, Хомейни сказал: «Группа мулл заявляет, что при прежнем режиме жизнь была лучше. Это меньшинство, к которому народ не должен прислушиваться. Подавляющее большинство духовенства верно Исламской Республике».

К этому времени имаму путем сложного маневрирования, общим результатом которого был практически полный отказ от провозглашенных ранее прогрессивных социально-экономических преобразований, удалось более или менее сплотить различные религиозные группировки, приглушить разногласия между ними и укрепить основную структуру государства, обеспечив его дальнейшее существование. Итальянский журнал «Панорама» 31 марта 1985 г. писал: «Старый аятолла — ловкий посредник и не упускает случая удовлетворить требования консерваторов, учитывая в то же время и требования прогрессистов». «Хомейни служит и нашим, и вашим,— говорит один западный дипломат,— потому что добивается „нормализации“ страны и уменьшения напряженности, чтобы приход к власти его преемника произошел без всяких потрясений» [62].

Твердо направив экономический корабль страны по пути капиталистического развития, стоящие у штурвала религиозные круги одновременно пытались придать исламскому политическому режиму внешнюю респектабельность, с тем чтобы обеспе-

чить его жизнеспособность в современном мире. Ветер «исламской революции» возвращался на круги своя — к временам первых дней правления светского кабинета Базаргана, лучше других прикрывавшего государственную гегемонию духовенства. В этих условиях особое значение приобретал вопрос о взаимоотношениях исламских властей и бывшего премьера, благо последний волей судьбы (а точнее, имама) при всех зигзагах режима не лишался права не только жить, но и говорить.

Тактика «кнута и пряника», проводившаяся властями в отношении Базаргана и возглавляемой им группировки, медленно, но верно вела к желаемым результатам. В брошюре, выпущенной бывшим премьером к 6-й годовщине свержения шахского режима, говорилось о «перерождении революции», не давшей народу «свободу и процветание, безопасность и справедливость», осуждалась «тирания духовенства», которая «стала настолько невыносимой, что нелегко было требовать возвращения на путь, обещанный народу», резко критиковался недавно избранный парламент, при наличии которого «все важнейшие политические вопросы — войны и мира, внешней политики — решает горстка людей, не считаясь с мнением народа», и предвещалась возможность «опасного взрыва», вызванного «коррупцией и злоупотреблениями». Вместе с тем в брошюре утверждалось, что Движение за свободу Ирана поддерживает Исламскую Республику и добивается лишь исправления ошибок режима, причем не «насильственными и кровопролитными методами», а с помощью «легальных и мирных средств». Еще более симптоматичной была следующая мысль: «Руководствуются ли они эгоистическими соображениями или проявляют добрую волю, но в правящих кругах наблюдается стремление вернуться к законности и порядку».

В свою очередь, исламские власти с весны 1985 г. стали, как ни странно, делать еще более благосклонные, чем прежде, жесты в сторону Базаргана и возглавляемой им организации. Даже его требование найти «справедливое и почетное решение» в деле войны с Ираком вызвало в ответ лишь безличное обвинение в «пораженческих настроениях», хотя почти все последователи имама основывали свою сплоченность на пресвятом принципе единства перед лицом «иракского врага». В апреле Хомейни, Хашеми-Рафсанджани и Хосейни-Хаменеи неоднократно осуждали сторонников мирного урегулирования, но фактически ни разу открыто не называли имени бывшего премьера. Между тем все другие противники войны, в том числе члены общества Ходжатие, расценивавшие ее как причину упадка торговли и экономического застоя, воздерживались от каких-либо публичных заявлений. Оппозиционная деятельность Движения за свободу Ирана заражала и верхи близких к имаму кумских религиозных деятелей: в письме к Хомейни они констатировали, что из-за экономических трудностей и тупика в войне «режим не пользуется больше прежним авторитетом среди населения» и

что в ближайшее время положение может оказаться «неконтролируемым»; в конце письма говорилось: «Надо будет просить Аллаха, чтобы он предохранил нас от взрывов, которые могут тогда произойти» [63].

В середине мая 1985 г. министр внутренних дел ходжат-оль-эслам Натег-Нури заявил на пресс-конференции, что Движение за свободу Ирана, деятельность которого еще в феврале была запрещена распоряжением генерального прокурора Тегерана, может снова открыть свою канцелярию. Более того, он официально пригласил эту единственную в стране легальную светскую оппозиционную группировку, весьма близкую к исламскому сералю, принять участие в предстоящих вскоре президентских выборах. Подчеркнув, что «выборы будут свободными» и что «все смогут участвовать в них», Натег-Нури, как бы стремясь предупредить негативную реакцию Движения за свободу Ирана, выступил с «предсказанием», что оно, очевидно, откажется принять это приглашение под предлогом отсутствия свободы.

Базарган, однако, принял приглашение, очевидно полагая, что оно исходит из самых высших государственных сфер, а быть может, и от самого имама. Однако «религиозный истеблишмент» не счел возможным поступиться даже той призрачной долей власти, которой, согласно конституции, обладал президент Исламской Республики Иран. Из 50 кандидатур, пожелавших принять участие в баллотировке на пост президента, Совет по наблюдению за осуществлением конституции оставил только три: ходжат-оль-эслама Али Хосейни-Хаменеи, Хабиболлы Асгароулади-Мосальмана и Махмуда Кашани (сына широко известного в 50-х годах аятоллы). Кандидатура Базаргана была отведена без всяких объяснений.

В ответ на это 8 августа 38 деятелей Движения за свободу Ирана выступили с коммюнике, в котором заявили, что не примут участия в выборах, поскольку не одобряют «политику монополии кандидатур членов правящей партии». Это решение, отмечалось далее, принято с пониманием «его возможных последствий и даже опасности для жизни». Вместе с тем соратники бывшего премьера осудили «деспотизм, эгоизм, насилие, царящие в социальных и политических отношениях, отсутствие политической, социальной, юридической и экономической безопасности, безразличное отношение ответственных деятелей к конституции и законам, катастрофу, порождаемую навязанной войной на изнурение, усиление зависимости страны от заграницы». Подписи самого Базаргана под коммюнике не было.

Хомейни, как и в других подобных случаях, занял позицию невмешательства. Воздержавшись от высказываний по поводу отобранных кандидатур, он ограничился заявлением о том, что от выборов зависит «престиж ислама» и что народное участие в голосовании станет свидетельством поддержки политики, проводившейся в последние годы.

По официальным данным, в выборах приняли участие 14,2 млн. человек (60% из более чем 23 млн. имеющих право голоса); 85% поданных голосов (т. е. 12 млн.) получил ходжат-оль-эслам Хосейни-Хаменеи — первый из трех президентов Исламской Республики Иран, который не только удержался на своем посту в течение всего срока, но и был избран вторично. Однако, согласно неофициальным данным, приведенным в начале сентября газетой «Матэн» со ссылкой на «очень информированные источники министерства внутренних дел» Ирана, к урнам для голосования пришли не 60% избирателей, а 35%, и получил Хосейни-Хаменеи не 12 млн. голосов, а всего 4 млн.[64]. Моджахедины и другие представители оппозиции также утверждали, что более двух третей иранских избирателей бойкотировали «фарс с выборами», результаты которых были фальсифицированы. Показательно, что еще за полтора месяца до выборов Хашеми-Рафсанджани заявил, что более 90% избирателей «намерены» отдать свои голоса за ходжат-оль-ислама Хосейни-Хаменеи.

Переизбрание Хосейни-Хаменеи президентом на второй четырехлетний срок, обеспечив преемственность власти, в то же время способствовало новому обострению политической борьбы среди правящих кругов — между сторонниками «курса имама», использующими радикально-популистские лозунги с целью сохранить поддержку «обездоленных», и традиционалистами-консерваторами, ратующими за дальнейшее расширение свободы частного предпринимательства. Поддерживаемые торговцами базара, не приемлющими «экономический дирижизм» премьер-министра Мусави-Хаменеи, традиционалисты требовали смены главы правительства. Неофициальные опросы депутатов меджлиса показали, что премьер не сможет получить большинство голосов при постановке в парламенте вопроса о продлении срока его полномочий.

В этих условиях сторонники «курса имама» вскоре после президентских выборов начали активное наступление на своих противников. 15 сентября «Джомхурийе эслами» подвергла нападкам «хищников, выбравшихся из своих укрытий» с целью вернуть себе «имущество, отданное революцией народу», и «свои прежние ответственные посты». В свою очередь, консервативно настроенное духовенство, основавшее новую ежедневную газету «Ресалат», выступило с требованием поддерживать частное предпринимательство против «революционных актов, выражающихся в национализации заводов и конфискации земель». Сторонники «курса имама» в ответ на это провели ряд шумных пропагандистских кампаний, в ходе которых отдельным группам «обездоленных» были предоставлены крохотные участки земли в пригородах Тегерана и других городов для строительства жилья. В результате представители консервативно настроенного духовенства были поставлены в то же положение козла отпущения, в котором еще недавно находилось общество Ход-

жатие, тогда как их противники приобрели для себя возможность давать, чтобы отбирать, и отбирать, чтобы давать.

В такой обстановке особую остроту приобрел вопрос о назначении премьера. Президент Хосейни-Хаменеи, как сообщали тегеранские газеты, до приведения к присяге 10 октября 1985 г. проявлял колебания в выборе нового главы правительства. Однако в поддержку Мусави-Хаменеи высказался сам имам. В выступлениях 29 сентября и 16 октября он прямо заявил о нецелесообразности «менять премьер-министра в то время, когда страна ведет войну», и потребовал положить конец политическим дискуссиям и распрям, с тем чтобы «мобилизация» народа ради служения Исламской Республике не ослабевала. После этого 135 депутатов меджлиса опубликовали письмо с выражением поддержки Мусави-Хаменеи. 73 депутата, которые пренебрегли советами Хомейни и отказались 13 октября проголосовать за резолюцию доверия премьеру, получили публичное порицание.

Но имам Хомейни, постоянно заявлявший, что богатеи, грабившие всю жизнь мусульманскую общину, не могут претендовать на законное владение своим имуществом, не оставил тем не менее в обиде и сторонников расширения свободы частного предпринимательства. Выступив в начале ноября перед членами нового кабинета, в состав которого Мусави-Хаменеи ввел ряд видных деятелей «партии Аллаха», имам счел необходимым совершенно недвусмысленно указать им, что его поддержка отнюдь не означает предоставления карт-бланша. «Не пытайтесь все обобществлять»,— прямо заявил он, напомнив, что «закон устанавливает рамки в области национализации». Одновременно имам попытался успокоить торговцев, о которых прямо упомянул в своем призыве к национальному единству: «Без сотрудничества торговцев, рабочих, земледельцев и других слоев общества дела у нас не пойдут».

Восстановленное имамом политическое равновесие его сторонники использовали для нанесения нового удара по своим противникам. В ходе очередной сессии Совета экспертов, открывшейся 9 ноября 1985 г., в качестве преемника Хомейни в случае его кончины был избран, как и предполагалось, аятолла Монтазери [65]. Однако решение Совета не было оглашено ввиду нежелания имама, чтобы вопрос о его преемнике обсуждался публично,— тем более что, согласно конституции, принятие такого решения предусматривалось в случае смерти «факиха». Но в конце ноября противники «курса имама», предприняв попытку контрнаступления, способствовали «утечке информации». Председатель меджлиса Хашеми-Рафсанджани был вынужден подтвердить факт назначения Монтазери, одновременно заявив, что состояние здоровья Хомейни «прекрасное» и «он по-прежнему остается руководителем революции». Отметив, что решение Совета экспертов не следовало обнародовать, «во всяком случае в настоящее время», председатель меджлиса объяснил

эту акцию Совета стремлением «избежать периода безвластия в случае, если бы с имамом что-нибудь случилось». Другие официальные деятели высказались еще более откровенно, указав на желание предотвратить перерастание политических распрей в открытые вооруженные столкновения [66].

К концу 1985 г. в «верхах» Исламской Республики установилось относительное затишье. Обращенные к «обездоленным» призывы сторонников «курса имама» — «брать себе все, что принадлежит им перед лицом всевышнего»,— не вышли за рамки деклараций в газетах и кулуарах правительственных ведомств. В кабинетах же этих ведомств коммерсантов и предпринимателей обхаживали так же, как и в последние три года. Практически ничего не изменилось и в облике исламского политического режима.

События тех дней отчетливо показали пределы и возможности провозглашенной имамом в конце 1982 г. политики «либерализации». Как отмечала уже в июне 1983 г. французская «Монд», «от рекомендаций имама выиграли только торговцы базара, которые добились облегчения некоторых мер, тормозивших их дела, бывшие сотрудники САВАК, которых пригласили на службу Исламской Республике, и горстка промышленников старого режима, которым вернули их предприятия, конфискованные в первые месяцы революции» [67]. Спустя два дня та же газета отметила еще один результат политики «либерализации»: «Параллельно с усилением репрессий режим завершил создание государственных институтов и укрепление революционных организаций, которые действуют теперь вполне гармонично» [68].

Действительно, духовенство установило твердый контроль над бюрократическим аппаратом и «революционными организациями». Некогда самостоятельно осуществлявшие власть на местах наряду с правительством, эти организации постепенно влились в правительственные институты. Однако, несмотря на усиление центральной власти, они все же сохраняли определенную долю самостоятельности. Иранский историк Шаул Бакаш объяснял это в феврале 1985 г. на страницах лондонской «Таймс» общим характером исламской политической системы:

«Эта система,— писал он,— по-прежнему представляет собой сшитое из цветных лоскутков одеяло, где друг на друга накладываются полномочия различных органов и соперничающих центров власти.

Каждый из полдюжины видных духовных деятелей из окружения аятоллы Хомейни стремится укрепить основу личной власти, назначая своих ставленников на влиятельные посты. В провинциях представители революционных организаций, центрального правительства и правящей Исламской республиканской партии создали целые династии духовенства, а новичкам там приходится бороться за сферы влияния.

Самые грубые перегибы, допущенные в период революции, были отчасти преодолены... Но репрессивный аппарат по-преж-

нему существует: иранцы живут в постоянном страхе, что вот-вот раздастся зловещий стук в дверь...»[69].

Общие границы политики «либерализации» обрисовала «Монд» еще в июне 1983 г.: «Поле маневра, которым духовенство обладает, чтобы провести либерализацию режима, остается весьма ограниченным — как ни стремятся иранские руководители продемонстрировать внешнему миру „ислам в гуманном облике"... они остаются пленниками репрессивного аппарата, который сами же создали для укрепления своей власти и который с годами превратился в подлинное государство в исламском государстве...

Исламский режим оказался в тупике. С одной стороны, он вроде бы стремится к „нормализации" революции. С другой стороны, он опасается, что при этом окажутся спущенными с цепи неконтролируемые силы, которые разрушат Исламскую Республику, подобно тому как объявленные в 1978 г. шахом меры по либерализации привели монархию к краху»[70].

Отмеченная двойственность внутренней политики исламского сераля была обусловлена противоречием между стихийным стремлением большинства народа к национально-демократическому развитию, способному открыть путь к социальному освобождению трудящихся и обездоленных масс, и заинтересованностью правящего духовенства в увековечении условий своего существования, возможном не иначе как на базе утверждения тоталитарно-репрессивных методов правления. Исходя прежде всего из собственных интересов, пришедшие к власти религиозные круги сделали все, что могли, для достижения своей цели.

Особенно ярко своекорыстная политика духовенства проявилась в отношении такой ведущей социально-классовой силы общества, как пролетариат. Пытаясь полностью подчинить себе рабочее движение, практически не прекращавшееся в течение всего рассматриваемого периода, религиозные круги не останавливались перед применением к нему самых жестоких репрессивных мер, хотя имевшие место стачки и забастовки в целом не выходили за рамки требований экономических и профессиональных прав. По данным моджахединов и других оппозиционных организаций, в первой половине 80-х годов в Иране были тайно казнены тысячи рабочих вожаков и активистов. Тем не менее духовенству не удалось лишить рабочее движение способности стать одной из наиболее важных составных частей антиклерикальной оппозиции.

Большое влияние на развитие внутриполитической обстановки в Иране продолжает оказывать ирано-иракская война, рассматриваемая правящим духовенством в качестве важного элемента сохранения жизнеспособности исламского режима. Отказываясь от мирных переговоров с Ираком, отвергая любые посреднические миссии международных организаций и отдельных правительств, религиозные круги используют «условия военного времени» для «завинчивания гаек» в области внутренней по-

литики и отвлечения внимания широких народных масс от насущных экономических и политических проблем. Вместе с тем растущее с каждым днем недовольство населения продолжением войны становится фактором, способным сплотить на единой — антимилитаристской — платформе разнородные социально-политические силы, противостоящие засилью правящих религиозных кругов.

Таким образом, внутриполитическое развитие послереволюционного Ирана, в котором в конечном итоге полностью утвердилось политическое господство духовенства, ясно выявило коренную социальную природу последнего. Корпоративно-групповые интересы служителей культа, побуждающие их к единству во имя упрочения условий своего существования, оказались сильнее раздирающих их ряды противоречий. Обусловленные многоклассовым происхождением и характером социальных связей духовенства, эти противоречия были приглушены на основе выбора откровенно прокапиталистической политики, которая раньше тщательно маскировалась исламско-популистскими лозунгами, сохранившимися лишь в той мере, в какой это необходимо для продолжения войны с Ираком и предотвращения массовой оппозиции режиму. Потуги же к «либерализации» отвечали главным образом интересам коммерсантов и промышленников.

Круг замкнулся. Мелкобуржуазный радикализм обернулся заурядным буржуазным реформизмом, а набравшая силу теократия открыто обнаружила свое социальное родство с повергнутой светской властью, которую некогда использовала для прикрытия политической гегемонии духовенства.

[1] Подробно см.: *Агаев С. Л.* Иран: рождение республики. М., 1984; *он же.* Иранская революция, США и международная безопасность. 444 дня в заложниках. М., 1984.

[2] International Herald Tribune. 12.05.1983.

[3] *Buob J., Hoche Ch.* Iran: la revolution en guerre.— L'Express. 22.01.1982, c. 58.

[4] Christian Science Monitor. 11.01.1982.

[5] Times of India. 06.05.1983.

[6] Time. 12.03.1984, c. 25.

[7] Monde. 13.02.1985; 17.05.1985.

[8] Christian Science Monitor. 12.11.1981; 18.11.1981.

[9] International Herald Tribune. 12.05.1983.

[10] Times of India. 06.05.1983.

[11] Monde. 30.04.1982; Times of India. 06.05.1983.

[12] Christian Science Monitor. 12.11.1981; 19.11.1981; Times of India. 06.05.1983.

[13] Christian Science Monitor. 12.01.1982.

[14] Подробно о социальных связях и политических позициях иранского духовенства см.: *Fisher M.* Iran. From Religious Dispute to Revolution. Cambridge, 1980.

[15] Подробно см.: Собхе азадеган. 25, 26—29 бахмана; 1, 2 эсфанда 1360 г.

[16] Monde. 30.04.1982; *Blanchet P.* Khomeini: la guerre de succession.— Le Nouvel observateur. 11—17.03.1983, c. 39.

[17] Monde. 30.04.1982; International Herald Tribune. 12.05.1983.

[18] New York Times. 13.04.1982.
[19] International Herald Tribune. 12.05.1983.
[20] Christian Science Monitor. 12.11.1981; 19.11.1981; Times of India. 06.05.1983; *Biloslavo F.* Corano et moschetto.— Panorama. 31.03.1985, c. 84.
[21] Financial Times. 10.11.1982.
[22] Зарубежное военное обозрение. 1984, № 11, с. 9—13.
[23] Monde. 21.04.1982.
[24] Кейхан. 17.04.1982.
[25] Monde. 21.04.1982; 30.04.1982; Matin, 21.04.1982.
[26] Эттелаат. 14.06.1982.
[27] Джомхурийе эслами. 16.08.1982.
[28] Times. 20.09.1982.
[29] Там же.
[30] Там же.
[31] Джомхурийе эслами. 15.11.1982.
[32] Times of India. 17.11.1982.
[33] Джомхурийе эслами. 15.12.1982.
[34] People's World. II.1983, c. 3.
[35] *Blanchet P.* Khomeini: la guerre de succession.— Le Nouvel observateur. 11—17.03.1983, c. 39.
[36] Financial Times. 06.05.1983.
[37] *Bashiriyeh H.* The State and Revolution in Iran. L., 1984, c. 117.
[38] Time. 12.03.1984, c. 24.
[39] Джомхурийе эслами. 21.04.1981; Ад-Дустур (Бейрут). 17.10.1981.
[40] Financial Times. 06.05.1983; *Mabou A.* Iran: un regime au bord du vide.— Le Monde diplomatique. 1983, № 352, c. 13.
[41] *Hemmat L.* Who has Khomeini's Ear? — Middle East. 10.1984, c. 24.
[42] Times. 14.02.1985.
[43] Monde. 02.05.1985.
[44] The Islamic World Review. L., 1984, vol. 4, № 38, c. 12.
[45] Christian Science Monitor. 04.09.1984.
[46] Там же.
[47] Там же.
[48] Там же; Washington Post. 04.08.1984; 16.08.1984.
[49] Washington Post. 04.08.1984.
[50] Sunday Times. 12.08.1984.
[51] Monde. 17.05.1985.
[52] Monde. 13.02.1985; 02.05.1985.
[53] Monde. 13.02.1985.
[54] Там же.
[55] Monde. 17.05.1985.
[56] *Hemmat L.* Who has Khomeini's Ear? c. 24.
[57] Financial Times. 06.05.1983.
[58] Times. 06.06.1984.
[59] Time. 12.03.1984, c. 24.
[60] International Herald Tribune. 12.05.1983; Financial Times. 06.05.1983.
[61] Monde. 15.05.1985.
[62] *Biloslavo F.* Corano et moschetto.— Panorama. 31.03.1985, c. 83—84.
[63] Monde. 02.05.1985; 16.05.1985.
[64] Matin. 06.09.1985.
[65] Кейхан. 23.11.1985.
[66] Monde. 03.12.1985.
[67] Monde. 01.06.1983.
[68] Monde. 03.06.1983.
[69] Times. 14.02.1985.
[70] Monde. 03.06.1983.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ НА ВОСТОКЕ

История и современность

Утверждено к печати Институтом международного рабочего движения Академии наук СССР

Редакторы *И. М. Дижур, А. Г. Лиознов, Ю. О. Магидсон*
Младший редактор *Л. В. Исаева*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *Л. Е. Синенко*
Корректоры *Л. Н. Дегтярева и Н. В. Морозова*

ИБ № 15688

Сдано в набор 08.07.86. Подписано к печати 25.11.86. А-05823. Формат 60×90[1]/16. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 24. Усл. кр.-отт. 24. Уч.-изд. л. 27,58. Тираж 1950 экз. Изд. № 6182. Зак. № 742. Цена 3 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Книги Главной редакции восточной литературы издательства «Наука» можно предварительно заказать в магазинах центральной конторы «Академкниги», в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

117192 Москва, Мичуринский пр., 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»
197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой»
480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»)
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13 («Книга — почтой»)
232600 Вильнюс, ул. Университета, 4
690088 Владивосток, Океанский проспект, 140
320093 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»)
734001 Душанбе, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»)
375002 Ереван, ул. Туманяна, 31
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»)
420043 Казань, ул. Достоевского, 53
252030 Киев, ул. Ленина, 42
252030 Киев, ул. Пирогова, 2
252142 Киев, проспект Вернадского, 79
252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»)
277012 Кишинев, проспект Ленина, 148 («Книга — почтой»)
343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»)
660049 Красноярск, проспект Мира, 84
443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»)
191104 Ленинград, Литейный проспект, 57
199164 Ленинград, Таможенный пер., 2
196034 Ленинград, В. О., 9 линия, 16
220012 Минск, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»)
103009 Москва, ул. Горького, 19а
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»)

630076 Новосибирск, Красный проспект, 51
142284 Протвино Московской обл., «Академкнига»
142292 Пущино Московской обл., МР «В», 1
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»)
700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»)
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73
700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43
643050 Томск, наб. реки Ушайки, 18
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»)
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49
720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»)
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»)

3р. 60к.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ НА ВОСТОКЕ